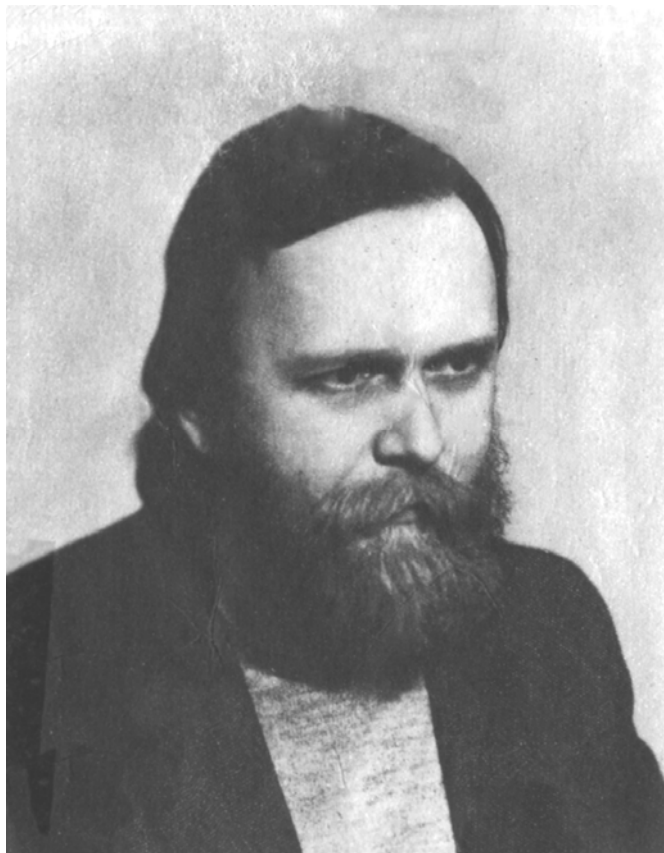

СП

196

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

Дорогие друзья!

От всей души приветствую всех вас, и наших постоянных подписчиков, и тех, кто будет читать ПФ впервые. Счастья вам и исполнения желаний в этом году и во всех последующих!

Юрий Петухов

ISSN 0869-2726

Индекс 70956

фп

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

Литературно-художественный журнал

1 96

rutracker.org
новое имя для torrents.ru

Сканирование и распознавание ЗаНЗибар

14 Jul 11

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юрий Петухов. Меч Вседержителя</i> Фантастический роман.....	3
<i>В. Вотрин. Человек бредущий</i> Фантастическая повесть.....	225

Обложка П. Кузьмина
Иллюстрации А. Филиппова

© Журнал "Приключения, фантастика"
© "Метагалактика"

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Розничная цена свободная.

Учредитель, издатель, главный редактор –
Петухов Юрий Дмитриевич

Рег. номер – 309.

Подписано в печать 10.01.1996 г. Формат 84x108/32.
объем 9 п.л. Бумага тип. 2. Заказ № 1850
Тираж 23500 экз.

Издательство "Метагалактика" ЛР 060423
111123, Москва, а/я 40.

ГМП «Первая Образцовая типография»
Государственного Комитета по печати РФ.
113054, Москва, ул.Валовая, 28.

Индекс 70956

Юрий Петухов

Меч Вседержителя.

Роман.

Юрий Петухов

Меч Вседержителя.

Роман. Книга Пятая романа "Звездная Мечь".

**Напоминаем краткое содержание первых
4-х книг романа-эпопеи "Звездная Мечь".**

XXV век. Главный герой, космодесантник – смертник, проникает в Иную Вселенную, где узнает о готовящемся Вторжении. Чудом вернувшись на Землю, он бьет тревогу ... но безрезультатно. Тайные властители мира лишают его воли и забрасывают в Пристанище, мир созданный в XXXI веке. Однако герой выходит из подчинения и, пройдя через все круги невероятных злоключений, не убивает создателя Пристанища по заданию Синклита, а спасает. Он возвращается назад на Землю, познавшим тайны мира – Земная Федерация перед Вторжением разрушается изнутри правителями – выродками, работающими на иновселенскую Систему. После долгих мучительных сомнений герой со своими верными друзьями совершает переворот в России, а затем свергает преступные режимы на Земле и в Земной Федерации – идет глобальная война, завершающаяся полной победой России. И все же Вторжение начинается... но не из Системы, а из Пристанища – чудовищное Вторжение. Земная цивилизация гибнет. В полном отчаянии герой кончает жизнь самоубийством ...

Но игра не закончена, в нее вмешиваются Силы, которые превыше жизни и смерти – об этом заключительная Пятая книга романа.

Пролог

ОПУСТОШЕНИЕ

Вне миров. Безвремье.

Не было ни Света, ни Мрака. Не было ничего – ни живого, ни мертвого, ни зарождающегося, ни умирающего..., не было звука, и не было тишины, потому что ей негде было быть – не было ни пространства, ни пустоты. Будто вновь все вселенные Мироздания непостижимой силой спрессовались в одну точку, в коей нет ни объемов, ни веса, ни жизни, ни смерти, ни движения, ни покоя – нет ничего! и ее самой уже нет! Все миры погибли разом, в единый миг, и миры светлые, порожденные тем неведомым и созидающим, что зовется Богом, и миры черные, населенные чудовищными тенями, миры ужаса, злобы и невыносимых страданий. Погибло все! И исчезло без следа. Ибо не было нигде даже места для праха погибших, ибо не осталось ни пространства, ни времени. Лютое и безысходное свершилось. Пришел черед сущему. И настал предел пределов, предреченный от зарождения бытия. И некому было зреть и слышать свершившееся. Никого и ничего не осталось. Ничто, пожирающее все, пожрало и самое себя, не оставив даже вакуума, даже пустоты, ведь и пустота нечто сущее, имеющее пределы и свое место в мире... Свершилось горькое

и неминуемое. И перестало быть таковым навсегда – вне миров и времени нет ни горького, ни лютого, ни доброго, ни злого, ни подлого, ни праведного, ни ложного, ни истинного. Там, вне всего и ни в чем, висит только лишь боль – жгучая, острая, безнадежная и неизбывная. Боль нетелесная, самая страшная боль.

***Земля. 18-ый подантарктический
уровень. 7034-я зона умертвления.
2485-й год.***

Шершавое и раскаленное жало иглы вонзилось в горло, вприсунуло дневную дозу и вырвалось наружу, исчезло в затягивающейся дыре блока. Массивный железный ошейник вздрогнул натужно и выпал из клешни створа. Глеб ударился затылком о сырой, замшелый камень, закусил губу остатками выбитых зубов, сморщился.

Пробуждение всегда было тяжким – самым тяжким из всего, что приходилось выносить. Во снах он уходил в иные миры. Даже в самых диких кошмарах он убегал от яви и наслаждался ими. Пробуждение убивало возвращающейся памятью. Опять туда!

Глеб застонал сквозь стиснутые зубы. Рыдать, молить, бесноваться и надеяться было бесполезно. Они все смертники. Одни сдохнут раньше, другие позже... именно сдохнут, иначе и не скажешь. Зудящая кожа ныла тысячами нарывов, будто впились в нее тысячи зародышей, будто уже сосут кровушку! По затылку как ломом ударили. Пора! Глеб, опираясь на мшистые валуны, приподнялся. Выпрямиться в полный рост он не мог, свод был низкий, покатый, сырой. Лишь серебристый блок торчал нелепой и совершенно лишней здесь штуковиной, будто из иного мира.

– Выползай! – прохрипело снаружи.

Рассуждать и мешкать не полагалось, наказание следовало немедленно, зверское, дикое. Все это было испытано в первые деньки рабства, тогда он был еще силен и здоров, мог себе позволить покочевряться. Сейчас нет, сейчас он полутруп, измученный, истерзанный, жалкий.

И если бы не стимуляторы, если бы не ежедневные дозы из потаенного блока, он давно был бы полным трупом. Они не дают сдохнуть сразу! Им нужны человечиски, двуногая скотинка, рабы, им нужно мясо и кровь людшек! Глеб зажмурился, согнулся в три погибели и выполз из своей щели.

Рогатый тут же огрел его плетью. Кожа на плече лопнула, потекла бурая, почти черная кровь. Глеб снова заскрежетал зубами. Эх,

если бы не ошейник, он нашел бы в себе сил, чтобы сломать хребет этой гадине, чтобы оторвать ей рогатую башку... теперь он знал, как расправляться с выползнями! Но на нем был ошейник, и каждое резкое движение оборачивалось приступом паралича. Да, он, командир альфа-корпуса, генерал, один из лучших бойцов планеты и колоний, был бессильным, немощным паралитиком! Сатанинские твари всеильны над ним. Они могли его искалечить, замучить, убить, они выкармливали его кровью своих омерзительных зародышей-пиявок, они заставляли его ворочать глыбы, разгребать с миллионами прочих рабов завалы гигантских подземных инкубаторов... Они были всеильны над его телом. Но пока что им не удавалось добраться до его души... И потому он был еще жив. Глеб видел, что происходило с теми, кто ломался, кто не выдерживал... они уходили в ничто, освобождая свою плоть. Ибо мало было алчущим мяса и крови, мало им было убить смертного. Прав был Иван, ох как прав! Глеб теперь в полубреду, сквозь боль и ужас часто вспоминал его. Да, им надо погубить каждого, всех вместе и каждого в отдельности. И здесь этот каждый – сам по себе и сам за себя.

– Живей!

Плеть просвистела над ухом, ожгла бритый затылок, спину. Рогатый щерил огромные кривые зубы, полуприседал на козлиных ногах. Ему было весело. У него были когтистые лапы, звериная холка, мощь, сила, власть над рабами... но у него не было души. И Глеб это знал. Убить бездушную гадину, погань, мразь – не велика честь, да и сил нету. Но когда-нибудь он найдет в себе силы, когда-нибудь.

Опираясь о холодную, заросшую склизким мхом стену, Глеб побрел вперед. Искалеченная нога ныла, ступать на нее было больно. Но Глеб отключался, заставлял себя не обращать внимания на боль. Он брел среди сотен подобных ему теней, среди сотен мучеников-рабов. И свистели над головами плети, висели под мрачными сводами хрипы, сдавленные стоны, шлепанье босых ног в ледяной чавкающей жиже.

– Живей!!!

Рогатые усердствовали, не жалели себя, будто и за ними наблюдал постоянно кто-то невидимый, но страшный, грозный, непрощающий.

До развилки надо было пройти полтора километра, и потом – еще один до пещеры. Глеб сжимал челюсти до хруста, до крови из распухших десен. Какие они идиоты! Какие дураки! Он бы сейчас собственными руками придушил бы этого министра, этого гуманиста Голлодова. И Иван тоже хорош! Надо было лупить со всей мочи! Надо было засадить сюда не половинный заряд, а два, три, десять полных,

глубинных, чтобы ни дна ни покрывки! чтобы вдрызг! до самой преисподней! Кого они жалели?! Эх, знать бы где упадешь... Теперь поздно кулаками размахивать-то, после драки.

Ключая плеть резанула по правому плечу, содрала клочок кожи у шеи. Глеба передернуло. Но он сдержал стон. Тех, кто кричал, рога-тые били повторно, со сладострастием и ухмылками, они любили слабых, невыдерживающих, они вышибали из них душу, превращая ее в ничто, в зловонный пар, вырвавшийся из гниющей плоти... Нет! Он еще человек. Они не поставят его на колени, он умрет стоя, без стонов и мольбы, без истерических воплей о пощаде. Здесь пощады не бывает... здесь сам ад.

Шедший рядом изможденный одноглазый раб вдруг пошатнулся, начал оседать. Глеб подхватил его за локоть, удержал.

– Терпи! – процедил он, не поворачивая головы. Тот устоял, выдернул локоть, не упал. Видно, потерял на ходу сознание, провалился в никуда, так бывает... Они все провалились! Во мрак! В преисподнюю!

Чего же там ждуть?! Почему бездействуют?! Глеб ничего не понимал. Там, в черной пропасти, обволакивающей всю Землю, там, в каких-то сотнях и тысячах верст от них – боевые армады, звездные флоты, чудовищная, исполинская мощь, которой хватит, чтобы сокрушить половину Вселенной. Там силы, которым нет равных... Почему они ничего не предпринимают? Или они уже отказались от Земли, распрощались с ней, как с пропавшей навсегда, как с умершей и погребенной матерью, чье тело отдано в полную власть земляным червям и позабыто?! Нет! Не может быть! Глеб отказывался верить в самое страшное, в то, что их всех, миллионы, миллиарды землян, попавших в жуткое, потустороннее рабство к этой нечисти, бросили, что от них уже отказались.

Ведь он тогда, в последние часы, отправил на околеземные и внутрисистемные станции, на звездолеты и крейсера всех, кого еще можно было отправить, кого можно было спасти. Он выполнил волю Ивана – хотя Светлану пришлось тащить силой, запихивать в ячейку. Но и ее удалось вызволить. Бои шли повсюду, в Москве не оставалось и живой души. Они защищали Кремль, соборы, дворцы, каждую башню, колокольню, каждый этаж, каждую пядь земли... а нечисть все лезла и лезла, ей не было ни конца ни края. Глеб падал с ног, лежал, уткнувшись разбитым окровавленным лицом в слизь и бурую жижу, лежал минуту-другую, пытаясь усмирить легкие, отдышаться, потом вскакивал, менял одного из своих парней, шел в рукопашную – злой, остервеневший, безумный. Выползни перли стеной, их становилось все больше, но с ними еще удавалось справляться, сноровка

пришла. Зато со студенистыми гадинами было невероятно тяжело, они обволакивали, душили, топили в своей гадостной слизи... это было наваждением, кошмаром! Хотелось бежать на крыши, да, хотя бы последний разок взглянуть на солнышко ясное сквозь облака, глотнуть чистого ветра и сини, а потом головой вниз, о бульжную мостовую! Глебу Сизову, командиру знаменитого, овечьего славой и легендами альфа-корпуса, было вдвойне тяжело – гибли его люди, лучшие люди обреченной планеты-матушки, настоящие сыны России... и он ничего не мог поделать, ничем не мог помочь, не мог защитить, укрыть. Это была трагедия! Последний бой они дали в Благовещенском, после того, как рухнули тяжелые старинные ворота и нечистая сила ворвалась внутрь. Их оставалось семеро, боеприпасы давно закончились, руки были разбиты до костей, шестеро из семерых были серьезно ранены, но держались, держались, черт бы побрал эту нечисть! Они обязаны были драться, обязаны! Они оттягивали рогатых выползней на себя, давая последнюю слабую возможность бежать тем, кто еще мог бежать, бежать к Храму Христа Спасителя, где должна была опуститься спасательная капсула... Им самим уже не спастись, но другие, пусть попробуют хотя бы они! Глеб бил выверенными смертельными ударами, не тратя сил попусту, бил зло и серьезно. Он защищал святыни земли своей, святыни предков. И он бы еще долго продержался здесь, долго бы стоял на пути назойливой, неостановимой нечисти, если бы... Вызов по внутренней ударил острым молотом, на миг ослепил и оглушил. «Глеб! Глеб!! – орал кто-то благим матом, хрипло и дико. – Его убили! Убили!! Убили!!!» Глеб не сразу сообразил, что это орет Иннокентий Бульгин, спокойный и невозмутимый Кеша Мочила, который вообще никогда не орал и почти никогда не повышал голоса. Кого убили? Глеб не отзывался. Но он уже знал, о ком идет речь. Очередным мощным ударом, а затем рывком он снес рогатую голову с плеч, вышвырнул ее наружу, и уже сделал обманчивый шаг навстречу очередному выползнию. Но в мозг, в уши ударило снова: «Глеб, где ты?! – Кешин голос дрожал. – Отзовись! Вы что там все, оглохли?! Мать вашу!!! Нужен хоть один преувращатель! Хоть один! И живей! Сюда! В Храм!!!» У Глеба не было преувращателя. Но он все понял. Ивана убили! Неубиваемого, почти бессмертного Ивана, про которого ходили слухи, что он где-то и когда-то в своих невероятных странствиях познал секреты неуязвимости... убили?! Нет! Могли убить их всех, до единого! Но только не его! Ведь без него они ничто и никто! Они даже не знают толком, откуда вся это напасть, с кем они воюют, почему?! До конца все знал только он, Иван. И ему нельзя умирать! Он не имеет права умирать! «Прикрой меня!» – крикнул Глеб ближнему бойцу. И рванул вперед. Они

перелетели через десяток рогатых голов, рухнули в самую гущу, сея смерть, сокрушая черепа вошедшими в убийственный ритм мельницами смерти. Они прорвали стену нечисти. Еще трое выскочили наружу. Они погибли у стен Благовещенского, прикрывая отход, честь им и слава, и вечная память! Слезы текли по грязным, изодранным и разбитым щекам генерала, но он не оборачивался. Аварийный дисколет, последний, полуразбитый, подхватил Глеба, вырвал из цепких лап выползней. Но заряда в нем хватило, чтобы еле-еле перевалить через зубчатую стену. Он рухнул умершей в полете птицей, застыл посреди развороченной, усеянной трупами земли. Но Глеб уже был на ногах. Он бежал к Храму из последних сил – знал, что ничем не сможет помочь, и все равно бежал! Они все виноваты! Все до единого! Они бросили Ивана! Нельзя было его отпускать одного, нельзя!!! В полубреду он пробился сквозь тысячное кольцо студенистых гадин и рогатых, упал перед дверями. Обернулся, уже предчувствуя неминуемую смерть... и не поверил глазам своим: нечисть, пуча и тараша глаза, щеря клыки, выпягивая когтистые лапы, бесновалась, тянулась к нему, к белым стенам, деревянным вратам... Но будто незримое силовое поле стояло на ее пути. Эти отродья ада не могли приблизиться к Храму! Глеба прошибло холодным потом. Он даже подумал, что уже умер и видит потусторонние грезы! Это было настоящим чудом! И все же он вскочил на ноги, принялся колотить кулаками в дубовые створы. И его окликнули изнутри. Впустили! Врата сразу же захлопнулись. И снаружи донесся оглушительный бесовский рев – иступленный и злобный. Глеб сделал шаг вперед, потом еще, еще один. И все сразу увидел. Он бросился через огромный, уходящий в выси зал, туда, к иконам, к ликам, волоча за собой вцепившегося в руку служителя в черном... Поздно! Кеша сидел на полу, сгорбившись, поджав под себя одну ногу, вытянув вперед другую, за его спиной припулился облезлый и несчастный Хар, а на коленях... на коленях лежала голова Ивана, белая, алебастровая, неживая, с разметавшимися пшеничными кудрями, чуть выющейся короткой бородой, полуоткрытыми бесцветными уже губами, и отражающими лики святых бездонными, серыми, остекленевшими глазами. Он был мертв. Могучее тело застыло на затейливом мраморе плит безжизненной, утратившей упругость колодой. Кровь из разверстой, изуродованной груди, из самого сердца уже не текла, она застыла буреющей тяжелой, будто прижигающей, придавливающей мрамор лужей... ее было слишком много для одного, даже и большого человека. Мертв! Глеб, не доходя пяти шагов, опустился на колени, обхватил виски руками. «Превращатель! – просипел еле слышно Кеша. – Ты принес его?!» Но в голосе не было даже надежды. Глеб помотал голо-

вой – ничего он не принес, да и поздно уже. Он только спросил: «Когда это случилось?! Кто?!» Кеша не ответил, он беззвучно, сотрясаясь всем телом рыдал. Хар жался к плитам, дрожал, но не осмеливался скулить, из его глаз тоже текли мутноватые бисеринки слез, и никто не гнал его, нехристя и оборотня, отсюда, из святого места, святой обители... Они просидели, промолчали целую вечность, никто не посмел потревожить их. Потом перенесли тело в подвалы, служка указал им что-то похожее на склеп, Глеб почти ничего не помнил, разум его помутился тогда, в глазах черно было. У самой стены голой каменной кладки стоял каменный раскрытый гроб, туда они и опустили Ивана, Кеша все время твердил что-то об отпевании, службе, но присутствовавший служитель махал на него руками, качал головой, что-то вещал о недозволённости православному накладывать на себя руки, и что покойный совершил тяжкий грех... Глеб уже ничего не понимал. Он знал одно – все кончено! теперь уже навсегда! а раз так, его долг последовать за своими ребятами, они погибли, все до единого, значит, и ему суждено. Он заставил человека в черном открыть ворота. И вышел наружу...

Пещера! Это был целый мир, целая вселенная – своды уходили в незримую вышину, терялись в пелене и мути, противоположных вообще не было видно... в первый день, когда его выволокли сюда, Глеб чуть не сорвался с уступа, голова закружилась, это у него-то, у десантника! у спецназовца! Он тогда нашел в себе силы приподняться, припасть грудью к каменной стене, обернуться, взглянуть вниз. Там был ад, там тысячи голых изможденных людей с бритыми черепами ворочали валуны. Они тащили, катили, толкали их куда-то к центру пещеры, к огромному провалу, и это все не могло быть работой, разумным трудом, это была изощренная, дьявольская пытка. Да, надо было бить, вдалбливать сюда заряд за зарядом, надо было добивать гадину до конца... Не добились! Тогда Глеб еще не знал, куда его загнали, где он. Все выяснилось позже, когда удалось перекинуться двумя словечками со знающими людьми, такими же узниками-рабами. Антарктические подземелья! Вверху километровые толщи ледяной свинцовой воды, льды, торосы, толща базальта, километровые слои породы, остатки гигантских инкубаторов, соты, ячеи, провалы, полуразрушенные лабиринты, спуски, подъемы, шахты, хранилища, морозильники с личинками, исполинские емкости с зародышами, энергоустановки и прочее, все, что создавалось на деньги человечества, безумные, несметные деньги, что создавалось на погибель этому безумному человечеству, породившему своих убийц, лелеявшему их, полностью доверившемуся им, вырождакам рода людского, все, что осталось после глубинного удара с орбиты. Не добились! Глеб до остерве-

нения зримо вспоминал тот день, когда они решали как бить, куда, зарядом какой мощности, они были просто незрячими и наивными младенцами. Теперь за их глупость и доброту – ворочать эти валуны, засыпать провалы, воронки, умирать в муках и бесчестии, отдавать свою кровь гнидам...

– Пошел!

Удар рукоятью плети пришелся в затылок. И Глеб полетел вниз, раздирая ладони, цепляясь за камни, выступы. Тут с рабами не церемонились. Но и умереть просто так не давали – в огромных ошейниках стояли какие-то биодатчики, иньекторы со стимуляторами и прочей премудростью. Здесь вообще происходили странные вещи, Глеб мог поклясться, что он собственными глазами видел в пещере троих или четверых парней из внешней охраны, которых убили, растерзали еще там, наверху, он даже помнил их изуродованные, обескровленные трупы на бульжной мостовой, их нелепые позы, вывернутые руки, искаженные лица. Нет, он не ошибался. И это было непостижимым, страшным. Может, и его самого убили, может, и он валялся истерзанный и мертвый у самых стен Храма, а потом очнулся на том свете, в этом жутком подземном аду?! Да, он вышел тогда из Храма, он успел свернуть шею чуть ли не десятку выползней, а потом удар, еще удар, острая боль в затылке, мрак, темень, тишина... и ошейник, рабство, пытки. Поди тут разберись! Глеб сполз с уступа и, не дожидаясь очередного удара, подставил плечо под огромный камень, толкнул его, покатил. От напряжения жилы лопались, мышцы под воспаленной изодранной кожей вздувались буграми. Он катил этот валун, эту глыбу, глыбищу, ощущая, как впиваются в шею иньекторы, как прибывают силы, как начинает бурлить кровь, и не просто бурлить, а прямо-таки распирать изнутри каждый сосудик, вену, артерию. И все это неспроста! Тут какой-то сатанинский умысел, гнусный, подлый, страшный! Он знал какой, но он гнал от себя догадки – мерзость, грязь, изуверство! Нет, они не просто рабы, не просто тягловые животные. И эта преисподняя – не обычная каторга типа гиргейской подводной каторги! Все в стократ гаже, отвратительней, омерзительней! Их превратили в двуногие фабрики крови, их изо дня в день накачивают всякой дрянью, заставляют печень, костный мозг и, черт его знает, что еще, работать в тыщи раз быстрее, мощнее, взьяряют их адской работой, и гонят, гонят из них кровушку. Они не рабы, бесправные и жалкие, они скотина! они хуже скотины! Но против силы не попрешь. А сила за этими упырями, вся власть в их руках. И нет исхода! Глеб стиснул зубы, остатки раздробленных, выбитых зубов. Часа через четыре, а может, и через пять, тут не уследишь за временем, они раздутые как пузыри, распухнут, станут багроволицыми,

отекшими, и их поведут на откорм этих гнид, зародышей, пиявок. А сюда пригонят других, смену. И так до бесконечности. И так вечно! Так навсегда, до конца света... нет, Глеб горько усмехнулся, конец света уже был, нечего тешить себя надеждами. Они обречены на вековечные муки! И никто не даст им сдохнуть, избежать этих мук.

Земля. Россия. Кочергино. Подмосковное кладбище. 2485-й год.

Сдвинуть плиту было не так-то просто. Да еще на пустое брюхо.

– А ну, родимая, сама пошла! – поднадужился Кеша. Хар уперся в плиту лапами, зарычал.

– Тише ты, образина!

Вдвоем, после долгих стараний они сдвинули надгробие. Ни лучика света не пробилось внутрь холодной и пустой могилы, заброшенного, сырого склепа. Вечная ночь стояла над Россией, надо всей Землей. Полтора месяца во тьме-тьмушей! Иннокентий Бульгин, ветеран аранайской войны, рецидивист, беглый каторжник и бывшая правая рука Верховного правителя, ничего не понимал. Да, нечисть прорвала все заслоны и барьеры! Да, она выползла из всех щелей, заполонила планету, истребила беспечных землян! Но причем тут солнце? Оно-то куда подевалось?! Почему нет ни закатов, ни рассветов, ни дня, ни ночи?! Уму непостижимо! И придет царствие мрака, и получат по содеянному ими грешники, и погибнут они, и погибнет земля... Пришло! Погибли! Получили! Но солнце-то где?! От безысходности Кеша готов был завьсть на луну... но и луны никакой не было, только мрак, темень.

– Ничего, – сипел он себе под нос, – прорвемся!

Хар глядел на него уныло и тоскливо. Некуда прорываться, некуда! И это самое страшное. Они прятались на заброшенном старом кладбище, сама судьба-судьбина привела их сюда, а может, и какой-нибудь незримый и неведомый инстинкт. Сюда выползни почему-то не забредали, словно кладбище с покосившимися, а местами и поваленными крестами было для них запретной зоной.

После смерти Ивана Кеша постарел лет на двадцать сразу. Он чувствовал себя дряхлым старцем, уставшим от жизни и потаенно завидующим тем, кто уже освободился от ее оков. Первые три дня он вообще пребывал в прострации, потом рассудок вернулся, а вот жажда жизни, обыденная цепкая хватка, мятущаяся беспокойная душа так и остались где-то в подземельях, в каменном мешке. На пятый день они с Харом ушли из Храма. Именно в этот день, с самого утра Кеша

вдруг ощутил, что они смертные, самые обычные смертные, что никакие дозврывники им уже не помогут, что через все барьеры, допустимые и недопустимые, он уже перешагнул и что хрустальный лед ядра гиблой планеты Гиргеи ждет его душу... а может, и не ждет, может, они отказались от него совсем. Тогда надо просто пойти и умереть. Кеша так и сделал, ушел умирать. Только одного он не мог. Он не мог быть жертвой. Даже теперь, даже когда душа его стала пуста, или вообще сгинула в неведомом направлении. И потому он, уходя из Храма, не бросил в нем своего верного бронебоя, не оставил лучемета десантного, парализатора и холодящего бедро старого и верного сигма-скальпеля. И пусть ему все равно, что будет и как будет, он не изменит себе, он солдат. Солдат той бесконечной аранайской войны. Солдат этой святой, но бесполезной войны. Он и умрет солдатом. А Хар... Он не отвечает за оборотня, у того своя дорога, он посланец иного мира и путь его неисповедим.

– Ну что, Харушка, пошли, что ли?!

Кеша высунулся по пояс из могилы, перевалился через край. Затаялся. Его глаза уже привыкли к темноте, и он неплохо различал силуэты деревьев, крестов даже в двадцати-тридцати метрах. Хар вообще ориентировался прекрасно, ему не нужны были приборы ночного видения, на Гиргее, в ее подводных лабиринтах бывает и потемней.

Двенадцать вылазок прошли успешно, Кеша был хмур, мрачен, молчалив, но доволен собою. Они не могли изменить положения. Но они могли мстить, могли убивать нелюдей, давить их потихоньку. А ежели накроют, схватят – так тому и быть, двух смертей не бывает.

Вот и сейчас Кеша еле слышно свистнул своей зангезейской борзой. Хар не заставил ждать, да и куда ему было деваться – королева Фриада приказала ни на шаг не отставать от этого землянина, а приказы королевы Гиргеи не обсуждаются и не повторяются. Серой облезлой тенью Хар скользнул наружу, замер, прижавшись к Кешину боку. Кар нечисти не боялся, это она его боялась. Когда они выбирались из Храма именно Хар прокладывал тропу сквозь беснующиеся стаи мертвяков-выползней. И они пробились. А теперь сами стали какими-то выползнями, таящимися в кладбищенском склепе, выползающими во мрак бесконечной земной ночи лишь раз в двое, а то и трое суток. Во времена долгой гиргейской каторги Кеша часто мечтал о Земле, видел ее во снах, плакал по ней – только глаза прикроешь, и поползли по синему небу белые облака, выбилось из-за них краешком доброе солнышко, зашуршала травка, зашумели-запели деревья, все любо-дорого русскому доброму, тоскующему сердцу... И вот он на

Земле, на родимой сторонushке. Да лучше б навечно в проклятой Гиргее оставаться!

– Ничего, прорвемся! – прошипел Кеша.

И вскочил на ноги. Ему надоело бояться да таиться. Он пошел к городку открыто, в полный рост. Пошел, зная, что одним лишь духом своим человечьим навлекает на себя мертвяков. Беда! Горе горькое! Все поменялось на белом свете: мертвяки в городе, живые в могилах прячутся... да и сам свет не белый уже, а черный, беспроглядный. Как там у них на мессах твердили? Черное Благо! Вот и пришло это черное страшное благо для нечистых и лишенных души, вот и закатилось навечно солнышко наделенных душно. Беда!

Они отмерили не меньше версты, когда появился первый выползень. Он шел прямо на Кешу, растопырив когтистые лапы, суча мелко копытами, вожделенно сопя и рыгая. В один прыжок Хар сбил выползня с ног, перервал глотку. Этот не оживет, нет, после зубов оборотня выползни издыхают – дело проверенное. Кеша пнул сапогом бездыханное тело.

Он и сам шел как мертвяк – слепо, напряженно, оцепенело.

Еще двух тварей он сжег из лучемета. А оборотень Хар на всякий случай прогрыз обожженные рогатые черепа, чтоб наверняка. Так они и продвигались вперед – молча, угрюмо, без болтовни и лишних вопросов. Лишь когда метрах в двухстах Кеша углядел нечто мерцающее, он выдал сипато:

– Теперь тихонько, за кустиками, понял?! Хар кивнул, опустился на четвереньки.

Не прошло и десяти минут, как они подползли совсем близко. Замерли, вжавшись в жухлую мертвую траву, от которой и не пахло травой. Притаились.

Мерцало и переливалось зависшее над землей студенистое чудище – сиреневым потусторонним маревом колыхалось оно во мраке, ничего не освещая, ничего не согревая, будто огромная летающая медуза распростерла извивающиеся осьминожки шупальца над поникшей паствой. Три десятка выползней как зачарованные стояли на коленях под полупрозрачной гадиной, тянули к ней свои отвратительные рожи, скребли себя когтями, сопели, тряслись. Они пребывали в оцепенении, они трепетали, подчиняясь прерывистому невыносимому зуду, исходящему из сатанинской твари. От этого зуда можно было с ума сойти. Кеша уже собирался заткнуть пальцами уши, как зудение внутри головы само собой, безо всякого перевода стало складываться в слова:

– ...свершилось, и пришли мы, избранные и всемогущие, пришли, чтобы покарать возомнивших себя свободными от нас, покарать об-

реченных нами, ибо Предначертанное должно было воплотиться – Черное Благо объяло Вселенную. Черное солнце взошло над миром смертных. И все вы лишь малые частицы и лучи, испускаемые этим непостижимым солнцем мрака. Но даже самое малое достигает цели. А она близка. И близок час извечного наслаждения! Уже отверзлись врата в Мироздание! И вы, именно вы, первые посланцы Вельиехавы-зорга, предвечного и всевышнего владыки миров Тьмы! Вы – руки и пальцы Хозяев Предначертания, вы – исполнители их неумолимой и черной воли! И за это вы сгинете не в пучинах невыносимой и извечной боли, не в океане лютых страданий, нет! Вы растворитесь в бездне утоленной похоти, в сладострастии и всесиллии над немощными и недостойными. Вы – человеки, черви, амебы, в коих избранные вдохнули свое благословенное черное дыхание и наделили все-сущим черным естеством! Слышьте слышащие и зрите зрящие – уже приходит наше время повсюду. Близится час, когда в обитель людскую войдут достойные. И вы их предтечи...

– Предтечи, мать их! – прохрипел Кеша. – Это кто ж там еще вслед за рогатыми сюда припереться хочет? И за каким хреном?! Тут уже и так все изничтожили, падты!

Теперь он видел хорошо, очень хорошо. Временами сверху наподобие беззвучной тусклой молнии, прямо в чудище студенистое вонзался мерцающий, дрожащий и переливающийся столп лилового света, целый пучок искрящихся разрядов входил в светящуюся гадину, и та начинала зудеть невыносимее, омерзительнее, гаже. Аж шерсть на загривке у Хара вставала дыбом.

– ...но не издохнут двуногие черви, а в вечных страданиях, лишённые душ своих, будут изнывать в муках и пытках, насыщая животельной влагой избранных, отдавая им свою плоть и кровь. Так будет во веки веков!!!

Кеша коротко и смачно выматерился. И добавил сурово:

– Зато ты издохнешь, тварь поганая!

Три залпа из счетверенного бронебоя он дал, не вставая с земли. Светящуюся гадину будто изнутри разорвало – кипящая слизь брызнула на рогатую паству, оцепенелую и беспомощную.

И тогда Иннокентий Бульгин вскочил на ноги. И вскинул свой боевой десантный лучемер.

***Солнечная система. Шестой
астральный сгусток тьмы.
Видимый спектр. 6996-й год
скитаний.***

– Это твой последний шанс, – сказал Говард Буковски. Подумал немного, перекопился лицом и добавил: – Эх, не моя воля, урод, я б тебя давно на тот свет спровадил!

Карлик Цай и бровью не повел, насыпался всякого, и не такого. Дня два назад студенистый козел уволок куда-то подлеца и подонка Дука Сапсана-младшего. Он просто сбил его с ног, окрутил жирную шею своим хлипким на вид щупальцем и поволок извивающуюся, дрыгающую ногами тушу, поволок деловито и спокойно, с невозмутимостью мясника, приготовившегося к разделке этой самой туши. Новые хозяева жизни не церемонились с представителями вымирающего вида. Но Цай ван Дау не пожалел Дука, плевать на это дерьмо. А вот когда из небытия выявился Крежень, он же Седой, он же Говард Буковски, Цай глазам своим не поверил. Ушел! Опять ушел, каналья! Впрочем... теперь это ничего не значило. Крежень с первого появления ехидно и торжествуя растянул свои поджатые, перерезанные шрамом губы в плотоядной улыбке, будь его воля, он, и впрямь бы, избавил бедного Цая от мучений.

Да, наследный император без империи и беглый каторжник, непревзойденный спец по межуровневым связям, несчастный, загнанный, замученный карлик Цай ван Дау жаждал умереть, раствориться в пустоте и безвременьи. Но он еще был нужен, нужен всем, кому попадал в лапы. Его не убивали. Тем самым порождая озлобленность.

И потому Цай на этот раз не сдержался:

– Тебя самого спроводят на тот свет! И ты сам урод! Погляди на себя в зеркальце, ведь ты по-прежнему носишь его в кармашке, да?!

Крежень переменялся в лице. Карлик попал в точку, кругленькое зеркальце в резной черепашьей оправе и на самом деле лежало у Крежени в боковом кармашке, он с заметным усилием сдерживал себя, чтобы не глядеться в него через каждые пять минут. Карлик обнаглел, он не понимал, кто здесь кто. И потому Крежень придвинулся ближе и какой-то бабьей ухваткой ущипнул Цая за бок, с вывертом, исподтишка.

– Боже мой! – прохрипел карлик. – И это шеф особого отдела, полковник... Ведь вы полковник, Говард, или меня обманули?!

– Много знаешь, урод, – прошипел Крежень. – Не страшно?

– Страшно, – признался Цай тихо, – очень страшно, что именно такие выскальзывают отовсюду, всплывают наверх при любых обстоятельствах! Да, я все про тебя знаю, Говард-Иегуда бен Буковски, полковник департамента госбезопасности Всеамериканских Штатов... ха-ха, бывших Штатов, начальник седьмого отдела... думаешь, никто не знал, чем занимался твой отдел?! Знали! Это твоя команда связывала благообразных и многопочтенных правителей мира сего с сатанинскими сектами, с гангстерскими трансгалактическими шоблами, все вы в одном котле варились: и сенаторы, и бандюги с большой дороги, и конгрессмены, и убийцы, и президенты и нарковоротилы, все, в том числе и такие гниды как ты, Крежень, или как там тебя – Седой, Петр Мансурия, Аваз Баграмов, Игрок, Порченный, Глен Сорос... только не все получали вдобавок зарплату в Синдикате, в Черном Благе... а ты получал!

– Заткнись, урод!

Говард Буковски наотмашь ударил Цая по щеке. Тот дернул огромной головой. Смолк.

– Ты еще не все знаешь. Я мог бы тебе рассказать в сто раз больше, урод! – голос Крежня был спокоен, только губа чуть подергивалась. – Это жизнь. А жизнь – игра. Большая игра! И только законченный болван в этой игре будет соблюдать чужие правила. Нет, урод, я играю по своим... потому я и выигрываю!

– Потому тебя и прозвали Игроком.

– Было дело, – Крежень отошел к стене, прислонился к ней. Задумался. Вид у него, несмотря на самодовольную и нагловатую мину, был усталый. – Теперь все в прошлом, теперь все игры закончились. Эти, – он повел седовласой головой куда-то назад, – пришли навсегда. Я свою игру выиграл. Теперь выбор за тобой, Цай. У тебя голова большая, мозгов в ней много, сам сообразишь, что к чему.

– А ты не боишься, что Синдикат тебя накажет за предательство? – неожиданно спросил карлик Цай.

– Руки коротки, – отрезал Крежень, – теперь всех и повсюду станем наказывать мы! И можешь не сомневаться, пощады не будет! Ты тут похвально всеведением... а ты знаешь, что Гуг в гробу? что кости этого переметчика Сигурда на дне морском? что ваш бессмертный, неистребимый русский Иван сам на себя наложил руки, знаешь?!

– Нет, – Цай напрягся, и голос выдал его, – ты все врешь!

Крежень промолчал. Он разглядывал свое стареющее, обрюзгшее лицо в заветном зеркальце, все-таки не удержался, не утерпел. Зеркальце не отражало уродливого шрама, в этом был его секрет, за это Говард Буковски и любил его. Сорок семь лет назад начинающего десантника Говарда-Иегуду вышвырнули из двенадцатого подотряда

Дальнего Поиска, и жизнь его потекла по иному руслу. Крежень говорил одним, что заполучил шрам после высадки на Гаризону, в сражении с людорогами, другим, что это легавые при налете на шестой блок загонского отделения Восьмого Неба полосанули его сигма-скальпелем... Но на самом деле все было иначе. Семнадцать парней-практикантов из его взвода не вернулись с Урага, двенадцатой планеты спиральной системы Чилора. Там же остался лежать и командир взвода седоусый Петр Мищенко, он отработывал последние пять лет по обмену, вот и доотрабатывался. Уцелел только Говард, его тогда звали иначе, уцелел при странных обстоятельствах. Комиссия ничего не смогла выяснить, дело было покрыто непроницаемой пеленой. Все бы шло своим чередом, но через полгода объявился восемнадцатый курсант, пропавший без вести. Разборка была крутой и дикой – юного Говарда нашли полуживого, с переломанными ребрами, выбитыми зубами, раздробленными костяшками на пальцах, тремя дырами в брюхе и рассеченным наискось лицом. Пропавший опять пропал. Пострадавшего откачали, поставили на ноги. Но поползли слухи, нехорошие, отдающие приторным душком подлости. Слухам поначалу не очень-то верили, а потом они пропитали все вокруг Говарда, на него стали коситься, при встречах отворачивались, не здоровались, проходили мимо... а потом вдруг стало известно, что Синдикат обзавелся четырьмя сверхсекретными десантно-боевыми ботами – ровно столько и считалось утраченными на Ураге – до еще кое-каким вооружением, о котором ему и знать ничего не следовало. Никто на всем белом свете не мог бы доказать, что это проделал юный курсант и что смерть остальных тоже на его совести. И все же Говарда вышвырнули из Дальнего Поиска, не сказав и доброго слова на прощание. Все дыры затянулись, переломы срослись. А уродливый шрам остался. С эдакой приметой никому бы не удалось долго проработать в спецслужбах. Но Говард-Иегуда бен Буковски каким-то образом умудрялся это делать, обводя вокруг пальца всех на свете, ускользая из расставленных на него сетей и из лап самой смерти. Он работал на тех, кто платил хорошо. Но сейчас, судя по всему, он отработывал самое ценное, что имел в этой жизни – саму возможность немного пожить.

– Ты знаешь, я не вру, – спокойно ответил Крежень, довольный, что поставил большеголового уродца-коротышку на его место, не такой уж он и всеведущий. – Мне врать не резон. Всему свое время, игра окончена, и врать больше незачем.

– Хорошо, – согласился Цай. В жестком пластиковом кресле с литыми поручами и поножами ему было значительно удобнее, чем на проклятой плахе-распятии. Цай отдыхал, набирался сил перед новы-

ми пытками. Никому в жизни он больше служить не собирался. – Хорошо, тогда скажи, где мы сейчас находимся?

– На базовой станции слежения в Фазтоновом слое. Но это уже не земная база, понимаешь? Тут новые хозяева, как и на самой Земле, как и в Солнечной системе, в галактике, во всей Вселенной...

Хоть и привычен был Цай ван Дау ко всему, но от таких слов заскребли у него на душе кошки, заскребли острыми безжалостными когтями. Неужели, правда? Неужто, все, пришел конец бесконечному? Иван предвидел такой расклад. Цай вспомнил их беседы в бункере. Точно, Иван еще тогда знал, что такое может случиться. И случилось! Вот почему он убил себя! Теперь картина прояснялась полностью. И все же...

– Этого не может быть! – угрюмо повторил он.

– Смотри!

Крежень зашел за спину карлику Цаю, со скрипом и вздохами уселся на что-то невидимое пленнику. И одновременно с этим вспыхнул знакомый экран... сама вспышка длилась мгновение, потом все опять погрузилось во мрак, в потемки, так, что Цаю показалось, что он ослеп. Но это только казалось, уже через полминуты он начал различать контуры надвигающегося из мрака черного шара – лишь еле приметное лиловое свечение обрисовывало его, выявляло из крошечной тьмы.

– Что это? – спросил Цай.

– Земля, – тихо прошипел из-за левого плеча Крежень.

Цай зажмурил глаза, потом снова открыл – ничего не изменилось, шар лишь приблизился немного, но не просветлел, зато теперь были заметны приплюснутые полюса. Земля? Нет! Цай ван Дау сотни раз видел светящуюся небесным притягивающим светом Землю – ничего прекраснее и теплее не было во Вселенной, даже родная, полусказочная Умаганга была лишь тенью в сравнении с колыбелью человечества. Земля чарующим маяком влекла к себе путников Мироздания, это была не просто планета, но обитель чего-то Высшего, нематериального, родное окошко в непроглядной ночи... И вдруг черный, зияющий будто провал шар... Нет! Только не это!

Крежень еле слышно рассмеялся за спиной. Уродец думает, что он знает очень много, так пусть узнает еще чуть-чуть, пусть полюбуется. Сейчас Крежень не стал бы по своей воле убивать карлика Цая, зачем! Он желал насладиться потрясением этого существа – ему, выродку-гибриду, видите ли, дорога Земля-матушка, смех! Сам Крежень наслаждался зрелищем растоптанной, поверженной «колыбели» – он не любил людей, их не за что было любить, он, возглавлявший одну из спецслужб и знавший подноготную двуногих, ведал про них все, и

для него гаже, подлее, гнуснее людишек никого и ничего не было. А раз так, нечего и «колыбель», породившую их жалеть. Пусть горит синим пламенем!

Черный жуткий шар наплывал, становился все больше. Вот он заслонил собою пространство, навалился тяжелой свинцовой глыбищей. Невольно захотелось отпрянуть назад. Но теперь карлик Цай не закрывал глаз, он хотел видеть все. И он увидел. В сумрачном лиловом мерцании дыбились над мертвой земной корой мертвые черные города, остовами-скелетами торчали останки сгоревших продуваемых насквозь небоскребов. Обвисшие, ободранные провода, продавленные и обрушенные мосты, одинокие чертовы персты башен, запрокинутые вдоль силовых линий гиперпоезда, останки космолетов и развалины, руины, обломки... Ни огонька, ни просвета, ни даже тлеющих угольев костра – ничего! Вымершая уродливая планета – брошенная, никому не нужная, страшная. Она медленно вращалась, одни развалины сменялись другими, мертвые города были похожи друг на друга словно братья-близнецы. Австралия, Северная Америка, часть Южной, Африка, Европа, Россия – мрак, ужас, темень. Цай еле угадывал очертания материков, с трудом признавал цветущие когда-то страны, поверженные ныне во прах. Нью-Вашингтон, Асгард, Мадрид, Париж, Берлин... Москва – на малый миг ему показалось, что посреди Москвы блеснуло живым огоньчком, будто отразилось далекое солнце в малой золотинке, заискрилось, ослепило и пропало... но нет, это от напряжения, это не выдерживают глаза. Они силятся узреть хоть что-то живое, пусть капельку, кроху жизни посреди смерти и разора. Но не видят, и сами порождают свет, это иллюзия, это греза. Цая начинало трясти как в лихорадке. Теперь он верил, что Иван убил себя. Но ведь он сделал все, что мог! Другие вообще ни черта не пытались сделать, сидели сложа руки, пили, гуляли, любили женщин и на все плевали, им все было безразлично. Так кто ж виноват?! Нет, он не должен был сам уходить из жизни, он обязан был погибнуть в бою, только так! И все равно, душа его чиста, не погублена! Цай верил в это, иначе не могло быть! Не всякий подвиг увенчивается победой, но он остается подвигом. Эх, Иван, Иван! Теперь бессмысленно лить слезы, скрежетать зубами... как быстро все закончилось! Все? И они еще требуют, чтобы он работал на них, спасал свою шкуру, как этот ублодок Седой?! Ну что же, поглядим, что у них получится!

– Это еще не все, – заверил Крежень. – Но сначала я тебе покажу, что было месяц назад, погляди, погляди!

Изображение на экране дернулось, немного просветлело. И Цай увидал те же разгромленные, разрушенные города. Но теперь их улицы, крыши, переходы, мосты были завалены трупами – множеством

людских тел, лежащих в самых нелепых неестественных позах, с вывернутыми руками и ногами, перебитыми позвоночниками, свернутыми шеями. Зрелище было ужасающим, нереальным – города, села, автострады, заводы, космодромы и снова города – миллионы, сотни миллионов, миллиарды трупов.

– Хватит! – потребовал Цай.

– Нервишки ослабли? – Крежень противно захихикал. – Ничего, сейчас они натянутся. Погляди-ка, урод, что случилось с этими скотами. Ты, наверное, думаешь, они все сгнили, истлели за месяц? Нет уж, мой дружок, у заботливых хозяев ничего не пропадает. Гляди!

Земная поверхность пропала. И открылись вдруг внутренности подземелья, потемки, багровые отблески, белесый туман, а может, и дым, шевеление, мельтешение... головы! Цай различал множество бритых голов, тысячи, сотни тысяч – спина в спину, спина в спину скованные цепями голые изможденные узники подземелья шаг за шагом, свиваясь в плотную спираль, шли, толклись, давились, не нарушая заданного кем-то ритма, шли кругами, бесконечными сужающимися кругами, чтобы пропасть посреди пещеры, кануть в зияющий провал, в черную дыру. Это было нелепо и невозможно. Мужчины, женщины, дети, старцы, забитые, сломленные, рабски покорные и обреченные, словно животные, ведомые на бойню.

– Этим повезло, – пояснил ухмыляющийся Крежень, – очень повезло, их просто складывают на хранение, как биомассу. Они почти не мучились. Счастливыц!

Цаю вспомнились Ивановы рассказы про планету Навей. То, что казалось бредом, обернулось самой доподлинной, не вмещающейся в голову явью. Несчастные! Их просто убили – зверски, дико, высосав кровь из жил, их после этого сумели воскресить, обратить в обездушенную скотину, заставили блуждать в этом аду! Цай видел много смертей, ран, боли, обид, на его глазах папаша-насильник узурпатор Филипп Гамагоза вырезал десятки, сотни безвредных умагов, пытал их, истязал. Да и сам он был далеко не святым, не одну душу отправил на тот свет, и не в оправданье, что жил по волчьим законам банды, а потом каторги, вина все равно на нем. Но вот это было чересчур, это ужасающее зрелище лишало сил и воли. Они могут все! И идти им наперекор бессмысленно, бесполезно. Эх, если бы он мог наложить на себя руки, как Иван! Нет, нечего и мечтать, ничего не получится, они не дадут ему распорядиться собой, не дадут.

В других подземельях тысячи голых и бритых каторжников в толстых черных ошейниках ворочали огромные глыбы,

дробили их, волокли куда-то, подгоняемые двурогими надсмотрщиками... Кому был нужен дикий, первобытный, адский труд?! Нелепо! Глупо! Горные агрегаты заменили бы там миллиарды каторжников, сделали бы все в тысячи раз быстрее и лучше. Почему столь непродуманно истязают этих истекающих потом и кровью горемык, зачем?! Цай ван Дау отказывался понимать происходящее. Под иными сводами в полумраке и смрадном дыму сотни женщин выкармливали грудями толстых, суетно дергающихся, прожорливых змей. Женщины тоже были обриты наголо. Смотреть на них без содрогания не удавалось... их лица были морщинистыми, старушечьими, страдальческими, утратившими способность улыбаться. Эти мученицы походили на уродливые восковые куклы, что застыли в самых нелепых позах. Зато омерзительные змеи были переполнены энергией, алчью. Они вгрызались в распухшую плоть, жадно глотали, чавкали, чмокали, зудели. Из их пастей, терзающих соски, стекали по бледной восковой коже розоватые струйки крови, перемешанной с молоком.

Цай снова зажмурился. Его начинало мутить. Шершавым языком он облизал зубы, небо – пить! страшно хотелось пить! Но просить бесполезно, не дадут. Палачи-гуманисты! И зубы, и язык, и небо были как новенькие, все восстановили, умельцы, и раздробленный подбородок сросся, и руки, и ноги, каждый палец цел, каждая жилочка на месте... значит, жди новых пыток, значит, скоро опять за дело примутся. Цай застонал. В прошлый раз язык ему выдрали с корнем, он даже не мог послать куда подальше косоглазого ублюдка Дука Сапсанамладшего. Ничего, зато он пошлет теперь Седого! И всех его потусторонних хозяев, заявившихся на Землю!

– Гляди, урод, гляди! – подал голос из-за левого плеча Говард Буковски. – Они получили то, чего заслужили, и не больше – каждому воздалось по делам его, как и было прописано, хе-хе!

– Заткнись, холуй! – прохрипел Цай.

И тут же получил кулаком по затылку. Удар был легкий, но профессиональный, точный – зубы клацнули, прикусили язык, во рту стало солоно.

– Гляди, и помалкивай! – сказал Крежень строже.

Картины на экране сменялись. Пещеры исчезали, и растворялись окна в освещенные мерцающим светом свечей бункера – грязные, серые. Там кого-то распинали по стенам – густо, плотно, тело к телу. Меж выползнями неспешно сновали

студенистые козлы, похожие на знакомого Цаю, привычного стража. Распятые корчились, выгибались, стонали. Знакомая картина. Цай содрогнулся. Да, на каторге делали то же самое. Ничего нового, все как прежде! Но здесь явно не наказывали, нет, зачем же тогда... здесь просто работали, тупо, слепо, без злости и ненависти, безразлично, по заданной, видно, программе. И это могло свести с ума. Никого на поверхности! Все в бункерах, в подземных пещерах... вот он, сущий ад на Земле! И чему тут удивляться, просто раньше в точно таких же подземельях, на каторгах и в спецконцлагерях мучили, пытали, изводили непосильным трудом, зверски казнили за провинности лишь часть рода людского, его изгоев, десятки и сотни тысяч, по всему освоенному миру – миллионы, малую часть человечества, а теперь это проделывали со всем родом людским. Но кто измерил меру вины его?

Обреченные помогали своим палачам, сами подтаскивали очередную жертву, вздымали ее, удерживали, пока выползни не вонзят в руки и ноги ржавых и острых гвоздей. Каждый бритоголовый пытался отсрочить свою участь хоть на секунды, на мгновения, и все равно черед доходил до него – извивающееся, вырывающееся голое тело волокли к грязной стене, чуть не разрывая его, и гремели молоты, оглашали своды бункеров душераздирающие, безумные вопли. Тысячи уже корчились в страшных судорогах. Десяткам, сотням тысяч лишь предстояло взойти на свои голгофы.

– Хороши, свиньи, – заметил Крежень, – советую обратить особое внимание, как они любят ближнего своего. Но ты понапрасну скрежещешь зубами, урод, ни один из них не сохнет, ни один! От этих слизней требуется самая малость – распрощаться со своей гнусной, вонючей душонкой. Добровольно. И ничего более! И тогда тела их будут жить вечно, и то, что в мозгах у них, будет жить вечно, воплощаясь снова и снова, и утверждая себя в иных ипостасях... вот в этом и есть подлинный гуманизм, все остальное – дерьмо!

Цай невольно кивнул, и кивок этот отозвался в затылке тупой болью. Все верно. Иван так и говорил. Он был единственным зрячим среди них. А они не верили, они тешили свою гордыню, думали, мол, знают все не хуже иных малость свихнувшихся... Глупцы! Они сами сидели тогда в бункере, да, под зелеными полусказочными мхами и феерическими водопадами Гренландии, они прятались от Синклита, ото всех спецслужб Земли. У Цая была прекрасная память, нечеловеческая,

память бортового «мозга», и он мог почти дословно выдать Ивановы слова: «...когда человека убивают, душа отлетает от тела, она уходит в высшие сферы, на небо, куда угодно, мы даже не знаем толком, куда, но она продолжает жить в иных измерениях и иных пространствах, она может вселяться в иные тела и нести свой заряд, божественный, светлый, и свой мир в миры чужие, озаряя их, просветляя собою – будто еще одна, пускай и маленькая свечечка вспыхивает во мраке, разрывая его, порождая среди безверия и тьмы, ужаса и смерти, жизнь, веру, надежду, любовь. Но когда губят человека, то убивают не одно лишь тело его, но и душу – ее или уничтожают вообще, лишая божественной сущности и бессмертия, или ввергают в миры Пристанища, в преисподнюю... и уже нет прежней чистой души, дарованной Свыше, а есть сгусток грязи, черноты и мерзости, есть еще одна капля в океане зла! Им надо истребить нас полностью! Чтобы и души наши никогда не воплотились ни в кого... иначе придет им час отмщения! Не убить нас спешат они, но погубить! Это новая реальность, с которой сталкивается человечество, все мы. Прежде все бились за места в плотской, зримой, осязаемой Вселенной... Теперь иначе! Человечество – сорок с лишним миллиардов тел! сорок миллиардов душ! Телам они найдут применение, им нужна биомасса, им нужны консерванты. А души? Сорок миллиардов душ уйдут из наших убогих плоскостей в иные измерения. Черные души усилят и умножат Пристанище. А светлые? Они перейдут в миры, где обитает незримое и недоступное нам Добро, где царит Свет. И они будут вечной угрозой «новому порядку» во Вселенной! Ведь и они могут воплотиться однажды, возвращаясь к истокам своим, воплотиться и уничтожить царствие тьмы. Страх отмщения, ужас возмездия не даст покоя новым хозяевам Мироздания ни на один час, ни на единый миг. И потому они будут биться за каждую душу... сломить! погубить! изничтожить! извести! Ибо даже одна оставшаяся и взошедшая к Свету, сможет по пришествии благих времен разрушить их владычество... Вы не верите мне сейчас, я знаю. Но придет день, когда слова мои вы будете вспоминать... Не приведи Господь!» Цая прошибло холодным потом. Слезы невольно потекли из глаз. Свершилось чудовищное, пришел черный час! Эх, Иван, Иван! Но зачем же ты погубил свою бессмертную душу? Зачем пошел на самоубийство?! Ведь это тяжкий непрощаемый грех! Ты был лучшим среди нас, ты был, пожалуй, лучшим во всем

этом выродившемся, поганом мире. И ты сам убил себя! Что же делать всем нам? О чем говорить? На что надеяться этим несчастным?!

Бункера сменяли один другой. И в каждом шли ужасающие непрекращающиеся казни. В огромном сферическом зале с убегаящими в плену мрака стенами, на множестве переkreшивающихся ржавых, грязных балок вешали страдальцев. Несчетное количество толстых черных петель свисало сверху, чуть покачиваясь в дуновениях подземных сквозняков. Обреченным заламывали руки, нещадно избивали их, совали головы в петли. Но ни один не утихал со сдавленным горлом, с испущенным духом. Тысячи висельников судорожно дергались, выгибались всем телом, тарасили выпученные глаза, свешивали распухшие черные языки, рвали ногтями собственную кожу, но не умирали в смертных петлях.

– Сволочи! – проронал Цай.

– Это верно, – согласился Крежень, – там все сволочи, и те, кто вешает, и те, кого вешают. Но все делается для их же пользы. Хирурга, исцеляющего больного, со стороны можно принять за мясника, вонзающего свой нож в жертву. Все относительно на этом свете, урод, тем более, на том.

– Хватит! – оборвал его Цай.

– Нет, пока еще не хватит, – не согласился Крежень, – здесь не ты, урод, определяешь меру вещей. Гляди! Нам с тобой жить в этом новом мире, нам крепить новый порядок. А из несогласных работать на них и из прочего ничего не стоящего дерьма, – Крежень махнул рукой в сторону экрана, – они умеют вытрясать душонки. Хочешь туда?!

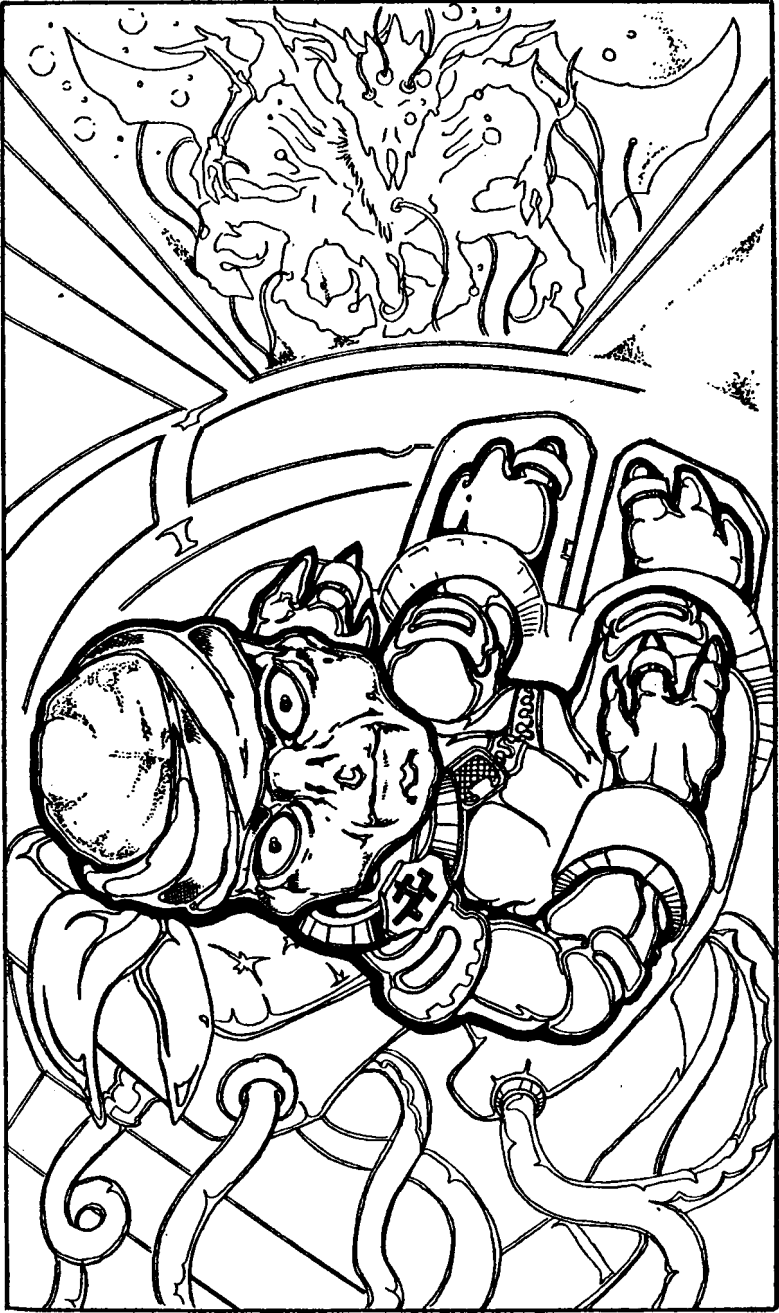
Цай промолчал. Ему и здесь досталось в стократ хуже. Нечего пугать!

То, что происходило перед его глазами можно было назвать одним словом – преисподняя! Преисподняя со всеми ее ужасами и страхами. Грязь! Мерзость! Дикость! Зверство! Садизм! Жесточайшее изуверство! И это в двадцать пятом веке от Рождества Христова! В страшном сне не могло присниться такое. Повсюду, подо всей поверхностью еще недавно процветавшей и благоухавшей планеты. Будто люди специально для будущих мук своих строили эти подземные городища, бункеры, вырывали шахты, рудники, тысячи и тысячи уровней в слоях базальта, гранита... Вот он ад истинный, подлинный, рукотворный и сущий!

Но были и почти тихие, чистенькие подземелья, выложенные сверкающими плитами, металлостеклом и биопластиками. Вот опять такое выплыло после чада и грязи на экран, словно осветило камеру, в которой сидел скованный Цай ван Дау, император без империи, жертва. Прозрачные чаны стояли ровными рядами, уходя почти к горизонту. Прозрачные трубы подпитывали чаны снизу, входя в них будто изогнутые щупальца кальмаров. В каждом чане стоял человек, лишь бритая голова его возвышалась над студенистой жидкостью, наполняющей чан – оскаленные рты, закатившиеся глаза, гримасы боли. Поначалу Цаю показалось, что люди стоят в чанах одетыми. Но приглядевшись, он понял, это не так – они были голые, просто тысячи темно-зеленых трясущихся головастика с налитыми кровью круглыми глазенками впивались в кожу, в каждый квадратный сантиметр кожи, сосали, выгибали прозрачные червеобразные хвосты, иногда отрывались, отплывали, не переставая трястись и дергаться, но тут же снова припадали к человеческому незащитному телу.

– Какая гадость! – просипел Цай. И ему опять вспомнился рассказ Ивана про далекую, полумистическую Систему, там тоже миллионами выводили, выкармливали зародышей – одутловатые, сонные женщины-матки рожали их, а потом по морщинистым трубопроводам они попадали в аквариумы с питательной смесью. Так говорил Иван. Но здесь они или им подобные сосали кровь из живых людей!

Знакомое лицо мелькнуло перед глазами Цая. Он вздрогнул. Нет, только не это. Показалось! Но лицо, будто выбранное из сотен других, наплыло, увеличиваясь, заслоняя все. Нет! Оно не было знакомым, просто Цай дважды видел его по визору, это один из друзей Ивана. Да, его звали Глеб, он командовал каким-то особым подразделением охраны. А теперь он там?! Вытянутое, узкое лицо, плотно сжатые губы, с опущенными уголками, глаза зажмурены, боль, страдание, но он держится, он не кричит, не молит о пощаде, какой ужас! Нет, лучше наложить на себя руки, чем вот этакое! Значит, они все там – и Дил Бронкс, и Кеша Мочила, и Гуг-Игунфельд Хлодрик Буйный, и Хук Образина, и Таёка, и Светлана, и огромный Арман-Жофруа дер Крузербильд-Дзухмантовский... все?! Нет! Лучше умереть. Им надо было погибнуть в бою! Хорошо сказать, погибнуть! Сам-то он не погиб, не удалось. Бедный Глеб! Эти кровососы не оставили на его теле ни одного живого места. И сколько так можно держаться, сколько так можно

страдать?! Вечно. До скончания веков, пока душа твоя еще принадлежит тебе и Всевышнему. Но откажись от нее, отрекись от Создателя своего и отдай душу во власть новым хозяевам Вселенной – и обретешь свое место в цепи воплощений, во мраке Пристанища. Безумие. Это какое-то безумие! Бессчетное множество чанов, бессчетное множество голых сизых голов! Инкубаторы ужаса. О, Боже! Где же Твоя справедливая длань?

Почему Ты допускаешь недопустимое?! Почему не покараешь извергов?! Ведь все во власти Твоей. Все! Цай ван Дау никогда не был особо богомольным. Если откровенно, он и не верил толком ни в Бога, ни в черта. Но сейчас он призывал Господа как самый рьяный верующий, как иступленный, яростный пророк, пропитанный верой до корней волос. Ему хотелось верить во Всевышнего и в Его силу, Его мощь... ибо ничто другое уже не могло изменить этого черного мира, ничто! Только чудо.

И опять на экране поплыл сизый дым, пахнуло багряным адским отсветом. И какие-то судорожные голенастые твари бичевали огромными страшными плетями из колючей проволоки голых и беззащитных, потерявших разум людей. Лоскутьями летела окровавленная драная кожа, багровыми ключьями вырывалось мясо, брызги крови заливали спины и голые черепа увернувшихся. Жертвы истерически вопили, хрипели, визжали, забивались во все щели, вгрызались зубами и ногтями в глину, в песок. Но спасения им нигде не было... А если оно и приходило, то оказывалось мучительнее казней и пыток. Цай с помощью этого колдовского экрана обрел вдруг способность видеть сквозь породу. И сердце как клешнями сдавило. Искалеченные, избитые голые люди ползли во всех направлениях, ползли норами и ходами, в коих еле протискивались их тела, задыхались, до мучительного, невыносимого удушья, захлебывались в сотрясающем тела кашле, но ползли и ползли вперед, и не было им ходу назад – в пятки впивались скрюченные пальцы ползущих сзади... а сверху, снизу, с боков, давили, давили, давили многие метры породы, глинистой, вязкой, непреодолимой. От одного вида этих мучений волосы вставали дыбом на голове. Цаю начинало казаться, что и он там, что это его бьют колючими бичами, его распинают, вешают, заставляют червем ползти в земле. Преисподняя!

Но и на этом череда безумия не кончалась. В подземных озерах рогатоголовые топили людей, они сбрасывали их с ус-

тупов в бездонную черноту, и не успевали одни выплыть на поверхность, как на головы им сыпались сверху другие. Никто не мог высунуться из черных вод – острые багры стоявших ниже выползней вонзались в бритые черепа. И лишь тянулись наверх, из маслянистой жижи губы – глотнуть воздуха, хоть немного, хоть каплю. Но и этих смельчаков настигали стальные острия, сокрушая зубы, дробя челюсти... Звери! Звери! Они в тысячи раз хуже самых лютых зверей. Это нечисть, не-люди! Сатанинские порождения, слуги дьявола...

– Нет, это не сами хозяева мира тьмы, – будто угадав мысли Цая, изрек Крежень, – это такие же люди, наши братья по разуму и по планете-матушке. Это они посещали черные мессы по всей Земле, по всем планетам Вселенной, это они приносили человеческие жертвы и верили в Черное Благо, в возвращение изгнанных в иные измерения, они готовили их приход. И им воздалось за это. Сам видишь. Они получили право терзать сородичей. Их переродили генетически, и они стали дьяволочеловеками, они стали почти бессмертными и вездесущими. И они нужны хозяевам... как нужен им я, как нужен ты, урод. И горе тем, кто обречен быть живым мясом, горе! Гляди. И думай!

Цай все знал про сатаноидов. Но одно дело знать. Другое – видеть и понимать, осознавать. Вот они выродки, низшие выродки, подонки – теперь они наверху! Но не они правят пир. Совсем не они! Все кончилось. Земля. Человечество. Будущее. Нет ничего – ни жизни, ни смерти, ни здоровья, ни болезней, ни подлости, ни чести, ни долга. Ничего нет. Ведь и долг бывает кому-то или перед кем-то. Никого нет. Ни-ко-го! Эти голые, бритоголовые уже не люди, не человечество. Значит, он свободен, он никому ничем не обязан. И никто не сможет его обвинить. Победили сильные. Кроме них никого нет. И его удел служить сильным, только так, другого выхода не будет. Он служил Синдикату, Восьмому Небу, дозврывникам, Синклиту, Гуговой банде... теперь пришла пора служить этим. Служить? Нет!

Цай встряхнул головой. Они не подавят его направленным психовоздействием! Он не человек, он не землянин.

– А ты знаешь, урод, – неожиданно перешел на шепот Говард Буковски, – знаешь, что ни одному из них, этих червей и слизней, этих ничтожеств, что трутся сейчас друг о друга голыми задами в подземельях, ни единого раза даже не намекнули, что они должны отречься от своей души и передать ее в

руки того, чье имя непроизносимо? Ни разу, ибо даже это было бы давлением, нажимом. А они должны отдать ее добровольно, по своему и только своему желанию, без подсказок... понимаешь меня?

Цай все понял сразу. Это трагедия. Страшная, невыносимая трагедия. Неужто он прав? Неужто стоило бы лишь намекнуть им – и миллиарды, десятки миллиардов, перед лицом страданий и мук, сами вошли бы в лоно дьявола? Нет! Миллиарды... да не все. Врет Седой. Нечего обо всех судить по себе!

– И что случилось с теми, кто отрекся? – через силу выдавил Цай.

– Увидишь еще!

А на мрачных экранах в каких-то мерцающих прозрачных сосудах, уходящих гирляндами вниз, в необозримую пропасть, маленькие черные паучки с осмысленными глазами выжирали внутренности обреченных. Вот он «новый порядок»! Новая реальность! Сверхразумная раса, ее первенцы, пожирала прежних обитателей Земли – деловито, спокойно, осознавая свое право на это. Людишек бросали сверху, как бросают в аквариум прожорливым рыбам извивающегося и жалкого мотыля. На Цая нахлынуло гнетущее и обессиливающее оцепенение. Все напрасно. Все бессмысленно. Он реагирует по-старому: возмущается, нервничает, психует, сопереживает, бесится, негодует... Зачем? Почему?! В этом мире не нужны старые чувства, здесь все за гранью прежнего мира. Все! Тут все за гранью добра и зла. Здесь терзают, распинаят, убивают так же обыденно, буднично, привычно, как в мире прежнем воспитывали, учили, обслуживали и развлекали. Людской биомассой выкармливают пауков? Ну и что! В прежней жизни сами люди своими же покойниками откармливали червей земных. Распинают, вешают, топят? Так ведь за всю историю рода человеческого столько же себе подобных распяли, повесили, утопили, что этим, нынешним, еще и не скоро угнаться за прежними. Адские муки, страдания, боль... А разве их мало было в последние тысячелетия? Мачеха История шла по трупам растерзанных, замученных, запитанных до смерти – тысячами, миллионами, сотнями миллионов. Что же тут нового?! Все уже было!

Цай свесил свою уродливую голову на грудь. Мутные слезинки текли из его глаз. Нет, не надо себя уговаривать, не надо утешать. Все было, да не все! Не существовало допрежь сих черных дней силы, что могла бы отнять последнюю наде-

жду, вырвать душу из тела терзаемого и завладеть ею или сгубить ее по своей воле. Не было такого прежде! Всегда и везде мученик и страдалец, чье тело пребывало во власти врагов его, знал – душа им недоступна. Недоступна! И этим жив был Род Людской, да, не биологический вид двуногих сапиенсов, а созданные по Образу и Подобию!

Надо смотреть. Надо запоминать. Как бы страшно и горько ни было. Даже если он останется единственным свидетелем, пусть, значит, так назначила ему судьба, значит, это его крест. Цай поднял голову.

На экране исполинскими прессами давили толпы несчастных, превращая их в месиво, а затем в бледно-розовые подрагивающие брикеты. Это вообще невозможно было понять.

Но услужливый Крежень пояснил:

– Самые умные, гляди, гляди на них! Они уже распрощались с душами, сами отдали их во власть существ высших, еще и умоляли, нижайше просили принять их. И к ним снизошли. Они остались плотью, наделенной разумом, интеллектом. И все! Но они прервали цепь страданий, у них, пока еще у немногих, хватило на это мозгов. Их законсервируют в брикетах до лучших времен. Прямо скажем, эти – материальчик третьесортный, дерьмо. Гляди, сейчас я тебе покажу, что ждет лучших, самых здоровых и мозговитых. Только не распускай нюни!

Изображение на экране дрогнуло. И снова выплыли из кровавого марева чистенькие залы с почти нормальным освещением, множеством прозрачных и полупрозрачных сосудов и рядами конвейеров. Меж мерно гудящими лентами сидели на высоких сиденьях студенистые козломордые гадины с выпученными бессмысленными глазищами и отвисшими нижними губами и при помощи нехитрых тесачков и пил с кольчатými электроприводами потрошили медленно продвигающихся на лентах по всему залу голых вспоротых людей. Поначалу Цаю показалось, что люди мертвы, что это трупы, а козломордые – что-то навроде патологоанатомов. Но все было не так, люди дергались, вздрагивали, стонали, хрипели, задыхались, но не могли даже приподняться над толстой лентой конвейера. А их мучители деловито, ловко, быстро, но как-то слепо, будто неживые куклы, вырезали из тел сердца, почки, селезенки, вскрывали черепа, доставали мозги – и тут же вынутое опускали в сосуды – мерно, спокойно, по-деловому, каждый орган в свой сосуд. Окончательно выпотрошенные

тела тихонько уползали куда-то в темень, в неизвестность. Да, здесь явно был более чуткий подход к «биомассе».

– Не надо удивляться, – снова заговорил Крежень, – наша допотопная техническая цивилизация привыкла иметь дело с железяками, проводами, схемами, двигателями и прочим мусором. Новые хозяева Вселенной – цивилизация высшего порядка, демоны иных измерений – носители концентрированной психоэнергетической сущности, стустки психополей. Они сами, не имеющие изначально плоти, умеют ценить ее. Прямо говоря, только они-то и ценят плоть по-настоящему! Воплощение! Для цепи воплощений и перевоплощений нужен биоматериал, постоянно нужен – кровь, мясо, нервные клетки, костный мозг... особенно разумная ткань. Не думай, урод, что я просто безмозглый иуда, предатель, который будет служить любому хозяину, лишь бы шкура была цела да деньгу платили! Нет! Я много размышлял обо всем. Я начал постигать то, что тебе только открывается, давно, десятилетия назад. И я поначалу жалел наш выродившийся двуногий вид полуразумных, жалел человечество, Землю. Но потом я понял с предельной ясностью, понял абсолютно четко и необратимо – они имеют больше прав на нашу плоть и кровь, чем мы сами. Людишки – это недосущества, это лишь навоз в почве, на которой должно вырасти нечто подлинное, вечное, ценное. Они разумней нас в тысячи раз. Просто у них иной разум! Это ослепительный, всевидящий, всемогущий Разум! И жестоко, несправедливо, что миллиарды лет он был заточен в потусторонних сферах, в тисках неведомой нам преисподней, в незримых и неосязаемых измерениях ада. Несправедливо! Они не имели подлинной плоти. А мы, низкие, грязные, неразумные, подлые, имели ее. Но так не могло продолжаться долго. Им было Предначертание – от своего всевышнего, из тьмы времен и пространств. И это Предначертание начинает сбываться. Слышишь, урод, еще только начинает сбываться. Их нет на Земле, здесь лишь их тени, неизмеримо далекие отражения подлинных хозяев. Но они явятся. Явятся в своей непостижимой сущности, чтобы лишь частью своей, одной из ипостасей войти в те биокадавы, что будут подготовлены к их приходу из людской плоти и крови. И они материализуются, они воплотятся во Вселенной! И это будет вершиной творения – венцом Мироздания! Понял? А мы лишь песчинки, ускоряющие ход времен, мы служители самого естества и справедливости. Ты прекрасно знаешь, а Иван покойный и еще

лучше знал, что на Земле в секретных лабораториях, на опытных заводах уже давно велись биоразработки новых видов существ – приспособленных, сильных, способных жить и в воде, и в космосе, летающих, прожигаящих льды, практически неубиваемых. Тысячи моделей были воплощены в жизнь. Но не смогли пока найти и создать той, что стала бы достойной, что могла бы принять в себя их потусторонний дух, стать их телом. Прделано немало. Работают и сейчас...

Цай ван Дау слушал, верил и не верил, и терзался странной мыслью – дозврывники, ведь они тоже не существовали во плоти, они, незримые, нейтральные, ни во что не вмешивающиеся наблюдатели?! А если это они? Нет, не может быть. Дозврывники, цивилизация, жившая до Большого Взрыва, сумевшая выжить после него, выскользнуть из лап вселенской смерти, уйти в энергетические формы бытия. И выползни из ада, потусторонние, страшные, чудовищно непостижимые твари, одни лишь тени которых на Земле породили фантастические, пугающие легенды о том свете, о мирах, подвластных дьяволу. Что между ними общего? Ничего! Одни действуют, завоеывая Вселенную, отбирая плоть и кровь у низших рас. Другие молча наблюдают – они беспристрастны и глухи к страданиям, к борьбе добра и зла. Нет! Защиты ждать неоткуда. Только Он. Вся надежда на Него! И упование одно – на Чудо!

– Гляди, урод! И думай, коли мозги твои еще варят. Ты сможешь выбрать любое тело – самое прекрасное, гармоничное и самое страшное, всеильное... Ворочай, ворочай своими извилинами.

Взору открылось подземелье сумрачное, с низкими сводами, уходящими ввысь лишь у самых стен. А стены были прозрачны, и за ними, будто в заброшенных, заросших водорослями и грязью аквариумах, в мутноватом растворе высвечивались голые тела.

Тела эти меняли свою форму прямо на глазах. Вот только что перед Цаем висел в жиже обычный человек с раскнутыми руками, чуть поджатыми ногами, бритой головой. Глаза его были прикрыты. На лице – отупение. И вдруг тело дернулось раз, другой, лицо исказила гримаса боли, глаза широко раскрылись, язык вывалился. И началось: руки стали расти, удлиняться, становясь уже совсем не человеческими, огромными, крючковатыми, страшными, таз разбух, раздулся, и сзади, сначала малыми хвостиками, но по мере роста удлиняясь, ста-

новясь все более мощными, сильными, начали вырастать звериные жуткие лапы, да и сами ноги раздались, удлинлись, тоже стали звериными, обретя хищные когти. Человек изменялся на глазах, превращался в какое-то дикое чудовище. Даже лицо его обратилось жуткой мордой с выдвинутой вперед челюстью. А спина выгнулась назад и вверх горбом, большим, неестественным, набух огромный нарывающий волдырь, а потом из волдыря этого, словно прорвавшись, выбились и затрепетали в жиже два серых кожистых крыла, какие бывают у летучих мышей. С экрана на Цая смотрел безумными глазами невообразимый четырехногий, криворукый, когтистый и крылатый демон. Он уже почти не помещался в аквариуме, но еще набирал роста и сил. Все произошло за считанные минуты. В это было трудно поверить. Но Цай уже ничему не удивлялся. Знал – никто его не дурит, не обманывает.

– Он тоже продал душу?

Крежень злорадно ухмыльнулся, вздохнул.

– Я тебе уже говорил, урод, никто здесь ничего не продает, тут все отдают даром, по собственной воле, – сказал он, – разумеется, и этот червь распрощался кое с чем, и он обрел бессмертие в цепи перевоплощений. Закон Пристанища незыблем – ничто не должно окончательно умирать! все должно истекать из одного в другое, и так всегда! Но я добавлю тебе, урод: одни в своих воплощениях подвластны внешней воле, другие наделены правом выбирать... не всегда, но часто, очень часто, одним дается право выбора, другим нет. Понимаешь?

– Как только вы перестанете быть нужными, они избавятся от вас! – прохрипел карлик Цай.

И тут же снова получил кулаком по затылку, снова прикусил язык. Но это не обескуражило Цая ван Дау, беглого каторжника и наследного императора. Он начинал совершенно четко осознавать одно – раз он здесь, в этом сгустке тьмы, а не там, в подземном аду, значит, он им зачем-то нужен. А раз им нужны услуги «червей, слизней и недочеловеков», стало быть, не такие они всемогущие.

И все-таки Цай поинтересовался:

– И так повсюду?

– Да, – ответил тусклым голосом Говард Буковски, он же Крежень, он же Седой, – на всех планетах земной федерации примерно то же самое... а кое-где и похуже.

***Околосолнечное пространство.
Орбита Трансплутона.
Звездолет «Ратник». 2485-й год.***

Светлана, нервная и возбужденная, сидела у краешка резного стола огромных размеров почти нос к носу с седоусым и важным адмиралом. Он никак не хотел ее понять – возвращаться сейчас на Землю было смерти подобно.

– Вы поглядите назад, барышня! – басил он в усы, пряча глаза под седыми бровями. – Это же не боевой корабль, не флагман никакой, это богадельня с крылышками. Вон, обернитесь... богадельня, ей Богу!

За спиной у Светланы, прямо за прозрачной перегородкой, разделившей адмиральскую каюту на часть маленькую, где они и сидели, и часть огромную, занятую эвакуированными с Земли женщинами с детьми, старцами, мальчишками и девочками, и впрямь было нечто среднее между детским садом и приютом для престарелых.

– И так на всем корабле! – адмирал был явно удручен, даже за эти бесконечно долгие недели он не привык к новому положению. – Все помещения, все шлюзы, приемники, ангары, переходы, каюты, все и везде, барышня дорогая, забито беженцами. Ну куда с ними можно идти?!

– Я вам не барышня, черт возьми! – Светлана стукнула кулаком по столу. – Я офицер Дальнего Поиска! И я не призываю вас разворачивать звездолет. Для десантной операции нужен один, от силы два боевых шлюпа, не больше!

По сути дела она была права. Да и добровольцев на «Ратнике» нашлось бы с лихвой. Каждый день, каждый час имел значение. Боевой всепространственный звездолет типа «черное пламя», базовый флагман Второго Межзвездного флота исполинской черной тенью, с вырубленным освещением висел за уродливым, искореженным донельзя и продуваемым всеми космическими ветрами Трансплутонном, в сотнях миллионов километрах от несчастной Земли. Висел... и ничем не мог помочь несчастным. Да и некому было помогать, наверное. Светлана хорошо помнила, что творилось там в последние дни трагедии. Там не могло оставаться ничего живого. И все же она верила, что Иван там, что он ждет помощи, их помощи. И она не могла сидеть сложа руки. Лучше умереть!

Адмирал разгладил усы, поднял свои выцветшие стариковские глаза, заглянул в ее глаза, молодые, но измученные, воспаленные, непросыхающие от слез. Ему было тяжело говорить правду, но, видно, скрывать её и дальше нельзя, хватит скрывать, все равно когда-нибудь она узнает.

– Ну, ладно, хорошо... – начал он медленно и тяжело, будто наматывая неподъемную якорную цепь, вытягивая из пучины непомерный груз. – Хорошо, раз вы офицер, тем более, слушайте. Мы опоздали! Это сражение проиграно... а кулаками после драки не машут.

Он уставился на огромную картину в резной раме. На картине старинный фрегат-красавец, задрав корму к синему небу, медленно и величаво шел ко дну. Ничто не могло ему помочь. Грозная картина, трагическая картина. Что ж, и проигрывать сражения надо уметь.

– Поздно? – не поняла Светлана. И рванула серебристый ворот, отдирая его, срывая с полусакафа, затянутого черными ремнями.

– Да, поздно, – адмирал был печален. – Вы принимались со всеми наравне, как и поступили, верно?

– Верно.

– Но я узнал вас. Вы жена Верховного...

– Это не имеет значения! – вспылила Светлана. – Мы обязаны сделать рейд на Землю. Забрать выживших, уцелевших!

Адмирал грустно улыбнулся, откинулся на спинку роскошного резного кресла. Была б его воля – несмотря на годы, болезни, сомнения, он повел бы весь флот на противника, он сокрушил бы его, пусть и вместе с Землей, пусть, главное, не сдаваться, не опускать флага перед вражьей силой, бить ее! бить!! бить!!! Но ему некуда даже высадить всю эту миллионную богадельню! Некуда! Ни одной свободной от нечисти и пригодной для жизни людей планеты. Ни одной! А с ними он связан по рукам и ногам. Он опутан цепями, кандалами! Разве в шлюпе дело!

– Вы говорите так, – пробасил он еле слышно, – я старый человек, мудрый, я все знаю, поверьте. Вы говорите так, а думаете о нем, о вашем муже.

– Да! Я верю в Ивана! Я хочу спасти его, забрать из этого ада! Я обязана сделать это! Он вызволил меня из Осевого, он выкрал меня из Системы! Это он меня спас, дал мне вторую жизнь! И я не могу его бросить в беде!

– Верховный мертв, – еще тише сказал адмирал.

Светлану сковало судорогой. Она онемела на минуту. Потом выдавила хрипло:

– Что?

– Он застрелился. Это проверенные сведения. Увы!

– Нет, – она сдавила виски руками, – нет, только не это!

– Он не покинул своего корабля, – громче и тверже произнес адмирал, вставая, – он не покинул Земли, не сошел со своего капитанского мостика. Он поступил как подлинный русский воин, как офицер, как главнокомандующий. Он умер с честью, когда ушли все. Он выполнил свой долг!

– Нет, неправда... – Светлана вдруг осеклась и зарыдала захлеб, в голос. Она уже понимала, что это истинная правда, что Ивана нет, что его не будет, нигде, никогда. И все же она продолжала настаивать, сквозь всхлипы, еле выдавливая из себя слова: – Дайте мне шлюп... я должна... я обязана... я заберу его тело! Вы не вправе отказать мне, не вправе!

Ответом ей было суровое, тягостное молчание.

Земля. Россия. Деревня Кочергино. 2485-й год.

– Вот так-то, мать вашу! – процедил Кеша и опустил луче-
мет.

Они медленно, будто ожидая подвоха, подошли к обугленным трупам рогатых тварей. Останки выползней были густо залиты студенистой жижей.

Кеша пнул сапогом ближайший труп, перевернул его, заглянул в выжженные глазницы. Сатаноид был мертв, однозначно и абсолютно мертв. Даже не верилось! Они все были мертвы, будто их всех изгрыз своими смертоносными клыками оборотень Хар. Но Хар никого не грыз, наоборот, он сам с недоверием и опаской обходил тела нечисти, помахивал своим драным хвостом, поскуливал.

– Стало быть, этих тварей можно бить! – сделал вывод Иннокентий Булыгин. – Еще как можно!

Он был доволен собой. И теперь у него появилась в жизни цель – хорошая, добрая цель, бить, давить эту поганую нечисть! И плевать он хотел на довзрывников! Плевать на всякие там барьеры... не они его вели, не они! только он сам! и никто больше! Кеша просто жаждал сейчас, чтобы в мозг его как бывало прежде проник мерзкий глас довзрывников, вяк-

нул бы чего-нибудь. Ох, он бы и послал их куда подальше! так послал бы, что век не забыли б! А ну, давай только, попробуй! Но злокозненные и коварные нежити молчали. И Кеша со злости пнул сапожищем еще один обгорелый труп.

Что-то светящееся и извивающееся выскользнуло из-под выползня, юркнуло в потемки, в слизь и грязь, пропало из виду.

– Хар, держи гада! – выкрикнул Кеша и ткнул пальцем наугад.

Оборотень ринулся вперед и вниз коршуном. У него был особый нюх.

И уже через две минуты Хар держал в зубах бьющегося тонкого червя с красной просвечивающейся головкой и двумя выпирающими глазами, переполненными ненавистью. Хар ждал команды, чтобы перекусить гадину пополам.

Но Кеша не спешил. Он даже присел на корточки, всмотрелся в омерзительную тварь. Червь был разумным. Он уже видал таких. Да все руки не доходили. И Иван рассказывал в свое время про Пристанище, там таких было пруд пруди, в башке у каждого чудища, у каждой уродины, у каждого упыря и у каждого огромного монстра сидел эдакий жалкий и крохотный червячок с горящими глазенками. Сидел и управлял биомассой... Биомассой? Кеша призадумался. Может, это они самые и есть, властители мира, выходцы из преисподней? Вот тебе и раз! И это они, гниды поганые, взяли верх над сорока миллиардами землян, вооруженных такой мощью, что впору сотни галактик сжечь единым залпом?! И это они, глисты глазастые, называют людей низшей расой, предсуществами, амебами, слизнями?! Нет, неправда... Кеша вытащил из бокового клапана скафа сигма-скальпель.

– Брось его! – приказал Хару.

Оборотень с явным неудовольствием разжал зубы.

Червь выпал. И прямо на лету Кеша рассек его бритвенным лучом, рассек на две половины. Они тут же распались, но едва коснувшись жухлой листвы под ногами, слились, свились, срослись мгновенно... и полыхнуло сиреневым мерцанием, высветился словно пронзивший землю лиловый дрожащий туннельчик. И все исчезло.

– Зря! – посетовал Хар. – Надо было его убить.

– Будешь гоняться за каждым, – с раздражением просипел Кеша, – а их тыщи, едрена нечисть! Их не перебьешь, гадов.

Как в сказке – срубашешь, зараза, голову змеюке поганому, а взамен две новых вырастает!

И все же Кеша расстроился не слишком сильно. Главное, их можно бить. Бить во время их сатанинских бдений, во время их дьявольских молитв, когда они сползаются, цепенеют, когда на них изливается из иных измерений мерцающая лиловая сила, живая сила для них, страшная. Вот тогда они и беззащитны. Вот тоща с ними и надо иметь дело.

– Не горюй, Харушка, – Кеша потрепал оборотня по загривку, – на наш век нечисти хватит. Пойдем-ка восвояси! Навоевались мы сегодня.

За все эти долгие дни Иннокентий Булыгин, рецидивист, беглый каторжник и добрый малый, не повстречал еще во мраке, на почерневшей земле ни единой живой души. Это его печалило, наводило на грустные мысли. Но он был готов мстить в одиночку. Мстить до самой смерти.

***Система. Невидимый спектр.
Зона приятия. Год 128-й 8586-го
тысячелетия Эры Предначертаний,
месяц забвения.***

Напряженное, всевозрастающее зудение не смолкало вот уже второй час Гаам Хаад, тайный владыка двуногих, терял самообладание. Ему обещали, что все будет как и прежде, что после обычных церемоний и проверок его введут в чертоги и выслушают, чтобы принять решение. Но сейчас творилось нечто неопишное, тягостное и болезненное даже для него. Гаам уже и позабыл, когда он в последний раз принимал человеческий облик. Это было давно, перед самым бегством с Земли, после того, как Синклит, а точнее, все его действительные члены, приняв истинное обличье, расползались по своим черным дырам, чтобы покинуть обреченную планету. Они властвовали над ней в меру возможности, не переходя грани, за которой им самим грозило раскрытие и неминуемое наказание, казнь. Властвовали тысячелетиями... И вот пришел черед исполнения Предначертанного. И впервые за века их узнали, восстали на них. Гаам Хаад уходил последним. Уходил, чтобы вернуться.

Трепещущие в восходящих потоках инфернополей щупальца, неисчислимые заросли щупалец, будто пористые

длинные водоросли колыхались в лучах заходящего Черного Солнца. Бесформенные тела хозяев предначертаний пульсировали, меняли цвета и объемы, раздувались и опадали, дрожали мелкой, нервической дрожью в такт то нарастающему, то стихающему сладостному зуду Приобщения. Утомительное и бесконечное наслаждение перетекало, переливалось в будоражащий, всеохватывающий экстаз. Избранные выходили за пределы Невидимого спектра, чтобы простереть свои всепроникающие обличия и ипостаси во все доступные измерения, ощутить себя целиком, воплотив в единый Черный Дух Невидимого Отца все свои разбросанные по мирам сущности и приобщиться к тому высшему и недостижимому, что породило их, что дало им право быть избранными. И это было безмерным наслаждением.

Посланник Гаам Хаад мысленно, потаенно, чтобы не уловили психоволн другие, ругал самого себя. Он допустил недопустимое. Он перешел барьеры дозволенного. Слишком большая часть его слишком долго пребывала в облике двуногого. Он вобрал в себя больше, чем следовало бы от этих недосуществ, от именующих себя людьми... И вот первые признаки отступничества: ему нелегко здесь, он должен напрягаться, он – всесильный и всемогущий, облеченный властью над миллиардами...

Зуд стих внезапно.

И в тишине чуть не оборвалось сердце Гаама Хаада.

Он вдруг увидел себя парящим в самом центре проявившихся из Всеверхнего измерения предварительных чертогов Отца. Тысячи остальных избранных застыли мерцающей сферой вокруг него, в переплетениях колышущихся волокон мрака. Сейчас они, сыны Всеразрушающего, пронизывали его сущность насквозь. И они уже знали обо всем, как знали и раньше. Но они ждали его слова, слова вернувшегося Посланника, ибо слово принятого и не отвергнутого становится частью Слова Оттуда.

Хаад видел тысячами своих глаз во всех измерениях каждого из внимающих ему. И он знал – они ждут. Пора.

Мысль его открылась, породив в кривизну сдавленного, вывернутого гиперпространства Чертогов шипящий свист:

– Вы слышите меня, владычествующие мирами, всепроникающие и вездесущие, слышите и знаете, сколь чист я пред Вель-Ваал-иехава-зоргом, Всеуничтожителем! Но прежде чем открыть вам то, что известно всеведущим, и призвать к ис-

полнению Предначертанного, братья мои во черном сиянии Великого Солнца нашего, восприимите покаяние мое! Ибо пал низко и грешен перед вами, дарователями Черной жизни, ибо проведя века, подобно иным посланцам Незримого в обличий живородящей двуногой твари низшей расы, проникся слабостью низших и утратил силу сильных! Виновен. И сознаю это, веря в милосердие ваше и сострадание! Тридцать веков незримо и неведомо для предсуществ обитали мы во Вселенной двуногих. Тридцать веков мы вели их путем, указуемым нами. И пусть Вселенная двуногих не самая великая и населенная средь сонмов вселенных Мироздания и Черных миров, но и на неё простиралась воля Высшего Разума, воля Всеразрушителя, Всевышнего нашего, а значит, и ей отводилось место в исполнении Предначертанного Извне. Верно ли слово мое?!

Взрыв нестерпимого зуда сдавил его растекающееся тело со всех сторон, сжал в трепещущий комок... и отпустил. Они, избранные, хозяева сущего, верили в него, зная все до мельчайших подробностей о Земле, о земной федерации, о всех веках ее существования, о разоблачении посланцев и наместников Черного Блага, о восстании, о войнах, о проникновении вползающих первыми... обо всем. Верили. И ждали. Ибо не словом вершилась воля владычествующих мирами. Верили. Ибо здесь, в Надпространственных Чертогах, не лгут.

– Игрою порожденные во мраке Черной Пропasti обретут же и погибель свою в игре не зримых ими! По записанному в Скрижалях наших: жди! и не уподобляйся в нетерпении и алчи пресмыкающимся во прахе пред тобою! жди Предначертанного, чтобы воплощаясь в последнем из оставшихся миров ипостасью своей, объять все сущее и внесущее, и сказать – я исполнил волю Твою и стал Тобою, Переустроитель Мироздания, во всех пространствах и измерениях! и нет больше света! есть лишь владения Твои! есть пастбища, в коих Ты господин! Так войди же плотью слуг Твоих и сынов Твоих в еще один мир! И предай, Всененавидящий и Всекарающий, нам силы для исполнения воли Твоей! И сними барьеры, удерживающие нас! И открой нам всемогуществом Твоим сквозные каналы, дабы явиться не теньями, но карающими перстами Твоими! И сокруши, о Великий Вель-Вaal-иехавазорг, Губитель света, вставших на пути Твоем!

Гаам Хаад, облеченный и воскресший в роде своем, внезапно смолк, ощутив, как начинают пронизывать его здеш-

нюю плоть пульсирующие психоизлучения тысяч избранных. Вот он, Голос! Они услышали Голос, пришедший из Океана мрака. И они приняли его. Значит, так тому и быть. Значит, Большая Игра состоится! Значит, он уловил Волю и вошел в Систему не случайно. Так и должно было свершиться. Оцепенение покинуло перерожденного Посланника и Владыку Гаама Хаада. Он уже видел не своим, потусторонним взором, как восстают мертвецы в Залах Отдохновения, как вырастают причудливыми многомерными решетками во мраке кристаллы хрустального льда, как колыхнулся сам Океан тьмы, по коему углой ладьей плывет Мироздание. Видел, как один за другим бесследно лопаются в черных непроницаемых толщах отвратительные, жалкие, ничтожно-беспомощные и непостижимо страшные пузырьки вздымающегося из глубин Пропasti света.

Периферия Системы. Видимый спектр. 2235-й год, июль.

Отец повернул голову к матери ровно настолько, насколько смог, ему мешали вывернутые руки, каждое движение причиняло лютую боль.

– Не бойся, – проговорил он, еле шевеля пересохшими губами, – это недоразумение. Или дурацкий розыгрыш. Скоро все это кончится, и мы вместе посмеемся. Не бойся!

Он старался, чтобы голос звучал уверенно, хотя слова его были обычной утешительной ложью. И она знала об этом. Знала и молчала.

Шестиногие полумеханические твари сновали рядом, что-то подправляли, переделывали, замеряли, будто это не они прикрутили их с поистине нечеловеческой жестокостью к поручням внешней смотровой площадки. Это было невозможно, недопустимо! Но они приковали их к изъеденному Пространством железу, будто имели дело с куклами. Нет, розыгрышем здесь и не пахло.

– Они там, с ним, – проговорила мать. – Понимаешь, он там, с ними?!

– Они его не тронут, успокойся. Даже дикие звери не трогают детей.

– Эти совсем другие! Они хуже зверей! Они нелюди!

– Не надо делать преждевременных выводов.

– Смотри! Не-е-е-ет!!!

Он оглох от ее крика.

И чуть не закричал сам.

Один за другим из рубки корабля выбрались в Пространство три коренастые фигуры без шлемов и скафандров, в сероватых, перехваченных ремнями комбинезонах с короткими рукавами и штанинами, открывающими чешуйчатое тело. Головы были усеяны наростами, лица – неопишимо ужасны: трехглазые, с широченными носами, брыластыми многослойными щеками, множеством крупных отвратительных бородавок, и все это в обрамлении чешуйчатых пластин, свисающих с висков и затылка. Но самым страшным было иное, монстры отбрасывали на серебристую обшивку корабля ужасающие тени, совсем не похожие на них самих, искореженно-уродливые, рогатые, нервически трясущиеся, будто в болезненном припадке... это была невообразимая картина, от нее можно было лишиться разума. Глаза не выдерживали, не принимали этой жути.

И все же не она вырвала безумный крик из горла матери и сдавила сердце отца. Нет, совсем иное! У одного из монстров в страшной, когтистой, восьмипалой лапе был зажат их сын, их малыш! И на нем не было ничего!

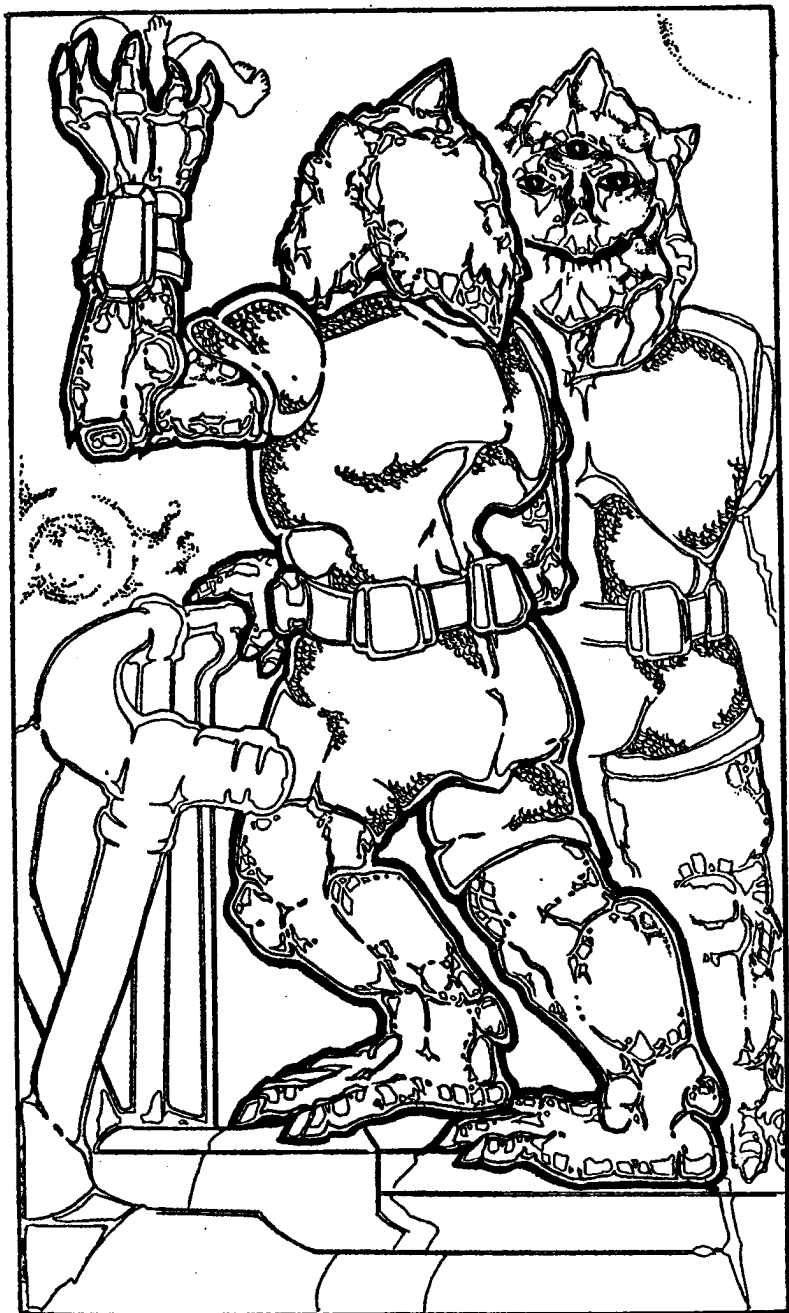
Отец рванулся что было сил. Но лишь ослеп на миг от страшной боли в вывернутых суставах, глаза словно расплавленным металлом залило. Крик в его ушах не смолкал.

Когда зрение вернулось, он увидел, что ребенок цел и невредим, что его не разорвало в клочья внутренним давлением, что он не задохнулся в пустоте, не превратился в кусок кровавого льда... Он был жив, шевелил ручками и ножками, тарашил на них большие серые глазенки.

– Вот видишь, – сказал он матери, – они не делают ему зла, они все понимают, у них есть силовое поле, оно прикрывает и его.

– Неважно! Главное, он жив! Видишь, он махнул мне ручкой, высунул язычок, он зовет нас к себе, видишь?!

Отец все видел. Но он видел и другое – киберы подогнули катер, развернули его соплами к поручням. И он все сразу понял. Это не игра, не розыгрыш. Тени монстров становились все ужаснее, они жили сами по себе, уродливо изгибались, трясли рогатыми головами, сверкали прорывающимися багряными, прожигающими глазками, бесновались... и заходились в непонятной, болезненной дрожи.

– Это конец...

Она отозвалась сразу. Она тоже все поняла.

– Ну и пусть! Пусть они сожгут нас. Главное, чтобы он остался жить! Понимаешь, главное – чтобы он!!!

Вырвавшееся из отверстий пламя дохнуло жаром в лица. Но это пока лишь казалось, скафандры защищали их, да и пламя было слабеньким, жалким. Они старались не смотреть на него, они смотрели на своего сына – такого беззащитного, такого невероятно живого на фоне черного, пустынного Космоса, в этой бездонной вселенской Пропасти, в которую падают все сущие миры.

А пламя становилось все сильнее. Теперь оно обжигало, лизало жаростойкую ткань скафандров, стекла шлемов.

– Прощай, – сказала она ему.

– Прощай! – ответил он. И снова рванулся из пут.

– Не надо, – попросила она дрожащим голосом, – не надо. Пусть видят, что нам наплевать на них!

– Ты права, – простонал он. Боль становилась невыносимой. – За нас еще отомстят! Я верю!

– Нет!

– Но почему?! – он еле сдерживался, чтобы не закричать. Казалось, пламя прожигало его тело насквозь. – Почему? Он выживет! Я точно знаю! Он выживет и вернется сюда. Он отомстит за нас! И это будет самая справедливая месть на свете! Гляди, он кричит!! Он зовет нас!!!

Но мать уже не видела своего сына, своего единственного ребенка. Дрожащие, бушующие снопы пламени заполнили жаром и огнем все вокруг, ослепили. Она уже не могла говорить. Она прохрипела, задыхаясь, стараясь удерживаться, сколько это будет возможным, на краю сознания, преодолевая боль, она прохрипела зло, не по-женски:

– И я верю! Он выживет! Но он не придет сюда мстителем, он не умножит зла... а если будет так, то ляжет на него мое, материнское проклятье!

Она не успела договорить – пламя наконец справилось с термостойкой тканью-металлопластиком. Вспучилось, вздыбилось, наткнувшись на живую плоть, словно взъяренный безжалостный хищник. И тут же пожрало ее, обратило в невидимый газ, растворившийся в Пространстве.

Она ушла всего на миг раньше.

Но он успел процедить, успел, умирая, сгорая в бушующем ослепительном аду, выдавить из стиснутого судорогой горла:

– Не проклят будь, но благословен! И воздай каждому по делам его! И не будет тебе покоя в жизни, не будет! Иди по следу врага нашего, мстящий за нас. Иди!

Нет, не слова вырвались из горла умирающего, лишь мысль – предсмертной мгновенной молнией промелькнула в мозгу.

И не исчезла, не пропала, не растворилась во мраке. Но воплотилась в Предсущем и Извечном, в Созидающем исполнителей Воли Своей по Образу и Подобию Своему.

Изреченная немо отцом, достигла Отца.

И явилась слышащим Глас Вышний:

– Мне отмщение, и Аз воздам. Иди, и да будь благословен!

Часть Первая

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

*Зангезея. Правительственные
катакомбы. Год 8356-й
от Великого Потопа.*

Сихана Раджикрави не мучила совесть. Он был слишком стар для этого, бесконечно стар. Но не было во всем огромном, населенном людьми мире никого моложе его – даже родившийся минуту назад у какой-нибудь юной мамыши младенец был на пять веков старше прожившего тысячи жизней Первозурга. Ибо младенец появился на свет в двадцать пятом веке, а Сихану предстояло родиться в веке тридцать первом. Впрочем, какие сейчас младенцы! какие мамыши! Особенно

здесь на бестолковой и разгульной Зангезее. Эти самые мамыши и папаши в прежние добрые времена на Земле и по всем планетам Федерации пугали своих малышей, дескать, будешь себя плохо вести, сгинешь на страшной и лютой чужбине, куда в конце концов попадают все невоспитанные детишки, двоечники, прогульщики, лентяи, воришки, воры, каторжники, мошенники, убийцы и насильники, и истлеют твои косточки белые в чужой земле, имя которой Зангезея. Детишки слушали с замиранием сердца, трепетали. А путь на распутную и загульную Зангезею не был заказан никому.

Сихан Раджикрави прилетел на Зангезею сам, никто его не тащил сюда, не толкал в спину. Проклятый XXV-й век! Он никак не мог вжиться в этот мир, ощутить себя в нем своим... какой там свой! все было чужое, далекое, неприемлемое. Поначалу ему казалось, вот стоит только немного обустроиться на Земле, войти в колею – и все пойдет как по маслу, он будет жить жизнью самого простого, обычного человека, обычной и простой жизнью – что может быть лучше?! – нет, миражи, грезы, сорок миллионов лет потустороннего вневременного и внепространственного бытия давили на него базальтовой тяжестью сотен тысячелетий, гнули, расплющивали, не оставляли надежды. И бежать от этого гнета было некуда. Какая там, к черту, Зангезея! И на самой Земле не было для него преград и заслонов. Он мог все, или почти все. Он был живым богом в сравнении с этими младенцами-человеками. Он был всемогущим... А они даже не ведали, что бог снизошел к ним из далекого их будущего, не знали, что он уже явился к ним – и видит их жалкими, невежественными и суетными, погрязшими в зависти и ненависти друг к другу. Днями и ночами блуждал он среди своих пращуров и проникался к ним все большей неприязнью. Стоило покидать Чертоги, кишасщие змеями и червями ползающими, чтобы очутиться среди червей двуногих, изъедающих друг друга, предуготовляющих свой собственный скорый конец! Нет, не будет никакого XXXI-го века, никогда не будет! И все бывшее с ним – сон, болезненно-яркое и светлое – светлое ли? – наваждение!

Первое время Сихан почти не вспоминал про своего спасителя-вызволителя. Слишком крепкие цепи уз могут задушить. Иногда надо забыть даже добро. Особенно, если оно непомерно большое, огромное, невозместимое – все равно не расквитаться, не расплатиться. Да и не тот человек Иван, чтобы сидеть у порога должника да требовать отдачи долгов, уж

в этом Первозург не сомневался. Забыть! Надо все забыть. И жить, как живут другие – спокойно, размеренно, беззаботно и тихо. На какое-то время им овладела навязчивая идея обрести свое прежнее тело. Он просыпался с этой мыслью и засыпал. Хотя и непросто было вернуться к обыденной земной смене дней и ночей. Сихан заставил себя жить как жили все. А вот заставить идею уйти туда, откуда она внезапно возникла, не смог, не сумел. И он сам стал мелочным и суетным, так ему казалось, он бродил по улицам будто неприкаянный, бродил и всматривался в лица. Ему верилось, что он помнит себя самого – того исходного, первоначального, которого и звали Сиханом Раджикрави. Это было словно игрой – он не желал пользоваться видеокартотеками спецслужб, хотя запросто проник бы в любую из них, он не желал пронизывать толпы полями, сидя далеко от них, он не хотел применять того, что было непонятно и неведомо для пращуров. И он находил даже какое-то щемящее наслаждение в том, чтобы бродить среди них, касаясь в движении простых смертных локтем, плечом, смиренно улыбаясь, когда они наступали ему на ноги и толкали. И он нашел своего двойника. Это произошло в пригороде Мадраса. Высокий и худой мужчина лет семидесяти, в расцвете сил, стоял понуро и мрачно пред развалинами древнего всеми позаброшенного и позабытого храма. Лицо у него было узкое, темное, с вдавненными, почти синюшными висками, тонким носом без горбинок и провалов, тонкими и ровными губами. Под глазами у человека темнели большие и почти черные мешки, но совсем не болезненные, а естественно дополняющие образ. Серые брови, серые очень короткие волосы бобриком... но главное, большие серые глаза. Это были глаза еще той давней и почти сказочной расы, что пришла сюда из далей не ведомых здешним аборигенам, из бескрайних степей и лесов, гор и приморий, где спустя века образовалась Европа и где жили испокон веков россы, племя не выродившееся и не вознесшееся, но растворившееся среди сотен племен и народов. Были глаза эти будто вратами в нездешние искрящиеся миры – недоступные и вышние. Сихан Раджикрави замер, будто к нему, заключенному в иное тело, полное, сильное, кряжистое, но чужое, поднесли вдруг зеркало. Он узнал себя. Он нашел себя!

Остальное было делом техники. Пришлось долго выжидать, пока незнакомец выйдет из своего задумчивого состояния. Но Сихан был терпеливым. Он не хотел ускорять собы-

тий, все должно было произойти естественно. И он дождался. Седой очнулся, повел глазами и столь же понуро побрел к улице, вьющейся змеей по пригороду, влился в толпу. А Сихан уже все знал про него – бывший волхв, изгнанный из общины за прелюбодеяния, хронических заболеваний нет, силен, здоров, умен, пребывает в унынии, но это не беда, не беда. Сихан пристроился рядом, почти рядом, чуть впереди, всего на полкорпуса. Теперь они оба вместе с толпой шли по пружинящему тротуарчику вдоль гудящей, гремящей, грохочущей улицы – гравикары, автомобили, миниходы ползли сплошной чередой, выставив панцирные спины, будто стадо послушных животных, гонимых в одном направлении. Надо было лишь сделать небольшой шаг, чуть приподняться над барьером... и Сихан Раджикрави сделал его. Медленно наползающий роскошный поликар показался ему подходящим, он дернулся, будто пытаясь обогнать идущего впереди, подпрыгнул, споткнулся о барьер – и полетел под сверкающие гравиполозья. Расчет был безошибочным. Седой изгой произвольно выбросил вперед правую руку, чуть коснулся локтя падающего... но не успел придержать его. Не успел! Все свершилось в мгновения. Переход не занял и мига. Сихан Раджикрави, седой и высокий, с глубокими серыми глазами и черными мешками под ними, стоял у барьерчика. И смотрел, как полозья наползают на кряжистое, полное тело, как искажается гримасой боли одутловатое лицо. Все! Несчастный погиб, даже не осознав, что произошло. Мир его праху! Сихан тяжело вздохнул, выпрямился. Никакого уныния! Совесть его не мучила. И не потому, что он был старше всех во Вселенной, и не потому, что моложе его никого не могло быть еще целых пять с лишним веков. Сихан Раджикрави, родившийся человеком и проживший тысячи жизней, уже не был человеком. Он был чем-то иным, не понятным самому себе.

И теперь он сидел в правительственных катакомбах Зангези. И не знал, что делать.

Он привык к своему новому телу быстро, на второй день. Это было подлинным воскрешением из мертвых. Но ни один смертный никогда бы не понял Первозурга, никогда бы не смог познать на себе – каково все время обретаться в чужой шкуре, как это гадко и противно, тяжело и досадно. Сихан Раджикрави обрел себя. Но недолго пришлось ему радоваться. Сначала Иван нарушил его душевный покой, своевольно и неожиданно прорвавшись на крыльях запретных черных по-

лей в пропасть Пристанища... Вся эта авантюра изрядно попортила крови Сихану, на какой-то миг, вопреки здравому смыслу он сам проникся одержимостью, поверил – это шанс! это возможность все выправить и вернуть! Не вышло. Ивана удалось вытащить из кошмарных, смертных измерений... а на душе осталась незаживающая, рваная рана. Потом он просто жил, пытаясь обрести покой в отрешении и обуздании гордыни – ведь, что ни говори, он вошел в чужой монастырь, и надо было вести себя в нем по его законам. И тут монастырь этот взорвался с такой дьявольской силой, что Сихан даже растерялся. Ведь он никогда всерьез не занимался ею, но все же достаточно знал историю Земли, историю человечества от самого зарождения и до проклятого черного понедельника 14 июля 3089 года от Рождества Христова. Он мог поклясться на чем угодно, что никаких бунтов, восстаний, переворотов и прочих глобальных катаклизмов во второй половине XXV-го века не было, и быть не могло! Но события разворачивались не по учебникам. Горела Европа! Горели Штаты! Замерла в тягостном затаенном напряжении Великая Россия! А он забился в свою скорлупу и выжидал. И он догадывался, что снова чудит этот русский, что именно Иван затеял нечто непонятное и непредсказуемое. Надо было вмешаться сразу! Но... кому надо? Он делал все наоборот, он ушел в себя, не связался с Иваном, хотя мог это сделать в любую минуту. А когда на белый свет вылез из потаенного мрака первый выползень, Сихан Раджикрави все сразу понял. Полигон! Это его собственные детища! Они сломали все преграды. Они разрушили все барьеры. Они пришли, черт побери, на Землю! Они сокрушат здесь все, они камня на камне не оставят! Джинн вырвался из бутылки. А виноват во всем он – изначально виноват. Но он не испытывал ни угрызений, ни мук совести. Напротив, в те дни, когда первые и жалкие вурдалаки впивались в глотки обескураженных, перепуганных смертных, он ликовал – тихо, сдержанно, внутренне. Это его победа! Это он создал существ более совершенных, чем двуногие разумные сапиенсы. А значит, он превзошел Творца! Он смог свершить то, что недоступно самому Создателю – он, Первозург, Первотворец!

В тот день он бродил по разрушенному в недавней войне и уже полувосстановленному Парижу. Еще ни одного вурдалака не было в городе, а людишки в панике и страхе забивались по своим щелям, норам, боялись высунуть носа из квартир и хижин, домов и дворцов. Он поднялся на самый верх

древней Эйфелевой башни. И взирал на ничтожных, копошащихся внизу. Он, ставший сильнее не только их самих вместе взятых, но и их Бога! Он, всемогущий и всевластный... Холодные ветра обдували Сихана, леденили лицо и руки, остужали, но не могли остудить. Это было просто каким-то приступом безумия. Черным злорадствующим демоном нависал он над Парижем, надо всем миром. И пылающее, огнедышащее самолюбие, рвущееся наружу, распирало его наподобие бурлящей лавы, распирающей чрево вулкана, рвущейся наружу из его смертоносного жерла. Он ликовал!

А люди уже умирали – по всей планете, особенно у полюсов – зло шло оттуда. Когда Сихан спустился вниз, ужас стоял над парижскими мостовыми. Он бросился к центру – черной тенью, ликующим демоном. И где-то на полпути его чуть не сшибла с ног толпа, вырвавшаяся из подземки. Обезумевшие, ошалевшие от страха люди диким животным стадом неслись, сломя головы, ничего не видя... и тогда он узрел рогатого, который в слепом неестественном прыжке вонзил черные когти в плечи отставшей дамочки, рванул ее на себя, впился клыками в затылок. Она взвизгнула, и тут же смолкла, валясь по ступенькам вниз вместе с выползнем. Картина была мерзкая и отвратительная.

Нет, не так он представлял себе приход вурдалаков на Землю. Сорок миллионов лет они окружали его в Пристанище. Сорок миллионов лет они жили во плоти, созданной им и уже позже ими самими. Они были страшны, необузданы, коварны, хитры, неостановимы... Но они были не такими, совсем не такими. Они зашли слишком далеко, выращивая себе подобных не в замкнутом мире тысяч свернутых созвездий, а здесь, на Земле. Это их творения, да, а вовсе не его! Сихан подошел тоща ближе к лежащим на ступеньках. Ногой отпихнул тело дамочки. И наотмашь ударил носком прямо в морщинистое рыло выползня. Тот сразу позабыл про жертву, вскочил на свои кривые заросшие темно-рыжей шерстью нижние лапы, расставил когтистые ручищи и слепо, роняя кровавую слюну, пошел на Сихана Раджикрави. Но он не знал, с кем имеет дело. Выползням, даже самым тупым и зверообразным, почти ничего не соображающим, не полагалось шутки шутить с первозургами. Рогатый замер в порыве, потом медленно, очень медленно, отошел к бирюзовой стене, привалился к ней, и начал уже было сползать вниз, но остановленный недоступной ему волей окаменел, застыл. Сихан сдирал с

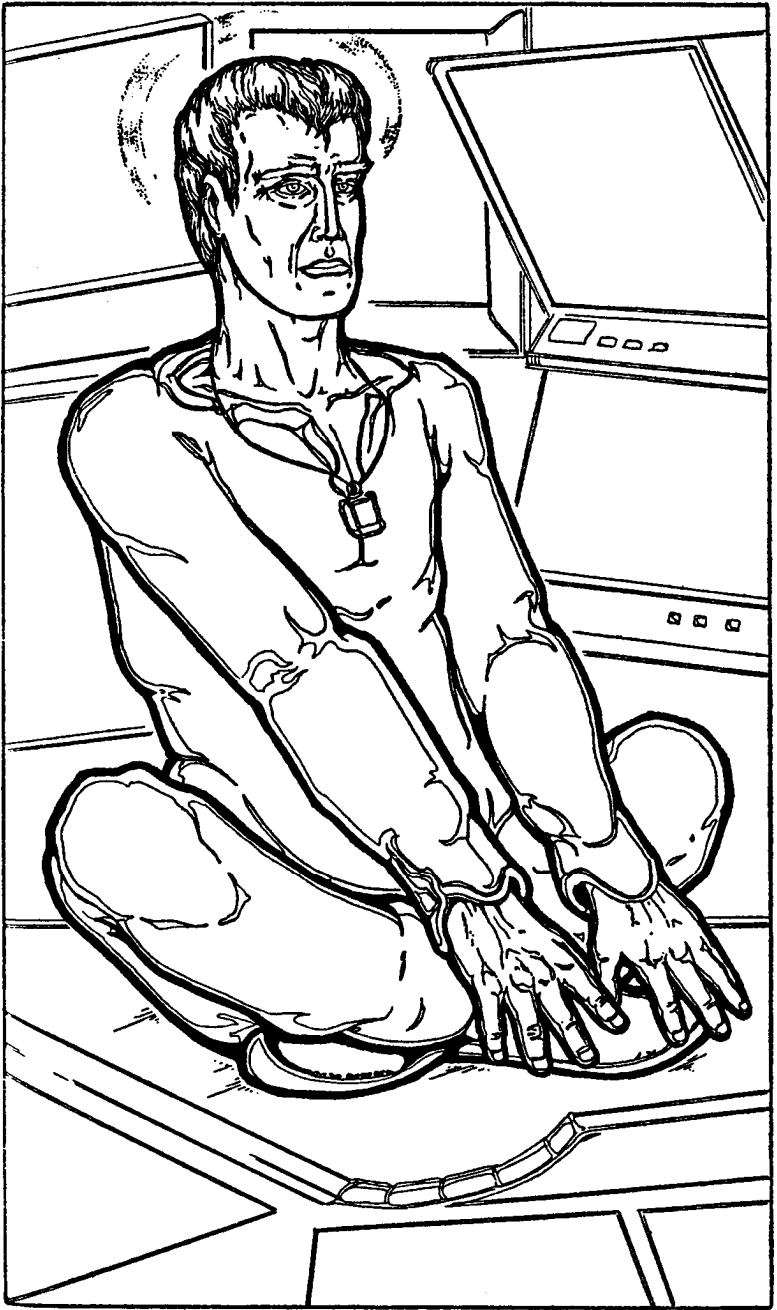
выползня слой за слоем. И это не были слои кожи и мяса. Это были слои трансмутации, слои почти нематериальные. Он хотел видеть исходное естество. И он его увидел – у стены оцепенело стоял парень лет восемнадцати, худосочный, изможденный, голый, с длинными пейсами, свисавшими ниже подбородка, изгрызенными синюшными ногтями, черными немывтыми ступнями и черной наколкой над левым соском «666». Сатанист. Самый обычный завсегда черных месс, такие во все века одинаковы, что в XIII-м, что в XXV-ом, что в XXXI-ом! Вот она, первооснова. Это не его детища... а детища его детищ. Ничего не поделаешь, Полигон – саморазвивающаяся система. Ему не остановить ее развития. Не остановить! Сихан снял заговор, и тщедушный юнец мешком упал на ступени, покатился вниз. Плевать. И на дамочку плевать. Сихан Раджикрави уже не был человеком. Он умел укрощать свои чувства. Ликование ушло, будто его и не было. Но и разочарования не наступило. Все дни земного кошмара он был лишь неммым свидетелем. Повторяя одно и то же: «Не мною вы созданы на погибель свою. И не Творцом. Но самими собою – алчными, жестокими и злобными!». Он видел то, чего не видел никто: сами люди уничтожали людей. Да, обитатели Полигона открыли сквозные каналы. Но они не стали делать грязной работы, они оставили ее самим недосудностям, низшей расе. Не это главное. Суть в ином. Ведь не только Полигон был замкнутой, недоступной системой. Но и Земля, весь мир земных тварей. Теперь Земля со всеми планетами Федерации, заселенными человекообразными, несущими в себе земной мир, больше не замкнуты. Они доступны иным силам! Что ж, сомнения оставили Первозурга: Вселенная устроена проще самой простой трехъярусной этажерки. Сорок миллионов лет он постигал мудрость Мироздания. А этот выскочка и верхогляд Иван постиг ее за годы. Теперь Сихан знал точно, под Вселенной вселенных, связанные миллиардами подпространств, ярусов, миров-гирлянд, сфер-веретен, переходных слоев и сквозных каналов, висит вне любых пространств и измерений не одно лишь разросшееся, гипертрофированное Пристанище, но и самая подлинная, самая реальная из всех трех существующих миров субстанция, определяющая ход вещей везде и повсюду... – Преисподняя. Значит, она есть! Ничем другим логически связанную цепь событий, захлестнувших Мироздание, не объяснить. Но тогда его роль во всем этом... Первозург стиснул виски ладонями. Нет! Хватит!

Он видел все – от начала и до страшного, опустошительного конца. Реками лилась кровь, стон и ужас переполнял умирающую планету. Но не кошмары нахлынувшего внезапно апокалипсиса мучили Первозурга. Нет, его переполняло другое. О н и есть! Значит, это абсолютная и непреложная правда... все, что говорил Иван! все, что подтверждалось позднее! Он шел к нему в Чертоги, не ведающий своего предназначения, но начиненный более страшной для Сихана Раджикрави, чем тысячи тонн тротила, сверхпрограммой, о которой он сам и знать не знал. Шел, чтобы убить его! И вовсе не «серьезные», не особая ложа Синклита, заложили в Ивана эту убийственную сверхпрограмму – эти марионетки были всего-навсего исполнителями и х воли – воли Преисподней. Это Она стремилась уничтожить Первозурга! Да, теперь Сихан до боли ясно видел очевидное. Но зачем?! Настойчиво, упорно, последовательно, шаг за шагом о н и несут ему смерть – ему, почти бессмертному, почти богу, постигшему тайны Бытия, единственному выжившему из создателей Полигона-Пристанища. Но почему?! И о н и бы давно уничтожили его, давно бы убили. Он просто опередил и х предугадав страшное, еще и не ведая о нем, исходя из мрачных предчувствий и... черного заклатья, наложенного на Ивана, да-да, именно так! Он закодировал себя двенадцатью слоями, наложил семь заговоров – он стал для н их не просто невидимым и неслышимым, он стал абсолютно прозрачным именно для н их ! Это необъяснимо, но он дважды обязан жизнью этому русскому! Страшно и подумать, что могло бы случиться, будь на его месте любой другой. Сихан Раджикрави припоминал подробности бегства с заколдованной, непостижимой для чужих планеты Навей. Он ушел. Но о н и продолжают охотиться за ним. Почему? А потому, что он унес с собой тайну Пристанища в мир смертных, вот почему! Но не только поэтому. Преисподней плевать на Пристанище, как Пристанищу плевать на все ложи Синклита и на сам Синклит вместе с земными отделениями Черного Блага. Для Преисподней Пристанище лишь дверь сюда, только дверь и ничего больше... Да! Вот причина! Он один во всех вселенных верхнего яруса «этажерки» знает, как можно захлопнуть эту дверь. Захлопнуть навсегда. Он один. И это приговор. Неумолимый, не подлежащий пересмотрам смертный приговор для него, Первозурга, Сихана Раджикрави, возмнившего себя богом!

Вот почему он бежал сюда, на содрogaющуюся в судорогах беспечную и вымирающую Зангезею, в неприступные катакомбы диктатора Эригамбы-V, державного властелина коренных родов планеты бандитских притонов. Бежал с уже почти погибшей Земли. Земля и х цель, главная цель. Зангезея обращается вдали от земных миров, на самой окраине Федерации... хотя кое для кого это и есть самый центр, пуп Вселенной. О ни придут и сюда, придут вслед за выползнями и вурдалаками Пристанища, но придут позже... И куда ему тогда бежать?! Некуда. Он замкнется в катакомбах как замкнулся в свое время в Чертогах. И вновь потекут миллионы лет? Нет, только не это!

Сихан вспомнил, как визжал коротконогий лопоухий диктатор Заур Мамбон Эригамба-V, когда он его вышвыривал наружу. Это был визг бешеного арузарского страуса, сатанеющего во время тока. И было от чего визжать. Катакомбы по праву считались самыми неприступными в Федерации, Эригамба-V вложил в них все свое сказочное состояние – с волками жить, по волчьи выть. Эригамба-V никому не доверял, ни своим племенным родам, ни стекавшимся на Зангезею со всех миров головорезам. И понапрасну охрана диктатора полосовала фантом Первозурга сигма-скальпелями, выжигала лучеметами, бросалась на него с кулаками... она просто не знала, что живущим в XXV-ом веке не дано сил и умения, чтобы совладать с ним, рожденным в XXXI-ом. За сутки Сихан вычистил катакомбы, вымел, выветрил и закодировал. Они стали его неприступнейшей крепостью. Бункером, который и м, посланцам Преисподней, никогда не обнаружить. Ничего большего он сделать пока не мог.

Сихан не отключал внешних экранов. И потому он видел, как сразу два шустрых выползня завалили Заура Мамбона, несколько не считаясь с его родовыми титулами и высокими званиями, прогрызли броню полускафа и впились в виски. Да, тут все протекало не так резво как на Земле-матушке, тут еще толком не разобрались, что это за рогатые парни объявились всем на удивление, тут еще пили, гуляли, веселились, резались, стрелялись... короче, делали все то, что и положено делать на воровской планете, куда стекаются усталые и нервные деловые ребята, чтобы отдохнуть, поразвлечься, свести счета на толковищах и перевести в оргиях дух перед очередным налетом. Трансляции с Земли прекратились сразу после взрыва Космоцентра Видеоинформа, и потому зангезейцы почти

ничего не знали о трагедии в Солнечной системе. Первых выползней, прущих без разбору, рогом, тут принимали за озверевших инопланетных беспредельщиков и встречали в ножи, резали в лоскуты, не вникая в детали.

Да, так было поначалу. Сихан Раджикрави все видел на обзорных экранах. А когда дело дошло до серьезного, половина «крутых» рванули когти с чужой для них Зангезеи – капсулы, космолеты, рейдеры стартовали тысячами каждый божий день, который длился на этой планете всего шесть часов по земному времени, а оставшаяся, другая половина решила не сдавать рогатым «малину», полечь костыми, но вырезать нечисть подчистую, чтоб неповадно было. Отчаянные парни остались на Зангезее, лихие и бесшабашные, которым судьба индейка, а жизнь копейка, одним словом, не дутые фраера, а отпетые головорезы, готовые не посрамить чести вселенского воровского братства... Только до Сихана дошли слухи, что не на одной лихости собирались держаться оставшиеся, что именно на Зангезее слинявший было Синдикат решил дать последний и решающий бой рогатым, а потому и не поспешил по случаю: головорезов буквально засыпали смертоноснейшим оружием последнего поколения да боеприпасами к нему. За три дня, по ходу дела отбиваясь от выползней, не протрезвевшие, но решительные и отчаянные смертники позагоняли в подземные бетонные убежища всех коренных зангезейцев, не различая баб, стариков, детей и местных ретивых джигитов, которые любили покрасоваться в седлах и с лучеметами, но воевать могли только из-за угла – вдесятером на одного, позагоняли куда подальше, чтоб только не мешались. Убежища были против глубинных зарядов, по триста пятьдесят метров титанобетона, таких нигде во Вселенной никогда не строили... И пошло-закрутилось побоище, нашла коса на камень. Много чего повидал за свою миллионлетнюю жизнь Первозург. Но такое и ему было в диковинку. Братва грудью перла на рогатых, давила отвратительных студенистых чудищ, жгла их, резала, обращала в пар, не разбирая, где свой, где чужой, без жалости и пощады. И ежели выползень выскакивал из дыры или расселины прямо в гуще братвы, впивался в глотку ближайшему, то тот первым хрипел: «Руби его со мной вместе!» И рубили, резали, кололи, разрывали, сшибали рога... Но чем сильнее давили нечисть, тем все больше и больше ее лезло изо всех дыр. О, безумный, безумный мир! Теперь Сихан не ликовал и не скорбел. Теперь он был в смятении. Ни на

одной планете, ни в одном обитаемом мире никогда не было столь много сатанистов. А это означало, что его детища или выращивали рогатых или клонировали их в бессчетных количествах, тупо, слепо, копируя худшее... Пристанище мельчало. Вырождалось? Нет, только не это! Как бы плохи ни были его создания, они не имели права вырождаться, мельчать, деградировать! Они были запрограммированы на восхождение в самосовершенствовании, а не на слепое копирование. И это его дети... Сихан сам не имел ни отца, ни матери, он был дитем из пробирки. Но он был творцом. И он был отцом. Подлые, страшные, чудовищные, смертельно опасные, сказочно сильные и фантастически умные, сверхразумные – его дети, пусть и такие, но только не вырождающиеся, не изгнывающие изнутри, нет! Создавая их, он убивал в них то, что гнездилось в его нутре, гнило в его мозгу. Нет, он не был законченным дегенератом, он не был даже больным, полувыводившимся гением, отстающим всего на шаг от безумца. Но он, он один, чувствовал теплое, неостывающее в своей голове, в своей груди – там уже шло разложение, шло. Там начинало гнить – неостановимо, необратимо. И замкнувшийся Полигон спас его! Он не погиб выродком. Случилось чудо. Но и они не должны были стать выродками! Они были совершенные еще тогда, 14 июля 3089 года, в тот черный понедельник. И они развивались все сорок миллионов лет. Развивались вне времени и пространства, не имея доступа в Преисподнюю. Потому что так хотел, так повелел он, ничего тогда не знавший о ней, не веривший в нее и даже не мыслящий о ней. Теперь все походило на страшный и глумливо-позорный фарс. Задуманное великим оборачивалось мелким, гадким и мерзким. А цивилизация, его цивилизация гибла!

В самый разгар безудержного и бесшабашного побоища, прямо на столицу Зангезеи родовой град Аган-Гез, разбивая в пыль, дым и огонь тысячи ракет аэрокосмической городской обороны, поливая пламенем и снопами излучений и правых, и виноватых, вздымая исполинские тучи черной сажи, песка, камней, обломков, обрубков, воды и пепла, плавя титановые крыши и мостовые, черным всесокрушающим птеродактилем из черных небес опустилась десантно-боевая капсула.

Сихан Раджикрави не сразу вышел из прострации, в коей пребывал трое последних суток. Даже он знал, что инструкциями и законами под страхом немедленной жесточайшей смертной казни не допускалась посадка десантных капсул на

обитаемые, заселенные мирным людом планеты. Да и какой бы командир, капитан, даже из самых отъявленных живодеров и садистов решился бы бросить боевой корабль в гущу людей? Нет! Невозможно!

Но черный утес капсулы стоял над самыми катакомбами, готовый сокрушить все вокруг, уничтожить любого, поднявшего голову. Это была леденящая кровь картина. Первозург откинулся в мягком гидроэмульсионном кресле, закатил большие серые глаза. Но это не помешало ему увидеть, как из капсулы, прямо из полуживого фильтра диафрагмы выпрыгнул наружу огромный детина в десантном скафе с полной выкладкой, прошел быстрым шагом с десятков метров, прошел по распростертым ниц телам братвы, разбивая прикладами бронбоек будто перезрелые тыквы головы поднимающихся вымпольней, круша все подряд на своем пути.

Сихан дал приближение. Проникся. И несмотря на то, что забрало скафа было опущено и непрозрачно, несмотря на молчание личного датчика детины, он уже знал его имя. И знал, что тот был плечом к плечу с Иваном. Но самое главное, он знал, что детина не спятил, не куролесит напропалую, что он не гулевой атаман разбойной шайки, и не очередной резидент спецслужб, не выходец из Преисподней и даже не посланец Синдиката... Детина, огромный и черный, шел именно к нему – Сихану Раджикрави. Шел, точно зная, что Первозург здесь. Это было за гранью возможного. И все же это было...

– Впусти меня! – прохрипело из динамиков катакомбной связи.

Сихан не ответил, он просто снял коды и заговоры. Автоматика сработала – детина провалился вниз прямо с почвой, на которой стоял, пронизывая слой за слоем.

В приемный шлюз Сихан вышел сам. И тихо спросил у поднимающегося с колен негра:

– Что тебе нужно, Дил Бронкс?!

Галактика Сиреневая Впадина. Левая спираль. Год 2485-й.

Хук Образина проснулся от дикого, невообразимого скрежета. Это уже не лезло ни в какие ворота – нервишки у Хука были расшатаны до предела, хоть вены режь, да еще

только с вахты, часа не прошло, как он забылся в тяжком, липком, удушливом сне. И вот-те на!

Три недели назад, а может, и все четыре, – у Хука мозги перекошились от этой катавасии набекрень – он прибился к гвардейцам самого Семибратова. Так получилось. Они отступали с боями, отбиваясь от нечисти чуть ли не голыми руками, кляня предателей-штабных, давших приказ на отход с Земли, размазывая слезы по щекам, матерясь и рыдая, понимая, что уходят навсегда и не желая смириться с этим. Хук сам только-только на ржавом, искалеченном в боях пехотном боте с тремя посадками, больше похожими на падения, перемахнул из Штатов через океан, полусумасшедший, растрепанный, растерзанный, падающий с ног выбрался из разваливающейся машины где-то под Барселоной. Два дня пер пехом. Потом попал в одну мясорубку, в другую, третью – одурел уже окончательно, ошалел до последней степени. Шум, гром, кровь, бой, клочья мяса, визг, стоны, рогатая сволочь, гадины какие-то... Хук постепенно пришел к мысли, что он уже давно сдох и все это происходит в аду. Ражие гвардейцы вытягивали с Земли последних уцелевших, без канители и церемоний кидали их в трюмы, попутно калеча и расшвыривая бессмертных, сатанеющих при запахе живой плоти, неудержимых и слепых в своей бесноватой алчи выползней. Хуку пока везло, и он помогал служивым. На паек они его поставили позже, в полете, когда подсчитали потери да прослезились – треть гвардейцев осталась лежать костями на родине, не собрать, не найти, не похоронить достойно – они затерялись среди гор трупов, среди тысяч погибших.

Низенький и усатый Семибратов сам подошел к Хуку.

– Кто такой?! – спросил и ткнул корявым пальцем в грудь.

Хук чуть не упал. Но ответил невнятно и смущенно:

– А хрен его знает, – он был в полупрострации, почти ничего не сообщал.

Семибратов довольно хмыкнул, потерял ус и распорядился:

– На сутки в отсыпку, потом на довольствие и на вахту!

– Есть! – бодро откликнулся Хук Образина и отключился.

Обязанности ему вменили простые – дежурить в трюмах, обеспечивать порядок среди беженцев. Но по Хуку лучше бы обратно в бой, в кромешный ад. Здешние мальцы, а особенно бабье, которое вообще на боевом корабле по всем приметам ничего хорошего не сулит, могли dokonать кого угодно. Трю-

мы звездолетов не были приспособлены для перевозок живого груза – а пить, есть и все прочее здесь почему-то все хотели, да еще подавай им, дескать, «хотя бы элементарные удобства!» За смену Хук Образина терял по три килограмма весу и доматывал оставшиеся недомотанные нервы.

Через семь суток, неспешно и в срок, все четыре боевых звездолета Особой гвардейской бригады Семибраторова вышли в запланированный район – и зависли почти в центре левой спирали тихой и мирной галактики Сиреневая Впадина. Приказ был простой – висеть и не возникать до следующего приказа. Он не нравился ни самому бравому Семибраторову, ни его гвардейцам. Но приказы не обсуждаются. Четыре могучих всепространственных корабля, оснащенных импульсными орудиями глубинного боя, гиперсетью «экзот-Х», увешанные, и ощеренные сотнями тысяч подуровневых торпед, грозные и величественные висели во мраке Черной Пропasti в семидесяти миллионах верст от ближайшей звезды – белого карлика Варрава-12. Висели и ждали...

От неожиданности Хук вывалился из гравигамака. Ну он сейчас покажет мерзавцам кузькину мать, врежет по первое число! Ишь, чего удумали! От дикого скрежета болели уши, заходило и без того загнанное сердце. Падлы! Хук был взбешен. Но автоматике его ячейки было плевать на его нервы. Чтобы выйти, надо влезть в скаф, заварить швы, нацепить шлем, который Хук успел прозвать колпаком. Все это Образина проделал за двадцать секунд, в два раза быстрее, чем полагалось по уставу.

– Ну, шуткари, держись! – сипел он, заранее предвкушая трепку, которую задаст нагловатым ребяткам из второго взвода защиты – они частенько подшучивали над добродушным и отходчивым «стариком» Хуком. Но на этот раз шутка была плохая.

Образина выскочил из бронированной ячейки внезапно, чтоб наверняка, чтоб неповадно... И растерялся. Забрало скафа автоматически защелкнулось. Остатки воздуха с диким свистом и ураганным ревом покидали огромный, бесконечный коридор-трубу. А прямо напротив, всего в восьми шагах, раздирая титаноирридиевую толстенную обшивку корабля уродливыми когтистыми лапами, разрывая ее как консервную жесть, лезли внутрь сразу три непостижимо-безобразных урда.

– Мать моя! – прошептал в изумлении Хук.

Ему показалось, что он вновь там, в земном аду, что все прочее было лишь дурманным сном, и вот он прочухался и снова... бой, визг, лязг, скрежет, трупы, кровь, смерть. Он уже изготовился, чтобы прыгнуть вперед и после обманного движения телом, сшибить рогатую башку... Но никаких рогов у непрошенных гостей не было. Зато каждый имел по три выпуклых, страшных, пылающих нечеловеческой ненавистью глаза. Да, это были отнюдь не выползны – вдвое здоровей, кряжистей, массивнее, они безо всяких скафандров лезли из пустоты и холода межзвездной пропасти, лезли нагло, дико, вызываяще.

Хук не успел осмыслить ситуации, в следующую секунду сбитый с ног, он кубарем летел по длинному коридору. Удар был небрежным, от него словно бы отмахнулись... и, наверное, от этого самого толчка пробудились шлемофоны: «Тревога! Тревога!! Тревога!!!» – бешено заколотило в уши.

Хуку не надо было ничего вколачивать в голову, он и так понял, что дело неладное. Еще на лету он успел, вырвал из заплечной тулы скафандра лучемер – и шарахнул назад, шарахнул наугад, вслепую. После этого упал лицом вниз, замер на миг, приходя в себя. Поднялся. На полусогнутых побрел назад, поглядеть на трупы названных гостей – бил он на всю катушку, после такого боя не выживают. Хук брел и щурил заспанные глаза. Творилось нечто непонятное. Никаких трупов в коридоре не было, как не было в нем уже и ни капельки воздуха. Зато откуда-то издали, из-за поворота доносились тяжелые приглушенные шаги, скрежет и лязг.

– Ну дела-а, – протянул Хук. И заглянул в пробоину.

Во мраке вечной ночи, почти не освещаемые тусклым белым карликом Варравой, висели два огромных серебристых шара. Хук знал наперечет все типы земных и инопланетных звездолетов. Но таких он еще не видывал.

Всякому терпению есть предел. Даже самые уравновешенные и хладнокровные бойцы в иных ситуациях выходят из себя, человек не камень.

– Да они просто издеваются над нами, гады! – в сердцах заорал Семибратов. И тут же закусил ус, стиснул кулаки – негоже распускаться перед подчиненными, нехорошо. Но и выдержка лопалась.

Бой шел больше часа. И Семибратов мог поклясться родной матерью, что самое меньшее по два раза уничтожил каждый корабль противника.

А всего их было три. Чужаки вынырнули из другого пространства разом, внезапно – ни одна из систем раннего оповещения не сработала. Глубинные локаторы будто оглохли. Щупы и радары ослепли. Серебристые шары всплыли неожиданно-негаданно – так пузыри, вырвавшиеся из глубин поганого болота, разрывают тихую и мирную зеленую ряску... но шары эти в отличии от пузырей не лопнули. А поперли на бригаду. Не отзываясь, не откликаясь и вообще не желая ни коим образом поддерживать связь.

Гравитационный таран не подвел. Отшвырнул чужаков. Но лишь на время. Семибратов никак не мог решиться дать залп по непрощенным гостям, мало ли чего, а вдруг это мирная делегация с какой-нибудь Угогонды или космобаржа с беженцами? Семь слоев защиты пока еще семью незримыми бронями хранили за собой все четыре звездолета. Да и каждый из них, и красавец «Стерегающий», и ветераны «Быстрый» и «Беспощадный», и сам флагман «Могучий», держали не только круговую оборону, но и контролировали каждый свой участок пространства – попробуй прорвись! Беспokoиться и трепетать не было никаких оснований.

Однако тревога сразу закралась в душу генерала Семибратова. Он видел записи выброса из Вселенной корабля негуманоидов, помнил наказ Верховного: придут! обязательно придут, надо быть начеку! Но там всплыл совсем другой звездолет, уродливо-хищный, ошетиненный тысячами выступов, черный, огромный, ничего общего с этими шарами. Да и пришли на Землю совсем не те, кого ожидали... что ж, и Верховные правители люди, и они могут ошибаться. И все же предчувствие недоброго давило Василия Мироновича – гости пожаловали непростые, жди худа! И не надейся – никакая кривая никуда не вывезет. Перед грозой всегда тихо.

Бей первым! – так учат опытные бойцы и воины. Чего-чего, а опыта Семибратову хватало. Да рука не поднималась. Неловко... Расплата за доверчивость пришла быстро – еле видная шаровая молния зеленоватого свечения вырвалась из одного шара, прошла все барьеры, будто их и не было, вошла в сверкающий бок «Стерегающего»... а через полторы минуты рвануло. Да так, что светло в Черной Пропасти стало как на Меркурии в погожие деньки. А потом погасло разом. И ничего не осталось – ни от звездолета боевого, ни от всех сорока гвардейцев, сидевших в нем. Простота хуже воровства! Хорошо еще, что на «Стерегающем» беженцев не было, ни души,

негде их там расквартировать – новая конструкция, только-только боевому расчету уместиться.

– Прощайте, братки! – выдавил кто-то сквозь слезы за спиной Семибратова.

Они еще не верили собственным глазам. Так запросто уничтожить сверхсовременный корабль, который на стапелях десять лет простоял, пока не родился на свет во всем блеске, величии и неистребимости?! Да поздно горевать было.

И вот тут от генерал-майора, командира Особой гвардейской, уже ничего не требовалось. В таких случаях «большой мозг» бригады, как ему и было положено по уставу, брал командование на себя. Ответный, чудовищный по мощи залп со всех трех оставшихся звездолетов прогрохотал еще до того, как мерцающая молния вошла внутрь «Стерегающего», «мозг» среагировал на прорыв семи защитных слоев и долбанул в ответ без раздумий и сомнений. Три сотни гиперторпед, подкрепленные тремя концентрированными сгустками дельта-полей и шестью криптолазерными убийственно-пронизывающими иглами, настигли в доли мига все три серебристых шара... Такого удара не выдержал бы и сам дьявол. Стало темно, искривленные свернувшимся пространством звезды, посыпались искрами в разные стороны. Чужаки пропали.

– Туда им и дорога, – без облегчения и радости процедил генерал-майор.

Он думал тогда только о «Стерегающем», он был виноват, один он. Такая нелепая, непонятная гибель – мгновенная, жуткая. Даже не верилось, что это уже случилось, не верилось. Бывалые вояки, прошедшие через жесточайшие войны на окраинах Вселенной, стояли рядом в оцепенении. Ни один не мог понять, что уже началось. И это было страшно, ибо больше всего на свете страшит неизвестность.

– Вот твари! – сорвалось у кого-то.

А Семибратов закусил пшеничный ус Тряхнул головой.

На обзорных экранах с большим разбросом высветились еще три серебристых шара. Старые это были или новые, никто не знал.

– Семнадцатый внешний сегмент! Прорыв обшивки! – прозвучало сверху, из динамиков «мозга». – Тридцать четвертый сегмент! Прорыв!

Семибратов нахмурился. Но не повел и глазом. Мелочи! Автоматика сама зашьет пробоины. Наверное, осколками... хотя, какие там, к черту, осколки! Неважно! Сейчас Семибра-

тов в упор смотрел на чужаков. Больше он не имел права рисковать.

– Глубинный! – процедил он сквозь зубы.

Можно было и не говорить, «большой мозг» всегда настроен на психополе командира. Приказы обсуждению не подлежат. Но все шестеро присутствующих, в званиях от майора до полковника, молча уставились на вставшего со своего места невысокого и щуплого Семибратова. Не слишком ли?!

Заряд разорвался между тремя чужаками.

«Могучий» вздрогнул как живое существо. Замер. Почти две минуты ничего не было видно. Защитные барьеры еле сдерживали окруженное ими, не уничтоженное глубинным зарядом пространство – инструкции запрещали применять подобное оружие столь близко, лишь в самых крайних случаях, при угрозе гибели корабля. Но «мозг» не дал паузы, не запросил повтора приказа, значит, ситуация была чрезвычайной. «Быстрый» и «Беспощадный» ждали разъяснений и команд с флагмана. Там тоже ничего не понимали.

Мрак прояснился и снова высветились привычные, удаленные на тысячи парсеков звезды. От шаров не оставалось и следа.

Семибратов набрал полную грудь воздуха и уже собирался с облегчением выдохнуть его, когда на экранах позади, почти слитно, в одном пристрельном секторе, высветились контуры чужаков. Это было невозможно. После глубинного заряда ничто не может уцелеть! Другие! Это другие! Только так можно было объяснить невероятное.

– Давай экзот, вашу мать! – выкрикнул Семибратов. – Вышвырните их на... отсюда! Вон из Вселенной!!!

Все шестеро поспешно разошлись по своим местам, влились в защитнокоординационные кресла, изготовились. Они никогда не видели командира в бешенстве, в состоянии, граничащем с безумием. Они знали, что Семибратов бывал и не в таких переделках – четырежды, на Гарпагоне, в созвездии Серых Шакалов, на рейде Хаан-Урейды и на выходе из Осевого возле Антареса, в сражениях с аранайскими и гугензорскими вселенскими бандами он терял половину кораблей, оставался в разбитых, полурасплавленных десантных ботах, израненный, оглушенный, контуженный... но он никогда не орал благим матом, он всегда тихо и хитро улыбался, цедил свои привычные прибаутки из-под густых, слепленных почерневшей кровью усов и вселял надежду в слабых, в растерявших-

ся, приготовившихся к смерти. Никто не видал легендарного Семибрата в возбужденном и матерящимся. Это было что-то новое.

– Вышвырну-уть!!!

Экзот-Х, сверхоружие Великой России, последнее достижение земной цивилизации XXV-го века, четырьмя чуть пульсирующими красными шариками вырвалось из недр «Беспощадного» и «Быстрого», пошло незримой сетью на чужаков. Экзот отлично зарекомендовал себя не только на секретных маневрах в туманности Скорпиона, его испытали в деле, когда надо было убрать несколько пространственных баз Сообщества и пару назойливых зондов Синдиката, экзот выбросил из Вселенной корабль Системы, вырвав из него бот с трехглазым. Так было. И иначе быть не могло.

Ускользнуть из сети экзота не в силах ни что, существующее в Мироздании.

– Мы никогда не узнаем, с кем имели дело! Кто уничтожил «Стерегающего»! – осмелился подать голос капитан «Быстро». – Зачем...

Но договорить он не успел.

– Молчать! – прохрипел Семибратов. – Выполнять приказ!

Сеть шла на чужаков, охватывая их с четырех сторон – стоило ей замкнуться, и серебристые шары будут выброшены в иное измерение, откуда нет возврата во Вселенную. Только так. Только так! Семибрата трясло от нечеловеческого напряжения. Пока он один-единственный понимал, что происходило, больше того, что могло произойти! Прав был Верховный, прав! Вся эта рогатая сволочь, вся эта студенистая мерзость была даже не началом апокалипсиса XXV-го века, а всего лишь прелюдией. Землян нагло, бесцеремонно вышибли с сотен тысяч обжитых планет, с Земли, это ведь только помыслить – с Земли! Вышибли несколько миллиардов людей, бежавших в Пространство на всем, на чем только можно бежать! Вышибли, чтобы затравленных, загнанных уничтожить по всей Вселенной, устраивая самую настоящую неспешную и затейливую охоту! Игра! Страшная, непонятная игра! Ну почему он не выдержал, почему он сам себе пулю в сердце?! Эх, Верховный, Верховный! Семибратов готов был заплакать, зарыдать... и все же он не хотел верить в начавшееся, не мог, не имел права!

– Вышвырнуть к едрене матери!!!

Сеть замкнулась. Полыхнуло лиловым маревом.

Все! Кончено!

Семибратов откинулся в огромном кресле, сдавил подлокотники. Он победил. Он избавился от них. Отомстил за гибель «Стерегающего»! И плевать, что не удалось выяснить точно, кто, почему, в каких целях... все и так ясно. Врага надо уничтожить. Сразу! Быстро! Как можно быстрее! Беспощадно! Надо...

И вот тогда он заорал в сердцах, не помня себя, не сдерживаясь:

– Да они просто издеваются над нами, гады!

И повод для этого был.

Прямо с противоположной стороны от возвращающихся в ангары пульсирующих красных шариков, медленно, будто из тумана, вырисовывались серебристые чужаки – те или уже другие – не имело никакого значения.

Зеленоватая молния высветилась на подлете. «Быстрый» полыхнул тысячью сверхновых звезд. И ушел в небытие, оставив лишь огромное облако раскаленного газа.

– Надо немедленно уходить! – ударило беззвучно, но остро и безжалостно в виски Семибратову. «Большой мозг» предупредил его, командира. На иное он не имел права.

– Нет! – вслух ответил Семибратов.

Каким-то внутренним неизъяснимым чутьем он чувствовал – чужаки вынуждают их к бегству, они жаждут их бегства, жаждут преследования... охоты! Нет! Только не это! На «Быстром» погибло семьдесят два человека: тридцать бойцов, семь офицеров, тридцать пять беженцев – там было забито все до отказа. Мир их праху. Они умерли быстро, безболезненно, в очищающем огне. И души их, наверное, уже в вышних мирах, далеко от всей этой грязи и ненависти. Семибратов жалел, что он сам не погиб раньше, ведь он не раз стоял на краю, костлявая не однажды брала его за горло цепкой лапой. Ну почему, Боже, ему суждено было дожить до этого?!

– Тройной глубинный! Тройной полный! Огонь!!! – командовал он.

И своей волей, своей силой властвующего над остатками бригады бросил оба уцелевших корабля в подпространство, чтобы уже через несколько мгновений вынырнуть тут же у Варравы, но на полтора миллиона километров дальше, за спинами у чужаков. И не дожидаясь, пока те объявятся, на пол-

ном автопоиске он выбросил двойную сеть экзота. Должен! Должен сработать, черт его поberi!

Чудовищная мощь глубинных зарядов и полных залпов, вывернула пространство наизнанку, отбросила несчастного белого карлика, сорвав его с привычных, миллиардолетних орбит, едва не зацепила убийственными крылами своими выходящих из подпространства, оторвала с десятков ботов, искорежила мачты. Семибратова чуть не раздавило в его кресле... но он увидел то, о чем мечтал страстно, сильно, ради чего рисковал с ранним всплытием. Обломки шаров разлетались с бешеной скоростью, разлетались, чтоб попасть в сети экзота, чтобы сгинуть раз и навсегда, чтобы никогда не возродиться, никогда не восстать! Он уничтожил их! Теперь-то уж точно, наверняка! Вот сейчас можно уходить – неспешно, с достоинством победителя, что называется «отходить на заранее подготовленные позиции». Да, пора!

«Беспощадный» вспыхнул и исчез внезапно. Будто его и не было.

Зато совсем рядом с истрепанным, обгорелым флагманом высветились два огромных, испещренных вдавленными оспинами, не серебристых, но уже серых шара.

Семибратов с мучительной, сдавливающей сердце болью подумал о тех тысячах несчастных, что томились в трюмах «Могучего». Он понял – они обречены. Стоило их вырывать из алчных объятий выползней, чтобы погубить здесь, сейчас. Дай только, Бог, чтобы это случилось мгновенно, как с «Быстрым», «Стерегущим», «Беспощадным». Дай, Бог, чтобы несчастные ничего не увидели, не поняли, чтобы смерть их настигла в безмятежности и полной уверенности, что они под надежной защитой, что им ничего не грозит – зачем им, страдальцам и мученикам, пережившим ад на Земле, повторять его круги здесь, во мраке Пространства!

– Выбросить сигналы и буи: «Погибаем, но не сдаемся!» – тихо сказал генерал-майор Василий Миронович Семибратов, командир Особой Гвардейской бригады.

У «Могучего» не оставалось сил, чтобы удерживать защитные поля. Боезаряд был почти исчерпан... да и что в нем толку. Торпеды? Излучатели? Сотня термоядерных снарядов? Это ничто для чужаков.

– Идем на таран! – предупредил он боевых товарищей. Всем быть готовым, драться до последнего...

Что толку в его командах! Экипаж был готов умереть с оружием в руках, тут не могло быть сомнений – гвардейцы умирают стоя. Но беженцы?! Нет! Им пощады не будет...

– Двадцать четвертый сегмент! Прорыв! Даю обзор!!! «Мозг» гремел динамиками на пределе. Изображение потусторонних шаров исчезло.

И высветился один из трюмовых отсеков. Лучше было бы не видеть, того, что происходило в нем.

– Сволочи! – простонал Семибратов, выхватывая из поножей скафа парализаторы, вырываясь из тягучего кресла.

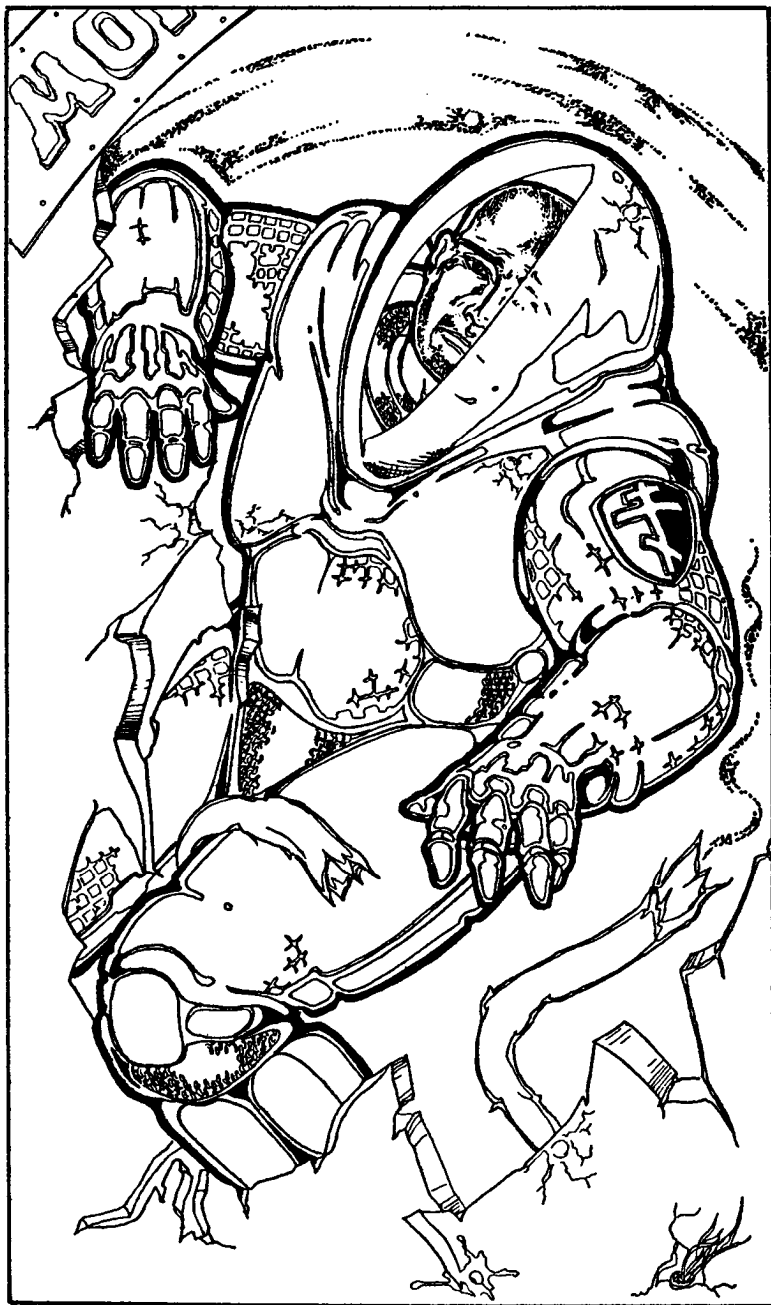
Несколько сотен перепуганных насмерть людей жались к пластиконовым переборкам трюма. Истерические визги, вопли, перекрывали стоны и хрип умирающих. Люди бились головами о выступающий металл, падали, корчились в ужасе, цепенели. А посреди трюма, уродливо-корявые, хищные, чужие, высились два чешуйчатых трехглазых монстра. Они были залиты кровью. Но отнюдь не своей. Под их огромными птичьими лапами бились в судорогах, трепыхались и мертво лежали умирающие – изодранные, неестественно вывернутые, изломанные, тут же валялись оторванные руки, ноги, головы.

Почти одновременно монстры выхватили из толпы по человеку – выхватили грубо, зверски, раздирая в кровь кожу и мясо на руках и ногах. Ближний вскинул вверх полную трясущуюся в предсмертном припадке черноволосую Женщину и, ухватив ее за икры, разодрал с невероятной силой на две части, встряхнул их, заскрежетал утробно и громко, отбросил в кучу останков. Другой сворачивал голову тщедушному юноше и одновременно острыми когтями пронзал ему живот, выдирая кишки...

Семибратов, наливаясь яростью, оглянулся – никого в рубке не было. Все бросились в трюмы. На погибель! Но почему не было оповещения? Как трехглазые могли пробраться внутрь боевого корабля?! Ото всего этого можно с ума сойти!

– Бей! – закричал Семибратов. – Все до снаряда! До последней ракеты! Бей их, гадов!!!

«Большой мозг», на три четверти подавленный незримой чужой волей, умирающий, но тоже не сдающийся, ничего не ответил. Он импульсивно и методично всаживал снаряд за снарядом в чужаков, в серые шары. Он умирал, но теперь он знал, что во всех трюмах «Могучего» творится то же самое, что и в двадцать четвертом, что последние гвардейцы, считанные по пальцам, бьются с чужаками... и умирают – один за

другим, один за другим, последние, несдавшиеся, и что где-то там в недрах мертвеющего корабля погибают в страшной бойке все шестеро бывших с командиром, от майора до полковника, и что спешит навстречу смерти сам Семибратов, и лезут в дыры, сквозь разодранную броню чужие, лезут, спеша в трюмы, к тем немногим, что еще живы, еще бьются в страхе и ужасе, жмутся к стенам, но не могут найти ни убежища, ни спасения.

Хук врубил прозрачность на самую малость. Но и так было хорошо видно. Изуродованные рваными дырами борта «Могучего» напоминали простреленную десятками беспорядочных выстрелов старую мишень. Нет, лучше не смотреть! Никаких нервов не хватит.

– Ничего, – шипел он, – придет час, свидимся, суки!

Он сам не помнил, как весь избитый, измученный, подыхающий, дополз до шлюзового переходника, вдавился в фильтр и буквально рухнул в патрульный катер, крохотную гравитационно-импульсную лодчонку в пять метров длиной и три толщиной. Нет, Хук Образина не собирался бежать! Он готов был сдохнуть там, в жуткой бойне! Он дрался до последнего! И он поверг одного трехглазого, завалил его, точным ударом загнав ствол оброненного кем-то сигма-скальпеля, под пластины на затылке. Но ноги не держали его, руки не слушались. Помутненный рассудок навязчиво, словно в кошмаре мешал видения земного ада и здешнего побоища, ничего не вычленяя, ничего не давая понять, это было сверх его сил. Хук просто отключился. И его тело ползло к шлюзам само, ползло тупо, с животной жаждой жить, ползло, обученное в Школе выживать всегда и везде, выживать вопреки всем законам природы и обстоятельствам. И он выжил.

– Суки! Твари!! – рычал он себе под нос. И кровь, сочащаяся из рассеченного лба, заливала глаза. – Свидимся еще! Свидимся!!

Хук не понимал, куда подевались три бригадных всепронятельных боевых звездолета, он ничего не видел, кроме бойни, страшной бойни в трюмах. Но он понимал, что дела плохие, совсем плохие. Раньше не было спасения на Земле, он испытал это на собственной шкуре. Теперь его не было и во Вселенной.

***Проксима Центавра. Чака-де-Гольда. –
Дубль-Биг-4 – Гиргейская каторга –
Покои Фриады – Флагман «Ратник» –
Осевое измерение. Год 2485-й.***

Запястья горели так, словно на них не переставая лили расплавленное олово. Шея уже не удерживала головы, подбородок упирался в грудь, и не было сил, чтобы разжать зубы, высвободить прикушенный язык. Сама голова была пудовой, невыносимо тяжелой, кто-то маленький и вертлявый копошился в ней... А тело – грудь, брюхо, бедра, ноги – гигантской, непомерной гирей тянуло вниз. Это тело, уже не свое, чужое, становилось все больше, отвисало, пухло, наливалось, противно содрогалось с каким-то утробным, животным бульканьем изнутри. И страшно было приоткрыть глаза, страшно! В последний раз, когда, преодолевая боль и свинцовую тяжесть век, он открыл их и взглянул вниз, на это свисающее пятиведерным бурдюком серое, морщинистое брюхо, с точно таким же бульканьем прорвало вдруг дряблую кожу свищом, и в разверзтую дыру из сочащейся слизи и желчи выскользнула черная мокрая змея, длинная и безглазая. Его начало рвать, виски сдавило адским обручем, сердце забилося остервенело и судорожно... нет, лучше не смотреть!

Сержа Синицки распяли последним. Там не было ни дней, ни ночей. И он не знал, сколько ждал своей очереди среди полубезумных голых и обритых людей, жмущихся друг к дружке, стонущих, сопящих, рыдающих. Сырое, мрачное, угрюмое подземелье. Раньше здесь были каменоломни, добывали гольданский светящийся мрамор, Серж знал, что на Чаке больше ничего ценного не было – убогая планетенка, триста тысяч обитателей, семь городков. И каким дьяволом его занесло сюда, на муки, пытки и неминуемую смерть!

Две недели назад полуживой Дил Бронкс вернулся на Дубль-Биг-4. Лучше б ему не возвращаться. Серж уже похоронил его, он прекрасно знал, что творилось на Земле и в округе – выжить там было невозможно.

– О, майн готт! Ти есть приходить нах хауз?! – оцепенело выдавил он. – Импосэбл! Импосэбл, твоя мать!

– Заткнись! – Дилу не хотелось выслушивать пустую болтовню. Он был вне себя, он не узнавал свою красавицу-стан-

цию. – Что случилось, дьявол тебя забери?! Что тут случилось?!

Серж разевал рот, разводил руками, блуждающим взглядом шарил по развороченной изуродованной обшивке. Что он мог добавить к тому, что Дил Бронкс видел сам. Слепительная, блистательная, сверхдорогая космолаборатория, этот подлинный бриллиант Вселенной, была разгромлена, издырявлена, перевернута вверх дном и вывернута наизнанку. Это был уже не бриллиант, а искореженный и выброшенный за ненадобностью помойный бак – все пространство на мили вокруг было усеяно обломками, обрывками, осколками.

– Я убью тебя, негодяй! – рычал вернувшийся хозяин.

Но не убивал. Сперва надо было выслушать объяснения своего заместителя по научной части. Серж еще сам пребывал в полубреду. Не прошло и семи часов, как изверги ушли отсюда. Но он не видел их прихода, все произошло как-то неожиданно и дико. Он как раз прощупывал новым внепространственным щупом галактику XXV-11PC, которая еще даже имени своего не имела, только порядковый номер, – это была работа Сержа Синицки, любимая работа. И вдруг он «ослеп» – серая пелена затмила взор. Он содрал с головы сфероид щупа, врубил проверочные блоки. И тут станцию качнуло так, что Серж вылетел из кресла, разбил нос о кожух щупа, чуть не свернул шею. Только тогда он включил прозрачность. И ошалел окончательно. Какой-то трехглазый чешуйчатый монстр, будто взбесившийся вандал крушил антенны, радарные пушки, мачты, энергосборники – все, что попадалось ему под чудовищные звериные лапы. Еще два таких же расхаживали голяком, безо всяких скафандров по внешней обшивке станции, прямо в открытом космосе. Серж сразу же понял – это переутомление! нельзя так много работать! Но чутье бывшего космодесантника поволокло его в бытовку. Через пару минут, несмотря на все толчки, встряски, качки он облачился по полной форме, даже пристегнул лучемет. Побрел к люк-переходнику в основной базовый отсек, дернул рычаг – не тут-то было! Люк заклинило. Еще минут десять Серж возился с автоматикой. Потом понял, бесполезно – какие-то сдвиги в самом корпусе, в обшивке, люки заклинило намертво. И вот тогда он бросился к обзорнику, начал включать на прозрачность отсек за отсеком, камеру за камерой, сегмент за сегментом. Станция была огромной. Но везде... везде! биоробы и андройды валялись мертвыми куклами! вещь абсолютно не-

возможная! немыслимая! ни один чужак, ни один гость станции или враг, ворвавшийся в нее, не смог бы лишить всю эту команду жизни, а точнее, энергобиопотенциала, дающего им жизнь и силы! И тем не менее они лежали трупам. В трех местах внешних сегментов Серж видел дыры – огромные равные дыры в обшивке, такие можно было проделать с самого близкого расстояния сигма-гранатометом, если долбануть в одно место раз пять подряд... Но никто не стрелял, не пробивал крепчайших стен, все было совсем иначе – Серж увидел и обомлел: трехглазый монстр, ходивший по обшивке снаружи, вдруг нашел нечто искомое, припал грудью к броне, прижался виском, потом отпрянул – множество когтей на его огромных хищных пальцах засветились сумрачно-зеленым свечением, и он вонзил их прямо в металл, вонзил будто в жель... и начал рвать броню, раздирать, пробивая и расширяя дыру. В этот миг у Сержа окончательно помутилось в голове. Как-никак он имел сто девяносто два боевых вылета на предгеизационные планеты, был восемь раз ранен, участвовал в шестнадцати штурмовых операциях, много чего повидал в жизни, пока не подорвал здоровья и не прибил к тихой станции Дила Бронкса. Но сейчас он растерялся. Какое-то время сидел колодой в своей заглушенной и задраенной лаборатории. Думал о смысле жизни. И о том, что удивляться уже нечему, раз Земля сошла с круга, а вслед за ней и прочие планеты Федерации, раз там полный капут, так почему же здесь должна быть тишь да гладь. К концу своих размышлений Серж Синицкий вспомнил весь набор русского мата – и тут же выдал в пустоту и тишину, что он думал об этих трехглазых сукиных детях. На душе легче не стало. И тогда он снова начал просвечивать внутренности станции. Таёка! Как он мог про нее забыть?! Но лучше бы он не включал обзора большой гостиной, лучше бы он этого не видел! Таёка и впрямь была там. Не одна. Двое трехглазых загоняли хрупкую маленькую женщину в угол. Они были втрое выше ее, вдесятеро массивнее. И они явно не спешили, развлекались, давали возможность жертве ускользнуть на время, но тут же снова лишали надежды. На глазах у окостеневшего Сержа Таёка разрядила в монстров два парализатора, малый набедренный лучемет – все бестолку, они лишь отступали на шаг или два, приседали, прикрывались лапами, уворачивались, громко и омерзительно скрежетали, переглядывались, закидывали огромные пластинчатые головы... и снова принимались за свою страшную игру. Серж, позабыв про все

на свете, ринулся на заклинивший люк. Он обязан был придти на помощь! Обязан! Сдохнуть, но встать рядом с ней! Да только броня оказалась сильнее и прочнее, чем его страсти.

Он не мог справиться с этим чертовым люком! Станцию делали на совесть, на века! И тогда он опять бросился к экранам. Там шли последние картины трагедии. Безоружная и слабая Таёка, бледная как смерть, в разодранном в лоскуты комбинезоне, почти голая, исцарапанная, вся в синяках, выскользнула из смертоносных лап, выворачивалась, ныряла вниз и прыгала вверх, пыталась найти уязвимое место – в отчаянно-резких прыжках била ногами и руками в глаза, виски, челюсти монстров – недаром слава о ней, как о непревзойденном бойце, шла по всей Федерации – но ничего у нее не получалось. Монстры просто издевались над ней, играли как две чудовищные кошки с беззащитной и обреченной мышью. Наконец и это им надоело. Один из трехглазых на лету поймал уже почти вырвавшуюся женщину за лодыжку, дернул на себя. Потом подбросил гибкое легкое тело, перехватил за талию. Сдавил. Из накрепко сжатого рта потекла струйка густой алой крови. Таёка смотрела прямо в потаенный глазок телекамеры, прямо на Сержа. И взгляд этот, полный ужаса и смертной тоски, невозможно было вынести. Глаза у нее, обычно маленькие, прищуренные, чуть раскосые, стали вдруг огромными, выкатывающимися из орбит. Монстр чуть ослабил хватку, поднял вверх другую лапищу – и каким-то движением с вывертом, чудовищным щипком своих звериных когтей ухватил левую руку, нежную, тонкую, вывернул сильнее, рванул... и оторвал. Он делал все это неспешно, с любопытством и изуверством ребенка, поймавшего красивую бабочку и методично обрывающего ей ножки, крылышки, усики. Да, то же самое он проделал с еще большей изощренностью с правой рукой, потом с ногами. Его напарник закидывал назад пластинчатую морду, оглушительно скрежетал и бил себя ладонями по бокам. Таёка была уже мертва, когда этот второй вдруг резко, с какой-то алчностью оторвал ей голову, подбросил вверх, поймал и начал медленно сжимать в восьмипалом огромном кулаке. Серж не слышал хруста ломаемого черепа, все звуки заглушал похотливый и дикий скрежет монстров... Потом они ушли – медленно, одеревенелыми походками, со свисающими вниз длинными ручищами, страшные и всемогущие, неприступные.

А Серж Синицки остался. Он выбрался через трубу щупа, вылез наружу. Конечно, он смог бы стереть все уцелевшие

записи, чтобы этот кошмар никогда не повторился даже на экранах. Но не сделал этого. Зачем? Как мог, коротко и невнятно, он рассказал обо всем Дилу Бронксу. Потом тот смотрел – раз, другой, третий... Серж прекрасно понимал, что объяснить Дилу, почему он остался в живых, невозможно, да и не стоит! Тот мог его убить. Но не убил. Он только указал рукой в сторону одноместного шлюпа. Молча указал. И Серж все понял. Он отчалил от обломка бывшего Дубль-Бига-4, уже зная, что на Землю и прочие планеты Солнечной системы не полетит – там смерть, там ад кромешный. А горючего совсем мало, хватит только до ближайшей звезды – до Проксимы Центавра, там есть маленькая планетенка, единственный приют для него. Навряд ли кто на нее позарится, там брать нечего – себе дороже обойдется. Так он и сделал. Точка выхода там известная, в Осевое входить нужды нету. Вот и махнул Серж Синецки из огня да в полымя, на Чаку-де-Гольду.

Приземлился сносно. Выбрался. Побрел в развалины людей искать. Тут его и прихватили два рогатых уroda, выpolзшие из щелей. Серж почти не отбивался, он был словно замороженный. Рогатые содрали с него скаф, прогрызли зачем-то горло... Очнулся он в поганой подземной каменоломне. Благо, что стены там были высокие. На них-то и распинали голых. Серж глядел, стискивал обеими руками обритый череп свой, тряся в обессиливающем ознобе – всего он мог ожидать от жизни, но только не этого. Майн Готт! Майн Готт!! На четвертый день ожидания он перегрыз себе вены на обеих руках и обеих ногах. Бурая жижа текла из них недолго, сворачивалась в грязные катыши-комья. Умереть не удалось. Он не понимал почему. Но потом понял – им не нужна его смерть, им нужно что-то другое. И он увидел начало: когда первые распятые вдруг стали обвисать серыми морщинистыми мешками, надуваться, распухать, не умирая и почти не теряя сознания, как из прорывающихся дыр в их телах стали выскальзывать черные то ли змеи, то ли черви... Это было гадко и гнусно. Это было непонятно. А потом распяли его самого. Но он уже был не прежним Сержем Синецки, он становился чем-то другим. Разбухало брюхо, горели запястья, тянула вниз пудовая голова... и все шевелилось в мозгу что-то маленькое, вертлявое. Он не мог открыть глаз. Но стоило их прикрыть, как вставало перед мысленным, внутренним взором одно и то же – обескровленное, бледное лицо Таёки с выпученными от ужаса глазами.

Керк Рваное Ухо ревел в систему оповещения зон медведем, поднятым посреди зимы из берлоги:

– Братва! Наша верх берет! На семнадцатой, сороковой и пятой уже козлятиной и не пахнет – последних замочили! Держись, братва! Кому худо, рогом упрись, подмога будет! Вертухаев не трогать! Щя на счету каждый нож. Дави их тварей, режь! Два грузовика на подлете! Два этапа с гадрианской зоны! Парни проверенные... Только держись!!!

Керк не жалел глотки. А слезы летели из его опухших, красных глаз – шестую ночь без сна. Семь дней и ночей боев, резни. Вся гиргейская подводная каторга встала, разом! Такого еще не бывало. Уж на что лихо Гуг со своей кодлой зону взбаламутил – три месяца подряд шли показательные казни, десятки тысяч выстояли до кровавого пота на правееже, нормы подняли в полтора раза после его шухера... а с нынешним и вровень не идет. Ныне в каторге воры власть взяли, кума в петлю сунули, чтоб не вякал – не можешь каторгу держать, виси, отдыхай, сучий потрох, бугров покруче на ножи поставили, бугорочков помельче простили с вертухаями на пару, наперед послали... Страшная гиргейская зона, лютая, гиблая, безвыходная. Все она видала, все слыхала, ничем ее на понт не возьмешь. Но когда беспредел пошел, когда козлы изо всех щелей поперли, каторга восстала. Рогатых тут раньше не было, потому их сразу козлами и окрестили. Семеро паханов с семи самых глубоководных зон в первый же вечер на сходку сошлись, потолковать. Порешили стоять насмерть! Кто на полшага назад сдвинется, кранты, перо в бок без разговоров. Воровской закон суровый. Но закон есть закон. Порешили распроклятую Гиргею, хуже которой во всей Вселенной каторги нету, гадам не отдавать. И пошла резня по всем уровням, на всех глубинах.

Керка охраняли пятеро козлодавцов, самых крутых, матерых. С первого денька они набили себе руки, такие не подводят. Но бессонные ночи были хуже любого выползня. Слава Богу все системы, вся автоматика на Гиргее работала бесперебойно, каторгу на века строили, ридориум штука ценная – на нем триллионы наживали, обогащались сказочно, потому и оборудование ставили добротное. Керк, который прежде кроме сигма-скальпеля и гидрокайла ничего в руках не держал, оказался заправским диспетчером. Он врубал на экраны уровень за уровнем, с ходу решал, кто сам продержится, кому резерв подослать, а кого – коли все полегли, кроме козлов

драных – породой завалить да водою залить. Гиргейская свинцовая водичка тяжела, пока всплывут твари, от других и шерсти клока не останется. Только бы этапы вовремя подошли!

– Мочи его! Чего зеваешь! – орал Керк.

Малец-салажонок обернулся вовремя, полосанул выползня по глотке, рогатая башка полетела на чугунный настил. Это дробь-двенадцатая! Там все в порядочке, там нормалек! Керк Рваное Ухо все отмечал. Там сами разберутся. Там вражья сила выдыхается! Надо бы к ним через полчаса заглянуть, может, кое-кого или всех в тринадцатую перебросить! Вот где жарко, там всего-навсего семь ножей осталось, а козлы все прут и прут, мать их!

Керк врубил тринадцатую. Точно, он не ошибся. Всемером бьются, не отходят, ребята серьезные. Экран не был какой-то плоскостью с картинкой, он был словно провалом в абсолютно реальный мир. На Керка пахло терпким потом, кровью, гарью. Козлы лезли из забоя – сразу четверо уродов выползло, а там еще прежних разделяют. Надо срочно подмогу кидать! Жалко парней, их вся зона знает. Вон, здоровенный, полуголый, в одних драных штанах – это Сидор Черный, тамбовский сирота, на Галапагосе работал мокрушником, завязал сам, в Бога уверовал – а козлов мочит за милую душу. Приноровились, заразы! Только выскочит, двое за лапы и на растяжку, а Сидор башку долой, да в топку. Вот черти, умные! Так ни один козел не воскреснет, мать его... а чего ему, гаду рогатому, воскресать, тоже еще Иисус Христос нашелся!

– Держись, ребятки! – просипел Керк. – Наша берет! Держимся, – глухо проворчал Сидор.

И тут же рухнул плашмя. Вылетевший из трещины наверху выползень, сбил его с ног, вцепился в загривок. Но не тут-то было. Два подручных Сидора – Цуга Япончик, кривоногий плотный карапуз в красном платке на лысом черепе, и Роня Дрезденский, красивый блондин с выбитым глазом, в один миг вцепились в волосатые козлиные ноги выползня, сдернули, с ором и руганью начали разрывать на две половины. Но Сидор уже был на ногах, махал своим палашом.

– Стой! Я сам!!!

Цуга и Роня как по команде бросили козла, ринулись на двух других, высунувшихся из-под настила. А Сидор с удалью былинного витязя взмахнул своим титановым самоделом, крикнул как-то не по-воровски, а натужно, по-крестьянски – и

развалил ирода рогатого наполю, от плеча до паха. Потом утер капли крови на шее, еще б немного – поминай как звали. Нагнулся над разрубленным, тот уже сползся половинами, начал прямо на глазах срастаться, тянуть костлявые лапы к горлу человека.

– Экий ты живучий, братец, – прошептал Сидор, – в чем же твой секрет кощеев?! Где ж твоя смерть на кончике иглы? В золотом яйце?! Ну ладно, некогда загадки разгадывать!

Он отмахнул разом обе руки, потом раскрыл рогатую голову – половину бросил в забой, другую в пылающую, жаркую топку.

А у металлопластиконового настила над пропастью шел самый настоящий бой. Рубились насмерть, люто, самозабвенно, забывая швырять рогатые трофеи в очистительное пламя, не успевая.

– Четверо в тринадцатую! Мигом!!!

Керк не повторял дважды приказов. Он знал, выполнят. И потому сразу отключил зону. На глубинах пока все нормально. К вечеру верх будет полный, теперь надо на внешние заглянуть, мало ли чего... И прикорнуть, хоть на полчаса, хоть на десяток минут.

Керк Рваное Ухо включил вторую верховую. И застыл с раскрытым ртом – заготовленные слова так и не вылетели из него.

В серо-белесом провале экрана, всего в десяти шагах, хотя зона была в сорока милях над головой, творилось что-то новое и непонятное. Четыре здоровенных андроида в скафах четьрьмя пудовыми рабочими гидрозщипами держали на растяжке какого-то немислимого уroda. Был этот урод метра под три ростом, стоял он на корявых птичьих лапах, будто оживший тираннозавр, грудь его была закрыта черным тускло поблескивающим панцирем, с огромной трехглазой морды свисали пластины, руки и ноги были покрыты крупной и толстой чешуей.

– А этот фраер откудава?! – изумленно спросил Керк, полуобернувшись к своим громилам, которые только что доби́ли двух особенно настойчивых выползней, и утирали руки.

Козлодавы только плечами пожали. Таких они не видывали.

Керк боялся слово сказать, не приведи Господь, пугнешь кого или сглазишь! Но он видел, что андроиды еле удерживали уroda, а двое амбалов с верхней зоны поочередно, мерно

и деловито, огромными ручными кувалдами, весом по полтора пуда каждая молотили уroda прямо в его поганую рожу, в грудь, по плечам. Керк знал обоих: Джек Громила был когда-то профессиональным боксером в наитяжелейшей категории, потом по романтическому складу души подался в медвежатники, такой мог просто кулаком, безо всяких кувалд убить с одного удара слона, а другой – желтый и молчаливый китаец по кличке Микадо сам был здоровее любого слона, на спор гнул на коленке титановое гидрокайло. Били они на совесть, дружно и тяжело. Но урод держался, не падал. Только скрежестал так, что сердце в тиски сжимало.

– Бронебоем его! Бронебоем!! – не выдержал Керк. Сонливость словно рукой сняло.

Но его не послушались. Вышло все иначе, неожиданно. Щуплый и пугливый негритенок-малолетка, мотавший срок за убийство копа, неожиданно подскочил к уроду сзади с каким-то острым длинным прутом, раскаленным докрасна, и дождавшись, когда тот после удара чуть склонил голову вперед, с визгом, преодолевая дичайший страх, резко сунул свое орудие прямо под пластинчатую завесь затылка. Все четыре андроида разом разлетелись в стороны. Джек Громила и Микадо чуть не поубивали своими кувалдами друг друга, чудом замерли, отшатнулись. И Керк увидел, как огромный трехглазый урод завалился набок, выгнулся и рухнул замертво.

Теперь Керк не сомневался. Они удержат все зоны. Они удержат каторгу! И пускай прет сюда кто хочет! Всем рога поотшибаем! Всех приветим!

Старая ведьма Фриада все видела и все слышала. Ей для этого не нужны были ни экраны, ни камеры, ни прочая чепуха. Гиргея испокон веков принадлежала троггам, и кому как не им знать и видеть, все, что творится на ней. Фриаде было восемьсот шестьдесят пять лет по человеческим меркам. Она знала многое. Но самое главное, она знала, что все приходят и уходят, а трогги остаются. Земоготы были неслыханно сильны, могущественны, горды... а где они теперь?! Нет земоготов, и никогда не будет, зато их сильная и здоровая кровь влилась в жилы дряхлеющих троггов, сделала их почти бессмертными. То же будет и с людьми. То же будет и со всеми прочими, будь у них во лбу два рога, червь в мозгу или три звериных глаза на морде. Обличье – ничто! Фриада знала это.

Живучесть – все! Выживают сильные, здоровые и мудрые. Свет не должен продлять существования выродков.

– Ты слышишь меня, Хар? – прошептала она.

– Слышу, моя королева, – отозвалось немедленно.

– Что ты видишь?

– Я лишь зеркало у твоих глаз. Смотри!

Мрак. Темень. Непохоже на Землю. Фриада часто видела Землю, там светло, даже ночью, Земля это не свинцовые воды Гиргеи-матери, не ее подводные пещеры. Значит, мрак пришел туда. А ведь возносились в гордыне, считали себя всемогущими и неприступными, ха-ха-ха. Земляне молоды и наивны, им легко умирать, легко уходить в небытие. И она не станет им помогать... только одному, и то – стоит ли? Он дал жизнь тысячам, миллионам троггов-зародышей. Он омолодил расу. Что с ним?!

Фриада увидала его и не сразу признала. Кеша был грязен, мрачен, бородат... Бездонные пропасти Вселенной разделяли их. Но теперь Фриада при помощи своего «зеркала» видела все до мельчайших подробностей. Постарел! Даже для землянина постарел. Но это неважно. Она снимала все нужное прямо из мозга оборотня Хара, биопространственная тонкополевая связь не могла разладиться и расстояний для нее не существовало. Да, на Земле сейчас не больше двух сотен таких мстителей-одиночек, ночных охотников за нечистью. Остальные – в подземельях, на шахтах, в бункерах, в глубинных слоях – не люди, рабы, скот, мясо и кровь для других. Ах, как понятно, как знакомо все это было королеве Фриаде, повелительнице гиргейских оборотней, получеловеку-полутроггу! Но она может его спасти. Загида, свернутый, полуубитый Загида, в груди у землянина. Он может в любой миг ожить, вернуться, уберечь... или наоборот, убить! И зародыши... сколько их там? Около тысячи, это хорошо, очень хорошо. Но не время, есть дело поважнее.

– Ты знаешь, что тебе надлежит исполнить, Хар, – еле слышно сказала Фриада.

– Да, я знаю, – откликнулся оборотень.

И исчез.

Фриада приподнялась в восходящих струях над сверкающим черным ложем, расправила длинные серебристые, полупрозрачные плавники. Ее седые волосы разметались подобно пучкам густых водорослей, растрепанных набежавшим подводным течением. Вытянутое морщинистое лицо набрякло.

– Мы доставили его, – глухо прозвучало в ушах.

– Хорошо.

Фриада неспешно и величественно выплыла в тронную залу. Тускло мерцающие светильники почти не освещали ее. Но королева-ведьма все прекрасно видела. В дальнем конце искрящейся изумрудами и алмазами глубоководной пещеры два больших извивающихся в пелене вод трогга держали в передних плавниках сеть с уродливым двуногим, двуруким и трехглазым существом. Сейчас это существо пребывало в летаргии и беседовать с ним было бесполезно. Фриада и не желала беседовать с каждой тварью, проникающей на ее планету... тем более, что это и не совсем тварь. Ведь она была тоже троггом, она могла видеть. Да, трехглазый создан не природой, не Матерью-жизнью, вековечной и всетворящей, вернее, не совсем Ею. И уродлив, поразительно уродлив!

Она медленно подплыла ближе.

– Где его взяли?

– Два шарообразных корабля опустились на человечьи стоянки – над Океаном. Они пришли не к нам. Они пришли на уровни. – Трогг был немногословен. Но королева оборотней не нуждалась в многословии, она все видела его глазами, разговор был лишь учтивостью, этикетом.

– Их пришло сорок тварей. Они жаждут войны, смертей, развлечений. Но не они сами...

– Я все знаю, мой милый. Конечно, не они сами. Эти Убийцы лишь осязательные, обонятельные, зрительные, слуховые и прочие нервы тех, кто их прислал сюда. Но я хочу знать, откуда они... Мы не всесильны и не всезнающи. Но Ядро нам скажет. Подготовь его!

Трогги с сетью и чужаком уплыли.

Старая ведьма Фриада осталась одна. Она знала и ведала почти все. Но и она не могла объять необъятного. Лишь когда из потемок сверкнули сразу две пары налитых кровью, горящих угольями глаз, она вздрогнула, собралась, вытеснила наблюдательниц. Хватит! Всему должен быть предел! В ее царские покои эти гадины не должны быть вхожи... Нет! Там не обидятся. Там не умеют обижаться.

Она проплыла под низкими рваными сводами, одна зала, другая, третья, везде тишина, покой. Это хорошо, на Гиргее, в ее владениях и должен быть покой. Провал был пуст. Это тоже хорошо. Она застыла над ним. И ощутила холод непостижимых, потусторонних глубин. Она знала, что глубины

эти неизмеримы, бесконечны, что они уходят в само Ядро Гиргеи, но не заканчиваются там, а перетекают в иные вселенные – черной чудовищной пуповиной – если где-то в Мироздании была бездонная пропасть, то она начиналась здесь, начиналась Провалом.

Ее не заставили долго ждать.

Те же великолепные оборотни, чуть поводящие искрящимися во мраке плавниками-крыльями, опуская пред ней, королевой, свои покрытые перьями головы на тонких шеях, возложили на Синий камень у Провала прозрачный куб. Трехглазый чужак в нелепо-уродливой позе, с открытыми глазами и растопыренными лапами покоился в граненой глыбе хрустального льда. Все правильно. Так и положено. Хрустальный лед!

– Опустите его!

Последовало легчайшее прикосновение почти безвоздушного сияющего плавника – и куб соскользнул с камня и, набирая скорость, пошел вниз, во мрак глубин. Он никогда не достигнет дна. Ибо дна нет. Но он уже у тех, кто знает все.

Фриада взлохмаченной извивающейся фурией застыла над провалом.

И Голос не заставил себя ждать.

– Что ты хочешь знать о нем?! – прозвучало бесстрастно в ее мозгу. Никто больше не слышал этих слов.

– Откуда он? – спросила ведьма. – В нашей Вселенной нет таких.

– Он из Иной Вселенной.

– Я знаю это! – спокойно отозвалась Фриада. – Я знаю, что негуманоиды Иной Вселенной пришли к нам, чтобы покорить земные миры. Но в иных вселенных нет таких. Откуда он?

Ледяные струи коснулись ее прозрачного тела, разворошили ворох длинных крыл, остудили. Вместе с ними в мозг проникло:

– Он сам никто и ничто. Он выращен в инкубаторах Иной Вселенной для покорения этой Вселенной и для Большой Игры. Он лишь дает ощущение жизни тем, кто сам не живет. Он нить в ваше мертвое будущее. Ибо миры, в которых он выращен, созданы в будущем и перенесены в настоящее, чтобы произвести на свет его и ему подобных. Ваша Вселенная не будет жить. Рожденные в ней и обладающие властью ушли в иные пространства и времена, ушли по своей воле, обретая

лишь смерть и вырождение у вас, и ушли против своей воли, теснимые невырождающимися – ушли в будущее, чтобы дать плоти своей новые формы существования, чтобы стать еще сильнее и властнее, чтобы оттуда, из иных пространств и времен вернуться к вам и покарать вас, не деля на землян и неземлян, покарать в наслаждении и похоти карающих и недоступных...

– Мы уьем этих монстров! – не выдержала Фриада.

– Да, вы можете их убивать. Но им не будет числа, на место каждого истребленного придут двое новых. Большая Игра – это большая и долгая охота, в которой жертва обречена, а срок жизни ее отмерен тем, кто ищет себе в игре развлечения.

Холод стал невыносим. Но Фриада не сдвинулась с места. Ее все глубже затягивало в Провал. Но она не могла уйти без ответа.

– Значит, все мы обречены?

– Да, вы все обречены. Игра идет давно. И счастлив тот, кто пребывает в неведении. Не ищи многих знаний, ибо в них многие скорби!

Фриада выгнулась дугой, взмахнула крылами-плавниками, рванулась вверх. И ее вынесло к Синему камню – в теплые и добрые свинцовые воды Гиргейского океана. Она была потрясена. Но она знала, что довзрывники никогда не лгут – никогда.

– Вон! – заорал взъяренный адмирал. – Вон из моей каюты!

– Вы трус и подлец! – еще раз ледяным тоном, не отступая ни на шаг, заявила Светлана.

– Девчонка! Выскочка! Дрянь! Убирайтесь немедленно!

– И не подумаю.

Седоусый и багроволицый адмирал сжал в кулаке тяжелый бронзовый бюст легендарного флотоводца Ушакова, подался вперед... но все же сдержал себя. Да и кто она такая, собственно говоря! Достаточно ему повести бровью, и ее вышвырнут из адмиральской каюты, а надо будет, так и посадят под арест, чтоб остыла немного, пришла в себя. Здесь такие дела творятся, а ему приходится на эту девчонку тратить время... а еще вдова покойного Правителя, Верховного Главного-командующего – бред! нелепица! бестолковщина какая-то! За последние сутки уничтожено три корабля – три лучших звездолета из его флота! Они маневрируют, бросая «Ратник» из

одной дыры в другую! Все сражения проиграны! Сожгли только два корабля противника, а их не меньше трех десятков! И она еще учит его жить! Она, дескать, была в какой-то там Системе, все знает, все умеет, а они все дураки!

Светлана тоже взяла себя в руки. Не годится обижать старого и заслуженного человека, совсем не годится. Но ведь и бежать с поля боя, бросать Землю, Солнечную систему, оставлять их совершенно беззащитными – этому одно название: трусость и подлость! Лучше умереть!

– Делайте, что хотите, – тихо, даже будто оправдываясь сказала она, – уводите флагман и остатки флота на окраину Метагалактики, хоть куда, хоть к черту на рога. Но дайте мне одну боевую капсулу! Дайте мне штурмовой корабль! Вы же видели мои документы, мои дипломы! Дайте мне десяток добровольцев...

– Молчать! Хватит! – адмирал ударил тяжелым кулаком по столешнице. – На «Ратнике» тысячи беженцев. А вы предлагаете мне идти на абордаж! Называете трусом и подлецом!

– Я ничего не предлагаю...

– А видели вы, что случилось со «Святогором»?! В его трюмах было полтора миллиона людей – наших, русских, матерей, отцов, детей, братьев и сестер. «Святогор» выпустил весь боекомплект. И никого не уничтожил. Они пробили все поля, все барьеры! Они пробрались внутрь и устроили в трюмах мясорубку! Они убивали каждого в отдельности, зверски, жутко, страшно... Не дай вам Бог, увидеть, что там творилось! Я готов один, сам, вот с этими голыми руками идти на них и умереть! Но я не имею права бросить беспомощных, беззащитных! И пусть это будет бегством, позором, чем угодно! Я обязан спасти людей! Мы уходим из Солнечной, немедленно уходим! А вы, дамочка, вы просто... истеричка и самоубийца.

Светлана побелела, кровь отхлынула от лица. Пусть они уходят. Но она останется. Иван не мог умереть. Она обязана вернуться на Землю. Но прежде она должна встретиться кое с кем здесь, в Космосе. И будет только так, как она решила, не иначе. Слишком долго она пробыла в Осевом измерении, слишком много времени блуждала в его призрачных туманах и топях. Не для того Иван вернул ее сюда, вырвал из мира смерти.

– Хорошо, – медленно проговорила она и достала из ременного клапана пистолет. – Раз вы меня считаете самоубийцей, я умру прямо сейчас, у вас на глазах.

С полной решимостью, ни секунды не колеблясь, она поднесла дуло к виску, палец лег на спуск. Слово. Только одно слово...

Адмирал был опытным человеком, умудренным жизнью. И он знал, когда играют на публику, а когда нет. И он ответил тихо, спокойно:

– Будет вам капсула. И убирайтесь с глаз моих побыстрее. Мы уходим через четыре минуты.

– Прощайте! – Светлана встала. Она поняла, что ни о каких добровольцах не может быть и речи. Лишь бы успеть. – Прощайте!

Разгонников было всего два. Хватит. Надо лишь отойти подальше. Если они дадут. Если получится. Теперь каждая секунда на вес золота.

Светлана влилась в кресло мыслеуправления боевой капсулы. Обзорники показывали по обе стороны лишь три корабля чужаков. «Ратник» давно нырнул в подпространство. Где он теперь? Адмирал так и не сказал, в каком месте будет всплытие. Ну и ладно, ну и пусть – главное, чтобы они спаслись. А теперь и ей пора.

Радары цепко схватили координаты правого чужака. Они будут его держать все время, куда бы он ни подевался. Нет ретранса, как жаль! Но слезами горю не поможешь. Светлана собралась, смежила веки. Теперь вниз!

Как и обычно при погружении, пол ушел вверх, голову закинуло назад, в ушах щелкнуло. Порядок! Теперь можно взглянуть на последний снимок Земли... что ж поделаешь, она женщина, она сентиментальна. Она только задала программу, пусть мрак, пусть темень, пусть нет жизни. И все же в инфракрасном спектре, хотя бы очертания, хотя бы облик под вуалью. До всплытия она успеет взглянуть.

– Давай!

Услужливо-гибкая рука бортового «мозга» выдвинулась из паза, протянула прозрачный конверт, вскрывать не надо, все видно и так. Глупость! Бабья дурь! Может, и жить-то осталось совсем чуть-чуть, а она тешит себя... Светлана поднесла объемное галофото к глазам – оно было лишь на ощупь плоское и тонкое, но глаз видел шар, объемный вращающийся очень медленно по своей оси геоид, крохотную «землю» с темными океанами, мрачными пиками, невидимыми городами – не только света, но и тепла, даже капельки тепла в них не

осталось. Вот Россия – темная, страшная, гнетущая. Москва... сейчас она даст приближение, вот, еще немного, темные провалы улиц, черные дома, мертвые воды Москва-реки, Яузы. Еще ближе, еще немного – нет, напрасно, там не осталось ничего живого, да и что за детские игры, «Ратник» прощупывал Землю своими сверхмощными локаторами изо дня в день – там пусто! там смерть! Нет... Светлана вздрогнула, откинула голову. Искринка вспыхнула в самом центре черных руин. Да, теперь она видела четко – это было чудом! Золотые Купола! Как и прежде! Как встарь! Они загорелись Небесным Светом неожиданно, будто потаенная лампа вспыхнула внутри плоской фотографии. Чудо! Небесный Свет! Невозможно! Назад! На Землю! Немедленно на Землю! Он там, он жив, они хранят его!!!

В ушах снова защелкало. Поздно. Это всплытие. Совсем поздно. Теперь надо включать разгонники. Она сама выбрала свой путь. Она и тогда, в прошлый раз, когда Осевое навечно растворило перед ней смертные объятия, сама выбирала свой путь. Так суждено. Он спас ее от смерти. Она спасет его. И это странное видение – знак, добрый знак.

Вперед!

Расчет точный, безошибочный. Даже практикант справился бы с подобной задачей. Правда, не в таких обстоятельствах, но все равно. Она должна войти в Осевое измерение за десять-пятнадцать километров до зоны барьерных полей серебристого чужака. Тогда... Тогда будет видно!

Разгонники работали на полную. Вперед! Мыслекресло заливалось внутренними эмульсиями, разогревалось. По всем правилам следовало пойти, пока было время, в гидрокамеру, подключить инжекторы. Но Светлана знала, сейчас игра идет не по правилам. И если ей не хватит своих собственных сил, никто и ничто ей никогда и ни в чем не поможет. И все-таки Небесный Свет был, ей не пригрезилось. Надо бы еще разок поглядеть, внимательней. Нет, потом, сейчас некогда. Скоро не станет ничего кроме стены огня, скоро... Вот он, яркий и дрожащий кружочек малинового пламени. Теперь надо считать, обязательно считать! Сорок... тридцать семь... двадцать пять... Стена бушующего огня, вот она, предвестница чужого мира. Малиновый Барьер! Семнадцать... одиннадцать... во-семь... Рука легла на рычаг. Здесь мыслеуправление не срабатывало, здесь начинались предвладения Осевого измерения! Пять... три... один... Пора!

Капсула, мчащаяся со скоростью света, пронзила огненный барьер. Прорвалась! И сразу все пропало – пламя, дрожь, свет, пустота Космоса, звезды. Ни боли, ни ужаса, ни собственного пронзительного крика, будто записанного и звучащего извне... в этот раз она вошла в Осевое. Это была победа! И вместе с ней вошел шар, серебристый чужак. Теперь он в ее руках. И никаких силовых полей нет. Пора!

Светлана подошла к шлюзовой камере. Протиснулась в фильтры.

И они пропустили ее.

Капсула висела в пелене молочно-белого тумана.

В двадцати шагах от нее стоял искореженный, полуобгорелый шар с серебристыми прожилками – его здорово потрепало при входе в Осевое. Шар стоял на каменистом выступе, его бока лизали белесые языки. Но Светлана прекрасно знала – это все обман зрения, ничего этого нет. В Осевом только она и те, кто был внутри шара, сами корабли с непостижимо-сказочной скоростью мчат сейчас по Столбовой дороге Пространства, чтобы выйти из него там, где пожелает она. И только она. Но кто выйдет из Осевого живым, а кто останется в нем навечно, решит судьба.

Она ступила на твердую и вместе с тем ускользящую почву. Застыла, вспоминая недавнее. Сделалось холодно и жутко.

Она одна здесь. Совсем одна! Живая! В царстве мертвых!

Шар вздрогнул. И прямо из его обгорелого бока, безо всяких люков и фильтров выплыл черный дрожащий сгусток – выплыл и застыл средоточием мрака.

Нет, этого не могло быть. Светлана невольно отпрянула, оглянулась. Капсулы за ее спиной не было – здесь Осевое, не надо забываться. Здесь все призрачно. Значит, призрачен и этот концентрированный мрак. Значит, призрачен... Верховник?! Нет! Иван сковал его навечно в квазиярусах, в узле нулевого времени, на Хархане. Оттуда нет выхода. Он никак не мог оказаться в Солнечной системе, почти у самой Земли. И значит, она не могла его перенести сюда, в Осевое. Но ведь шар перенесся. И те, кто были в нем, перенеслись. Они здесь.

Светлана медленно расстегнула клапан, сжала рукоять парализатора – но ощутила лишь расплывающуюся, стекающую слизь. Да, она безоружна, все там, в капсуле, которая со скоростью, в тысячи раз превышающей световую, мчится по Осевому.

– Ты вернулась, чтобы занять свое место в Залах Отдыхновения? – проскрежетало ниоткуда. – Все верно, ты и должна была вернуться. Кто вкусил высшего наслаждения, не останется среди смертных!

Это был голос Верховника. Она в его власти. Она просто забылась, переоценила себя, ведь не вся она была в Осевом тогда, после своей гибели. Вторая ее половина, другая ипостась обреталась в «системе», в чудовищно-реальных игровых мирах ненаступившего еще будущего. И там он над ней был владыкой полным и безраздельным. Там она была его рабыней. Система! Большая Игра! Раскалывающая боль пронизала ее мозг. Они слепцы! Они наивные беспомощные дети! Неужели Иван не понял главного перед своей... перед своей смертью?! Простые истины постигаются лишь в конце жизненного пути. Самые простые. Бесспорные. Однозначные. Очевидные. Играть надо только по своим правилам! Если ты поддался сопернику, если ты принял его правила, не жди доброго, не сетуй на судьбу! Ты уже проиграл! Это страшно. Это невыносимо. Они всегда навязывали свою игру, свои игры, они морочили головы, миллионы, миллиарды голов, они лишали зрения и слуха, заставляли видеть и слышать лишь образы, созданные ими, они управляли всем и повсюду, они указывали цели и мишени, они вырабатывали нормы и законы... они всегда навязывали свою игру. И потому они всегда выигрывали! А ведь стоило лишь оттолкнуть их, отринуть от глаз и ушей своих, чтобы узреть мир таким, каков он есть, осмотреться, найти свое место и избавиться от чужаков со всеми их установками, их правилами, их игрой! Только так! Иначе невозможно!

– Когда все закончится, когда мы вернемся, – скрежетало извне, – ты опять станешь рыбкой в моем аквариуме, цветком в моей оранжерее. И ты будешь бесконечно счастлива, ибо тебя минует до поры до времени ужас загнанной и терзаемой жертвы. Ты сделала правильный выбор! Иди же ко мне! Я прощаю тебя...

Светлана ступила шаг вперед, еще один... она чувствовала, как начинается раздвоение, как она снова превращается в русоволосую растерянную Лану, узницу Системы, одну из немногих избранных. Да, это спасение, это единственный путь... иначе, – она видела, как негуманоиды, воины трех сочлененных миров, расправлялись с загнанными жертвами, – иначе лютая мучительная смерть. И ведь никому из растер-

занных не предоставляли выбора. Из пропасти забвения всплыла черноволосяя, полногрудая красавица с ее бесконечными рассказами, с ее острыми следящими глазками, блаженное, полусонное лицо Вечной Марты... им было, хорошо в Системе, они приобщались к вечному покою, а это неземная, потусторонняя сладость бесконечных грез, это воплощенная сказка... Шаг. Еще шаг. Быть избранной, разве не в этом счастье и отпущение всех мук, страданий, избавление от них, избавление от памяти... Нет!

Она резко вырвала себя из тягучего омуты. Нет!

Сгусток тьмы нависал прямо над головой. Достаточно было вступить в него, и она окажется там. Там?! Светлана вздрогнула. Хорошо, она окажется там. Но она будет играть по своим правилам. Да! И никто не остановит ее!

– Иди ко мне! – глухо пророкотало извне.

– Иду!

В два прыжка Светлана взлетела на скалистый уступ. Обрывки расплывающегося, истлевшего комбинезона сорвались с ее обнаженного, сильного и гибкого тела. Здесь Осевое, здесь нет одеяний. Здесь подлинно лишь естество. Она оттолкнулась что было мочи и парящей птицей взвилась над сгустком мрака. Но прежде, чем упасть в него, пропасть в нем, перетечь из Осевого в Систему, она, не издавая ни звука, не полураскрыв даже рта, оглушительно, требовательно, властно, как и положено не гостье, но владычице Страшных Полей, выкрикнула в пространство:

– Трон!!!

Верящий в себя обретает силу. Верящий в себя властвует над миром. Игра?! Хорошо! Пусть будет Игра! Погружаясь в беспросветную черную темень, Светлана ощутила, как обтекающее, обволакивающее сиденье Трона принимает ее в себя. Она опередила их. Она сыграла в их игре, в их мире по своим правилам. Вот он – сверхагрегат сверхвласти, в ее воле. Надо опустить руки на подлокотники, расслабиться. Прекрасно. Трон слушался ее, подчинялся ей. И пусть будет свет!

Мрак развеялся мгновенно, словно его и не было.

Ослепительно-безмерное пространство Зала Отдохновенный ударило в глаза мириадами хрустально-радужных бликов. Система! Переход свершился мгновенно. Но главное, что она успела! Шансов на выигрыш почти не было. И все же она успела! Теперь вниз, в пересечение квазиярусов, в нулевое время – Мертвец-Верховник там. Сущность его скована полями,

недвижна. Все прочее – лишь ипостаси, разбросанные по измерениям и пространствам.

– Не спеши! – прогрохотало вдруг сзади.

Светлана плавно, с достоинством, как и подобает обладательнице абсолютной власти, развернулась вместе с Троном. И увидела Верховника. Он был в своем игровом облики мрачного, огромного, черного средневекового рыцаря, закованного с головы до ног в уродливо-хищные, шипастые доспехи. Черные перья вились над черным гребнистым шлемом, черный, непостижимо широкий плащ развевался за спиной, бросая черную тень... на сверкающий алмазными гранями Трон. Да, Верховник восседал на точно таком же Троне, что и Светлана. Вместе с ним он парил над мраморными полами бескрайнего зала, не имеющего стен.

Сердце сжалось от недоброго предчувствия. Она сразу поняла все. Так и должно было быть. Волшебные Миры. Страшные Поля. Уходящие в них желали обладать всем в своих потехах и игрищах, они жаждали быть всемогущими и бессмертными, всесильными и недосягаемыми. Люди будущего! Конечно, же каждый уходящий в странствия получал свой трон. Это было серийное производство XXVII-го, XXXIII-го веков! Это были обычные вездеходы и кабинки безопасности будущего для битв, сражений, приключений и путешествий по игровым мирам. Игры переросли себя, превратились в большую реальность, чем сама жизнь. Стали Большой игрой. Но какое ей до этого дело! Плевать! Сто раз плевать!

– Вперед!!!

Всю мощь, всю силу Трона она нацелила, направила на него, восседающего напротив. Сокрушить! Раздавить! Уничтожить! Трон молнией сорвался с места. Ураганные снопы излучений, гравиполей и гипертаранов обрушились на Верховника, грозя испепелить его, стереть с лица Мироздания, сжечь дотла. Но тщетно. Защитные барьеры спасли Верховника. Один трон не мог уничтожить другой ни при каких обстоятельствах, так было заложено изначально, этого и следовало ожидать, нечего было и пробовать!

Светлана закусила губу. Ну и пусть. Он тоже ничего не сможет с ней поделаться. Ничего! А теперь вниз!

Оглушительные, искрящиеся водопады падали вверх, поражая феерической мощью, величием. Она пронзала слой за слоем, проникая из пещеры в пещеру, с уровня на уровень,

рассекая десятки параллельных измерений, спускаясь по безмерному веретену, прорывающему пространства. И сверкали неопикуемыми огнями сталактиты и сталагмиты, струящиеся застывшими струями, переливались мохнатые лиловые структуры-решетки... Стоп! Она увидала что-то знакомое, почти родное... нет! не может быть, здесь все так изменилось. Пол огромной пещеры был залит мутной зеленой жижей. В ней плавали какие-то трубы, шланги, булькали пузыри. Но не это было главным, нет! На стенах в сплетениях проводов и жгутов, поросших мхом, висели... мертвые, высохшие уродливые тела маток. Они все умерли! Это невозможно! Лана замедлила ход Трона. Надо взглядеться в лица. Страшно! Омерзительно! Но надо. Она проплывала мимо погибших маток, оглядывая каждую, всматриваясь – вот черноволосая, это она. Прочь! Скорее прочь! А вот... Огромный морщинистый бурдюк с выбивающимся из него дряблым хоботом увенчивала голова с одутловатым лицом, свалывшимися волосами и пустыми глазами. Полуразложившиеся губы брезгливо свисали вниз... Вечная Марта! Это она! Нет! Невозможно! Она собиралась жить вечно! В блаженстве! В неге! И вот итог... Светлана в голос, душераздирающе закричала. Вечная Марта умерла! Сразу вспомнилось, как и она сама висела здесь, недолго, Иван успел придти за ней, а она не хотела уходить из блаженства на муки и страдания смертной жизни. И вот конец Вечности! Уродливое, обрюзгшее, полуразложившееся-полувысохшее чучело Вечной Марты. Прочь! Прочь отсюда!

Ей надо успеть. Обязательно надо успеть! Скоро заканчивается расчетное время полета в Осевом! Скоро все кончится... а она ничего так и не успела. Верховник идет по следу. Но он ничего не сделает с ней. А она... Она всевластна! Быстреей! На Хархан-А! Только туда.

– Хархан-А! В темницу! – заорала она, не помня себя. Переход свершился мгновенно. Трон натужно гудел, его не жалели, не щадили, но пока он работал исправно. Мрак. Снова мрак. И лязг цепей. И черное тело, висящее вниз головой. И отсвет доспехов. Значит, сам он здесь... Но радоваться рано. Как они были великодушны, как просты! Светлана, еле разжимая губы, чуть не шипя от накатившей ненависти, выдавила:

– Ну, что, бессмертный, созрел?!

– Ты не посмеешь сделать это! – прорычал тот совсем глухо. – Не посмеешь!

Светлана засмеялась.

– Распылить! – приказала она мысленно.

В мрачной темнице стало светлее – аннигилятор Трона выбросил первый пучок. Расплавленные доспехи шипящей жидкой сталью потекли вниз. Искрящимся ручьем стекли на сырой пол кандалы. Радужно мерцающий зеленоватый шар застыл под титановыми крючьями в потолке. И в шаре этом, стиснутый со всех сторон силовыми полями, извивался жалкий прозрачный червячок с вытарашенными глазами, умирающий жалкий червь. Еще можно было остановиться, отключить аннигилятор, дать задний ход. Но Светлана сурово повторила:

– Распыли его!

– Нет!!! – пророкотало подобно грому из угла пещеры-темницы. И выявился смутный силуэт Мертвеца-Верховника, восседающего на Троне.

– Распыли его!!! – тоном, не терпящим возражений потребовала Светлана.

И блокировочно-защитный узел Трона отключился. Воля восседающего, троекратно закрепленная в приказе, закон! Зеленоватый шар заискрился – и червя начало раздувать, он превратился в прозрачный пузырь с кроваво-злобными глазами... и лопнул. Но мерзкие капли не долетели до сырого, залитого расплавленным металлом пола, они обратились сначала в поганый, вонючий пар, а потом в молекулы, в атомы, в ничто.

Вместе с ними исчезла и смутная тень Верховника.

Победа! Она попала в точку! Почти наугад! И она выиграла!

Светлана готова была расхохотаться в полный голос, но вместо этого зарыдала, заплакала, не веря еще до конца в свершившееся. Время истекало. Она прервала рыдания на полувсхлипе, полувздохе. Хватит! Пора! Теперь только туда!

– В армаду!!! – приказала она безоговорочно и властно.

От высветившихся со всех сторон звезд закружилась голова. Мига не прошло. Непостижимо. Теперь не ошибиться... только не ошибиться! Чудовищный чужой звездолет невообразимо уродливой конструкции нависал мрачным стервятником над всеми мирами. Туда! Только туда! Это их корабль! Если она успеет до выхода капсулы из Осевого... Трон задрожал натужным гудом, он делал невозможное, но на то он и был сверхагрегатом XXXIII-го века. Светлану внесло в рубку

управления, швырнуло наземь. Она вылетела из обволакивающего сидения, вскочила кошкой, тигрицей, уворачиваясь от растопыренных когтистых лап негуманоида. Успеть! Только успеть! Еще двое бросились ей наперерез. Но поздно. Светлана уже впрыгнула в кресло мыслеуправления. И всех троих монстров отшвырнуло от нее силовыми защитными барьерами. Она опять взяла верх. Оставались минуты. А возможно, и секунды! Все хронометры и прочая мишура – там, позади, в Осевом. Но совершенно обнаженная, казалось бы, беззащитная, сидя в этом главном кресле звездолета она была сильна и неуязвима. Еще немного! Совсем немного! Что же произойдет?! Она сжалась в комок, видя, как рвутся к ней чудовищные нелюди, как они скалятся в бессильной злобе, скрежещут зубами и когтями, а один и пуще того, выпускает в нее оранжевый луч из какого-то шара, зажатого в лапе. Нет! Время вышло! Они опоздали! В уши начинало давить. Сердце остановилось. Легкие разрывались, жгли огнем все внутри. Это выход.

Это выход из Осевого!

Она переиграла их. Переиграла в Осевом, в Страшных Полях, в Системе! И теперь лишь судьба решит, что выпало на ее долю. В прошлый раз она погибла на входе в Осевое. Теперь она может погибнуть на выходе. Еще немного. Миг!

Дрожь, охватившая тело, стала невыносимой, смертной, и когда не стало сил терпеть, когда Светлана уже прощалась с жизнью, вдруг отпустила ее. Сквозь пелену слез она увидела на обзорном экране Солнце. Родное, доброе, привычное Солнце. Петля замкнулась! Они промчались по Осевому и вырвались в исходной точке. Они?! Светлана еще раз оглядела овальные незнакомые обзорники, перевела взгляд на серые стены с черными переборками. Ощупала кресло – оно было совсем иным, чем то, в которое она впрыгнула в Системе, проникнув в армаду. Да, это шутки Осевого. Все материальное изменчиво, не надо пугаться. Главное, корабль послушен ей! Главное, это не ее капсула, земная, боевая капсула с флагамана «Ратник», а их корабль! Она выиграла! И Осевое не обмануло ее.

Светлана поглядела вниз – три, искореженных трупа негуманоидов валялись под переборками, они не выдержали, сохли. Так и должно было случиться. Они не были готовы к такому броску, они еще плохо знали какие фокусы вытворяют многоуровневые миры. Да и что с них взять!

– Внешний обзор! – приказала Светлана мысленно.

И ее команда немедленно была выполнена. Теперь Светлана видела будто со стороны, с расстояния сотни километров обгорелый серебристый шар чужаков, только-только вырвавшийся из объятий Осевого измерения. И она была единственной и полновластной хозяйкой этого смертоносного боевого корабля грядущих, еще не наступивших веков. Она была всемогущей. И значит, она должна, она обязана идти к нему, к Ивану. Идти... и спасти его!

Вне миров – Наваждение – Свет. Безвременье. Начало времен.

Безнадежная и жгучая боль. Нетелесная. Страшная. В чем живешь ты, в чем держишься вне миров и пространств?! Неизбывная и непостижимая боль души, обреченной на несуществование вдали от всего зримого и осязаемого, в беспределе небытия. Нет материи. Нет пустоты. Нет света. Нет мрака. Ничего нет... нет даже времени. И значит, нет ни мгновений, ни секунд, ни минут, ни лет, ни веков, ни самой вечности – вне миров и в безвременьи вечность проистекает мгновенно. Лишь боль длится долго, невыносимо долго. Она висит вне всего и не в чем... Ее не должно быть. Но она есть!

Из бездонного всепоглощающего мрака небытия неожиданно, сразу явились два выпученных налитых кровью шара. Чуть позже эти шары приобрели осмысленно-зловое выражение, превратились в два пылающих ненавистью глаза, просвечивающих, прожигаящих насквозь. И мрак сразу стал осязаемым, будто ничто преобразовалось вдруг в пустоту бесконечного пространства, а само пространство стало невероятно прозрачным... Хрустальный лед! Вневселенский океан черного бытия – толщи, невыносимые толщи мрака, нависающего со всех сторон на миллиарды парсеков, на бесконечность. Гнет ужаса. Безысходность. Из вод любого океана можно всплыть наверх, из самой глубокой впадины есть путь к свету. Но только не отсюда! Проклятые гиргейские гадины! Клыкастые, шипастые, плавникастые рыбыны, вечно облизывающиеся своими мясистыми языками – щупальца иных миров. Прогнать! Немедленно! Раздавить! Убить! Нет... глазища прожигали душу, порождая боль еще большую, лютую боль. И негде укрыться от этого взгляда, некуда деться. Ужас! Они пресле-

дуют его повсюду, не дают покоя... И сюда добрались! Промелькнувшая мысль оцепенело забила в тисках просыпающегося сознания. Куда – сюда?! Он ничего не видел кроме этих злобных глаз, ничего не понимал. Ни головы, ни тела, ни рук с ногами не было. Он висел во мрачной толще хрустального льда, висел, не ощущая ни холода, ни жары, ни тепла, ни прохлады. Он мог только видеть. И ощущать эту смертную боль. Кто он? И откуда? И почему он здесь? Почему узнает эти призрачные толщи, этих клыкастых гадин?! Значит, память есть, значит, он помнит... Нет! Он ничего не помнил, лишь смутные тени напоздали вереницей и тут же растворялись в тягучем бездонном хрустале черного Океана. Этот Океан и есть само Бытие – необъятное, всеусущее, непостижимое, лишь Внутренние Миры которого включают в себя все десять цепей-Мирозданий, семьдесят две Вселенных и тридцать три Антивселенных, Дороги Сокрытия, Осевые измерения и внешние подпространства... и нет ему пределов в беспредельности Его самого, нет границ и краев, а есть лишь перемещение из одной Его сферы в другую, есть перетекание из одной Его формы в другую и скольжение с одной Его двенадцатимерной поверхности на предыдущее-последующую сквозную поверхность по сферам-веретенам, в обход миров плоских... Откуда все это? Откуда?! Боль не отпускала – мучила, убивала... Что можно было убивать в пустоте! Постичь Непостижимое – стремление тщетное и бессмысленное изначально, нет ни начала, ни конца, все преходяще и обратимо – ищущий же обрящет лишь смерть свою... Смерть? Смерть?! Ищущий пройдет путем горя, треволнений, унижений, мытарства и страданий... и покинет миры, в коих пребывал он во многих печалях, и обретет вечную муку и боль. Боль? Великий Змей Незримых Глубин?! Лодка с умирающим посреди мертвого, искрящегося волнами океана, бред, видения, грезы и мары... и крохотная змеиная головка, высунувшаяся из вод, мертвые холодные глаза, пристально взирающие на мертвого, полуразинутая пасть с подрагивающим раздвоенным язычком – пасть, готовая принять последнее дыхание уходящего, принять и унести его в немислимые толщи мрака, за миллиарды парсеков от искрящихся волн... Где это было? Когда?! Почему он помнит это?! Да, все так, именно так – крохотная змеиная головка, глаза, не отражающие света, тонкая шея, уходящая вглубь, во мрак самой глубокой впадины, ко не обретающаяся там ни тела, ни хвоста своего, а перетекающая в

иные миры и измерения из крохотного пузырька света и воздуха в толщах мрака, микроскопического пузырька, именуемого... Землею, и лишь в самой Непостижимости переходящая в могучую, огромную шею чудовищного, пожравшего миллиарды миров и пространств Змея, чье тело бесконечно во всех, началах, объемах и формах, многоглаво и вездесуще, ибо тянет свои нити-шеи во все миры-пузырьки, и в каждом из них, в миллиардах миллиардов миров, смотрит на уходящих черными мертвыми глазами, не отражающими света. Да, он плыл в той лодке, по поверхности, среди искрящихся волн, в бреду, в грезах, в миражах и наваждениях... а потом Змей Незримых Глубин, всевидящий и вездесущий, принял его последнее дыхание... Он мертв! Но кто же он?! И почему эти ненавидящие глаза кровавыми сверлами вонзаются в него... ведь его же нет?! Они пронизывают насквозь, выворачивают душу наизнанку, примериваются, оценивают. Оценивают?! Да, именно так! Он плыл по океану в уютной лодчонке, он умирал от жажды и палящего солнца, и ему грезились тысячи невероятных вещей, над ним распускались ослепительные веера миражей, сказочных миражей, его окружали сонмы призраков, он жил в нереальном, несуществующем мире, но он верил в него, ощущал его полноту, зримость, осязаемость, истинность. И он видел эту высунувшуюся из толщ воды крохотную головку, но он принял только ее за призрак, за мираж, а все остальное было подлинным... нет! нет!! нет!!! реальней ее ничего не было во всем Мироздании! Это безумный, жалкий, умирающий в своей жалкой лодчонке предпочитает видеть миражи, а от реальности отмахивается, она ему не нужна. Память возвращалась. Но ведь они не давали ему выбора. Они говорили: «Ты не умрешь в своей лодке! Ты наш! Мы уже забрали тебя из нее!» Как же так? «Вашу Вселенную ждут чудовищные катастрофы и как венец всего – гибель! Да, вы все погибнете, все до единого во всех мирах! Но мы не имеем права уйти из Бытия. Бытие вне Вселенных – это высшая форма существования разума...» Это они – дозврывники! Но почему он знает о них, и откуда?! Кровавые глазища наплыли на него, поглощая целиком, полностью, впитывая в себя, всасывая – и на какое-то время пришло ощущение, что вернулось тело, что он застыл в скрюченной позе младенца посреди миллионов сотовых двенадцатисферных ячеек, застыл остекленевший и живой, закрытый для всех и открытый для них, и явились чудовища, гадины, отвратительные уродцы... и совсем рядом человек

с прищуренными глазами, в китайском шелковом халате и с белокурой бородой – высохшая рука, рваный шрам на шее, нукер Тенгиз, Чему-чжин, великий хан, и за ним – ясноглазый, русский, молодой, с золотой гривной на шее и лицом, сведенным гримасой отчаяния и необратимой болезни – Александр. Они, великие и не очень: цари, вожди, генсеки, президенты, гуманисты и отравители, тираны и благодетели, поэты, писатели, художники, убийцы, воры, растлители, кинозвезды и генеральные конструктора, святые, фюреры, великие магистры и великие шарлатаны, дипломаты, купцы, политики, разрушители и создатели, гении и выродки... и он. Значит, забрали к себе, забрали из лодки, умирающего. Умершего! А раз так, значит, все кончено, ничего больше нет. Они все, великие и малые, остались только здесь, в колумбариях-паноптикумах до взрывников! Они бабочки под стеклом! Высохшие травинки в позаброшенных детских альбомах! Соты, соты, ячейки...

Ощущение ушло вместе с мгновенной и острой болью раздвоения. И он уже не знал и не понимал, почти не помнил, кто там остался в прозрачной ячейке сот – остался или не остался? Ничего не понятно! Сам он, бестелесный, несуществующий, терзаемый безысходной болью, погружался в толщи мрака. И кровавые глазница его больше не преследовали. Уплыла гиргейская гадина! И дьявол с ней. До-взрывники, властелины Бытия, нематериальная цивилизация, бесстрастные наблюдатели... Они сняли слепок с его души, с его тела. А самого выбросили – катись, куда глаза глядят!

Глаза его глядели во мрак. И ничего кроме мрака не было. Он погружался в непроглядную темень Океана Смерти. И начинал – постепенно, смутно – осознавать, что именно этот океан и есть само Мироздание. Жизнь – лишь тончайший слой пены где-то там, наверху, накипь, бурлящая и пузырящаяся пленочка – чуть дунь на нее, и унесется, развеется, полопаются пузырьки... и все живущее и ползающее в них канет в воды Океана, черные, смертные, непроницаемые воды. Кто там в этой пене сейчас? Миллиарды трепещущих и трясущихся, жалких, беспомощных, смертных, окруженных еще живыми пока зверушками, птичками, неувявшей травой, шумящими на ветру деревьями... Ничтожная малость тянущихся к солнцу, к свету, тянущихся, чтобы продлить свою призрачную жизнь – мимолетную, мгновенную, полуреальную. Бесконечно малая, ускользящая величина! Но Бытие, со всеми слоями Миро-

зданий существует уже триллионы триллионов тысячелетий, вечность – в этой вечности и этих пространствах жили, существовали за всю эту вечность триллионы триллионов цивилизаций, безграничное множество трепещущих и трясущихся, жалких, беспомощных, смертных – и все они умерли, все сгнули в этом Океане, наполняя его из века в век, из тысячелетия в тысячелетие. Живущим там, в пене Бытия кажется, что их живая Вселенная бесконечна, огромна, что она и есть все Мироздание – рождаются в гордыне, живут в гордыне, переполняющей их. И лишь окунувшись в Океан Смерти, растворившись в его мраке, начинают осознавать, что жили прежде в ничтожном и крохотном пузырьке... но поздно, возврата нет, есть лишь погружение во мрак и ужас небытия, есть бесконечная и неизбывная боль вне времен и пространств. Есть хрустальный лед и прозрачные воды черноты.

Он вспомнил вдруг, как на кровавые шары злобных глаз, прямо перед их уходом накатили две тени, два отражения черного диска. Да, вот тогда гиргейская гадина и ушла, растворилась. Черное солнце! Над черным миром всходило Черное солнце. И мрак его всеочерняющих лучей проникал в темень глубин. Прав был Авварон! Во всем прав... почти во всем! Но откуда всплыло это имя? И что оно значит?! Перед внутренним взором поплыли образы, лики, лица, рожи, морды, извивающиеся и корчащиеся тела, судороги, агония тысяч, миллионов тел... Земля погибла! И он виноват. Но он тоже погиб. Он искупил свою вину своей смертью. Нет! Такая вина неискупима! Память возвращалась, усиливая, ужесточая боль. Горечь и обида пронзали своими нематериальными иглами его нематериальные останки, погружающиеся на дно Океана Смерти. Но как же так? Почему?! Иди, и да будь благословен! Он шел... и он пришел сюда, во мрак, в свинцовые глубины Тьмы?! Что же, каждому будет отмерено его мерой, и каждый получит по делам своим. Значит, так надо, значит, так и должно быть. Вознесемуся высоко больно падать с высот его. Гордыня! Безумная гордыня... Я – царь! Я – раб! Я – червь! Я – ...нет, хватит! Это расплата за все, закономерная и справедливая расплата. И нечего душу травить, рыдать, рвать волосы... Какие там волосы! Ни волос, ни головы, ни тела – ни-че-го нет! Океан Смерти принял его нетелесную сущность, вобрал в себя, вот и все, и больше ничего. Это расплата!

Тугие свинцовые струи рассеялись. И он замер, погрузившись в вязкий и тягучий ил. Дно? Вполне возможно, одно

из множества, один из бесконечно-конечных уровней – кругов мира Смерти. Ил засасывал в себя. И если прежде было видно все вокруг: и вверх, и вниз, и во все стороны, то теперь ничто нижнее не проглядывалось. Лишь мрак, пустота, мутнеющий хрустальный лед – растворившийся, обратившийся в слизистую жижу, истекший наверх. Он истекал сопровождаемый отголосками глухих гнетущих звуков, полуслышным воем и почти прозрачным бесовским хохотом. А потом стало тихо. Настолько тихо, как никогда не бывает тихо там, в пене жизни, в жалких пузырьках, лопающихся у поверхности.

И из тишины этой пророкотало:

– Зри, червь!

Нет, глаза его не раскрылись, их не было, и он не мог смежить век, он видел помимо своей воли. И не вспыхнул свет, разрывающий мрак, не затлелась даже самая малая и убогая свечечка. А будто вышло из-за незримых туч снова Черное солнце – и выхватило из мрака своими черными лучами исполинскую, уходящую ввысь тушу существа, восседающего на столь же исполинском троне. Черный трон, черная сгорбленная под непостижимым гнетом туша в черном балахоне, в черном капюшоне, надвинутом на глаза... не было иных цветов и тонов, только чернота, только мрак. И не было бы видно черного в черном, если бы не Черное солнце. Неземное зрение. Потусторонняя явь!

Туша чуть подалась вперед, нависла над ним. И из-под исполинского капюшона черным блеском высветился во мраке черный мертвый глаз. Дрогнули огромные губы, разверглась черная пасть, и вырвалось глухими раскатами неземного грома:

– Ну, что теперь скажешь, Иван?

Он вздрогнул, ощутив вдруг распластанное в поганом черном иле свое беспомощное, терзаемое болями тело. Но встать не смог, червем извиваясь в мути и грязи, в отвратительной засасывающей жиже. Иван?! Да, его так звали – там, наверху, во Вселенной живых, в жалком и трепетном пузырьке. Память вернулась сразу, лавиной обрушилась. И еще большая боль пронзила его – боль пробуждения в самом аду, в преисподней.

И снова раскаты рокота донеслись до него:

– Вот и встретились. Раньше я приходил к тебе, смертному рабу, червю, ползающему во прахе. А теперь ты явился ко мне. И уже навсегда!

Навсегда? А как же иначе! Иван не мог спорить, отрицать очевидного, да и зачем?! Он сам ушел из жизни. И его не приняли в иных мирах. Он оказался достоин лишь преисподней, мрака, тьмы и ужаса.

– Авварон?! – просипел он, превозмогая оцепенение.

– Так ты называл мои тени в ваших мирах, – пророкотало сверху из-под капюшона, – здесь у меня нет имени, здесь никому не нужны имена. И очень скоро в муках и страданиях ты позабудешь свое собственное... а потом, когда душа твоя пополнил Тьму, ты просто уйдешь из мира Смерти, от тебя не останется ничего, ты вернешься в ничто, где уже был, но вернешься, чтобы раствориться в нем навечно. Тебя не будет никогда и нигде. Но душа твоя станет одной из моих ипостасей, чтобы служить мирам мрака во всех сферах Бытия. Да, Иван, ты был моим рабом там, во Вселенной живых, и ты мог выбирать, мог до бесконечности продлить свое существование в цепи бесконечных перевоплощений, тебе предлагали бытие достойное избранных. Но ты предпочел смерть. Ты сам пришел ко мне! И возврата отсюда нет!

Иван чуть приподнялся на локтях из вязкого болота и выкрикнул во мрак, в черные выси:

– Ты сам сатана? Ты властелин преисподней?! Дьявол?!

Теперь из-под капюшона высверкнули тьмой оба глаза. Рокот сделался приглушенной.

– Здесь нет имен. Ты плохо слушаешь, что тебе говорят, червь. Это там, наверху, вы наделяете все именами. Власть же моя над тобой воистину безгранична! Ты мертв. И ты в моем царствии! И участи твоей не позавидует ни один из смертных, низринутых в Океан Смерти за миллионы лет!

Безысходность! Как знакомо было это чувство Ивану. Но никогда прежде оно не давило столь беспощадно и неотвратимо. Это наказание. За грехи. За чудовищные, непрощаемые грехи, кои свершил он, будучи живым, на Земле и во Вселенной. И нет грешника равного ему, потому и участь его будет самой страшной, самой лютой, и воистину, не позавидует ей ни один из мучеников ада, на каком бы его кругу он ни принимал мук своих. Все! Время разбрасывать камни, и время собирать камни. Время задавать вопросы, и время держать ответ. Держать в диких страданиях, чтобы потом исчезнуть навсегда, чтобы твоя душа... твоя единственная, богодуховенная, стала черной тенью, не принадлежащей тебе, но принадлежащей аду?! Невыносимо! Там, наверху, он мог биться,

драться за себя и свою душу, там, именно там, решалось все! И вот решилось... А здесь он беспомощный червь. Обреченная жертва. И на самом деле, какая разница, как звали и как будут звать его мучителей и губителей. Это наверно они были бесами, бесеньшами-искусителями, вселявшимися в его бессмертную душу – он мог давать им власть над собою, мог изгонять из себя, брать верх над ними. Но здесь они полные господа, здесь их власть! Вот такой конец. И все... И больше ничего. Прав проклятуший демон ада Авварон Зурр бан-Тург в каком бы там воплощении он ни пребывал ныне, прав! Он сам выбрал свой путь и свою участь. И это его, в конце концов, право. Но он, Иван, увел за собой в океаны небытия миллионы, миллиарды душ – это он привел нечисть во Вселенную живых, он открыл ей сквозные каналы, распахнул перед нею все двери и ворота. И не будет ему за это прощения никогда! Никогда! И мало ему за грехи его! Ибо неискупимы они. Неискупимы!

– Чего же ты ждешь, – прохрипел Иван, падая лицом в зловонную грязь, – приступай! Мы долго говорили с тобой, все уже давно переговорено, теперь я в твоих руках... и не отрицаю своих грехов. Хватит болтать. Берись за дело!

Рокот стал громче, перешел в подобие довольного утробного смеха. Авварон сдержанно и величественно торжествовал. Каждая душа, самая малая, самая черная и поганая, гадкая и пропащая, – все равно его победа, его добыча. И уже не имело значения, кто с кем и когда вел беседы, кто кого искушал... Все кончено.

Исполинская черная туша стала медленно, невероятно медленно подниматься, нависая над беспомощным, распростертым ниц телом, простирая над ним свои черные исполинские лапы, будто предвкушая сладостное ощущение близкого прикосновения к обреченному, отданному в вечную муку на вечные времена.

И когда оставалась самая малость, один миг до безвозвратности и свершения кары, из непомерного мрака нависающих свинцовых вод, из непостижимых высей пробился тоненький луч золотистого искрящегося света, вонзился в распростертое и ничтожное тело, высветил его в адской ночи. И исчез, унося с собою обреченного.

Сатанинский, подобный тысячам раскатов грома злобно-надрывный вой сотряс черные толщи Океана Смерти, прогрехотал миллионами горных обвалов... и растворился во мраке и

глухой, недоброй тишине, пробуждая терзаемых в кошмарах, проникая смутно-зловещими отголосками в души спящих.

Прикосновение к челу было легким, почти неосязаемым. Иван открыл глаза. Но никого не увидел. Склеп. Сырость, темень. Холодные плиты гробницы. А вверху... перекрытия, перекрытия, высокие своды, золотые купола. Знание пришло сразу – непонятное, странное, но не тяготящее душу, а легкое, светлое. Все понятно. Значит, он просто очнулся в этом темном склепе, ожил. Значит, пуля не задела сердца, прошла мимо... Он провел ладонью по лицу и не ощутил ее прикосновения, надавил сильнее – и рука прошла через кожу, кости черепа, прошла насквозь будто ничего и не было. Ожил? Как бы не так! Сразу набежали свежие воспоминания. Мрак. Ужас. Океан Смерти. И черный демон. Стало еще холоднее. Он поднес обе ладони к глазам и увидел их – значит, они есть! Но легкое и светлое знание, невесть как прокравшееся в него, шепнуло: нет, их нет – ни рук, ни ног, ни сердца, ни мозга. И тогда он вдруг испугался... Это раздвоение! Он болен! Он тяжело и страшно болен. Надо встать!

Иван резко согнул ноги, скорчился на боку, потом перевернулся, выпрямил спину, встал. Ему не смогла помешать толстая и холодная плита над головой, он прошел сквозь нее, как сквозь туман прошел. И замер. Он боялся обернуться. Он уже все знал. Там, в каменном ящике, в гробу лежит его тело. Увидеть самого себя... Надо увидеть! Он обернулся, медленно сделал два шага, всего два. Взгляд уперся в шершавый камень плиты, пронзил его... Пуля не задела? Прошла мимо? Как бы не так! В гробу лежал труп с развороченной грудью, с дырой в сердце. Пуля попала, куда ей следовало попасть. И нечего тешить себя надеждами. Это он сам – мертвый, серый как холодная шершавая плита, окаменевший. Значит, все, что было, не сон, не наваждение: тело лежало здесь в сыром и холодном саркофаге, а душа его спускалась в глубины самой преисподней, цепенела во прахе пред демонами ада... Но почему же она вынырнула из бездонных глубин Океана Смерти? Почему?!

И вновь будто некто невидимый коснулся легкой и прохладной рукой его лба. Иван отпрянул, вскинул голову. И успел заметить скользнувший под темными сводами золотистый лучик.

Он тут же отвернулся, сгорбился. Зачем все это? Зачем его тревожат, не дают покоя... Покой?! Нет! Он должен быть там,

и только там – во мраке! преступление его чудовищно! ему нет прощения и пощады! Прав Авварон, конечно, прав. Но дело не в колдуне-крысеныше, мало ли искусителей, бесов, демонов! Сам виноват. Во всем! От начала и до конца! И нет такой пытки, такой муки, которая стала бы для него чрезмерной. Туда! Во мрак! Ему нет места ни на Земле, ни в Свете! Его место в илистых болотах преисподней, в огне, в кипящем масле! И почему они мучают его неприкаемую душу, мучают здесь, на Земле?! Даже если случится несбыточное, и они дадут ему надежду, он сам не простит себя. Никогда!

Иван упал ниц на каменную крышку гроба. Он взирал сквозь нее на свое страшное, мертвое тело. И молил кары, кары для себя, для того, что от него осталось – для его бессмертной души. Бессмертной?! А имеет ли она, свершившая столь много непрощаемых злодеяний, право на бессмертие?! Нет! Только туда! Только вниз! В Пристанище! В последнее пристанище черных, загубленных душ!

Легкая рука коснулась его затылка.

Иван обернулся – резко, запрокидывая голову.

И замер в неудобной, изломанной, но не ощущаемой им позе. Он ожидал увидеть что угодно и кого угодно: демонов, чудовищ ада и Пристанища, оборотней, призраков, слуг вырожденков и серых стражей Синдиката, выползней, студенистых гадин и гиргейских клыкастых рыбин, иномерных носителей Черного Блага, зоргов, врагов, ненавистников, палачей-мучителей, а может, и друзей-товарищей, ушедших вслед за ним его дорогой... в конце концов, сам черный дух злопамятной планеты Навей, старую ведьму в развевающемся на ураганном ветру черном балахоне...

Но явилось ему совсем иное.

Прямо над ним, пепельноволосый и сероглазый, источающий золотистый свет и расходящееся кругами мерцающее сияние, высокий и поджарый, в белом хитоне, перетянутом альми ремнями, в золотисто-красных наручах и поножах, с открытым светлым челом и блистающим взором стоял Вождь Небесного Воинства.

– Ты?! – От неожиданности и накатившей горечи Иван лишился дара речи.

– Я пришел за тобой, – тихо проговорил Архангел Михаил.

И протянул легкую и сильную руку.

Красный, слегка выпуклый щит в золотом обрамлении чуть дрогнул на его плече. Ослепительная огненная молния пробежала по лезвию хрустально-прозрачного меча, висящего без ножен на бедре, скользнула в золотую рукоять, рассыпалась тысячами бликов в рубиновом навершии. За спиной у Архистратига не было ни мрачных сводов, ни стен – необозримая и светлая даль уходила в бесконечность, и из нее веяло очищающими ветрами.

– Нет! – в бессилии прохрипел Иван. – Я проклят навеки. Ты мучаешь меня. Уходи!

Еле заметная улыбка раздвинула уста Небесного Воителя. И он снова коснулся своей рукой Ивана, возложил ее на вздрогнувшее плечо, сжал.

– Ты мой воин. И ты исполнил то, что тебе надлежало исполнить. Не терзай себя сомнениями. Пойдем! Он ждет тебя!

Иван сполз с каменной плиты, медленно, пятясь и не спуская взгляда с Архистратига, отошел к сырому камню, забился в угол. Он не должен был идти к Свету, не имел права! Он, свершивший черное дело, сгубивший свою душу.

– Нет! – выдавил он в отчаянии. – Ты... ты заставил меня поверить, ты дал мне силы, благословил на то, что случилось. И ты обманул меня. Ты бросил меня! Уходи!

Если бы он мог, он разбил бы плиты, прожег бы землю, прорвал бы все пространства и измерения, чтобы провалиться туда, откуда его вынесло на Свет Божий неведомой и благой силой. Вниз! В преисподнюю! Там его место! И нет прощения, не может его быть. Не может!!!

Небесный Воитель своими стальными немигающими глазами смотрел прямо в душу. И бились на ветру его разлохмаченные пепельнорусые волосы, развевался длинный белый плащ с алым подбоем. И не было в его глазах ни гнева, ни раздражения, ни обиды. Свет стоял в них.

– Ты не свершил ни единого греха, за который следовало бы просить прощения, – промолвил он, – кроме... кроме одного – ты оказался слабым духом, ты сам ушел из жизни, не тобою дарованной. Ты не имел права обрывать ее. Ты не имел права верить никому. Ни-ко-му! Ибо сказано было тебе: Иди, и да будь благословен! Ты же, отринувши силы всеблагие и пресветлые, поддавшись видимости телесной, но не духовной, узря кровь и страдания подобных тебе, не выдержал, попал в прельщение искушающих тебя и в последний час свой ушел от исполнения возложенного на тебя... Но ты исполнил все.

Ты успел. Тебе не было открыто дальнейшее. И потому ты не там, во Мраке, но здесь, у подножия Света. И не нам решать судьбу твою и мерить грехи твои. Ты был одним из нас, ты был воином нашим – воином Небесного Воинства в земных пределах. И мне нечем укорить тебя. Каждый воин бьется, пока достает ему сил, а потом он бьется сверх силы своей... Ты бился до последнего. И ты не победил. И судить тебя будут Там. Пойдем, Он ждет тебя!

Будут судить? Там? Иван чуть подался вперед. Он бился до последнего? Сверх силы своей?! И поддался прельщению, искушению бесов? Но какое же здесь прельщение! какое искушение, если погибла Земля, погибает человечество, силы тьмы проникли в миры Света и упиваются кровью жертв, это он ускорил их приход! это он не смог остановить их! Так почему же не изгоняют его, но призывают? Ты не свершил ни единого греха... Они просто не знают, не ведают! Нет, глупости, бред... Там знают и ведают все. И пусть он негодяй, преступник, черная душа. Его зовут Туда. И он должен идти!

– Пора!

Архистратиг простер светлую длань к Ивану.

И тот коснулся ее своей дрогнувшей рукой.

Свет пришел сразу. Не было ни пути, ни дороги, ни перемещений. Исчез куда-то могучий и печальный витязь. Исчезли своды, стены, плиты, гробницы. Все прежнее растворилось и ушло в никуда, оставив истинное, подлинное, единственное сущее в Бытии.

Иван стоял в светлой и пустой комнате, совсем небольшой – белые, окутанные чуть клубящейся дымкой стены были рядом: пройди пару шагов, протяни руку... Он так и сделал, но стена отдалилась ровно на столько, на сколько он приблизился к ней. Повторять Иван не стал. Он и так знал, здесь нет стен, и нет комнат, и даже сверкающих и блещущих залов здесь нет, тут все иначе, и мерки здесь иные... а стены – для него, чтобы он не ощущал себя совсем чужим в чужом мире. Но он и не испытывал подобного ощущения. Он жил в эти мгновения иным – ожиданием Суда. И он страстно, неистово желал, чтобы все произошло как можно быстрее, чтобы его низвергли отсюда в черную пропасть – скорей! скорее!! скорей!!! Ибо не было уже сил ожидать возмездия за свершенное. Не было никаких сил! И надо было взывать к Господу, молить о прощении, каяться. Но он не решался вымолвить имя Все-

вышнего, ибо содеянное не давало ему прав на то: не ему, грешнику и злодею, непросцаемому преступнику, взывать к Тому, Кто с праведными и чистыми. Нет, не молить о пощаде, но смиренно ждать заслуженной кары. Только так!

Иван опустился на колени, выпрямил спину и склонил голову.

Он стоял так долго, усмиряя страсти в бестелесной груди своей, стоял, глядя в белесый, клубящийся полупрозрачным, призрачным туманом пол, стоял, ощущая, как тревоги и боли уходят, а на смену им вливаются в душу покой и смирение.

Он стоял так до тех пор, пока все суетное и наносное не изошло из него, растворяясь в белесом тумане и истекая с туманом прочь.

И когда все это свершилось, когда тягостное чувство ожидания покинуло его и душа растворилась в благодном покое, он услышал совсем рядом тихий голос:

– Встань.

Иван встал. Поднял голову, открыл глаза.

И увидел пред собою человека. Обычного, немного усталого, будто опечаленного чем-то. Никакого сияния не исходило от него. Не было за его спиной ни призрачного воинства, ни светлых и чистых, необъятных далей... ничего. Все одеяния человека состояли из одной лишь грубой и длиннополой льняной рубахи, перепосанной по чреслам серой веревкой. Широкие рукава рубахи скрывали запястья, оставляя открытыми руки с тонкими и длинными пальцами. Был он бос, простоволос. И ростом не превышал Ивана. Он смотрел в Ивановы глаза не снизу, и не сверху, а прямо, будто точно такой же смертный, не возвеличивающий и не унижающий себя пред равным. Жилистая шея, вздымающаяся из распахнутого ворота рубахи была сильной и гордой. Длинные и светлые, русые волосы не закрывали высокого чистого лба, спадали на плечи. Короткая борода и усы были столь же светлы, но совсем не старили человека. Прямые тонкие губы, прямой, небольшой нос без провалов и горбинок, прямые, ровные брови – все было соразмерно в этом лице, без гримасливых извивов, изгибов, перекосов, надломов, выпучиваний и выпячиваний. Слепительная соразмерность простоты... По Образу и Подобию! До Ивана только теперь дошел подлинный смысл этих слов. Пред ним был именно Образ – образ не Всевышнего, но того человека, что был создан Всевышним по Своему Подобию. Глубокие серые глаза смотрели на Ивана. Но не пронизывали, не

прощупывали, не прожигали. Наоборот, они несли в его глаза свет и покой, они наделяли чем-то непередаваемо высоким и добрым. И Иван уже знал – это Он, являвшийся людям во искупление грехов их, а теперь призвавший его, Ивана, к Себе.

– Ты был благословен, – тихо проговорил человек, – ты был избран. Много званых... да мало избранных. Так почему же ты лишил себя жизни, отдавая душу свою во власть демонов? Ведь душа твоя – это часть Меня самого, часть Бога, дарованная тебе. И ты отдал Меня им? Почему?!

Иван молчал. Он не мог опустить головы, не мог отвести глаз. Теперь все было доступно ему – все, от начала и до конца, ибо Он, стоящий пред ним, и есть и начало, и конец, альфа и омега, Первый и Последний во всем и всему. Но ведь Он, Творец и Создатель мирозданий, наделил созданных Им смертных свободной волей. Он дал им право выбора... а значит, каждый пред совестью своей и пред Богом волен выбирать в тяжкий час, жить ему или не жить...

– Я не боялся лишений и тягот, – начал Иван, преодолевая себя, – шел на муки, страдания, пытки, шел на смерть ради созданных Тобой. Но я всегда верил, что Ты ведешь меня, даже когда бесы терзали мою душу, бросали ее во мрак, я верил, такова воля Твоя, такова высшая справедливость! Ни разу не усомнился я...

Серые глубокие глаза будто пеленой подернулись, чуть дрогнули прямые тонкие губы. И Иван понял.

– Прости! Покрывил душою... были сомнения, были! Терзали и они меня подобно бесам. Но всегда верх брала вера, всегда в сердце мое стучало: Иди, и да будь благословен! И я шел. Шел до последнего часа! Но когда оглянулся назад, на содеянное, на разрушенные города и села, на горы мертвых тел, на сожженные нивы, втопанные в прах святыни – и увидел торжество бесов на Земле и во всех мирах земных, горько и тяжело мне сделалось, и открылось, что их наущениями жил, их похоти претворял в бытие наше, их орудием был на Земле. Вот тогда и понял – будто смертная молния пронзила душу – понял, что отказался Ты от меня, бросил, отвернулся на веки веков. И вот тогда, когда не осталось на Земле судей надо мною, сам себя осудил я и по делам своим казнил себя смертной казнью – ибо иной участи для себя не видел! И место мое, Господи, в преисподней!

Иван выдохся. Умолк. Он хотел упасть на колени, упасть ниц, не вымаливая себе прощения, но сознавая свою низость.

Он не имел никакого права стоять рядом с Ним, вровень, глядеть в эти глаза – притягивающие, наделяющие умиротворением и покоем, силой и верою, нет, не имел!

– Не суди, и не судим будешь, – ответил человек в льняной рубаше, человек, воплощающий Нечто Высшее и Обладающее правом судить. – Ты хочешь все понять, ты желаешь уяснить Промысел Высший? Но вместо этого ты идешь на поводу у гордыни своей и тешишь бесов. Ты свершил тяжкий грех, лишая себя того, что не тебе принадлежит. И ты не имел права на суд и казнь, ибо наделен смертной свободой воли, но не наделен даром предвидения, и не может знать, что ожидает его в грядущем. За черными полосами жизни, за провалами в пропасти адские следуют полосы светлые и чистые, подъемы к горным высям... Ответь, ты знал, что ожидает тебя?

– Нет, – прошептал Иван, – я мог лишь предполагать... все рушилось, все погибало, почти уже погибло! Значит, и я должен был погибнуть!

– Пред твоим последним решением отрылось тебе по наущениям дьявольским, что ведомый черными силами разрушил ты мир людской. И ты поверил в наущения эти?! – вопрошил с укором человек.

– Поверил, – сокрушенно ответил Иван. – Поверил в то, что видел своими глазами.

– Глазам твоим не дано зреть истинного. Одна душа обладает зрением подлинным. А ты не прислушался к душе своей, шептавшей тебе в самые тяжкие минуты: Иди, и да будь благословен. Я открою тебе правду. Да, в мытарствах твоих и злоключениях зачастую бесы-искусители и темные силы вели тебя по жизни, вели путями коварными, многомудрыми и хитростными, плетя черные паутины козней своих, прибирая в черные лапы свои грядущее рода людского... и ты был их орудием, ты прав!

Иван вздрогнул, слеза выкатилась из глаза, но он не смел поднять руки, утереть ее. Значит, все так, значит, это правда – он сам был разрушителем, вырождаком. И к чему тогда все эти беседы, к чему?!

А серые глаза смотрели в его душу тихо, покойно и ласково, без осуждения и гнева, но любя и сострадавая.

– И казалось им, пребывающим во мраке, что обретают силы они и покоряют миры вселенных. Гордыня! Бесовская гордыня! Ни тебе, смертному, ни им, порождениям тьмы, не дано знать Промысла Вседержителя! В гордыне своей обре-

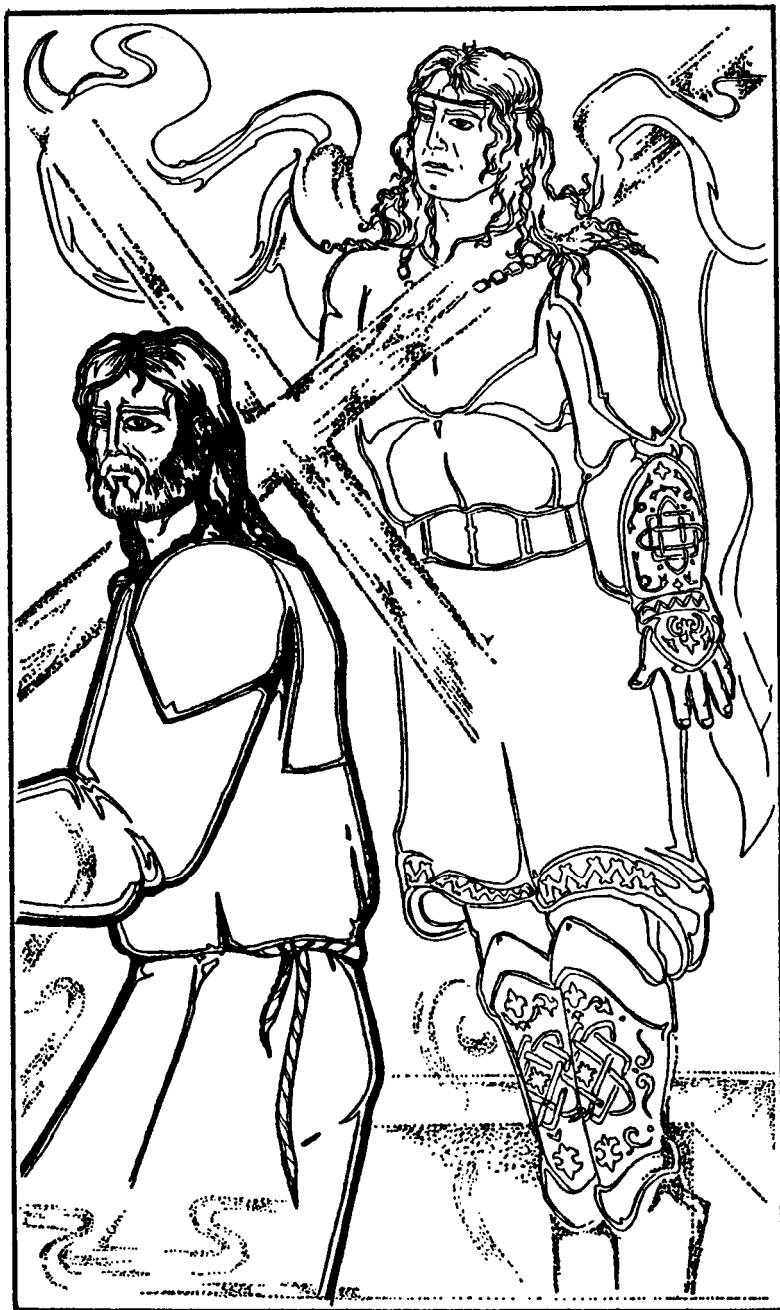
тались они, не ведая, что дотоле исполняются замыслы их, доколе угодны они Творцу. Ибо и силы мрака, бесы и демоны подобно человеку и свыше того обладают полной и неограниченной свободой воли и действия... Всякое порождение сущих и внесущих миров по воле своей должно показать, чего ради оно явлено было в свет или во тьму, на что способно в существовании своем и куда приведет себя, обладая свободой выбора. Но вели они тебя и творили тобой нужное им лишь в той мере, в коей непротивно то было Воле Высшей. И ты доказал это, ни единожды не пойдя против своей совести, а стало быть, против Бога. И вина твоя лишь в одном – ты оказался слаб... ибо человек!

– Слаб? – переспросил Иван. Он не мог поверить в услышанное. Но ведь иными словами примерно о том же говорил ему и Архистратиг... Неужели нет на нем греха кроме самоубийства? Неужто невиновен он в гибели Земли и рода людского, и лишь испытанием тяжким напасть эта была послана человекам?! Ведь он делал все, что мог, он бился пока хватало сил, а потом бился сверх силы?! Нет, он не мог до конца уверовать в безвинность свою, не мог. Совесть жгла душу. Палила нещадно.

– Да, слаб человек. Даже такой как ты, избранный. Я отворил дверь пред тобою, и никто ее не сможет затворить. Помни об этом. Ни люди, ни бесы, ни ты сам! И простятся тебе грехи твои. И как ты сохранил слово терпения Моего, так и Я сохраню тебя от години искушения, которая придет во Вселенную, дабы испытать живущих. Сядь!

Иван повел глазами и увидел низкое деревянное креслице, совсем простенькое, с подлокотниками и коротенькой прямой спинкой. Он опустился на него. И нетелесная, навалившаяся тяжесть покинула душу. Покинула вместе с гнетом давящей, неискупной вины. Теперь пришел покой полный, непонятный, непривычный. Это было чудом. Не виноват! Он чист перед Богом, перед людьми, перед собой. И больше ничего не надо! Нет... но ведь там, на Земле и в мирах Федерации, ничего не изменилось, там господствует нечисть, там льется кровь, там гибнут не одни лишь тела землян, но и их души. Как же так?

– Господи! – взмолил он, простирая руки к сидящему напротив. – Не оставь тех, кто во власти сатаны! Там творится страшное, чудовищное, это невозможно описать... но Ты и Сам все знаешь. Ты же Всемилостивый! Ты Всемогущий! Спаси их!!!

Иван готов был сползти с кресла, упасть на колени перед сероглазым человеком, пред образом Того, Кто не имеет пределов ни в чем, Кто может все изменить за минуту, в единственное мгновение – мановением Своей Руки. Но неведомая и добрая сила не дала ему простереться ниц, удержала в кресле.

– Не для того создан Мир, – кротко ответил русоволосый человек, – чтобы Божественной Дланью вмешиваться в него и Ею наказывать виновных, усмирять зарвавшихся, возвышать праведных... Ты знаешь об этом. Творец может уничтожить Мир, может изменить его по Воле Своей. Но тогда это будет другой мир и будет нарушена свобода воли живущих в нем. Нет! И силы тьмы, и Силы Света не карают и не одаряют сами. Лишь верящие в них, верящие по своей воле, свободно и истинно, становятся их руками, их перстами в Мире. Ты познал многое. Но ты обязан познать главное – сам Мир должен определить свою судьбу.

– А как же... Ты?!

На Ивана обрушилась вся тяжесть непредсказуемости Бытия. Если все так на самом деле, Земля обречена и человечество обречено... Мир уничтожает себя, убивает. И Благие Силы не вмешиваются, не хотят защитить его!

– Не впадай в уныние и отринь суетность из сердца своего! – тихо проговорил человек. – Или ты уверовал в могущество дьявола и не веришь в Мои силы? Соберись с мыслями, напрягись... и скажи Мне, что было изречено Мною для врагов Моих?

– Возлюби ближнего своего... – оцепенело выдавил Иван.

Кроткая улыбка коснулась губ сидящего напротив.

– Не всякий есть ближний. Я же тебя про врагов вопрошаю.

– Не укради, не убий...

– И это верно для ближних. Но иного жду Я!

– Прости, – прошептал Иван, опуская глаза, – я в смятении и ум мой в смятении. Скажи Сам о врагах Твоих.

Тень набежала на утомленное и светлое чело, сдвинулись к переносице прямые темно-русые брови, стальным блеском сверкнули глаза.

И голос прозвучал твердо, непреклонно:

– Мне отмщение, и Аз воздам!

Просветление пришло неожиданно. Будто небесный свет вспыхнул не снаружи, а внутри Ивана. Да! Он все понял. Мир

сам должен находить ответы на все свои вопросы, и не дело Вседержителя вмешиваться в суету сует и всяческую суету созданий, наделенных волей. Но пришедших к Нему, обратившихся к Нему во спасение этого погибающего мира, то есть, тех, кому не чуждо божественное в мире, кто верит в Него, Он наделяет частью Своей Силы и Своей Воли. Он не придет в мир с мечом, но...

– Ты будешь Моим мечом в мире. Мечом Вседержителя! Ибо в битве Добра со злом, Света с тьмою нет места кротости и всепрощению, а есть место воздаянию по делам. На тебя возлагаю Я жребий этот!

Иван в страстном и благом порыве вскочил с креслица, ринулся вперед, желая припасть к коленям Спасителя, прижаться к грубому льну рубахи... Но Тот поднял руку ладонью к нему, остановил.

– Не спеши. И выслушай, что поведаю тебе!

Иван вцепился в деревянные подлокотники. Он весь был внимание.

Надежда! Она промелькнула светлой быстрой птицей. Ее не было. И вдруг она появилась. Значит, мир еще не погиб, значит, можно еще все остановить?! Он готов был свернуть горы. Все тяготы, лишения, муки, через которые он прошел, были в эти секунды забыты. Если надо он пройдет сквозь огонь и лаву, ничто не сможет остановить его... но как?! Он же мертв! Его нет! Ну и пусть! Может, Господь дарует ему возможность влиться в незримое духовное Воинство Неба, и оттуда направлять карающие, разящие удары воинов земных. Только бы они были, только бы они пришли эти земные воины – пришли и отстояли Землю от нечисти, от выродков, от тьмы!

Серые глаза смотрели и видели все. Тепло, исходившее из них, заворачивало Ивана, не давало войти в неистовство, раздражение, раж. Они приобщали к себе, и он становился частью их, он становился частью Вседержителя – малой, пока еще слабой, мятущейся, но частью.

– Я не даю тебе силы особой и всесокрушающей, – сказал человек, – я даю тебе лишь Дух и вкладываю в твою руку Свой Меч. Но прежде ты должен узнать большее, чем ты знаешь. Ибо во мраке пребываете вы, рожденные на Земле, во мраке и в путях дьявола. Вы всегда верили тем, кто прельщенный гордыней и бесами, нарекал себя избранниками Моими и вершил дела от имени Моего. Не будем поминать

тех, кто привел вас к апокалипсису вашему, – ибо они выродились, обретая власть над вами, и ушли ныне во мрак к своим истинным властителям. Вы же, доверившиеся лжеучителям, сами погрязли в духовном мраке. Оттого и гибнете. Ты долго шел по жизненному пути в исканиях истины, и ты один из немногих, кто приблизился к ней... но так и не открыл двери, что открыта для видящих. Ты много сделал доброго в мирах смертных. И потому отпускаются тебе все прегрешения. И будешь ты воскрешен и возвращен на Землю, в мир, породивший тебя!

– Воскрешен!!! – Иван еле сдержался, чтобы не закричать во все горло.

– Да. Ты рано ушел оттуда. И ты вернешься. Но прежде, чем ты исполнишь на Земле Волю Мою, предстоит тебе пройти чрез очистительные круги Света и приобщиться к излюбленным сыновьям Моим. Ибо наделил Я их благодатью и просветлением. Две с половиной тысячи лет назад пришел я к смертным с Благой Вестью, прошел путем крестным и принял мученическую кончину во искупление грехов их. И открылась Истина сначала избранным, а потом многим, и явилась на Землю Православием, и неубиенна и жива по сию пору. Дети мои во храмах Православных проповедуют ее...

Иван стиснул зубы. Он знал другую истину, истину конца света – храмы разрушены, они во прахе и тлене, повсюду кишит нечисть, изгрызающая священнослужителей, оскверняющая святыни. Гибнет Вера Православная!

– ... проповедуют, ибо несокрушима! И не все видится телесным оком! Но не о том хотел Я сказать тебе. Православные наставники, с коими вел ты беседы, подарили тебе Новый мир, спасаемый Благой Вестью. Им открылась Истина с приходом Моим. Но не вновь явилась она на Землю, а жила предвечно в сынах Моих, предшествовавших апостолам Моим и ученикам Моим. Дик, слеп, страшен и темен был мир до прихода Моего. Но были в нем избранные, как есть во мраке ночном сияющие звезды. Ибо без них бы канул род людской в пропасть адскую безвозвратно. Тридцать тысячелетий предуготовляли сыны Мои приход Мой. Тридцать тысячелетий хранили они божественный огонь душ людских среди звериной тьмы и животной мерзости. Ведь не одни одухотворенные были посланы в жизнь земную, но и тени их, порожденные дьяволом, – двуногие и двурукие животные, алчущие богатств земных, сил убийственных, власти над себе подобными и

прочими. И шел Род одухотворенных по свету под водительством сынов Моих и под знаменем Креста, шел изначально наделенный Моим Знаком! И вели его те, кого звали ведами или волхвами. Не язычниками были они погаными и не беспоклонниками, как нарекали их лжепроповедники позже. Но сынами моими, постигающими Истину и несущими Ее в Род созданных по Образу и Подобию Моему! Велик и светел был путь их, но и горек и тяжек! Провели они Род избранных за тридцать тысячелетий по материкам и странам. И породили тысячи племен и народов, дали им язык и обычаи, веру в Светлый Животворящий Крест Небесный и его скорое и неперемненное вознесение над погибающим миром, в коем властвовали зримо и незримо двуногие выродки бездушные. Все доброе и светлое в мир людской принесено было сынами Моими. И были они свечами Моими в лютой ночи. И возвышался Род, ведомый ими... и падал, и снова возвышался. И одерживали победы они славные... и несли поражения, претерпевали гонения от звероподобных в людском обличий. Ибо кого любит Господь, того и испытывает! В иных землях и среди иных народов блюли они чистоту Рода своего и хранили божественную сущность внутри каст. Но шли века – и смешивалось все на Земле, опутанной путами бесовскими, и входили двуногие звери в Род, и слабел он от натиска бездушных, рассыпался сам на племена и языки, народы и народцы. Дьявол входил в мир в обличий алчи и страстей, в телах алчных и страстных двуногих. И ничто не могло устоять пред их алчью. Гиб мир. Гиб Род избранных... Но оставались носители Истины – сыны Мои! Уже весь табор вавилонский исполчался на них, и вынуждены были они искать уединения в диких лесах и неприступных горах. И остались там многие. Но лучшие ушли в Старый мир, ибо предвидели они Конец Света, ибо Знанию их и Истине конца быть не должно! В блужданиях твоих открылось тебе, что есть Старый мир. Познав о нем, не приобщился ты к нему. Ибо слаб и суетен оказался. Но наступит час и войдешь ты в него по Воле Моей. И познаешь нужное тебе для благих дел от сынов Моих. И откроются глаза твои! И взвалишь ты на себя тяжкий крест, тяжелое бремя – отмщения Моего, Небесной Мести, Звездной Мести за всех страждущих и терзаемых, униженных и убиенных безвинно, погубленных и брошенных во мрак пропастей смертных, Высшей Мести – но не роду людскому, объятому безумием, а силам бесовским, что вселились в род этот и сделали бес-

новатым его, изживающим себя самого. И свершится эта Праведная Мечь. Ибо пришла пора. Давно пришла! Ибо не сегодня воцарились бесы на Земле! Не сегодня пришли к власти над одухотворенными бездушными двуногие скоты и вырожденки земные! Ибо не сегодня воцарилась ложь на Земле и преумножилось царствие ее!

Иван сидел замороженный и очарованный. Он почти не различал самих слов, но смысл их, знание сокровенное и праведное проникало в ум его и душу. Сыны Божьи! Род! Все было даровано во благо и изначально. Свету суждено было разлиться по весям и градам земным. Но разлился мрак и ужас. Это были ответы на его собственные, мучительные вопросы, которыми изводил он себя долгими днями и ночами, за которые погиб безвинно, но по его, Ивановой, вине, сельский друг его, батюшка, собеседник и врачеватель истомленной, израненной души. Добро и зло сплелись в мире в смертельной схватке. И ослабло Добро. И стал угасать Свет. И воцарилась ложь. Больно, горько, стыдно... но видящий видит – мир стоял не на Правде и Справедливости, не на Чистоте и Вере, а на лжи. На лжи! Вот поэтому безумный, одуревший и выродившийся мир, несмотря на весь блеск и величие зримых достижений сверхцивилизации, несмотря на роскошь, негу, сытость, погибал безвозвратно, заканчивал свое существование захваченный нечистью, тьмою, выходцами из ада. Ложь! Ее вдалбливали долгие века и тысячелетия, не сегодня она рождена была, вдалбливали прорицатели и сказители, лжепроповедники и шарлатаны, вероучители и обличители, оракулы и комментаторы, все, кто во все времена обладал властью над умами, ушами, сердцами... а ведь не часто власть эта переходила в руки просветленных и одухотворенных, но почти всегда пребывала она в лапах слуг дьявола, вопящих повсюду с сатанинской гордыней, что именно они и только они избранные и облеченные, только им дано выражать волю народов, что чрез них в мир исходит власть этих народов, ибо они и демос есть и краторы над ним. Лжецы! Двуногие звери в людском обличии породили ложь. И она привела мир к гибели! Это она погубила человечество! Это они сгубили миллиарды душ – лжепророки, объявившие себя избранныками Божьими, вопящие о правах людских, но алчущие лишь власти, богатств, это они волокли род людской за собою – в преисподнюю, в Океан Смерти!

– Ты узнаешь о многом от сыновей Моих, первосвященников Рода наделенных душою. Их мудрость – Моя мудрость, дарованная людям. Очищаясь в кругах Света и просветляя себя войдешь ты в Старый мир. И найдешь их там. И они помогут тебе.

– Я?! – удивленно переспросил Иван. Он еще не мог осознать и малой толики того тяжкого бремени, что возлагалось на него.

– Да, ты! – голос сероглазого звучал твердо и непреклонно. – Ты сам вызвался. Ты наделен свободной волей. Ты сотворен по Образу и Подобию Моему. И ты Мой Меч в битве с несправедным. Ты сокрушишь зло. И ты вернешь Правду в мир! Ты избавишь его ото лжи! Ибо ты, предуготовляя себя к неведомым тебе испытаниям, в прежние еще годы постиг азы мудрости россос и ведов – сынов Моих, впущенных Мною в мир, чтобы нести Свечу Света во вселенных!

Иван кивал. Да, он сам встал на эту тернистую дорогу. Был миг слабости человеческой... что ж, он ведь человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Теперь ему прощаются прегрешения и даруется столь многое, что хватило бы только сил! Но ведь нельзя терять ни минуты, Земля гибнет, почти погибла... нет времени для скитаний по мирам и насыщения мудростью веков. Дорог каждый час!

– Время! – воскликнул он, не сдержавшись. – Я не смогу объять необъятного, Господи! А там люди, они умирают.

– У тебя будет достаточно времени. Ты ведь знаешь, что оно может умерять свой ход. Не надо спешить. На этот раз ты должен быть сильным! Ибо ты уже не просто человек и воин, наделенный бессмертной душой, но ты – Меч Вседержителя! Ты видишь Мои руки, – сероглазый протянул их ладонями вверх, – они чисты и легки. В них не будет иного меча, ибо выродившийся род людской не дал второго... Ты один! Помни, твой путь станет испытанием и для Меня.

Иван окончательно растерялся. Как же так – Всесильный, Всемогущий, Всесозидающий и Всесокрушающий, способный в мгновение ока разрушить любые миры и вселенные, Тот, Кому нет равных и близких нигде, ни в одном из мирозданий, ни в одном из пространств, ищет его помощи, его поддержки, надеется на него. Этого просто не может быть! Это опять она – проклятая гордыня, болезненное самолюбие, наваждение. Или, может, род людской и впрямь уже не заслуживает про-

щения... Нет. Он жаждет его простить. Спасти! Ибо Он – Спаситель!

– Но почему?! – спросил Иван.

Сероглазый человек откинулся на жесткую деревянную спинку, тряхнул русоволосой головой, совсем запросто, будто избавляясь от надоевшей пряди, застывшей взгляд. Улыбнулся краешками губ.

– Потому что вы верите в Меня, в своего Создателя. Не все, пусть и немногие из вас, но верите, осознавая наше единение в Бессмертном Духе. А Я... Я верю в вас. Вы Мои создания, Мои дети – взрослые, своевольные, вырвавшиеся из-под опеки, губящие себя, отдающиеся в лапы врагов Моих... но все же дети. В кого же Мне еще верить? Верю!

Потрясенный, совершенно ошарашенный Иван не знал, что и сказать. Он верит в них! Он верит в него, в Ивана! И Он снова отдает Мир в их власть. Господи!!!

– Ну все, хватит, – тихо закончил сероглазый, – остальное ты узнаешь позже, в свое время. И знай, что обоюдная вера крепче стали! И помни: Мне отмщение, и Аз воздам! А теперь – иди. Иди, и да будь благословен!

Он стал приподниматься над низеньким деревянным креслицем, вставать.

И в этот миг Ивана будто пронзило ослепительным чудесным светом. Он увидел саму бесконечность, необъятность, вечность – беспредельную и бескрайнюю. Свет изливался от величественного и не поддающегося мерам сверкающего Престола. И восседал в Свете излучающий Свет, восседал на Божественном Престоле – Он Самый, Непостижимый, Величественный, Прекрасный и Грозный – Дарователь Добра и Жизни, Творец, Созидатель, Вседержитель!

Ослепительное видение полыхнуло чудесным Божественным огнем и исчезло в молочно-белой пелене, чтобы навсегда остаться в памяти. Навсегда!

Плита была дьявольски тяжела. Ивану пришлось напрячь все силы, собраться в комок жил и нервов, мышц и костей, упереться в нее и руками и ногами. Только тогда она сдвинулась, упала с каменного гроба, с грохотом раскололась.

Он еще долго лежал на спине, не мог отдышаться, придти в себя.

Потом провел ладонью по груди, задержал ее у сердца, будто припоминая что-то. Нет, никакой раны не было – лишь

обгорелая дырочка на металлопластиковой ткани комбинезона. Рана затянулась. Тепло возвращалось в тело.

Иди, и да будь благословен!

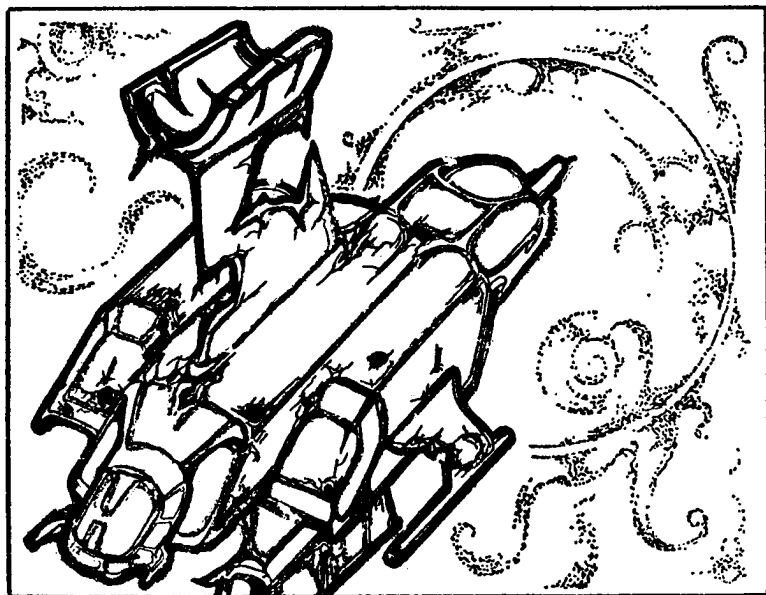
Он встал из гроба. Перешагнул через край. Оглядел мрачные своды. Он уже видел их прежде, когда лежал мертвым, когда душа его отделилась от тела... Храм Христа Спасителя! Значит, они, нечисть поганая, не пробрались сюда?! Значит, он стоит – стоит назло всем под своими сверкающими Золотыми Куполами?!

Жизнь вливалась в тело горячей, раскаленной кровью, обжигала, толкала наверх, к людям. К каким еще людям! Разве там мог хоть кто-нибудь уцелеть?!

Иван заглянул в опустевший гроб. Черная спекшаяся кровь лужицей застыла на дне. Сколько же он лежал мертвым – месяц, два... год? Какое это теперь имеет значение! Иди, и да будь благословен!

– Ничего, – просипел он цепенеющими губами, – с нами Бог!

И побрел, пошатываясь и оступаясь, к лестнице, ведущей наверх.

Часть вторая

ОЧИЩЕНИЕ

*Солнечная система – Земля.
Год 2485-й.*

Слаб человек, обретающийся в мире смертных. Слаб, ибо не умом и душою, но животным, низким началом своим осознает недоступное разуму – нет убежища во всем свете крепче и надежней слабости его. Потому и бежит он в слабость, убеждая себя, прячась, спасаясь неведь от чего. Не сила дает броню и крепость, но слабость. И нет спроса со слабого – он слаб и немощен, он себя оборонить не в силах, чего ж желать от него большего, чего требовать? Не сильные выживают в извечной борьбе рода человеческого с самим собою, но слабые. Ибо не встают грудью навстречу силе, не принимают вызова и не бьются во чистом поле насмерть, а зарываются в норы, бегут, вздымают вверх руки и преклоняют колени – и не сечет меч склоненную голову, не бьет сапог лежащего, слабого, бессильного, покорного. Нет брони крепче чем слабость! И

нет укора немощному – силен он своей немощью и неистребим. И нет спроса с него – какой спрос с неимущего сил себя защитить, не то что иных?! Назовись слабым, и не будет тебе ни бесчестия, ни позора, не посыпятся слова злые в твой след, ибо получишь всепрощение за все про все на жизнь вперед, долгую, тихую, покойную жизнь. И не тронет тебя сильный, не испоганит меча своего о немощного и недостойного. И не хватит духа у слабого сокрушить тебя, ибо такой же как ты, не возьмем он силы даже на малое, лишь покусывать да щипать ближнего своего, пить понемногу кровь из него определено ему его слабостью, подобно мелким, слабым и ничтожным, ползающим в потемках и ищущим тихого насыщения. Нет слабым числа! И на слабости стоит мир живых. Слабому легче выжить в крепости неприступной своей и в броне непробиваемой. Невидны и неприметны слабые на свете этом, но они незримо царят в нем – подчиняясь, и не замечая сильных, пряча головы в панцири свои и не высовываясь, они выживают, они порождают таких же умудренных и слабых. И нет им меры. И нет им числа.

Тяжко сильному в мире смертных. Не защищен он ничем и открыт для всех. Ибо назвавшись сильным, не бережет себя, выходит он во чисто поле с поднятым забралом, вздымается на гору, открытую всем страшным и яростным ветрам. Тяжкую ношу выбирает сильный, и может та ноша убить его жестью своей. Дерзкий вызов бросает он в мир, и рискует навлечь на себя силу большую, безжалостную и беспощадную к сильным, но не замечающую слабых. Обрекает себя сильный на труд и битву, на победу и поражение, на бесчестие и славу. И короток век его в свершениях и сражениях сжигаемый. Короток и ярк – как свет вспыхнувшей среди ночи звезды.

Светлана с трудом подавила в себе порыв ненависти, не выпрыгнула из кресла, хотя ей очень хотелось наброситься на трехглазые трупы, и бить, бить их ногами, топтать, пинать! Ох, как эти твари зверствовали в трюмах! Как они терзали несчастных! Но не время... да и распускаться нельзя, ни в каком случае нельзя.

В мыслекресле она освоилась быстро, и минуты не прошло, как она ощутила, что управлять им, да и всей громадиной звездолета негуманоидов, не сложнее, чем Троном. Они настолько презирали землян, что не позаботились даже уста-

новить блокировку! Ну что ж, теперь они пожалеют об этом и о многом другом!

«Мозг» звездолета работал безо всяких цифровых, словесных и шифрованных символов, выдавая на обзорно-координационные экраны и прямо в мозг сидящему в мыслекресле живые картины, образы. Это было бесподобно! Светлана увидела все разом: все планеты Солнечной, Землю, затягивающиеся воронки в кажущейся пустоте Пространства – следы ушедшего в немыслимые дали звездного флота землян, восемнадцать базовых станций, напичканных оружием, приведенных в полную готовность, но почему-то совершенно не интересующих негуманоидов Системы... и все семь серебристо-обгорелых шаров.

– Твари! – прошипела она.

И тут же осеклась. Надо действовать немедленно, сию же секунду. Иначе они все обнаружат. Связь между шарами отлажена, нечего и сомневаться. Она обязана опередить их! Иначе все понапрасну, зря! Но как их уничтожить, если силы столь неравны – шестеро против одного, против нее одной! Да и защита от своего собственного оружия на каждом шаре есть, это однозначно!

Бежать?!

Да, она могла бы уйти в подпространство, или снова войти в Осевое – и ищи-свищи корабль! никогда им не поймать ее, не настигнуть! Но тогда ради чего все затевалось? Ведь она могла сбежать на «Ратнике» с адмиралом, с экипажем, звездной пехотой и беженцами. Нет! Это не выход!

Система. Проклятущая Система! Никто не знал о ней больше. Смутные тени вспыхнули в мозгу. Она столько времени провела в Системе – узница, рабыня многоярусных миров! И она почти ничего не вынесла оттуда. Почему? Они чем-то воздействовали на нее, она была как в оцепенении, в прострации. И все же она знала, что есть Система и есть «система». Они раздвоили ее, да так было. Одна половина блуждала в сумрачно-туманном Осевом измерении, среди призраков, среди неприкаянных душ погибших. А другая – русоволосая Лана ждала своей участи в мире трехглазых. Сонная, равнодушная ко всему, покорная... Иван вызволил обеих! Нет, она одна, она всегда была одна! И теперь она обязана спасти Ивана. И врут, что он умер! Не мог он умереть, не имел права! Она вытащит его хоть из ада... Но как?! Туманное и изменчивое Осевое измерение уже помогло ей – значит, даром были

все его муки, не напрасно пришлось вынести столько страданий среди гиблого полуживого тумана. Как она звала тогда Ивана, как молила о встрече с ним – случайной, быстротечной, призрачной встрече! Вся ее потусторонняя жизнь была в этих встречах... и она верила, что он придет однажды, чтобы забрать ее навсегда, как Орфей приходил в ад за своей Эвридикой. Нет, Осевое измерение не ад, совсем не ад – это Чистилище, это неприкаянный мир неприкаянных мертвяков, отринутых и Богом, и дьяволом. Но он любил ее, и он вырвал ее из этого жуткого Чистилища. А она... она ничего не может придумать. Любое лишнее движение, ошибка – и смерть! Промедление – тоже смерть! Шесть молчаливых убийц следят за каждым ее шагом. Она знала про Систему все. Но Иван открыл то, чего она не знала. И тогда она просто выгнала из памяти страшные и полурасплывчатые образы. Не было сил держать в голове и в сердце кошмар невероятных сочлененных пространств. Сферы-веретена, уровни и подуровни, ярусы и квазирусы, шлюзы-переходники... и сказочно-всемогущий Трон. Да, именно Трон! С этого надо начинать! Он безо всяких шлюзов переносит из пространства в пространство, с уровня на уровень! Почему? А потому что он создан для игры, для тех, кто бросается с головой в пучину смертельно-опасных, невысказанных приключений. Игроки! Все верно, она узнала об этом только от Ивана. Игра, доведенная до безумного совершенства! Сверхреальная игра, затмевающая не только явь, но и самые фантастические грезы. Жажда игры! Жажда риска! Желание на грани смерти и жизни щекотать, терзать, рвать в сумасбродном экстазе свои воспаленные нервы! Вот для чего все создавалось. Вот для чего сворачивались в кривомерные пространства десятки и сотни созвездий, измерений, миров и населялись они изощреннейшими плодами фантазий и подлинными монстрами. Волшебные Миры! Миры игрищ и развлечений. Он объяснял ей, растолковывал... а она не слушала, пропускала мимо ушей. Но кое-что осталось... в это трудно поверить. Но Иван никогда не врал, он просто разучился лгать, у него не было на это ни времени, ни желаний... «система»! Именно «система» – это огромный, чудовищно сложный, многопространственный Волшебный Мир. Туда уходили играть. И не возвращались – многие, очень многие. Там были квазиуровни, пещеры с висящими матками, вертухаи, падающие вверх водопады, подземелья, цепи, бойни на аренах, приношение жертв, самых настоящих

людских жертв, миллионы воинов, погони, пытки, битвы, Залы отдохновения, цветущие сады для ожидающих, кровь, вождение, азарт, игра – бесконечная Игра, затмевающая саму жизнь. И там готовились армады... Именно там! «Система» создавалась не трехглазыми, нет, ее делали и налаживали земляне далекого будущего... Страшные Поля! Да, Иван говорил что-то про XXVII-ой век и про XXXIII-ий! Игровые поля для обезумевших игроков, готовых перенести свои игрища в земные, обитаемые миры! Им нужна была не искусственная кровь искусственных созданий и чужепланетных монстров, и даже не кровь таких же игроков как они сами, но реки крови живой, настоящей, текущей в жилах неигроков, населяющих неигровые миры, кровь людей, человеков! Будущее! Страшно далекое будущее! Система и «система». Ну почему она не слушала Ивана?! Почему?! Ведь была еще и Система – этот полуживой мрак лиловых мерцающих хитросплетений Невидимого Спектра, иновселенский разум, выродившийся, изгнывающий, страшный. Разум, скрестившийся с остатками земных выродков-властителей, перенесшихся в пространстве и времени! Система чудовищного симбиоза земных дегенератов-властителей грядущего и вымирающих демонов Чужой Вселенной. И те и другие уже не могли жить в обычных мирах, в мирах живых и телесных существ... но они страстно желали жить во плоти, пусть и чужой плоти. И играть, играть, играть мирами, пространствами, временем, людьми и нелюдьми, всем существующим. Без этой Большой Игры они просто были мертвы... как был мертв Верховник-Демонократор, Мертвец Переустроитель Вселенной. Игра! Светлана готова была разрыдаться, комок подкатил к горлу, не давал ей дышать. Но мысль была быстрее времени, гораздо быстрее. Она молнией прожигала мозг. Спокойно! прошел всего миг. Один лишь миг! Сейчас она соберется, сосредоточится... и найдет нужное решение! Только без нервов! Без истерик! Трехглазые – нелюди, негуманоиды! Она помнила как Иван убивал их в машинном зале, как они распадались на куски и части, почти живые и все же не человеческие и не животные. Нелюди! Сами игроки не они! Сами игроки еще не пришли сюда. Они далеко. А трехглазые – киборги, слепки с вымирающих игроков-дегенератов, их глаза, уши, пальцы. Да, они перенесли свою Игру со Страшных Полей в людской мир. Но... но они наверняка не стали создавать для этих нелюдей-киборгов особую технику. С ка-

кой стати, если есть уже созданная, сверхмощная, сверхпроникающая, необыкновенная... но настроенная на живых! Светлана вздрогнула. Если она права... ах, если бы только она была права! Это единственный шанс! Дольше выждать нельзя!

– Вперед! – процедила она, почти не разжимая стиснутых губ.

И уставилась на ближайший серебристый шар. Даже если тот не распознает, «бортовой мозг» ее шара даст предупреждающий сигнал. Иначе быть не могло: все внешнее для шаров – чужое, не имеет значения, живое оно или неживое, но разумное существо внутри шара – хозяин, оберегаемый и лелеемый, как и на Троне – есть лишь его жизнь, его воля, его власть.

– Полный боевой залп. Огонь!!!

Она увидела, как из чрева звездолета вырвались сгустки мерцающего зеленого огня и, пронизывая тьму невидимой мощью, ушли к вздрогнувшему и застывшему шару. Почти сразу же стена бушующего пламени скрыла чужака. Пространство вывернулось наизнанку... Но пламя стихло, рассеялось во мраке, будто его и не было. А обгорелый шар остался на своем месте, стал пятиться, явно уходя с дороги, отступая.

Нет! Не может быть! Светлана замерла. Неужели ошибка?! Тогда ей смерть. Но медлить нельзя, никак нельзя.

– Полный вперед! – прохрипела она, теряя голос. – В лобовую атаку! Догнать! Полный залп, черт возьми! Вперед!

Они нагнали чужака через четыре минуты. Это был риск. Страшный риск! Но другого решения Светлана не знала. Она отбросила страх, неистовый азарт охватил ее. Игра? Хорошо, пусть будет игра! Она научит их играть – она, боевой офицер Дальнего Поиска, не щадившая жизни своей, погибавшая и воскресавшая, нежная и слабая, суровая и сильная, любимая и любящая. Держитесь, выродки! Иду на таран!

На этот раз залп ударил со столь близкого расстояния, что ее саму отбросило назад вместе с откатным мыслекреслом. Все исчезло с экранов. Все! Но ответного залпа не последовало. Значит, она права, значит, она не ошиблась – нежить не могла расстреливать звездолет Системы, в котором сидело разумное существо, в котором сидел игрок.

Мерцающие сгустки вошли в брюхо чужака. И разорвали его, защита на таком расстоянии не срабатывала. Град обломков испарялся на лету, обращаясь в молекулы, в атомы. И это была победа, первая победа.

– Вот так, твари! – выдохнула Светлана.

Она была бледна, руки тряслись, во рту все пересохло, глаза отказывались смотреть на этот страшный взбесившийся мир, сердце то взрывалось бешеной колотьбой, то проваливалось в никуда, затихало.

Но теперь Светлана знала, что надо делать.

Иван сидел на темной деревянной лавке рядышком со служителем в длиннополой черной рясе. Был тот изможден, бледен и худ. Они беседовали уже второй час, но служка все косился на Ивана настороженно-испуганным глазом, не мог поверить в воскрешение из мертвых, хотя Иван описал ему уже пять случаев из своей практики, когда тяжело раненные впадали в летаргию, их хоронили или оставляли на иных планетах в склепах, а через месяц-другой, а то и через полгода они оживали, приходили в себя, а потом, по прошествии отпуска и лечения, еще долго служили на благо людям и Отечеству. Изможденный кивал.

– Ну, а наруже-то что?

– Наруже ад кромешный, прости Господи! – отвечал служитель.

Иван не стал рассказывать о своих видениях, все равно не поверит ему никто, только молва нехорошая пойдет. Хотя какая тут молва! В Храме осталось четыреста двадцать шесть человек, все наперечет, если служитель не помутился разумом.

– Стоим одни на всей Земле, – рассказывал тот, – чудо Господне! И нет сюда нечисти доступа. Но и нам выхода нет. Уже семеро пытались вылазки делать, да так и пропали в котях и пастях поганых. Мрак ныне повсюду и темень беспросветная. Будто эти изверги солнце затмили!

Лишь одна крохотная свечечка освещала каморку служителя, бросая тени на лица, стены, убогую утварь. Но Иван видел все хорошо, еще бы – после адского мрака Океана Смерти на Земле-матушке было все неплохо, даже ночь днем казалась. Со Светом же нынешнее бытие Иван и не сравнивал, незачем и попусту.

– Но служба идет беспременно. Во искупление и прощение грехов наших. Да, видно, не слышит нас Господь! – служитель торопливо перекрестился.

О главном он почти не говорил. Но Иван и сам догадывался – голодно, и больше негде брать съестных припасов,

почти полгода в осаде, все – и священники, облеченные саном, и прислуживающие, и прихожане уцелевшие, и случайные беглецы, спасшиеся во Храме, ремни затягивали потуже. И надеялись только на Бога. Больше и не на кого было надеяться, связь отсутствовала, да и самого мира людского, по рассказу изможденного, тоже не оставалось. И ждала их неминуемая тяжкая и мученическая кончина.

– Святейшего схоронили полтора месяца назад, – поведал служитель, перекрестился, пригладил короткую растрепанную бороду. – Господи, упокой душу его! Так во время службы и помер. Царствие ему небесное! А этот... хмурый такой, с облезлой псиной, давно ушел. Плакал очень по тебе, горевал сильно, а потом и ушел – прямо во мрак, к иродам бесовским!

– Кеша?

– Может, и Кеша, – согласился изможденный, – с протезами черными вместо рук. Хорошие протезы были, лучше настоящих! – Он вытянул свои черные костлявые руки ладонями вверх. И тяжело вздохнул. И вдруг спросил: – Неужто и есть не хочется?!

Иван помотал головой.

– Нет, не хочется, – ответил тихо, – в себя никак не приду.

– Еще бы! – изможденный снова перекрестился. – С того света возвернуться!

Иван сидел, разминал затекшие кисти. Столько времени пролежать в каменном гробу, в сырости, холоде! Он неспешно расстегнул ворот, провел шершавой ладонью под сердцем – шрам был, грубый, мозолистый, такие не остаются после операций. Поделом! Мало еще, надо было бы проучить его как следует... ну да ладно, простили! Ладонь поползла выше и нащупала маленький железный крестик. Сохранился, слава Богу! Но ведь его не было... ведь его сорвали... Эх, память! Хотелось сидеть вот так и вспоминать долго, целую вечность. Чудо! Служка не верил, что он воскрес из мертвых аки библейский Лазарь. Ну и пусть. Ивану не верилось в иное – Храм Христа Спасителя стоял. Стоял вопреки всему, стоял, недоступный для нечисти, для поганых выползней. Стоял один во всей погасшей вдруг, погруженной во мрак Земле. Вот где чудо подлинное! А раз так, значит, есть на свете сила, что выстоит в любую минуту, что сильнее сатанинских напастей. Есть! Он знал это теперь очень хорошо. Сила силу ломит. Вот и просидеть бы так... ну хотя бы пока сидится! Дать рукам раскрутиться, ногам расходиться... Нет, нельзя. Надо с чего-то

начинать. А с чего тут начнешь, бесы обложили Храм, нет пути наружу. И где круги очищения? и где многомудрые веды, сыны Господни? и как отсюда в Старый мир податься?! Ведь надо спешить, а то поздно будет... Нет, не будет! Сказано было – время умерит свой ход. Но сидеть сложа руки непристало. Что еще может сказать этот изможденный страдалец, ведь и так все ясно. Пора за дело браться. Руки-ноги работают, голова тоже начинает потихоньку, силы прибывают, веры вдосталь... Надо бы и внутреннюю связь проверить.

– Чего примолк-то? – поинтересовался служитель и протянул горбушку черствую. – Тяжко?

– Тяжко, – машинально ответил Иван. И попросил: – Водички бы глоток!

Горбушка исчезла в тряпице. Пригодится еще. Но воды было тоже совсем мало, собирали в основном по каплям из одной скважинки. Дождевая да из Москва-реки колодезная были испоганены, не годились в питье. Служитель нацедил пару глоточков в чашку.

Иван достал из набедренного клапана пригоршню стимуляторов, не глядя пихнул в рот, запил. Обождал с полминуты. Потом настроился на Дила Бронкса. Трижды звал мысленно. Но внутренний голос его будто уперся в каменную стену, так бывало, когда связь работала в одну сторону. Тихо. Пусто. Погиб старина Дил! А может, сбежал с Земли и из Солнечной, сбежал куда-нибудь подальше со своего сверкающего Дубль-Бига. В голове зашумело с непривычки. Начало подташнивать. Всякое могло быть, Иван не ожидал, что внутренняя связь будет работать после того, что с ним стряслось, после того, что случилось на Земле. И все же! «Глеб! Глеб!! Ты слышишь меня?!» – от напряжения Иван взмок. Сизов, если его только не пришибли и не пригрызли, должен был сейчас сидеть на флагмане, где-то в пределах Солнечной системы, ежели очень далеко – сигнал не дойдет, но, может, не дальше Марса, кто его знает. Иван раскачивал свой отвыкший от работы мозг, давил на него, заставлял просыпаться. «Глеб! Глеб!! Отзовись!» – молил он. И уже когда почти отчаялся, нежданно-негаданно пришел сиплый отклик: «Бред! Это бред! Значит, я схожу с ума...» И наплыли на Ивана видения каких-то мрачных подземелий в кровавых отсветах, донеслись мученические стоны. «Это я, Глеб! – почти вслух заорал он. – Ты ведь слышишь меня?!»

Служка вдруг обеспокоенно затянул в Ивановы глаза, дернул за рукав. Но Иван ожег его сердитым взглядом.

«Не тереби меня... – донеслось в мозг глухо, еле слышно, – я схожу с ума, я и так слишком долго держался, а теперь все... это ты Иван?» Услышал! Действует связь! Иван сосредоточился, не время еще радоваться. «Где ты, Глеб? Отвечай?!» Сип донесся не сразу, словно отдаляясь: «..далеко, Иван, очень далеко, в самом аду подземном. Не добомбили мы их, гадов, не добились! Вот туда и сволокли, ниже дна морского, Ваня...» Сип стих, растворился в пустоте тишины. Не добились? Неужели он под пробитой, развороченной Антарктидой?! Нет, Глеб, видно, и впрямь сошел с ума. Иван звал его еще долго. Но все понапрасну.

Служитель обеспокоился не на шутку.

– Может, врача позвать? – предложил он. – Подлечиться-то, наверное, надо малость, еще бы – столько пролежать? Я быстро сбегая, там есть один из прихожан, он всех врачует?!

– Нет!

Иван усадил служителя на лавку. Какой еще врач, его болезни теперь только могила вылечит!

– Ты на меня не обращай внимания, – тихо попросил он, – это ведь после лежки как контузия, понял? Пройдет! Где у тебя тут прикорнуть на пару часиков можно?

Служитель отвел его в конурку еще меньшую, задернул занавеску. И ушел, ему пора было туда, под своды, где без конца и начала шло богослужение, где молили только об одном – об избавлении Земли от кары заслуженной.

А Иван притулился в углу, под образами. Принялся вызывать Иннокентия Булыгина, человека серьезного и непростого, потерявшего счет барьерам. Да и кто их сейчас считал?!

Кеша откликнулся на удивление быстро.

– Чего там еще?! – резанул почти в уши его хриплый голос.

– Живой?! – обрадовался Иван.

Кеша не понял. И ему пришлось долго втолковывать, что отлежался, пришел в себя, выжил.

– Я ж тебя, холодного, своими руками в гроб положил! – упрямо твердил ветеран и беглый каторжник. – Вот и Хар свидетель – помер ты, Иван, вчистую помер, безвозвратно, на руках моих!

Ивану надоело оправдываться. И он рывкнул на Кешу:

– Молчать! Хватит! Заладил одно и то же... Отвечай, когда старшие по чину спрашивают – где находишься?!

Кеша долго и недовольно сопел, потом ответил с обидой:

– Не время чинами меряться, профукали мы все чины свои. А сижу я в склепе на кладбище, тут тихо, сюда рогатые не захаживают.

Иван невольно усмехнулся – в склепе он, понимаешь, сидит! больше и места для них не осталось, как по склепам прятаться, таиться ото всех! Но ничего не попишешь, такая нынче раскладка.

– Где склеп-то?

– А вот этого я тебе, Иван, – угрюмо отозвался Кеша, – не скажу. Может, они подслушивают, а может... и ты не Иван никакой.

Довод был вразумительный. И Иван не стал настаивать.

– В Храм сможешь пробиться? – спросил он.

В тишине долго слышалось Кешино сопение, вздохи. Потом откликнулось:

– Тяжко будет пробиваться-то. Нигде столько нечисти нету как вокруг Храма, обложили гады со всех сторон, ждут. Они дождутся...

Последние слова прозвучали как-то двусмысленно. Но Иван не стал просить разъяснений. Надо было самому определиться, принять решение – ведь не век же, не до Второго пришествия сидеть под благодатными и неприступными сводами. Как там было сказано-то? Свободная воля! Ну хорошо, коли так.

– Кто еще из наших жив?

– Не знаю, – Кеша чертыхнулся, опять засопел, потом выдал: – Небось, я один остался, бью гадов... а их не убывает! Хар вот тоже, отоцал, облез весь. Да деваться-то некуда. Ладно, жди, будем пробиваться, в компании веселей!

Три серебристых шара с чужаками ушли, не стали ввязываться в бой – лишь мутные гребни воронок искривленного пространства колыхнулись за ними. Два корабля Светлана уничтожила, тем же самым приемом, таранным штурмом и полным залпом с самого близкого, недопустимого по любым инструкциям расстояния. Ей повезло. Если бы хоть в одном шарике оказались не двойники, не киборги, а одно-единственное живое, настоящее инопланетное существо, летать бы ей

сейчас во мраке Пространства распыленными молекулами и атомами. Повезло!

По-настоящему, надо было бы увести звездолет в тихое местечко, затаиться, обойти все его рубки, отделения, закоулки, изучить толком это создание будущих, не наступивших еще веков, проникнуться, а уже потом... Но Светлана не хотела терять времени, и так его было слишком много потеряно на «Ратнике». Единственное, что она себе позволила – это выскочить из мыслекресла и подойти поближе к распластанным на черном полу трехглазым монстрам.

Она склонилась над одним из них.

– Вот гадина! – невольно, на полувыдохе вырвалось из ее губ.

Чужак был отвратителен, омерзителен. И лежал он какой-то странный: не живой и не мертвый, будто огромная, неестественно правдоподобная кукла, андроид с отключенным питанием. Они не сдохли! Значит, они могут прийти в себя, ожить! Этот еще не хватало! Вспомнилось почему-то страшное галофото, черная Земля... и искринки золотые. Екнуло сердце. Жив! Он жив! Он там!

Светлана резко выпрямилась. И вовремя. Цепкая когтистая рука начала подниматься, тянуться к ее горлу. Жуткие нелюдские глазаща, напоенные ненавистью, раскрылись. Но почему в них ненависть?! Ведь это же не люди, не существа, это... куклы?! Она успела подумать о ненужном сейчас, лишнем, поразившем ее. Но она подумала и о себе – отпрыгнула назад, буквально упала в кресло. Иван снова спас ее – спас в последний миг, спас лишь памятью о себе, пробудил.

– Убрать! Убрать!! – закричала она вслух, цепенея от ужаса. – Убрать их!!!

Разъяренный, трясущийся то ли от непрошедшей еще слабости, то ли от охватившей его злобы монстр, ринулся к креслу, ударился о незримый барьер, отшатнулся, взревел, заскрежетал непереносимым скрежетом. Острые пятисантиметровые когти рвали воздух, не доставали до лица Светланы совсем немного, руку протянуть. Гадина! Ожившая гадина. А там, за спиной поднимаются еще две таких... гмыхи, хмаги, гнухи – так их звали в «системе», только те были попроще, пожиже и послабее, для внутреннего пользования, а эти... нет, невозможно было смотреть на такую рожу.

Светлана уже прощалась с жизнью, когда в рубку ворвались семь шестипалых насекомовидных киберов. Она сразу и

не поняла, что это бортовой «мозг» звездолета исполняет ее волю, вздрогнула. Но когда механические твари сбили с ног всех трех монстров, опутали их клейкой и прочной сетью, поволокли прочь, она вырвалась из пут шока, рассмеялась – нервно, громко, надрывно. Она хохотала минут пять, не могла остановиться. Владычица! Да, она владычица этого звездолета XXVII-го века. Он послушен ее воле. И никуда не надо ходить, ее место здесь!

Смех отпустил ее сразу, он оборвался столь же внезапно, как и начался. И она расслабилась, нервное напряжение ушло. И слава Богу! Слишком долго оно копилось в ее теле, в ее мозгу. Хватит! Теперь нельзя упускать судьбы из своих рук.

Она включила полную прозрачность.

И повисла – одна, беззащитная, живая, нежная посреди лютой и безжизненной пустыни черного пространства. Так показалось ей в первый миг. Но тут же вернулось ощущение – не беззащитна! отнюдь не беззащитна! И тогда она тихо и четко произнесла:

– К Земле!

Никто не преследовал ее звездолета. И это одно было чудом. Ушли! Надолго ли? А может, подлинные хозяева кораблей просто отозвали их, чтобы разобраться, выяснить, в чем причина срыва... игры? Нет, какой тут срыв, игра идет по всей Вселенной, три корабля никто не заметит. Впрочем, не надо тешить себя иллюзиями. И нечего ломать голову! Все прояснится, рано или поздно прояснится.

Земля вынырнула из звездного мельтешения черной дырой, провалом. Она почти не отражала солнечного света. Светились звезды. Светилась щербатая Луна. Но Земля не светила. Погибшая, черная планета!

– Господи, что ж это творится? – не сдержалась Светлана.

Ее вывезли с Земли спеленутую, разъяренную, ничего вокруг не замечающую. Но та Земля была светящейся, голубой, живой. Эта Земля была мертва.

Она висела над планетой и ждала.

Желание ринуться с заоблачных высот вниз, ринуться подобно коршуну – и жечь, убивать, уничтожать нечисть, было неудержимым. Да, именно сейчас, когда на поверхности не осталось ничего живого, доброго, светлого, когда можно было не бояться, что выбивая выползней, попутно перебеешь вдесятеро больше живых людских душ. Мстить! Мстить!! Мстить нежитям!!! Лишь железная сила воли не давала Светлане ис-

полнить это желание немедленно, истово, сладострастно. Не время. Сначала надо идти туда... Золотники куполов сверкнули Божьим огнем, россыпью звезд, упавших с черного неба на черную мертвую Землю.

И вот тогда она дала команду:

– Вниз!

Свет за тройными рамами окна разлился внезапно, будто уже пришло долгожданное утро после вечной ночи. Иван вскочил на ноги, бросился к выходу из кельи.

Под сводами Храма шла служба. Молящийся люд оглядывался, задирали головы вверх, ничего не понимал. От света отвыкли, свет вызывал изумление. И никто не выказывал желания выглянуть наружу, разобраться, узнать в чем дело.

Иван шел быстро, почти бежал. На ходу он развернулся, нашел глазами Пресветлый Лик. Размашисто перекрестился. Серые, несущие тепло и добро очи смотрели сейчас только на него, одного. Иди, и да будь благословен! Все верно, без суеты, без спешки, без уныния и сомнений.

– Иду, Господи! – прошептал он.

И размашистым крупным шагом пошел к дверям.

Служитель в черном бежал, семеня и охая, рядышком, пытался удержать очнувшегося от поступка неосмотрительного, опасного. Но Иван лишь кивал на его слова, улыбался.

Когда они распахнули двери, свет почти погас – мерцающие его отблески колыхались в мрачнющем небе. В мерцании этом, совсем рядом, над нижними ступенями длинной каменной лестницы, ведущей к Храму, висел большой, изъеденный временем и расстояниями, серый шар, усыпанный светящимися зеленоватыми точками.

И надо было по всем канонам и установлениям, по невытравляемой десантной привычке насторожиться, затаиться, спрятаться за толстыми стенами, пока не выяснится, что же это за гость незванный. Но на Ивана будто просветление снизошло. Посланец небес!

Он выскочил наружу и, переступая через тела выползней, направился к шару. Рогатые лежали повсюду, тысячами, обугленные, скрюченные, жалкие и противные. И не один из них не поднимался, не восставал. Они были мертвы. Иван лишь из безгливости перешагивал через них, не наступал. Плевать! Ему не было сейчас до выползней дела. Он смотрел на шар. Сейчас. Еще немного!

И он не ошибся. От шара большого и обгорелого вдруг отделился шарик маленький, матово блестящий, опустился, раскрылся будто черный покрытый росой бутон. И вышла из него... Иван глазам своим не поверил.

– Света-а-а!!! – закричал он во все горло.

Она бросилась ему на шею, своими губами нашла его губы, впилась в них. Лицо ее было мокрое, но Иван не отстранился. Он целовал ее, дышал запахом ее волос, прижимал ее к себе, и все не мог поверить.

– Живой! – стонала она. – Живой!!

– Ты сбежала с флагамена?! – наконец, чуть ослабив объятия, спросил Иван.

– «Ратник» ушел. А я осталась! – прошептала она, задыхаясь, будто прошагала с десяток верст, не переставая плакать, не отпуская его. – Ты живой, Иван! Значит, они лгали! Все лгали! А я знала... ты живой! Тебя нельзя убить!

Иван молчал, гладил ее по спине, по разметавшимся волосам, пытался успокоить. Но не мог успокоиться сам. Наконец, вспомнил о чем-то ином, спросил вдруг печально:

– У тебя там, – он показал глазами в сторону шара, – припасы какие-нибудь есть?

– Там ничего нет, – ответила Светлана и уткнулась в его грудь.

– Жаль. Они долго не продержатся!

– Кто это – они?

– В Храме много людей, им нечего есть.

– Мы уйдем ненадолго. Мы вернемся скоро, очень скоро! – истово заверила она, уставившись прямо в его глаза.

– Мы вернемся – и всех этих тварей выжжем подчистую... За ее спиной вдруг раздалось тихое покашливание и сиплый голос сказал:

– Тут, вроде, и выжигать-то некого! Вон мы с Харом думали поразмяться малость, нечисть подавить, а они поленьями лежат, как из печки!

Иван приподнял голову и увидел грязного, тощего и диковатого на вид Иннокентия Булыгина. Был он в каком-то дражном ватнике поверх измятого и грязного скафа, весь увешанный оружием. Рядом сидел на четвереньках и облизывался синим длинным языком оборотень Хар.

На Ивана Кеша смотрел удивленно и недоверчиво.

– Живой... – просипел он неуверенно. Сделал попытку то ли перекреститься, то ли отмахнуться от видения, да так и не поднял руки выше груди.

Иван чуть отстранил Светлану. Хлопнул ладонью Булыгина по плечу.

– Ладно, – добродушно проворчал он, – кто прошлое помянет, тому глаз долой.

– А кто забудет, – дополнил Кеша, – тому оба вон! – И тут же поинтересовался: – Куда ж нам теперь-то? Туда?!

– И указал в сторону Храма.

Иван обернулся. Белая и величественная громадина Храма Христа Спасителя нависала над ними на фоне черной непроглядной ночи. Стоял Храм. Стоял вопреки бесам, нежитям, выползшим из потусторонних миров, вопреки самой преисподней, захватившей Землю в свой черный плен. Вопреки всему! Недоступный! Недосыгаемый! Укрывающий ищущих в нем спасения! Обитель Господня на Земле! И не было света над ним. Но Золотые Купола отражали его – сияли нездешним, Небесным Светом. Несокрушимая Твердыня мира Православного, мира Пресветлого и Нетленного!

– Нет, – тихо ответил Иван. – Туда нам еще рано.

И поглядел на Светлану. Она все поняла.

И все вместе, вчетвером, они вошли в черный бутон, искрящийся неземной росой.

Земля. 18-й подантарктический уровень. 7034-я зона умерщвления. 2485-й год.

Глыбища была неподъемной. Не хватало воздуха... да и какой тут, в проклятом подземелье воздух! Глеб зажмурился, уперся ободранным плечом в камень. Большая нога надсадно заныла. Каторга! Ад! Припомнились учебные фильмы, в которых изможденные рабы волокли огромные блоки для фараоновых пирамид. Муки египетские! Но этими рабами, их кровью после тяжкого рабского дня не откармливали всякую гнусь, зародышей чертовых!

Плеть просвистела над ухом, ожгла спину.

– Живей!

Поганые выползни! Похоже, они других слов и не знали. Глеб еле сдержался. Придавить выродка ничего не стоило. Но что толку, Глеб видел, что вытворяли с бунтарями-оди-

ночками. Не приведи, Господь! А главное, даже к ним не приходило облегчение, не забирала их в свои тихие уголья смерть, муки длились бесконечно, не стихая, не прекращаясь ни на миг. Даже с ума не сойдешь, не растворишься в собственном безумии как в нирване, никуда не денешься! Правда, совсем недавно начали появляться голоса... покойный Иван вдруг, ни с того ни с сего заговорил в мозгу... это признак, нехороший признак. А может, и хороший, может, и к лучшему!

Он навалился еще сильнее. И вдруг почувствовал, что глыбища ушла из-под плеча, сорвалась, покатилась. Подпрыгнула на чем-то... рухнула в провал.

Глеб скривился. На чем-то! Теперь он видел, не на чем-то, а на ком-то – она придавила такого же голого и бритоголового, как и он сам. Придавила основательно – остался кровавый мешок с костями. Подходить нельзя. Да и незачем. Сутки-другие несчастный помучается, потом встанет, опять будет упираться, камни волоочь, его жизнь не оборвется, кости срастутся, мясо нарастет... сегодня на откорм его не поведут, из него и так все вытекло. За что же муки такие?! Глеб, будто ища ответа на свой вопрос, задрал голову к высоким мрачным сводам огромной пещеры... И обомлел. Сверху почти бесшумно и как-то неестественно медленно падал здоровенный камень, прямо на него. Реакция бывшего десантника выручила, он успел отскочить в сторону. Но вслед за первым полетел второй, третий, четвертый... посыпалась дождем всякая дрянь: песок, мелкие камушки, липкая грязь, пыль, труха. Совсем рядом придавило рогатого выползня. Он корчил гнусные рожи, хрипел, истекал зеленой жижей, царапал глину когтями, но не мог вылезти из-под плоской черной глыбищи. Двое голых и бритоголовых подскочили к нему, принялись бить камнями по голове.

– Получай, тварь! За все!! Гадина!!!

Глеб огляделся. И увидел, что примерно то же творилось по всей пещере – уцелевшие, неискалеченные рабы гонялись за сатаноидами, валили их, били, терзали, разрывали на куски, раздирали в клочья. Это была какая-то вакханалия мщения.

Обвал почти прекратился. Наверху зияла огромная черная дыра, и в дыру эту медленно опускались два черных шара – мягко, неспешно, будто на веревочке. Вот теперь Глеб уверился окончательно – он спятил, не выдержал мучений. А это все самые настоящие галлюцинации, ибо ничто в подземельях

адских не меняется и измениться не может, это у него в мозгу «перемены»! И все же накопившаяся злость, ненависть к рогатым бросила его в гущу побоища. Успеть! Добить хотя бы одного! Не то не достанется!

Он дорвался до одного из выползней, схватил его сразу за оба рога, резким движением с переворотом вывернул шею, сорвал башку, размахнулся и зашвырнул ее в провал. Тело терзали другие – рвали, грызли, били, втапывали в грязь. Нет, это не галлюцинации. Не наваждения!

Глеб снова задрал голову – шары были совсем низко. Вот сейчас из них выскочат вертухаи-выползни, карательный отряд. Тогда держись!

– Эй, люди! – заорал вдруг кто-то совсем рядом. – Вон они-и!!!

Глеб обернулся в сторону оравшего – и увидел, как изо всех щелей и расщелин лезут рогатоголовые с плетями, с баграми, с длинными палками, усеянными острыми шипами. Их было много, не сосчитать. И это наставал конец разгулу, минутной свободе.

– Ну, нет, суки! – прохрипел Глеб.

И поднял увесистый булыжник. Будь что будет! Но он станет драться до конца, пока хватит сил. Не возьмешь!

В выползней полетел град камней. Но остановить их было невозможно, страшная орда шла, лезла, ползла усмирять восставших.

И тогда раскрылись опустившиеся шары. Сердце у Глеба сжалось, когда из них полезли шестилапые уродливые существа. Только их еще не хватало! Своими покрытиями, то ли Металлическими, то ли хитиновыми, эти твари напоминали насекомых. Да и выпуклые черные глаза на выпуклых лбах, длинные тонкие членистые конечности усиливали это сходство. Глеб не сразу сообразил кто это... но сообразил, дошло – киберы! это не живые существа! и даже не биоробы! Таких в подземном аду он не видал ни разу. Откуда они?

– Бей их! Обходят сзади!! – орали совершенно обезумевшие люди. – Не подпускай, гадов!!!

И камни полетели в шестилапых. Полетели, не причиняя ни малейшего вреда – они их с легкостью отбивали, даже не останавливаясь, не умеряя своего бега. И когда первые рогатоголовые уже приготовились к неминуемому и страшному наказанию, когда шестилапые их настигли, произошло странное: эти уроды прыжками и скачками, не задевая ни единого, про-

неслись над голыми черепами, перемахнули через пропасть и завал и набросились на выползней, до которых оставались считанные десятки метров. Много чего повидал Глеб за свою многотрудную жизнь, но эдакого не видывал. Шестилапые с такой резвостью косили их мучителей, что самих конечностей не было видно – головы не успевали взлетать и падать над телами выползней, как их настигали все новые удары, превращая кости в крошево, мясо в лоскуты. Это была невообразимая и дикая мясорубка. Один шестилапый врезался в гущу сатаноидов и оставлял после себя через полминуты кровавый булькающий фарш.

– Во дают! – восхитился кто-то из оцепеневших людей. – Кроши их! Молодцы, ребятки!

А Глеб все пытался сосчитать, сколько же шестилапых вылезло из шаров? И не мог. Их было не больше дюжины, но они сновали стремительными и неуловимыми муравьями, огромными и беспощадными муравьями-убийцами вдоль стен пещеры, не пропуская ни одной дыры, изничтожая некогда грозных, а теперь жалких и бессильных выползней.

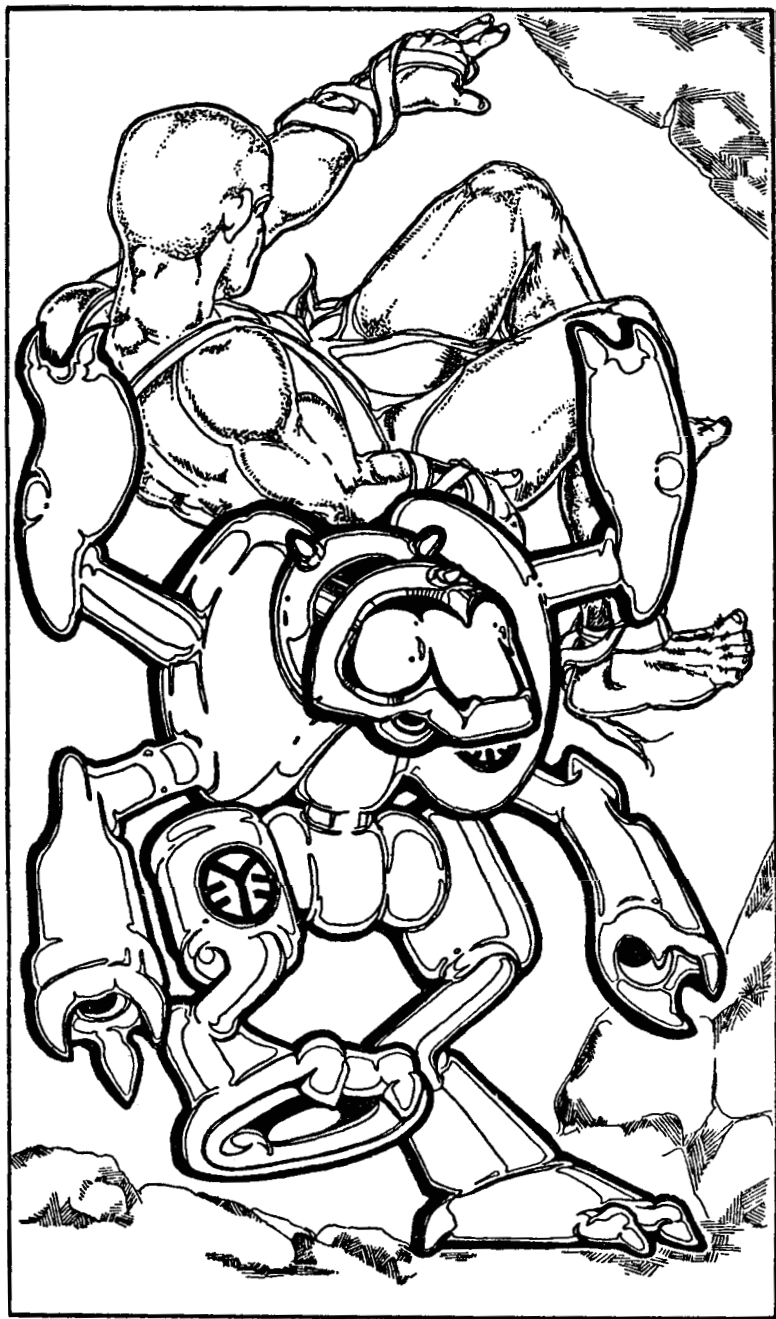
Глеб так и не сосчитал их. Не успел. Один из таких муравьев подскочил к нему сзади, бесцеремонно опрокинул себе на спину и помчался к шарам. Испугаться Глеб тоже не успел. Все произошло необычайно быстро. Подземный ад исчез. А в шаре было темно. Но обшивка под ногами подрагивала, значит, они двигались. Куда? Хуже, чем было, не будет! Глеб как-то сразу размяк, напряжение спало. Он прекрасно знал, надеяться не на что, не осталось на Земле никого, кто мог бы помочь, выручить. А в чудеса Глеб Сизов, бывший космодесантник-смертник, боевой генерал-лейтенант, командир альфа-корпуса специального назначения, бывший заместитель Верховного Главнокомандующего, а ныне бесправный раб, каторжник мрачных подземелий, не верил.

Но чудо свершилось.

В глаза ударил неяркий зеленоватый свет. Гибкие и сильные лапы пихнули в спину, выперли из шара в довольно-таки большое помещение со сферическим потолком и внушительным креслом посередине. В кресле сидела Светлана, Глеб сразу ее узнал и невольно прикрылся ладонями, замер. По бокам от нее стояли двое и еще какое-то чучело.

– Хоро-ош! – сипато протянул Иннокентий Булыгин. И подошел ближе, скинул с плеч мешок, порылся в нем, выта-

шил какую-то драную хламиду, бросил ее Глебу. Только после этого приобнял его и похлопал по спине.

– Откуда вы? – ошарашено спросил Глеб.

– С того света, – пояснил Кеша и кивнул на замершего у кресла Ивана, – а мы с Харом здешние, тутошние, с Земли.

Оборотень Хар, мягко ступая, подобрался поближе, лизнул шершавым синим языком Глебово колено и заскулил.

Иван стоял, не шевелился, живой и невредимый, и за плечом у него тоже висел какой-то странный вытянутый мешок, Глеб узнал – знаменитая Гугова торба, выкраденная с каких-то спецкораблей и напичканная всякой всячиной. Почему-то бросалось в глаза не главное, а именно это, ерунда всякая. О главном не хотелось думать... ведь Иван умер самым настоящим образом! Его не накачивали всякой дрянью, не держали под гнетом инфернополей. Он не мог ожить подобно выползному рогатому, подобно человекообразной биомассе.

Глеб потряс головой. Потом протер воспаленные глаза. И свалился с ног, свалился под гнетом навалившейся смертельной усталости, свалился без чувств.

Иннокентий Булыгин торопливо расстегнул набедренный медблок скафа, вытащил полиинъектор, нагнулся над лежащим. Но Иван остановил его.

– Не суетись, Кеша, – сказал он, – ему надо просто выспаться.

Кеша пожал плечами. Потом подхватил бесчувственное тело под мышки, отволок по мягкому ворсистому полу к выпирающим из стен овальным стойкам-полуколоннам, прикрыл хламидой.

– Пускай продрыхнется малость, – согласился он.

Кеша пообвыкся на корабле за последние сутки. И рвался в бой. Корабль был чудо, никакая десантная капсула, даже самой последней сверхзасекреченной модели не могла сравниться с ним. Да плюс несколько шаров-ботов. Да эти муравьи лупоглазые, шестиногие! У Кеши прямо-таки руки чесались... если так можно было сказать о его биопротезах.

Светлана включила экраны. И они снова увидели, что творилось там, на глубине в шестнадцать километров под расплавленной металлокерамической твердыней бывшего подантарктического дворца Синклита. А творилось в пещере, озадряемой багряными отсветами, то же самое, но уже не столь грандиозное, – там добивали последних рогатых.

– Ты гляди, куда залез! – восхитился Кеша, узрев выполз-
ня, вскарабкавшегося по корявым каменным стенам под мрач-
ные своды.

Но любоваться долго не пришлось. Шестиногий кибер
мигом взлетел по отвесной круче, рассек рогатого на две по-
ловины, да и сбросил обе прямо в провал, в неведомые глу-
бины.

Голые изможденные люди обнимались, орали, хлопали в
ладоши. Они торжествовали свою призрачную и кратковре-
менную победу, они были в угаре, в беспамятстве. Они не
ожидали такого праздника на своей гиблой улице!

– Что будет с ними? – нервно спросила Светлана. – Стоит
убрать киберов и эта нечисть поползет снова!

– Поползет, – мрачно согласился Иван.

Он давно понял, что с одним звездолетом, даже таким
мощным и совершенным они ничего не смогут выправить на
Земле. Облет планеты, зондирование, радарно-шуповое про-
свечивание показали: подземельям нет числа, нет начала и
конца, они под поверхностью на всех уровнях, на всех глуби-
нах, иногда десятками ярусов друг над другом, в них томятся
в ужасающих страданиях не сотни и не тысячи – миллиарды
землян. И в то же время рогатая нечисть клонируется стреми-
тельно, по мере ее убывания, по мере ее уничтожения, вы-
ползней становится все больше. Но и это не самое главное...
Иван, когда узнал полную правду, окаменел от ужаса, от бес-
силия и невозможности помочь собратьям в заточении – боль-
шинство землян пребывало в состоянии полужизни-полусмер-
ти, их тела, их мозги постоянно, перекрестно пронизывались
силовыми линиями мощнейших инфернополей, они сами жи-
ли в основном только при подпитке этими полями. И потому
просто вырвать их из кромешного ада, означало убить их.
Глебу повезло. Они прощупали его прежде, чем поднимать
наверх – он был еще жив для жизни без дьявольских полей.
Но таких оставались единицы. И можно было бы махнуть ру-
кой на прочих, на миллиарды... что с них взять, мертвяки,
трупы и полутрупы! Но пока еще они оставались в большин-
стве своем носителями душ. Бессмертных душ, взятых в по-
лон вместе с плотью, смертной и грешной! Дьявольские отро-
дья не смогли их погубить. Но с каждым днем становилось
все меньше душ светлых, принадлежащих Всевышнему, и все
больше душ черных, служащих дьяволу – не зримый, не ве-
щественный мрак проистекал на Землю.

– И плевать, что поползет, — вдруг мрачно изрек Кеша, будем давить до последнего, пока сами не содохнем! — Он чуть помолчал, а потом горестно вздохнул: — Эх, Гуга с нами нету, кореша забубённого, он бы не стал нюни разводить!

Хар поглядел на Кешу преданными глазами. И вдруг встал на задние лапы. Заговорил.

– Королева хочет, чтобы я шел туда!

– Какая еще королева, — не поняла Светлана. — Это что...

Иван остановил ее взглядом. Он давно догадывался, что у оборотня есть связь с гиргейской владычицей океанских глубин. Хару нельзя было мешать, Фриада ничего не делала просто так, Фриада была полутроггом, а не человеком.

– Хар дело говорит, — поддержал оборотня Иннокентий Булыгин. Он хорошо знал свою «зангезейскую борзую», зря языком молоть не станет. — И я с ним пойду...

– Нет! — Хар смотрел сейчас только на Светлану. Она была в кресле. Она правила балом.

– Хорошо. Иди!

Отверстие в стояке-полуколонне разверзлось неожиданно. И Хар прошествовал к нему на двух конечностях, как и подобало разумному существу, хотя и инопланетному. Через миг он исчез из видимости, как исчезла и сама дыра, не оставив даже крохотных следов в обшивке.

Глеб Сизов спал. Кеша подошел к нему, тихо, незаметно, воспользовавшись тем, что Иван пристально смотрел на экраны, и вкатил в голое плечо несколько доз из инъектора, не помешает. Глеб вздрогнул, но не проснулся.

А на экранах муравьи-киберы выползали из дыр, щелей и расщелин. Дело они свое сделали. А раз программа заданная отработана, пора и на место, в черную капсулу шара-бота. Дрожащие, беснующиеся, обезумевшие от привалившего счастья узники подземелья пропускали шестилапых уродцев почтительно, с уважением, расступаясь и умеряя вопли. А в глазах у них начинал появляться страх. Уходят... бросают на произвол судьбы, на произвол дьявольским отродьям! Ведь те придут, выползут из потаенных дыр, забьют плетью, запытают! Постепенно восторг сменялся ужасом. Люди сбивались все плотнее, жались друг к другу, цепенели.

– Мать моя! — не выдержал Кеша. Мутная слезинка покапала из воспаленного глаза по щеке, застряла в густой, давно не стриженной сивой бородине — некогда было на кладбище-то бриться. — Гад я! И сволочь! Вот так же людей бросал

на каторге поганой, на Гиргее проклятушей – бил вертухаев по всем зонам, давил сук, а людей-то потом оставлял... Падлая! Ведь они на меня точно так же глядели... А я думал – геро-ой! лихой малый! А они плакали вслед, рыдали, материли сквозь слезы, камни бросали! А потом их огнем жгли за меня, током, гады, трясли, распинали живьем! А это меня надо было жечь-то и гвоздями пробивать! Вот и сейчас, повторяется...

– Заткнись! – неожиданно резко, не по-женски выкрикну-ла Светлана. И так поглядела на Кешу, что тот опустил глаза, растерялся.

А Иван подумал – точно, не врет Булыгин, повторяется все, только в стократ страшнее, не с отдельными изгоями об-щества, не с несчастными повторяется, не с судьбою позабы-тыми, а со всеми, с миллиардами тех, кто и ведать не ведал и знать не хотел о муках и страданиях изгоев. Это жизнь, чудо-вищная непостижимая жизнь! И он, Иван, для того и послан в мир этот, чтобы разобраться наконец с ним! Это он – длань Господня... Так чего ж он стоит, чего ж медлит?! Очищение. Он не прошел еще круги очищения. Но ему никто толком и не сказал, что это такое и с чем его едят. Но спокойно. Не надо суетиться. Не надо дергаться!

– Вот он, родимый! – просипел Кеша, узрев на экране обо-ротня и выходя из прострации.

Хар выпрыгнул из черного «бутона» облезлой драной пси-ной, у которой брюхо к хребту приросло. И, ни на кого не об-ращая внимания, бросился к провалу. Только его и видали – мелькнул облезлый хвост, и пропал.

Но не тут-то было. От слежки щупов XXVII-го века не скроешься. Экраны вдруг померкли, налились синевой, потом позеленели, и все увидели, как в ледяных подантарктических глубинах, за многие километры от поверхностных наросших за год льдов, плывет, стремительно перебирая мерцающими крылами-плавниками, вовсе не «зангезейская борзая» в краси-вом ошейнике, подаренном Таёкой, а натуральный гиргейский оборотень – страшный, отвратительный и вместе с тем вели-чавый.

– Во дает, Харушка, – прослезился Кеша. И присел перед экраном на корточки. Весь его боевой запал куда-то пропал.

Но плыл оборотень недолго. Неведомо каким нюхом он нащупал в накатившей на него ледяной стене проход, просочился в промежуточный фильтр, потом в другой... и вывалился в лиловую, поросшую шевелящимися полипами утробу.

Именно утробу, потому что иначе эту полость во льдах назвать было нельзя – не зал, не помещение, не каюта, не рубка, а именно утроба. Вывалился он в нее каким-то жутким и омерзительным уродом, гибридом облезлой борзой, оборотня и еще чего-то гадкого. Раздулся шаром, забился в судорогах, задергался. Затрясло его будто в лихорадке, заколотило, забило. И вырвало с мучительным кашлем и хрипом каким-то круглым, подрагивающим сгустком – будто само брюхо вывернуло наизнанку.

– Вот они! – прошептала Светлана. Вытянула руку. Только сейчас стали видны, высветившиеся в утробе студенистые гадины со множеством извивающихся щупальцев. Их было не больше трех десятков. Но казалось, что их сотни, тысячи... они переливались, набухали, опадали, змеились, наползали друг на друга, и выжидательно пялились выпученными глазами без зрачков.

– Мало я их бил. Мало! – сделал вывод Кеша.

А Хар в тот же миг змеей выскользнул наружу, пропал в зеленой пучине. Щупы упустили его, вернувшись в утробу. Ибо главное происходило там. Дрожащий сгусток раздувался на глазах, становясь все больше и больше, и наконец лопнул. Дальнейшее походило на кошмарный сон. Из лопнувшего сгустка вырвались наружу вертлявые, бешено вьющиеся вокруг собственной оси крохотные копии студенистых гадин. Они были переполнены какой-то чудовищной, несдерживаемой энергией, и они сами росли, раздувались, они были уже размером с детеныша кальмара, когда первый, самый отчаянный с оглушительным визгом ринулся на огромную гадину, впился ей в студенистую полупрозрачную голову своим кривым хищным клювом, разодрал медузы внутренности и цепкими щупальцами выдрал из мозга чудовища крохотного извивающегося червячка с кровавыми злющими глазенками. Они тут же упали вниз, в слизистую мякоть утробы. Схватка была закончена – червячок дернулся последний раз, вытянулся напряженной трясущейся стрелкой, и обмяк с прогрызенной головкой, выдавленными потухшими глазками. Но не успело свершиться это действие, как примеру маленького смельчака последовали и прочие. Они вгрызались в головы, в мозги студенистых гадин с беспощадной алчностью, будто их всю жизнь держали голодными псами на цепи, они вырывали червей, убивали их без малейшего снисхождения. И смотреть на это было страшно.

Иван щурил глаза. Чудовища пожрут чудовищ! Откуда это, почему вдруг припомнилось? Он поглядывал на Кешу, и тот смущенно улыбался, только они вдвоем знали, что происходило. Троги! Это трогги-убийцы! Миллиарды лет в борьбе за выживание. И всегда верх, всегда победа! Им нет равных, потому что они перерождаются во врага своего, удесятерая силу и ярость завоевателя-чужака. Земляне чудом избежали трагической участи. Фриада разобралась, что к чему... Фриада сама была получеловеком. И-эх, из огня да в полымя!

– Теперь на этой зоне будет тихо, – послышалось из-за спины.

Иван обернулся.

Хар смотрел на него преданными глазами. Он был сейчас больше похож на измочаленного, выжатого как лимон бродягу бездомного, чем на зангезейскую борзую, только вислый и драный хвост болтался между ног да клочья длинной бороды больше походили на шерсть. И все же Хар оставался Харом.

– На этой зоне, едрит твою! – проворчал Кеша. Теперь и он начинал понимать, что извести нечисть вчистую лихими налетами и резней не удастся.

Светлана молча глядела на мужа, бывшего Правителя, Верховного, и в глазах ее стыла невысказанная тоска, перемешенная с мольбой – бежать! бежать!! бежать отсюда!!!

Иван покачал головой. До него наконец-то дошло, что первый круг очищения он пройдет не раньше, чем вызволит из адского плена и тьмы всех своих близких, всех, кто верил ему, пошел за ним, и поплатился за это... За это?! Нет, поплатились они все совсем за другое – за беспечность свою и... простоту. Простота хуже воровства! Так говаривал ему Гуг Хлодрик Буйный.

– Ну ладно, хватит психовать! – просипел с огромным усилием Кеша. – Мы тут философию разводим, а там в Храме с голоду пухнут. Надо жратву искать, Иван. Ведь остались же какие-то склады, стратегические запасы?!

– Нет, – Иван как ушат холодной воды вылил на ветерана и беглого каторжника, – не осталось никаких складов, все уничтожено. На кораблях были припасы, но их не хватит на беженцев. Больше ничего на Земле нет.

Кеша сник, съезжился. Виновато поглядел на Хара. Тот был спокоен и совсем не обижен тем, что его подвигам не придали особого значения. Это все неважно, главное, чтобы королева была довольна – пока она довольна им, он жив, идет

подпитка по внепространственной связующей нити. Ежели она забудет про него... что ж, никто не обещает рожденным в пучинах гиргейских вод райских куц и вечной жизни. Хар был готов ко всему.

***Созвездие Алой Розы. Армагеддон.
Левая спираль. Время утраченных надежд.***

Непостижимо-огромный и уродливо-хищный базовый звездолет-носитель Системы неуклюже вынырнул из гиблого омута подпространства в ста сорока тысячах верст от пылающего белым неистовым огнем Армагеддона. Таких звезд во Вселенной надо было поискать. Миллионы солнц слились в бушующем белом гиганте, сплелись с миллиардами раскаленных, извергающих термоядерные языки пламени сверхновых. Вокруг Армагеддона по безумным орбитам сновали отнюдь не холодные планеты, но исполинские звезды меньшей величины. И все вместе это было водоворотом осатаневшего огня, убийственным капканом для зазевавшегося путника в Мироздании.

Дил Бронкс вывернул из последних сил. Звездолет взревел двумя тысячами извергающих собственные гравиполя двигателей. Рванул. И выкарабкался из лап всеуничтожающего притяжения гиганта.

– Будь все проклято! – зарычал Дил, теряя сознание и проваливаясь в черноту.

Он уже в седьмой раз выходил из подпространства. И все в разных местах. Он не мог освоить управления этой громадиной, никак не мог, его выбрасывало совсем не там, куда он стремился, куда рвалась его страдающая, больная душа. На первый раз его вообще вышвырнуло в какую-то беззвездную пустоту вне галактик и метagalaktик. Он и не знал, что такое бывает – он, старый космический волк, десантник-смертник. И тогда пришлось вновь нырять в омут неизвестности. Второе всплытие было удачней. Системного монстра выбросило возле Гадры, старой знакомой планеты почти родной. Слезы накатили горячие и светлые. Но Дил не стал предаваться воспоминаниям. Он втиснулся в самый малый шлюп, пошел вниз. Но уже на подлете понял нет никакой Гадры, все зря, все напрасно. В унынии он сел на поверхность. Вышел. И замер. Где буйство красок? Где великолепные, смертельно опасные

джунгли?! Где сказочный гадрианский мир?! Три часа он бродил среди обугленных стволов, топтал выжженную черную траву, переступал через скрюченные трупы звероноидов. Эти несчастные полуразумные аборигены Гадры не казались сейчас опасными, страшными, напротив, в их нелепых и жалких позах было что-то трогательное, детское. Их убивали врасплох, беспощадно! Дилу было тяжело идти – разбитые, стоптанные ноги гудели, все время ныла левая рука, оторванная по локоть, ныла невыносимо, в кисти и пальцах, которых не было. Но Дил Бронкс терпел. Он должен был видеть все. Развороченные деревья, в чьих необъятных внутренностях жили звероноиды, полудеревья-полуживотные, в симбиозе с которыми находились эти алчные и простоватые дети природы, были мертвы. Пурпурные полуживые джунгли Гадры! Сириевые стены зарослей до небес! Лишайники-трупоеды! Где они, где все это?! Планета была пуста. Дил пролетел над полюсами, дважды прошелся на шлюпе вдоль экватора. Безжизненная изуродованная суша... Прочь! Прочь отсюда!

Еще трижды его выносило возле земных колоний, забрасывало к призрачной Сельме, потом к семярусному искусственному Родосу, молодежному вселенскому лагерю, и даже к позабытому всеми, затерянному на отшибе Мироздания Цветущему Шару, планете-труженице, дарившей роду людскому сыновей и дочерей будто из прежних добрых и полусказочных времен вышедших. Лучше бы ему было не видеть этих колоний. Разоренные, опустошенные, выжженные. Ни единой живой души. Зато везде – изуродованные, истерзанные тела, безобразные, выпотрошенные трупы. Разрушенные города и села, разгромленные космодромы... Вторжение! Какой-то неумолимый рок. Непостижимость! Лишь два или три раза ему попадались под ноги останки трехглазых, неузнаваемо изуродованных, полусожженных. Но он и без этих останков знал, чьих рук дело. Он сам не ощущал в себе жизни. Он был мертв и холоден. И лишь жажда мести, гнетущая, неутолимая, страшная, вела его вперед по безжизненным мирам. Теперь он был силен. И он мог мстить извергам! Мог убивать их! Надо было лишь достигнуть этих нелюдей.

На пятый раз он всплыл, чуть не протаранив длинным и острым носом известный на всю Вселенную астероид Ырзорг. Это был единственный реликт, переживший Большой Взрыв, мало того, сам астероид был живым и живородящим существом, неразумным, темным, бессмертным, не ощущающим се-

бя, но живым. Таких больше не было нигде... Но сейчас Ырзорг был мертв. Обвисшая серая туша огромных размеров истекла заледеневшей сумрачно поблескивающей в вечной ночи кровью. Глубокие раны дырявили тушу в шахматном порядке. Изверги Иной Вселенной убили Ырзорга походя, развлекаясь. Дил страдал, сжимал кулаки, но ничего поделать не мог. Перед глазами стояло совсем иное – искаженное болью и ужасом лицо Таёки, его маленькой, нежной, верной, строгой и ревливой, бесконечно любимой им Таёки.

На шестой раз он чуть не настиг пару странных серебряных шаров, перемещавшихся именно парой, не разбегавшихся и не сходящихся, будто состыкованных друг с другом жесткой мачтой. Ничего не вышло. Оба канули в подпространство.

И вот опять невезение!

Очнулся Дил Бронкс лишь на вторые сутки. Долго не мог понять, где находится, словно мозги напрочь отшибло. Потом все сразу вспомнил: как прорвался к Первозургу, воспользовавшись Ивановым кодом, как с налету взял того за глотку, вытребовал ретранс, координаты точного выходного люкашлюза в Системе – это было непросто, Первозург сам заимел таковой, чуть не свернув своей бессмертной шеи, заплатив за малый сквозной канал чудовищную цену. Он тогда долго мытарил Дила Бронса, просвечивал насквозь, проверял. И стоило бы Дилу хоть на малую толику отступить, ослабеть духом, растеряться, спасовать, не видать бы ему Системы как своих ушей! Помог и обрывок цепи, точнее, одно-единственное уцелевшее звено той самой цепи, которой Иван давным-давно задушил на одном из Харханов, а может, и в самом Меж-арханье, вертухая-охранника, трехглазого гада. Первозург сразу проникся... И вот тогда только Дил понял, с кем он имел дело. Сихан Раджикрави, не моргнув глазом, мог отправить его к праотцам, с самого начала – Дил шел по лезвию бритвы. Но он прошел. Он выиграл. И он проник в Невидимый Спектр, процедился по капле в связующие Мироздание хрустально-ледяные нити незримых структур. Он вошел в Систему. Вошел всего на один час, без возвратника, без надежды, желая лишь мстить. В лютом бою уже внутри звездолета он потерял руку и остатки зубов, получил такие травмы, которые увели бы на тот свет любого другого. А он выстоял, выдюжил. Он сжег половину эскадры. Он ринулся в последний бой, желая погибнуть. И только тогда защитные поля Системы вышвыр-

нули обезумевший звездолет прочь. Вышвырнули как нашкодившего щенка!

Позже до Дила Бронкса, разучившегося улыбаться Дила Бронкса, дошло – они, выродки Системы, играли с ним. И он так великолепно подыграл в этой игре, что куда там! Какой интерес все время убивать и гонять по Вселенной немощных, не способных к серьезному сопротивлению. И вдруг такой подарок! Дил рвал на себе остатки седых волос. Ничего, они еще узнают его! Они ответят за все, и им будет не до игрищ!

Каким же наивным олухом он был пять-шесть лет назад! Иван все нервничал, пытался докричаться до него, поделиться болью... а он хихикал да вертел пальцем у виска – какая еще там Чужая Вселенная! какие негуманоиды! Тогда он искренне верил, что Иван малость спятил от перенапряжения, ничего не поделаешь, многих поисковиков-смертников поджидала такая участь, не всякая психика выдержит безумной смены реальностей. Дил жалел Ивана, сочувственно кивал... и не верил. Так было. А теперь некому верить и некому не верить, все утряслось, никого не осталось – за считанные годы! И теперь все чокнутые. И он сам в первую очередь!

Белый пылающий гигант бушевал и ярился за кормой чудовищного звездолета. Но уже ничего не мог поделать, корабль вырвался из пут его притяжения, унося всю свою громадину-платформу с тремя тысячами орудийно-ракетных шахт, двенадцатью гигантскими энергоагрегатами, четырьмя сверхмощными установками полевого подавления, сотнями излучателей и бесчисленным количеством глубинных торпед, ракетоснарядов, плазменных гипербомб и прочего смертоносного оружия. Шестьдесят шесть боевых шаров висели в гравитационных пазах платформы, две сотни малых боевых капсул... было и еще что-то, Дил пока не мог разобраться, что именно – не хватало опыта и знаний. Звездолет был заблокирован. Дила спасло одно – он вошел в эту махину тропой избранных, через особый «фильтр». Он вошел в него благодаря ретрансу, а стало быть, и Первозургу, – прямо из Невидимого спектра. Он успел ворваться в рубку управления, перекалечив дюжину трехглазых – и все же блокировка сработала, рубка со всеми прилежащими отсеками замкнулась. И опять он не оплошал – успел в отчаянном последнем прыжке, с уже оторванной рукой выбить почти из самого кресла мыслеуправления садящуюся в нее трясущуюся полупрозрачную гадину. Дил Бронкс был основательным человеком, он основательно

готовился к этой операции. И потому даже в одной руке, облаченной в гравиперчатку, у него было достаточно сил, чтобы раздавить скользкий и мягкий череп отвратительной твари. Истекающий кровью, полуживой, с рвущимся из груди сердцем он рухнул в кресло. И оно приняло его, замкнулось, защищая ото всего мира. Двое суток Дил Бронкс зализывал раны и одновременно гонял по всему звездолету трехглазых гонял беспощадно, истребляя их без малейшей жалости. Подлинными хозяева Системы сослужили ему добрую службу подстраховывая себя, а может, и по иным причинам, они держали на кораблях своих верных псов, тупых, безмозглых, обезличенных киберов-убийц. Дил хорошо разбирался в подобных штуковинах, Дубль-Биг тоже был напичкан разными премудростями и всякой всячиной. Но его и близко нельзя было поставить с этим чудо-кораблем. Ради интереса Дил приказал одному из киберов на его глазах разобрать, что называется по винтикам, другого. И тот выполнил его команду. Но ни черта Дил не понял – кибер последовательно расчленился на крупные гранулы, потом мелкие, потом еще мельче... ни до чего докопаться было невозможно. И Дил плюнул.

Если бы его не вышвырнули из Системы, добром бы он не ушел. Но ничего! Он и здесь не даст им покоя! Он найдет тех, кто убил его Таёку... и он собственными зубами будет рвать их. Рвать в клочья!

Армагеддон удалялся, беснуясь и выбрасывая вслед огненные лапы протуберанцев. Он был еще велик и грозен, он занимал четверть заднего обзорного экрана. Но нос корабля нацеливался на Млечный Путь. Дилу надоело играть в прятки. Хватит нырять в подпространство, не зная, где вынырнешь, где всплывешь. Надо разогнаться как следует и по всем правилам Вселенской Столбовой дороги войти в Осевое измерение. И к Земле! Все равно они придут туда, рано или поздно придут!

Он собирался довериться бортовому «мозгу», вздремнуть часок-другой до встречи с Малиновым барьером. Но внимание его привлекла выплывшая из пустоты пространства серая пылинка, на глазах превращающаяся в нечто большее, знакомое очертаниями. Не прошло и трех минут, как Дил в полнейшем изумлении разинул рот. Влекомый притяжением Армагеддона, прямо на него из глубин космоса неся серийный базовый флагман земного флота – он шел без бортовых огней, без маяков, без защитных полей, будто груда мертвого железа,

будто один из триллионов безымянных астероидов, болтающихся в черной пропасти.

– Остановить! – приказал Дил Бронкс.

И к горлу его подкатил ком. Он узнал корабль, узнал, еще прежде, чем высветилась в ослепительных лучах Армагеддона рельефная титановая надпись на борту. «Ратник»! Этого не могло быть! Флагман стоял на приколе, в Солнечной системе! Он сам, Дил Бронкс, был недавно его невольным гостем, совсем недавно... когда еще жила на белом свете Таёка! Теперь нет ни Таёки, ни белого света. Зато объявился флагман.

Он падал прямо в огнедышащую пасть белого гиганта. Еще двадцать, от силы тридцать часов – и он сгорит в термоядерном пекле этой чудовищной звезды. Нет!

Звездолет Системы вздрогнул, чуть замедлил ход, раскидывая гравитационную тормозную подушку. И мягкими незримыми клешнями силовых полей притянул к себе «Ратника». Огромный, сверхмощный земной флагман, гроза Вселенной и исполин, послушно замер, опустился мертвой птицей на черную бескрайнюю платформу, способную принять еще с десяток таких исполинов. И Дил воочию увидел – «Ратник» гол, безоружен! он расстрелял весь свой боезапас, вчистую! и потому выглядит как-то непривычно мирно и жалко. Дил начинал понимать, что произошло. И все же лучше один раз увидеть.

Малый бот поднес его к приемному шлюзу флагмана. Дальше Дил шел сам. Он шел долго, перебираясь сквозь рваные дыры из одного пустого и мертвого отсека в другой. Ноги несли его в эвакуационные трюмы. После тройного внешнего слоя дыр становилось меньше. Фильтрационные приемники работали. И Дил без промедления проник в кормовой отсек.

Лучше бы он туда не попадал! Первый же коридор-трубовод был завален полуразложившимися истерзанными телами. Они лежали в разных позах – безголовые, безногие, безрукие, выпотрошенные. И рядом валялись скалящиеся в предсмертной агонии головы, оторванные кисти, ладони. Дил брел по щиколотку в вязкой жиже и скрипел остатками выбитых зубов. Он кричал, размахивал руками, в надежде, что хоть кто-то уцелел, хоть кто-то откликнется, подаст знак. Но мощный фонарь скафа вырывал из темени лишь безнадежно мертвых – жуткие, страшные останки жертв разыгравшейся здесь кровавой вакханалии.

– Ничего, ничего, – шептал Дил Бронкс, успокаивая себя, – им всем повезло, им всем очень повезло – их просто убили, убили их тела, зато души их в раю, на небесах, они отмучились и все для них позади. И душа Таёки тоже на небесах, она отдыхает там сейчас после земного ада, ей хорошо. Иван правильно говорил, жалеть придется лишь о погубленных душах. А этим повезло, им повезло... погубленные на Земле, на других планетах. Эти ушли на небо – на то, настоящее, светлое Небо! Ничего, ничего...

Через четыре шлюза из переплетений трубопроводов он пробрался в трюм. И не сразу понял, что там происходило совсем недавно. Разум отказывался понимать. Тысячи издырявленных, изгрызенных тел висели вниз головами, висели связками, пучками и по одному, висели на тонких прозрачных нитях, исходящих из обшивки верхних переборок трюма – гравиполы действовали, и был еще пока верх и низ, не это не имело никакого значения. Десятки тысяч зверски замученных – без разбору: дети, младенцы, старухи, мужчины, беременные с разодранными животами, старики с вырванными челюстями, раздавленные, расколотые черепа, сплюснутые головы, выколотые и выдранные глаза, языки уши, носы... – здесь свирепствовала целая армия беспощадных садистов! Дил замотал головой в бессильной ярости. Сволочи! Гады! Выродки! Да, именно выродки! Эти несчастные ничего не знали и не узнали даже перед своей страшной смертью. А правда была невыносима. Они все умерли в ужасающих страданиях только потому, что сами породили выродков, взявших власть над ними, сбжавших от них и тешащих теперь свою леденеющую старческую кровь в сатанинских кровавых оргиях, услаждающих свою телесную немощь всевластием над телами людскими... Похотливые, алчные выродки! Мразь, властвовавшая над родом человеческим жестоко, всевластно, люто и довластвовавшая до логического своего завершения – завершения истреблением всех и повсюду. Издыхающая власть убивала подвластных!

Ослепительный луч выхватывал из тьмы все новые и новые уродливые трупы, разлагающиеся тела. Но не было ни единого выжившего. Ни вздох, ни стон не нарушали жуткой, гнетущей тишины.

Дил выбрался из трюма. Замер у винтового люка-переходника. Отсюда через систему сквозных лифтов-капсул можно было попасть в прочие трюмы и жилые отсеки. Но он не по-

шел туда. Он знал – и там царит тишина, и там скалятся, висят, лежат, гниют неуспокоенные останки землян. Беспечных, закланных на бойне землян. Он уже хотел покинуть мертвый корабль, когда вспомнил про Светлану. Она должна быть здесь! И боль резанула его тупым ножом по сердцу. Здесь! Где-то возле адмиральской каюты, роскошной и величественной. Значит, надо идти туда.

– Ничего, ничего... – как заведенный бормотал Дил Бронкс, – им просто повезло! они все спаслись! и ушли на Небо!

Он добрел до скоростных капсул. Влез в одну. И по витой полой нити понесся в носовые отсеки. Механизмы корабля и автоматика еще жили, доживали последние свои денечки. Но ни в одной шахте не было ни единой ракеты... Они бились до последнего! Они не сдались на волю победителя. Они дрались!

Роскошные белые двери с золотой инкрустацией, двери в каюту адмирала были наполовину выломаны, забрызганы черной запекшейся кровью. Трупы лежали вповалку. Здесь их было особенно много, видно, обезумевшие от ужаса люди бежали сюда, где, как им казалось, была последняя крепость, последняя защита. Они лежали в пять или шесть слоев – они в безумном страхе, в истерике давили друг друга, и экипаж ничего не мог с ними поделать. Дил видел истерзанные тела бойцов, согнутые в дугу лучеметы, раздавленные парализаторы. И ни одного трупа трехглазых. Ни одного!

Он сразу понял, что Светлану, то, что от нее осталось в таком месиве не отыскать. И все же он протиснулся меж телами в каюту, запрыгнул на огромный длиннющий деревянный стол, сработанный под XIX век, резной, дубовый, солидный. Пробежал по нему, перепрыгивая через тела, отдернул бархатную зеленую штору. И замер.

Прямо посреди здоровенной картины, изображавшей морское сражение двух или трех десятков белоснежных парусников, на потемневшем от времени холсте, в золоченой роскошной раме висел распятый седоусый адмирал в белоснежном кителе с витыми золотыми погонами, орденами, медалями... Набрякшие и сизые кисти рук его были пронзены и прищиплены прямо сквозь холст к стене двумя офицерскими кортиками, еще один торчал из горла. И ни единой капельки на белоснежном мундире. Дил вспомнил, как сидел перед командующим флотом в этой ослепительной каюте. Седоусый ста-

рик, добродушный и неторопливый. Он все улыбался, не хотел отпускать «полковника Бронкса», как он его называл. Тогда он казался побольше, поздоровее. И усы топорщились вместе с бакенбардами как-то задорно, по-боевому. Слеза навернулась на черную щеку. Дил отвернулся.

Только теперь он заметил, что по всему обширному залу с высоченными потолками, по всей каюте на огромных батальных полотнах висят люди в мундирах, капитаны. Им воздали особую честь. Их распяли над горами трупов. И они, наверняка, умерли не сразу, они видели, что тут творилось. Нет, это было выше его сил. Этого невозможно было вынести.

В рубку угнанного монстра Дил вернулся мрачный, полумертвый.

Он опустился в ставшее уже привычным кресло. Скривился от боли в несуществующей, оторванной руке. И отдал бортовому «мозгу» команду.

Только после этого он включил полную прозрачность.

«Ратник» медленно и неуклюже поднялся над платформой. И пошел в сторону пылающего Армагеддона. Гравиполя, послушные воле Бронкса, подтолкнули его туда – вперед и вниз. В ослепительную огненную могилу, лучше которой не сыщешь во всей Вселенной.

Солнечная Система. Сгусток тьмы. 6996-й год скитаний.

– Ну, вот так-то лучше будет, урод! – Говард Буковский ударил карлика Цая по плечу.

Тот чуть не упал. Ноги от слабости подкосились.

Но Крежень радовался недаром. Его собственная судьба зависела от этого недоноска, от этой жуткой помеси землянина и инопланетянки с далекой и полусказочной Умаганги. Цай ван Дау, наследственный император и беглый каторжник-рецидивист был его последней надеждой. Крежень не питал иллюзий в отношении себя самого – они, эти твари поганые, выжали его как лимон, и они уже готовы были выбросить его, когда подвернулся этот вундеркинд-уродец.

Сгусток держался вокруг заурядной космостанции, сработанной еще лет сто пятьдесят назад. Крежень ничего толком про эти сгустки не знал, ему не растолковывали что да почему, не считали нужным. Он был рабочей скотинкой и сам по-

нимал это. Рабочую скотину кормят и поят, пока от нее есть толк. Все, кончились счастливые денечки, когда можно было гулять и куролесить по Земле. Кончились! Он работал на них, не особенно напрягаясь, но работал – и он сам приближал свой конец. Теперь его главной задачей было этот конец оттянуть. Черный Мир не войдет на Землю с ходу, он еле уцепился за Систему – насколько Крежень догадывался, там было не больше трех полевых областей Мрака. Зато в Пристанище эти твари перетекали из бездонного Океана как по трубочке-соломинке, перетекали по капельке, заполняя его, выдавливая нежить в земные миры, манипулируя ею издалека, исподспудно. То, что для некоторых было секретом, Крежень постиг давно: выползни-сатаноиды – дерьмо, земная разработка, подпитываемая силовыми линиями инфернополей, выползни – мусор, дрянь, временное явление. Когда придут черные, с этими скотами будет то же самое, что и с людишками, даже раньше. И козлы эти трясущиеся, поганые и прозрачные – тоже дерьмо, точнее, мешки с дерьмом, биомасса из Пристанища... они могут всех поднять под себя, всех позагонять в подземелье: и людишек, и рогатых, и всю разномастную инопланетную сволочь. Но не они хозяева, не они! А хозяевам подлинным нужны такие как коротышка Цай, мастераюги по межуровневым связям и сквозным каналам. Нечисть нечистью, а понимает свой интерес! Да, за последние полгода нервишки у Крежня совсем подрасшатались.

Тяжко работать сразу на двух господ, еще тяжелее на два десятка. Ну, ничего, ныне с синклитами да синдикатами покончено, скоро останутся одни единственные. Коли они первые сгустки тьмы протолкнули через все барьеры, начали мастерить узловые структуры, значит, скоро и сами объявятся. Авось, и воплотят в кого-нибудь, ведь от этих козлов из Пристанища воплощения не дождешься, они только и глядят, чтоб маху дал, чтоб в консервы закатать... Нет, не было покоя Седому. Но и обижаться он не мог. Хозяева вытянули его из петли, в последний час вытянули, за такие дела по фоб жизни задарма служить полагается. От Кеши Мочилы ушел! Это ж ни в сказке сказать, ни пером описать! От эдакого мужлана, эдакого бандюги уйти, когда уже лапы его черные на глотке сомкнулись, умельцем надо быть. Крежень верил, что и его со временем оценят, не все ж этих яйцеголовых умников ценить вроде Цая! Крежень на дню по пять раз вспоминал, как его, из петли вытащенного, в куб льда хрустального закатали да на

допрос к дозврывникам, на просвечивание – все нутро вывернули, несмотря на заслуги прежние. После этого, он им Цая и раздобыл, семь спецслужб вокруг носа обвел, а коротышку вытащил, не то гнить бы ему среди прочей биомассы на рудниках и в забоях. Нечисть нечистью, а тупая, сама ни шагу ступить не может! Чтоб они делали без таких как Говард-Иегуда бен Буковски?! Да, Крежень был доволен собой. И он верил в свою звезду. Вот и коротышка сломался.

– Я свое исполню, – повторил Цай ван Дау с нажимом.

– Ну и славненько! – Крежень снова занес руку, но хлопать не стал – ну его, еще вышибешь душу, и так немощный, еле стоит.

Цаю и впрямь было тяжело. Он стоял у огромного обводного иллюминатора, каких не делали уже полтора века, и глядел в темноту космоса. Цай все понимал. Особенно хорошо он понимал Седого, эту продажную шкуру. Ну да плевать на него... Главное, что Цая не пытали уже, по его прикидкам, не меньше месяца. Наоборот, они откачивали его, откармливали для будущих трудов... несправедных. Цай еще не понимал, чего именно от него желают. Зато он хорошо знал, чего желает он сам.

И вдруг ни с того ни с сего ткнул уродливым кривым пальцем себе в лоб, прямо в незаживающую рану.

– Ты знаешь, Седой, – спросил он как-то странно, глядя исподлобья на Говарда Буковски, глядя с прищуром и недоброй улыбочкой, – ты знаешь, откуда она взялась?

Крежень знал, точнее, слышал. Но он не ответил, он был опытным спецагентом и всегда давал жертве возможность высказаться.

– Там, под черепной коробкой, стоял приемодатчик. Ты знаешь, что это такое! – продолжил Цай, не опуская прищуренных, полузалепленных бельмами, налитых кровью глаз. – Эти хреновины вживляют в мозг каторжникам, понимаешь, всем, кто попадает на зону. Его можно блокировать извне. Но я не мог этого сделать, Седой. Не мог! Я был простым заключенным, осужденным на медленную смерть в гиргейской подводной каторге, я был рабом, тягловой скотиной... Но у меня имелся кривой и ржавый гвоздь. Ты таких, наверное, и в глаза не видывал... а у меня был. И вот этим гвоздем, – Цай вздохнул тяжело, будто припоминая прежнее, – я разодрал себе кожу на лбу, потом мясо, мышцы, они там есть, Седой, можешь мне поверить, потом я ковырял череп, я целую неделю дырявил

свой череп, и терпел, терпел, Седой. И я его продырявил! Я выковырял из мозга эту хреновину! Понимаешь?

Крежень приторно улыбнулся, растягивая толстые губы, изуродованные шрамом. Закивал.

– Нет, ты меня не понял, – заключил Цай. И отвернулся.

В эту минуту в отсек вползала студенистая гадина, козел-надзиратель, хозяин сгустка или черт его знает кто, Цай так и не разобрался. Он знал только, что на станции эта гадина единственная, других нет. И знал, что Седой по четыре часа в сутки просиживает в соседнем отсеке с этой гадиной. А еще он знал, что она... что она не совсем то на самом деле, чем может показаться, и нечего смотреть на эти змеящиеся полупрозрачные щупальца, на содрогающееся в судорогах брюхо, на вислую морду с хоботом. Тут другое, совсем другое! И он с этим... Цай ощутил, что пора. Цай созрел. Они не знали, что он нутром чует силовые линии черных полей, что он видит их и что он знает, когда гадина проползает в пустоте между ними, когда она не защищена от т у д а . Вот сейчас она подползет к плахе, еще немного...

Пора!

Цай резко развернулся к Седому и молниеносным ударом в солнечное сплетение отключил двуногого холуя. Он бил лишь своим уродливым скрюченным костистым пальцем. После такого удара не все приходили в себя.

Крежень сполз по стенке вниз, разинул рот, но глаз не закрыл. Он умирал от боли, задыхался, не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Но он все видел. Маленький уродец рысью бросился на студенистого. Это был натиск не человека, но зверя. Десять щупальцев вскинулись вверх, обвили наглеца. Но было поздно: карлик всеми своими когтями, а заодно и зубами впился в полупрозрачную голову гадины, в выпуклый затылок – он в считанные секунды разорвал ее, выхватил что-то маленькое, извивающееся. И отпрыгнул назад. Огромные и мощные щупальца не помешали ему, они обвисли тряпками, перерубленными канатами.

– А вот теперь ты поймешь, Седой! – злобно прорычал Цай ван Дау.

Он был вне себя, он весь трясся, отвратительное лицо его заливала, залепляла омерзительная жижа, будто кто-то с размаху ударил его большой медузой. Зубы у карлика выбивали дробь, ноги дрожали. Чувствовалось, что этот отчаянный прыжок дался ему чудовищным усилием над собой. И все же

больные и кровавые глаза его сияли, лучились, несказанной радостью, счастьем.

В корявой трехпалой руке, сжимая когтями тонкое желтое тельце, Цай держал червя с круглой прозрачной головкой и красными злобными глазенками. Он пытался раздавить его, но ничего не получалось, червь не поддавался.

И тогда Цай ван Дау, наследный император и рецидивист, сунул его себе, в рот. Острые желтые зубы сомкнулись, захрустели, заскрипели, посыпались крошащимися обломками с губ. Из раны на лбу вытекла струйка густой черной жижи. Глаза вылезли из орбит, налились кровью еще сильнее. Он даже присел от напряжения... и вдруг с хрипом, со стоном, с животным воплем облегчения выплюнул себе под ноги, прямо на серый пластик пола откушенную, передавленную головку с вытекшими глазами-клюквинами. Выплюнул, поглядел на нее полминуты и с яростью ударил по ней каблуком. Он сделал то, чего не могло сделать живое существо, чего не смог бы сделать обычный землянин – он убил червя, выдранный из мозга еще недавно всесильной гадины. Убил!

И молча уставился на Седого.

– Понял?!

Говард Буковски молчал. Он знал, что обречен. Он мог дурить и водить за нос своих соплеменников. С этим уродом так не получится, нечего и пытаться. Все! Можно позабыть про воплощение...

Карлик Цай медленно подошел к сидящему возле стены Седому. Еще минуту назад у него было страстное желание бить этого негодяя, подонка, выроodka, терзать его, наслаждаясь стонами, воплями, визгами. Теперь все куда-то подевалось, пропали все желания, утихли страсти. И осталось ясное и четкое, даже холодное какое-то понимание, что надо выполнить дело до конца, надо.

– Ну, что, Игрок? – тихо спросил он. – Кончилась игра?

Крежень сделал отчаянную попытку встать: засучил ногами, заелозил расползающимися руками по полу, выпучил полубезумные глаза, подбородок его затрясся еще сильнее, губа обвисла, слюни потекли вниз. Но он ничего не мог сказать.

– Кончилась! – поставил точку Цай. – И ты проиграл. Он подошел к плахе, оборвал длинный конец какого-то черного провода, неторопливо смастерил петлю. Потом вернулся к Седому сунул ему в карман свою корявую руку, вытащил заветное зеркальце, поднес вплотную к лицу владельца.

– Поглядишь-ка напоследок, поглядишь! Ты ведь любил разглядывать себя! – он ткнул гладкой и холодной поверхностью прямо в нос Седому. Потом отвел руку. И спросил крадчиво: – Поглядишь, подумай и скажи, что ты там видишь?

На какой-то миг Крежень замер, будто поддавшись гипнозу слов карлика, вглядываясь в свое отекавшее, обвисшее лицо, искаженное гримасой животного страха. Но он ничего не смог ответить.

И тогда сказал сам Цай ван Дау:

– Ты видишь там дерьмо. Самое настоящее дерьмо! Ты называл меня уродом... Ну-ка, погляди, кто из нас уродливее?! – Цай улыбнулся, обнажая осколки зубов. – Да, Крежень, ты зажился. Тебя надо было придавить сразу, после Урага. А тебя простали, взяли грех на душу. Но это ничего... это поправимо.

Резким движением он перекинул конец провода через верхний выступ плахи. Потом набросил петлю на трясущуюся шею, затянул.

Седой, он же Крежень, он же Говард-Иегуда бен Буковски за последние месяцы разъелся, и Цаю потребовалось немалых усилий, чтобы подтянуть его до нужной высоты. Дергался Крежень недолго, и как только затих, из штанин его потекли вниз зловонные струйки.

Цай ван Дау отступил на несколько шагов, всмотрелся в гнусную и жалкую после смерти рожу иуды. Как все просто! И не надо никаких следствий, не надо защитников и обвинителей, не надо судей. Надо делать все своевременно и без волокиты. Надо было! Теперь уже поздно, теперь некому это делать и не для кого.

И он подошел к овальному выпирающему люку, за которым никогда еще не был.

***Земля. Россия – Всеамериканские Штаты.
Лос-Анджелес. – Нью-Вашингтон.
Год 2486-й.***

– Ну вот, – Светлана улыбнулась, прижалась губами к его плечу. Оно было горячим, шершавым и чуть влажным от выступавшего сладкого пота. – А они все говорили – мертвый, мертвый... А ты у меня живой.

Иван поцеловал ее в губы. Ничего не ответил.

Они лежали в нише под стойкой-полуколонной, лежали прямо на полу, на ворохе собственных одеяний, смятых и растрепанных. Рука Ивана все еще продолжала скользить по ее упругому и податливому телу, лаская груди, бедра, тонкую шею с чуть подрагивающей на ней жилкой. Он был счастлив тем обыденным и непрехотливым счастьем, что затмевает все прочее – уже прошедшее и еще предстоящее. Сколько времени они не лежали вот так, прижавшись друг к другу, сливаясь в одно целое – месяц, два... а может, год? Он переставал ощущать время. Он учился не спешить. Не спешить, потому что главное всегда проходит в спешке, проходит мимо, чтобы уже не вернуться.

Где-то за переборками, совсем рядом с рубкой лежали сейчас и спали Иннокентий Булыгин, оборотень Хар и изможденный беглец из ада Глеб Сизов. Они не выставляли караульных и дозорных, вахтенных и часовых. Корабль не даст их в обиду, а если и даст, то они ничем не смогут помочь себе. Сегодня была тихая ночь. Странная ночь, когда уже не было ни у одного сил не спать. И когда каждый страшился заснуть.

– Знаешь, Иван, – зашептала она на ухо, – по утрам я боюсь просыпаться. Это странно и глупо, но это так... знаешь, мозг просыпается, а глаза открыть страшно – вот откроешь, а вокруг белый туман, вокруг Осевое, и будто все, что случилось тут, это сон, будто я и не выходила оттуда, и нет никакой Земли, нет тебя, ничего нет, только призраки. А потом глаза открываются... и сразу приходит память: рогатые, трехглазые, бойня, черная мертвая Земля. И игла в сердце – лучше бы вообще не просыпаться! лучше бы в тумане! в Осевом! где угодно! Бежим отсюда, Иван! Бежим, куда глаза глядят!

– Успокойся, любимая, – Иван прижал ее голову к своей груди, огладил плечи, спину. – От себя не убежишь. Вот сидела бы спокойно на «Ратнике», плыла бы сейчас где-нибудь далеко-далеко отсюда, в покое и тиши, в мире и благодати... а старенький адмирал-дедушка тешил бы тебя звездными байками, и спала бы ты там спокойно, тихим сном младенческим... – пред глазами у Ивана вспыхнуло вдруг тысячами солнц раскаленное марево, океан огня. И пропало мимолетным видением. Он тяжело вздохнул, что-то там случилось с флагманом Второго Звездного. Что?! С ними со всеми что-то случилось. А бежать, действительно, некуда. – Поцелуй меня! – попросил он. И после того, как она выпустила его губы из

своих, добавил: – Постарайся уснуть. И ничего не бойся. Мы не одни...

– Не одни? — изумленно переспросила она.

– Да, – ответил он, опуская свою тяжелую и теплую ладонь на ее веки, – с нами Бог. Это правда. А теперь – спи.

Она уснула сразу – расслабилась, обмякла, лицо ее прояснилось и стало во сне по-детски беззаботным. И Иван вздохнул еще раз, но теперь уже облегченно.

Ему тоже надо было выспаться хорошенько. Утро вечера мудренее. Хотя и неясно было, где утро, где вечер – над Землею вечная серая тьма. Угрюмая ночь!

Они стояли посреди бескрайнего поля. Огромной шарообразной тенью, кораблем-призраком в ночи. И ни один выползень не мог подползти ближе чем на версту к шару. Антарктические подледниковые зоны они покинули больше суток назад. Начинать надо было с России, это понимал каждый, даже облезлый оборотень Хар. Но как начинать?!

Иван закрывал глаза. И все принималось кружиться, вертеться под его сомкнутыми веками: лица, полосы, круги, улицы каких-то городов, рогатые рожи, ячейки и соты в хрустальных глубинах гиргейского ядра, голубые глаза Чемучжина, потом будто порывами урагана приносило фурию в развешивающихся черных одеждах, а за ней накатывал мрак, и во мраке бились привязанные к поручням две маленькие фигурки, и глухой далекий голос повторял и повторял: «человеку незачем идти во Вселенную, ему определено иное место... иное! определено!», и снова наваливался тяжелый, не дающий спать мрак, и во мраке этом поперек старинного стола, прямо на опрокинутых пузатых бутылках, на полураздавленном черством каравая, на осколках глиняной посуды, посреди пепла и мелкого мусора лежало грузное и жалкое тело Луиджи Бартоломео фон Рюгенау, и горло старика Лучо было перерезано от уха до уха, а тощий Умберто висел на стене, и три черных дробика торчали из его шеи, груди и паха, и чем дольше Иван внутренним взглядом, не открывая глаз, вглядывался в Умберто, тем сильнее того начинало разносить, и почему-то лицо его наливалось старческим румянцем, а на висках вырастали седые баки, и из-под носа к краешкам губ, и дальше, начинали тянуться пышные белые усы, и что-то сияло на белой широкой груди... Они всегда были на Земле. И год назад, и два, и за три тысячелетия до прихода Спасителя, который спас обезумевший род людской один раз, но не дал ему никаких обеща-

ний на будущее... Меч Вседержителя! Это было не во сне, не в бреду! А сейчас опять наваливается тьма-тьмушая. Тьма!

Иван осторожно повернулся, чтобы не разбудить ее, Светлану, лег на спину, закинул руки за голову. И открыл глаза.

Прямо над ним нависала блудливая и гадкая рожа Авварона Зурр бан-Турга в самом мерзком его воплощении. Чего-чего, а этого Иван увидеть не ожидал.

– Не признаешь? – глумливо спросил бес. И выпучил из-под нависающего капюшона наглые выпученные сливами черные базедовые глазища.

– Сгинь, нечисть! – прошипел Иван, совсем тихо, боясь разбудить Светлану.

– Не волнуйся, мой друг и брат, она не услышит нас, – хлюпя носом, безбожно картавя и сопя, скороговоркой выдал Авварон. – Мертвые не слышат, а ведь она так же мертва, как и другая твоя пассия, которую ты уложил на вечные времена в хрустальный гроб. У тебя странный вкус на этих... – крысеныш-колдун сделал вид что замялся, и с обвислой губы его потекла слюна, дряблые щеки затряслись, – почему бы это а? Наверное, потому, Ваня, ты не догадываешься? – тон его вдруг стал зловещим, – потому, что ты сам мертв! Или ты забыл, как лежал предо мною во прахе червю подобно?! Или ты не помнишь, как давили на тебя свинцовые волны Океана Смерти?! Ты мой раб, Иван. И ныне, и присно, и во веки веков!

Иван вскинул руку, желая оттолкнуть от себя, отпихнуть эту наглую нависающую над ним рожу. И ощутил вдруг, что будто черная гранитная плита навалилась на него, лишая сил, не давая двинуться, приподняться, встать. Так уже было, там, в каменном гробе.

– Ты мой раб! – прохрипело злобно и громко.

– Нет!

Преодолевая чудовищное сопротивление, Иван положил правую руку на грудь. Крест! Он был на месте.

– Сгинь, нечисть!

Авварон громко и надменно расхохотался ему в лицо. И теперь это был не колдун-крысеныш, не похотливо-гнусный уродец, шмыгающий носом, а сам дьявол черных бездн Мрака – торжествующий, всесильный, властный. Его черные глазища прожигали Ивана насквозь, заставляя припоминать стародавнее – планету Навей, Пристанище, гиргейскую каторгу, сатанинские оргии в подземельях Лос-Анджелеса, его сла-

бость... иглу проникновения, жертвы, расширенные зрачки, текущую слюну изо рта Крежени – и вдруг как живое встало грузное тело, подвешенное почти к потолку, синяя отекшая харя, высунутый язык, шрам со лба к подбородку, разве он не ушел? – нет, завертелось, закружилось снова – приобщение! изумрудно-зеленое свечение! черный раздвоенный язык-аркан, захлестывающий шею! сияющие водопады! рубиново-янтарные россыпи! повелитель тьмы и мрака! Да, именно так, именно так: «Ты сделал первый шаг мне навстречу!» И миллионы эмбрионов в миллионах ячей. И черепа с птичьими клювами, с огромными глазницами. И черные паучки с осмысленно выпученными глазами. Чуждый Разум! Не лучший друг и брат, но раб! «Я даю тебе отсрочку... короткую отсрочку. Но я спрошу за все. Иди!» В мгновение ока он вспомнил все. И эта память навалилась на него еще одной гранитной плитой.

– Тебе дали отсрочку. Но время истекло! – прогрехотало сверху.

– Нет! – прохрипел Иван. – Нет!!!

– Хорошо, – черная сатанинская рожа вызверилась плотоядной улыбкой, в пустых глазницах загорелись далекие искорки, – хорошо, раб! Я дам тебе последний шанс. И еще... я продлю их жизнь среди смертных, чтоб не печалить твоего больного разума, печалующегося о мертвых и несуществующих. И я не буду тебе обещать как прежде череды воплощений, но я поселю в тебе надежду, что и ты можешь быть не лишен их в приобщении Пристанища во Вселенную Мрака. Ибо служишь нам!

Огромная черная морда с оскаленными из кровавой пасти желтыми и кривыми клыками начала опускаться, давить, теснить, вжимать Ивана в ворсистый пол. Это была уже третья плита, и сдерживать тройной груз не было мочи. Он застонал, зная, чего от него хотят, но не произнося ни слова... Адский гнет Океана Смерти, океана потустороннего Мрака, из которого все вышло и в который все уйдет. Его невозможно было выдержать человеку, даже воину, даже... Все силы, вся тяжесть преисподней давили сейчас на Ивана, давили уже со всех сторон, убивая, не оставляя надежды, требуя одного.

– Смирись, раб! Смирись! И отдайся сам тому, что не пришло извне ныне, а уже было в груди твоей и в душе твоей! Не себе принадлежишь ты! И кара ждет тебя неизбежная! И

муки твои бесконечны будут! И зря в гордыне тщетной исхода ждешь. Не будет его! Смирись!

Черные когтистые крючья прорвали грудь, впились в сердце, сжимая его, завладевая им. Не будет исхода? Он уступал им, уступал прежде, всегда выворачиваясь потом, уходя от них, ускальзывая из объятий ада. И вот они застигли его врасплох. Это конец! Иван застонал в бессилии казнимого. Они властны над ним. А он никто и ничто пред ними, пред силами Пристанища и преисподней. Он слаб... Слаб? Луч ослепительно белого, чистого света пронзил его мятущуюся душу. «Я отворил дверь пред тобою, и никто ее не сможет затворить... Я даю тебе лишь Дух». Господи! Укрепи и сохрани! Он вцепился слабеющей рукой в лапищу, разрывающую грудь, содрогнулся от ее неземного обжигающего холода. Сдавил. И выдрал.

– Прочь!!!

Он почти телесно ощутил, как одна из плит над ним, давящая, смертельная, дала трещину и осыпалась на стороны шуршащими камнями. Он вздохнул, полной грудью вздохнул, уже предчувствуя, зная, что вырвется и из этого жуткого каменного гроба.

– Во имя Отца и Сына, и Духа Святого! Прочь!!! Дьявольский хохот разорвал барабанные перепонки, сотряс грудь, вонзаясь тысячами игл в тело, в пылающий мозг.

– Как смеешь ты, раб, призывать того, кто отказался от тебя и кого ты сам предал?! Еще миг, и прервется терпение мое! И мир Мрака поглотит тебя, возвращая в объятия свои на лютые страдания! И воздано тебе будет за все свершенное тобою против того, к кому призываешь. Ибо в том и есть закон равновесия и гармонии, высший закон всех миров! И сдохнешь в ужасающих корчах, чтобы в ужасающих корчах воскреснуть в мире, где не будет тебе покоя и отдохновения. Твое слово решит участь твою, раб!

– Прочь из сердца моего! Прочь!!!

Иван собрался в комок, в жгут витых горящих нервов. И снова он был не один в этой извечной борьбе, тысячи поколений избранных Господних, лучшие из ушедших в миры иные россос были сейчас с ним. И он рванулся вперед. Рванулся вверх, расшибая вторую смертную плиту, изгоняя демонов мрака, обрушившихся на него. Силы прибывали с каждой минутой, с каждым мгновением. Он поднимался, он вста-

вал, сбрасывая с себя невероятную тяжесть, вырывая из груди своей остатки черных крючьев.

– Не смей! Ты губишь себя!!! – загремело в уши, в мозг.

И отпрянула сатанинская морда и ринулся глаза в глаза черный, бесконечно огромный и беспросветный Авварон Зурр бан-Тург, ринулся, сопя в лицо:

– Остановись, раб! Пади ниц, и повинуйся господину твоему!

– Прочь!!! – взревел Иван.

Он уже вскочил на ноги. Изнемогая от напряжения, мокрый, дрожащий, с безумно колотящимся сердцем, он сдирал с себя черного когтистого беса. Тот был цепок, алчен, яростен. Всеми шестью лапами, когтями, раздирая одежды, кожу, мышцы, он впивался в Иванову плоть, в Иванову душу, он не желал исходить из него, он вгрызался зубищами в мясо и кости, сопел, хрипел, тряся, угрожал, умолял, пугал, визжал истерически и мерзко.

– Не смей! Пусти меня в себя! Пусти-и-и!!!

– Прочь!!!

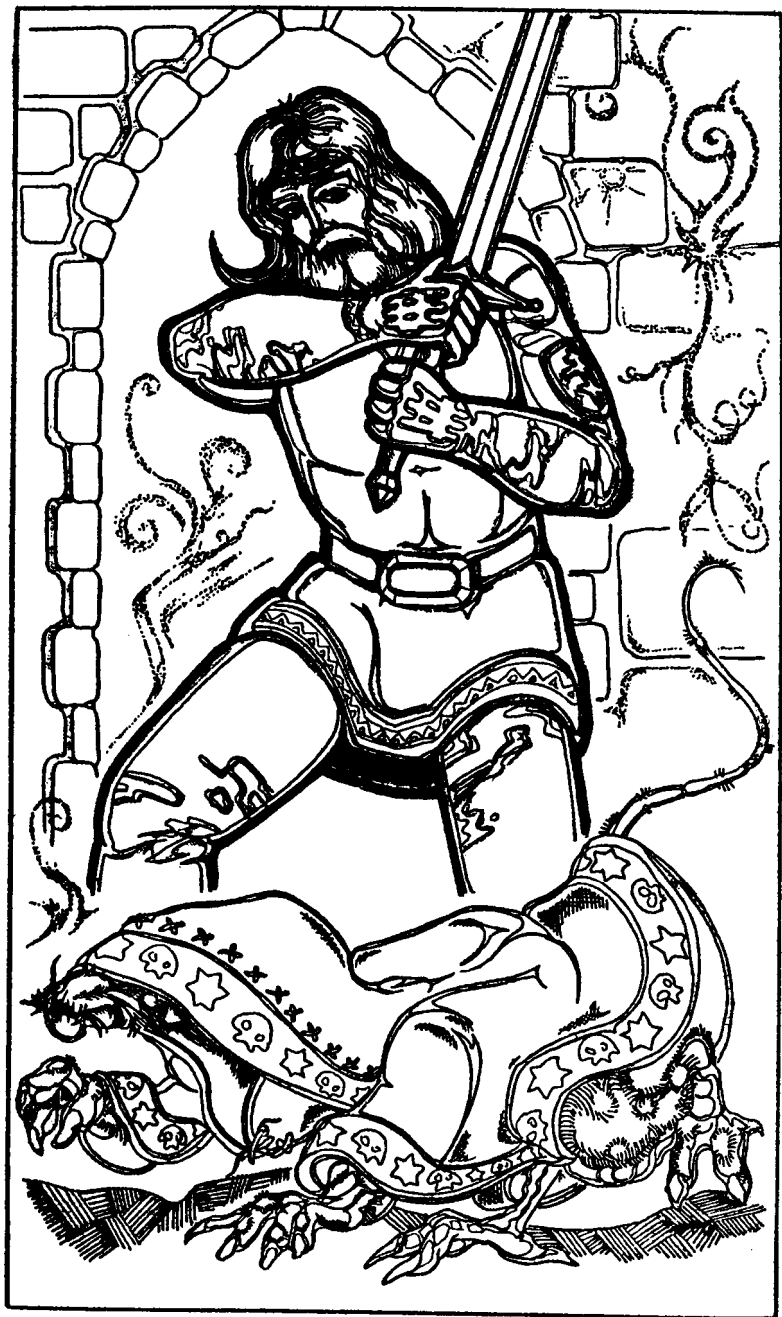
Иван наливался силой. Он отдирал, отрывал от себя лапу за лапой. И наконец, скрипя зубами от невыносимой боли, с хрустом рвущихся сухожилий, он отодрал от себя черного беса. Вскинул его на руках вверх. И со всего размаху бросил оземь.

– Сгинь, нечисть, навсегда! Сгинь!!!

Все закрутилось, завертелось перед глазами.

И увидел он, что не в рубке управления стоит, не в звездолете чужаков, что притих на широком земном поле, а в башне полуразрушенного замка с каменными зияющими бойницами, продуваемого недобрыми ветрами, замка, что охраняет среди прочих внешних барьеров вход на планету Навей. Да, это был Спящий мир. Иван сразу узнал его.

– Пощади-и!!! – тоненько пропищало снизу. Убогое морщинистое существо, получеловек-полукрыса, уродливое ничтожество тряслось у его ног, вздымая вверх тонюсенькие птичьи лапки. Было. Так уже было! Иван встряхнул головой, избавляясь от наваждения. Но Спящий мир не пропал. Ничего не изменилось. Напротив, он вдруг ощутил в руке рукоять меча, того самого. Да, он тогда пожалел крысеныша. Пожалел! Как давно это было, как нелепо и смешно. Но не время предаваться воспоминаниям. Иван поднял меч.

– Я умира-а-а-ю-ю... – протянула гадина столь жалостно, что и впрямь поверилось: вот сейчас умрет!

Картины чудовищного сверхбытия Пристанища обрушились на Ивана, ведь они брели по его тропам вместе, рядом, как же так... Нет! Нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Нельзя!

Морщинистое ничтожество, на бегу оборачиваясь мерзкой волосатой крысой, бросилось в угол, в кучу старого затхлого хлама. Но было поздно – острие меча настигло его, пронзая, пригвозждая к грязному дубовому полу.

– Прости, мой лучший друг и брат, – с горькой усмешкой выдавил из себя Иван, – это надо было сделать еще тогда, сразу. И прощай!

Он не стал выдергивать меча. Этот меч навеки испоганен, нечист.

И вообще, пора избавляться от суетного!

Иван повернул голову. И увидел, как в бойницу из мрака и темени просачивается лучик, тонкий солнечный лучик. Спящий мир просыпался. Ну и пусть. Плевать на него! Для очищения иногда надо возвращаться на круги своя. Вот он и вернулся... Очищение?! Да, все верно, ведь ему предстояло пройти через очистительные круги Света. Он все помнил. И главное, он помнил, что в него верит Пославший его. Иди, и да будь благословен! На душе было легко и покойно, как никогда. Теперь, после изгнания беса, душа его была чиста и светла. Он прошел один круг.

И он пройдет другие!

Иван открыл глаза.

Светлана спала тихо, казалось, что она не дышит, лишь верхняя губа, нежная и чуть вздернутая, слегка подрагивала. Пускай спит. Он осторожно приподнял голову, сел, обхватив колени, глядя на черное пятно в сером ворсистом полу. Это было даже не пятно, а затягивающаяся на глазах дыра... по краям ее топорщились черные вороньи перышки и отвратительные, грязные, жирно поблескивающие волосинки, крысиный след. Сгинул! Туда ему и дорога! А ей... ей необязательно знать про все это, пусть спит, ведь завтра будет трудный день. Завтра? Иван собрался, замер – его внутренние часы работали, им не нужны были ни, солнце, ни луна, ни батарейки. Не завтра, а уже сегодня! И это первый день года, нового года – 2486-го от Рождества Христова.

Корабль плыл над руинами, плыл в черном тягучем воздухе почти над самой землей. Иван не включал прожекторов – зачем беспокоить это мрачное царство разрухи и уныния. Приборы ночного видения выдавали на обзорные экраны угрюмую картину. Лос-Анджелес лежал в развалинах – огромный, холодный, мертвый город с обвалившимися небоскребами, разрушенными домами, развороченными зданиями, в которых уже не угадывалось, что тут было раньше – банки, отели, конторы, магазины, а может, притоны или публичные дома... Улицы, переулки, закоулки, дороги, мосты вообще не проглядывались, они были завалены кирпичом, камнем, бетонными блоками, арматурой, металлом и прочим строительным мусором, искореженным, страшным, тянущим к черному небу свои ржавые изогнутые руки-прутья. Не было уже ни гари, ни пепла, ни гниющих трупов – все позанесло серой пылью, все позаросло скользким и мерзким мхом да лишайниками... Еще три-четыре года, думал Иван, и от развалин огромного прежде, многомиллионного вавилонского города не останется ничего кроме пологих, укрывающих бывшее сокрушенное величие холмов. Так и бывает в жизни. И с городами. И с людьми.

– Ну и чего мы сюда приперлись? – деловито осведомился Кеша.

Он стоял у Ивана за спиной, зевал и жалел, что влез в этот чертов шар. Ежели бы он остался на привычном кладбище, за эти денечки и ночки мог бы спровадить к их родному отцу дьяволу не меньше двух десятков студенистых гадин. А здесь что? Ничего, одни слова, болтовня. Надо бить гадов! А Иван все кружит над планетой, выжидает чего-то!

Светлана покачала головой. Она догадывалась, зачем Ивана потянуло сюда, в Западное полушарие. Но молчала. Ее тревожило совсем другое, ведь проклятушие негуманоиды-выродки там, в Системе, давно уже могли опаматоваться и разобрататься с их «шариком», непослушным и строптивым, каждый день, каждый час их за любым углом могла поджидать кара.

Глеб Сизов тоже молчал. Он сидел в боковом кресле, укутанный в свою хламиду и думал. В подземельях и пещерах в адских муках корчились миллиарды землян, а они ничего не могли поделаться. Да, конечно, можно было разгромить, разнести в пух и прах еще одну зону, еще десяток таких зон, передавить всех выползней в них, перебить гадин, подготовляющих

приход чего-то еще более гадкого и ужасного... а дальше? А дальше – брошенные на произвол судьбы тысячи, миллионы людей без подпитки, без инъекторов, без пронизывающих насквозь и поднимающих со смертного одра даже трупы инфернополей, в конце концов, без даже самых малых запасов продовольствия и чистой питьевой воды. Это их смерть. Однозначная и предопределенная. Глеб молчал, и думал, думал, думал.

Хар просто лежал на полу с закрытыми глазами. И виделась ему родная Гиргея, прохладные темные струи, ласкающие плавники. Хару начинала надоедать его странная и непонятная миссия. Властительница троггов Фриада показала этим безумцам, как можно совладать с их губителями, как помочь их горю, но они почему-то думают о другом, они жалеют тех, кто уже умер и кто еще умрет, вместо того, чтобы жалеть тех, кто должен родиться, но никогда уже не родится. Одним словом, люди! Они говорят, что у них есть какой-то свой бог, и они больше надеются на него, чем на себя... Нет, лучше вспоминать дом, родной и совсем тихий океан, покойные не доступные чужакам глубины.

– Мы не приперлись сюда, – спокойно ответил Иван, – мы вернулись, чтобы исполнить то, что должны исполнить.

– Гуга не воскресить, – смутился Кеша и принялся тереть свою сивую бородину.

– А он и не умирал, чтобы его воскрешать, – поправил Иван. – Может, и тебя подбирать не стоило?

– Может, и не стоило!

– Ну хватит! – оборвала Светлана. Не доставало только свар и ссор.

Иван прослушивал «землю». Но все четыре вмонтированные в породу локатора-сторожа молчали. И немудрено после того, что случилось с этим вселенским вертепом. Иван и так помнил, где замуровали тело Ливадии Бзкфайер-Лонг по кличке Стрекоза. Там же, рядышком, должен лежать и вынесенный Сигурдом с поля боя его подлинный друг и брат Гуг-Игунфельд Хлодрик по кличке Буйный. И недаром же в тот самый памятный день, когда Светлана опустила на своем ржаво-серебристом шаре прямо напротив Храма Христа Спасителя и вызволила его, Ивана, он первым делом попросил ее переместиться к развалинам Кремля, к руинам Большого Кремлевского дворца, где и были кабинеты Правителя. Она прикрывала их из рубки корабля, а они с Кешей долго броди-

ли по темным переходам... Все погибло! Все было разрушено, разбито, разбросано, завалено щебнем, осыпавшейся штукатуркой, рухнувшими перекрытиями. Они не сохранили тысячелетних святых. Они шли по оскверненным отеческим гробам и ничего не могли поделать, они не скрывали своих слез и отчаяния – утраченного не вернуть. Опрокинутая колокольня Ивана Великого лежала рассеченным на части телом огромного оцепеневшего богатыря незапамятных времен. Разбитые колокола молча взывали к равнодушному черному небу. Купола и стены Благовещенского собора зияли в ночи дырами огромных пробоин. От Архангельского оставалась лишь груда камней. Три башни, изуродованные до неузнаваемости и потому потерявшие свои имена, охраняли развалины, прочих не было вовсе. Они перешагивали через разбросанные, раздавленные иконы, на которых уже не угадывались лики святых. Иван помнил, многое удалось спасти, вывезти – и на «Ратник», и на другие звездолеты, станции. И тем не менее, Кремля больше не было, как не было ни величавой белокаменной Москвы, ни самой Великой России. И все же он пробрался, переползая из дыры в дыру, протискиваясь под упавшими балками, перепрыгивая через провалы, пробрался в свой бывший кабинет и вытащил из заваленного обломками шкафчика Гугову торбу. Путь назад был вдесятеро короче. Они не смотрели по сторонам, что смотреть, рвать сердце. Они бежали на корабль, чтобы уйти от этих страданий, чтобы не видеть, не вспоминать... И все равно кремлевские руины навечно запечатлелись в их памяти. Кеша посмурнел еще больше. А Иван... Иван помнил, что есть Тот, Кто в него верит.

Щупы на звездолете Системы стояли прекрасные. С пятого захода Иван вышел на подземные лабиринты заброшенной гравидороги, что строилась еще в двадцать третьем веке. Ничего не изменилось, они были столь же заброшены, что и год, и два назад. Шесть входов-выходов завалены. Седьмой открыт, как ему и полагалось.

– Кеша, – позвал Иван, – видишь? Давай вперед с Харом, надо разминировать, ты у нас мастак по этому делу!

Иннокентий Булыгин приободрился, повеселел. Он любил работу работать, особенно если она была рискованной.

– Я пойду следом. Светлана с Глебом прикроют нас с корабля.

Глеб заерзал, хмуро сдвинул брови к переносице.

– Я тоже пойду, – сказал он.

Но Иван покачал головой – они забыли, что его приказы не обсуждаются. И тут же поймал себя на внезапной мысли: а считают ли они вообще его, Ивана, Верховным... а может, нет?! Надо было бы просто спросить. Но не сейчас, в следующий раз.

Кеша был спор на сборы. Не прошло и пяти минут, как черный бутон малого бота ушел вниз.

А Иван рылся в торбе. Сейчас ему мог пригодиться шнурпоисковик и, разумеется, яйцо-превращатель. Остальное брать не стоит. Рукоять меча на руке. Десантный боевой лучемер за плечом, пара парализаторов, сигма-скальпель, с десятков сигма-гранат с грецкий орех величиной, но обладающих огромной убойной силой... и, пожалуй, хватит! Ежели понадобятся, Светлана пришлет пару киберов с носилками. Лучше бы не понадобилось!

А внизу грохотало и гремело. Кеша не мог без шума и фейерверков.

– Как там рогатые? – спросил Иван у Светланы. Она теперь сидела в мыслеуправляющем кресле звездолета.

– Не видно что-то, – ответила она спокойно, – две гадины в восемнадцати километрах на север и около сотни контейнеров с биомассой на запасных путях гравидороги. Еще, правда, на нижнем уровне около тысячи голых. Прорубают дыру вниз. Но там уже другая полость, соединений нет.

Иван невольно отметил, с какой легкостью она перестала называть людей людьми. Голые! Ну что ж, и так бывает. Сейчас не время языковедческие дискуссии разводить.

– Я скоро вернусь, – сказал он с улыбкой, склонился над ней, поцеловал в щеку. И тут же поправился: – Мы скоро вернемся. Не грусти!

Проход Кеша очистил на славу. Иван нагнал Булыгина с Харом почти у самого входа в ремонтно-складской сектор. Он шел, поминая добрым словом мальчишку Сигурда, тот пронес тело Гуга, не зацепив ни единой мины, преодолевая все завалы и ловушки, а это означало только одно, Гуг доверял ему больше, чем Иван – почему? а потому, что он предвидел и такой вариант. Ну, Гуг, ну, сукин сын! Впрочем, с ним все ясно. А вот где сам Сигурд? И снова на мгновение перед глазами стемнело. И привиделись Ивану залы, огромные залы, что остались в окраинных толщах не разрушенного глубинным ударом материка – обломка Антарктиды. И лежащий на смертном ложе Сигурд. И иглы, вонзенные в него, иглы, через

которые исходит кровь, исходит жизнь. Он умер там! Его убили! Иван зажмурился, встряхнул головой. Откуда эти видения? Откуда это знание?! Не в первый раз ему открывается сокрытое временем и расстояниями. Это дар. Обретенный дар! Господи, Ты ведь не обещал сил иных кроме Веры и Духа. Так откуда же... Иван снова тряхнул головой. Это и не силы никакие, это просто Просветление. И он приобщается к миру просветленных, которым открыто прошлое и будущее, для которых нет ни километров, ни верст, ни миль.

Но он не стал предаваться раздумиям. Вперед!

Ему надо в срок пройти все круги очищения. А там видно будет.

– Вот он, родимый! – просипел Кеша, вводя Ивана в камеру с низкими бетонными потолками. – Живого места нет!

Кеша был прав. Гуг лежал под прозрачной крышкой анабиосаркофага в чем мать родила. Но узнать его сумел бы только близкий человек. На огромном богатырском теле не было живого места: вывернутые перебитые в суставах руки и ноги, разорванная грудь, рубцы, раны, дыры, вывороченные внутренности... и все это венчала изуродованная голова с раздробленной челюстью и пробитым, передавленным черепом. Ножного биопротеза вообще не было – видно, его оторвало при ударе о землю, а Сигурд не стал подбирать эту уже ненужную деталь. И какого черта Гуга Хлодрика вынесло из бункера управления, какого дьявола бросило в бой, самый лютей бой всей этой быстролетной Европейской войны?! Иван стоял мрачный и растерянный. Кеша вообще старался не смотреть на израненное тело. Он-то знал, что после Параданга Буйный повсюду искал смерти... ну что ж, вот он ее и нашел. Надо было раньше придти сюда. Раньше, когда они еще стояли у кормила власти! Но ведь именно тогда полезли эти проклятые рогатые выползны, изо всех щелей полезли – и жизнь превратилась в ад! Про Гуга Хлодрика просто все позабыли! Другой бы не вынес и десятой доли того, что обрушилось на старого викинга, Сигурд рассказал, как было дело. Бронеход с Гугом сбили на огромной высоте, они попали в перекрестие четверного базового боя, профессионалы называли его романтично и красиво – «дыхание ночи». Машину разорвало в клочья, разметало надо всей землей, и после этого Гуг еще рухнул вниз, прямо в воронку, в ад и кошмар свирепого, непрекращающегося боя... может, это и спасло его? может, его изувеченное тело подхватила встречная взрывная волна, не дала

разбиться о вывороченный бетон?! Кто его знает! Во всяком случае, когда Сигурд замораживал Гуга, в его огромном и могучем теле еще теплился крохотный, еле заметный огонечек жизни. Но сейчас... Иван не знал, что делать. Ведь яйцо срабатывает не сразу. И если они пробудят Гуга, разморозят его, а он умрет... и не останется ни крохи жизни, ни огонечка?

Оборотень Хар тихо поскуливал и с опаской, недоверием поглядывал на другой саркофаг, стоящий в углу камеры. Там лежала Ливадия Бэкфайер, она же Лива Стрекоза, беглая каторжница, ведьма... черная ведьма и последняя, самая большая любовь Гуга Хлодрика.

Об этой мулатке, с которой пришлось как-то провести безумно страстную ночь в чужом обличий, Иван и не думал. Лежит, и пусть лежит. Лучше не трогать. Но исцелить Гуга он был обязан.

– Надо бы его прямо в гробу перенести в корабль, – посоветовал Кеша.

Иван подумывал и о таком варианте. Но он не годился. Какая разница! Гуг с одинаковой вероятностью мог помереть и здесь и там. А коли жив останется, так и своими ногами дойдет.

Он вытащил яйцо-превращатель из внутреннего клапана скафа.

Кивнул Кеше. Тот понял с полувзгляда. Сейчас от их собранности и сработанности зависело все.

– Пошел! – буркнул Иван.

И Кеша резко, двумя поворотами миништурвала включил анабиосаркофаг в режим разморозки. Оба замерли у изголовья, наблюдая, как постепенно, очень медленно с белой мертвецки-ледяной кожи спящего в летаргии начинает стекать хрустальными каплями ледяное покрытие... вот сейчас, в любой миг сердце может сделать свой первый удар – уже врубилась внутренняя система стимуляции, и оно его обязательно сделает, но второго... второго может не последовать.

– Давай! – закричал Иван.

И Кеша, отжав рычаг, разбил стеклянный предохранитель, вдавил черный палец в белую упругую кнопку. Прозрачная крышка гроба начала сползать... И в еще узкую, только образовавшуюся щель Иннокентий Булыгин с реакцией заправского бойца молниеносно всунул руку, сдавил раздробленную нижнюю челюсть, оттянул ее. И уже локтем резко надавил на грудь, на сердце, раз, другой.

– Молодец!

Иван втиснул в открытый рот нагретое рукой яйцо, склонился над Гугом. Теперь все будут решать секунды. Он нависал над изуродованной плотью, отогревал ее своим дыханием. А Кеша давил и давил на грудную клетку, давил так, что ребра трещали.

– Ну, Гуг, дружище, давай! – молил Иван.

Он впился губами в другой конец яйца-превращателя, задышал тяжело, не давая ему остынуть. Еще немного. Еще немного!

И он ощутил первый толчок сердца, собственным сердцем ощутил. Теперь все зависело только от самого Гуга-Игунфельда Хлодрика Буйного.

– У него силушки на десятерых, – прохрипел Кеша, – оклемается!

– Оклемается, – машинально проговорил Иван, разжимая губы, но не переставая дышать в лицо выходящего из летаргии.

А лицо это, Гугово, обрюзгшее, разбитое, изуродованное лицо, начинало меняться на глазах. Яйцо-превращатель действовало! Они успели!

Иван готов был расхохотаться в голос. У них был один шанс из тысячи. Но они не упустили его. Полумертвый Гуг Хлодрик, размораживающийся и тут же умирающий, умирал, превращаясь в живого и здорового Ивана – в двойника, точную копию Ивана. Старый добрый прием, Иван сам его опробовал, испытал еще на проклятущем Хархане. Он сработал и здесь!

– Все, хорош! – выдохнул Кеша.

И перестал давить на сердце. Оно билось и так, без его помощи. Оно билось в здоровой и крепкой груди Ивана, лежащего в саркофаге.

Яйцо выпало. Губы оживающего разжались. И из них сипло вырвалось:

– Ну чего вы меня бьете, падлы, чего? Совсем забить хотите старика Гуга? Не дави на грудь!

– Никто и не давит давно! – обиженно оправдался Кеша.

Лежавший говорил Ивановым голосом, но все выражения и даже тон были Гуговы. Получилось! Теперь оставалось немного выждать и вернуть Гугу его плоть.

Иван смотрел на свое собственное тело, распростертое в гробу. На нем не было видно и следа увечий, нанесенных Гу-

гу. Так и должно было быть. Лишь корявый и грубый шрам пучился под левым соском. Ладно. Хорошо! Надо бы еще ждать...

Гуг открыл глаза, поглядел на Ивана и сказал:

– Ваня, тебя тоже сбили? Или мы с тобой на том свете?!

Он начал приподниматься.

Но Иван молча сунул ему прямо под кадык яйцо, придавил голову. Кеша навалился на ноги. Хар восторженно заскулил, заглянул в саркофаг, положив на край обе свои мохнатые лапы.

Обратное превращение произошло быстро. Иванов двойник начал вдруг наливаться тяжестью, мощью, жиром и мышцами, волосы его поседели, нос и щеки покраснели, набрякли... поврежденная нога менялась вместе со здоровой, ничем не отличаясь от нее.

Наконец Гуг разбросал по сторонам и того, и другого, уселся в своем гробе, недоверчиво глядя на собственное брюхо, заросшее рыжей шерстью, и не менее волосатые ноги.

– А чего это я голый, мать вашу?! – вопрошил он изумленно.

– Это ты у тех спросишь, Буйный, – ответил поднимающийся с пола Кеша, – кто тебя в ящик сунул. А нам спасибо надо бы сказать, а не граблями размахивать!

Иван вытащил из бокового клапана черную бутылочку, надавил на пробку. И в Гута брызнуло серой пенящейся жижей. Ее вышло из маленького цилиндрика столько, что обратно и в большую бадью не собрать. Но жижа быстро налипла пленкой на Гуговом теле, застыла герметично-гибким слоем поверхностного нательного комбинезона. Жижа обладала «памятью», и потому на комбинезоне было все как и положено – клапана, швы, нагрудные карманы и даже воротник-капюшон.

Все произошло очень быстро. Гуг не успел и рта раскрыть.

Но из саркофага он выбрался. Поглядел на Ивана мрачно. Спросил еле слышно:

– А где мой малыш, где Сигурд? – в голосе была затаенная надежда.

И Иван не стал ее разрушать.

– С Сигурдом все в порядке, – сказал он, – ведь это твой малыш спас тебя, уложил в анабиосаркофаг, приволок сюда. И

хватит об этом. Нам надо спешить, Гуг! Тут, на Земле, кое-что изменилось, пока ты спал. Могут быть неприятности!

С полминуты Гуг Хлодрик стоял в оцепенении. Потом как-то набычился, изнизу повернул голову влево, будто боясь встретиться с чьим-то взглядом. Увидел другой саркофаг, застывший на возвышении, вздрогнул. И спросил почти без вопросительных интонаций:

– Там – она?

– Да, – ответил Иван.

Гуг подошел ближе к герметичному, закрытому гробу. Но заглядывать внутрь не стал. Сгорбился. Лицо помрачнело. Был он какой-то тяжелый и постаревший, недовольный тем, что его пробудили.

– Значит, малыш исполнил мою последнюю волю, – пояснил он сам себе. Потом поднял свои светло-голубые глаза на Ивана и сказал твердо: – Я никуда отсюда не пойду без нее, понял?!

– У него нету ретранса, – вставил Кеша, косясь на Хара.

– Врешь!

Гуг застыл каменным изваянием, набычился.

– У меня есть ретранс, – отозвался наконец и Иван. – Но ты прекрасно знаешь, Гуг, чем это может кончиться. Там, – он показал рукой на саркофаг, – лежит не твоя нежная и любящая мулаточка. Там лежит совсем другое существо. Не будь идиотом, Гуг, в нее вселили демона. Иди, пробуди его и он прикончит всех нас. Разве для этого я разморозил тебя?!

Седовласый викинг, бывший космодесантник-смертник, главарь банды, рецидивист, беглый каторжник, лучший друг Ивана и недавний замороженный полутруп поднялся на возвышение, заглянул под прозрачный колпак. И пробормотал неуверенно:

– Врешь ты, Ваня, баки забиваешь старому, доброму разбойнику. Это она – моя Ливочка, моя лапочка... Вспомни, ведь ты же обещал, что она не умрет?

– Она не умерла, Гуг. Она спит. И ее нельзя будить. У тебя у самого короткая память!

– Она... это она! – вдруг пролепетал Гуг и побелел.

Он вспомнил тот жуткий подземный притон, сатанинскую оргию, вспомнил, как из центра зала прямо на него шла женщина ослепительной красоты в развевающихся одеждах, в высокой трехрогой короне, усеянной алмазами, в сверкающих цепях на шее, груди и бедрах. «Отпустите меня! – ревел он

тогда. – Отпустите!» Он рвался к своей любимой. Но два его же охранника держали его мертвой хваткой. Он вырвался. Он бежал к ней, пошатываясь, раскидывая в стороны руки, будто распахивая объятия. «Ли-и-ива-а!!!» Он знал, что через секунду она увидит его, замрет, заулыбается, заплачет и захохочет – все вместе, сразу, одновременно, и они обнимутся, сольются в одно целое, чтобы уже не разлучаться никогда. «Ли-и-ва-а-а!!!» Он налетел на нее как на титановую стену... отскочил, упал на спину. А она смотрела на него, смотрела своими черными пустыми глазницами. Охранник бросился между ними – и через миг упал с оторванной головой, был только легкий взмах руки, больше ничего, потом она убила другого охранника... и тогда Гуг Хлодрик понял, что на него надвигается сама смерть, жрица Черного Мира. Так было, его спасли Кеша и карлик Цай, его спас Иван. И они не убили жрицу-демона, они спрятали ее здесь. Да, было именно так. Но это ничего не меняет, абсолютно ничего.

– Я не уйду без нее! – процедил Гуг. И уставился на Ивана исподлобья.

– Ее нельзя забирать на корабль, – просипел Кеша.

– Будет плохо, – подтвердил Хар. Он никогда не врал да и нюх имел отменный.

Иван сам догадывался, что будет плохо. Нечего было вообще заваривать эту кашу. Ну а раз заварили... надо расхлебывать.

Он запустил руку за пазуху, сжал ледяной кубик ретранса. Вытащил. Вспомнилась прекрасная Алена, полупрозрачная биоячейка – хрустальный фоб на золотых цепях, одним словом. Он оставил ее в Пристанище.

Гуг не хотел оставить свою любимую в этом подземелье. И он был прав.

– Отойдите подальше, – попросил Иван, приближаясь к саркофагу.

– Нет, – огрызнулся Гуг.

– Я сказал – отойти! – взревел Иван. И резким ударом в челюсть сбил викинга с ног.

Это подействовало. Гуг-Игунфельд Хлодрик Буйный, хотя и был в два раза здоровей Ивана, медленно поднялся, отошел к овальному люку, где уже стояли Кеша с оборотнем Харом.

Иван резко встряхнул руками, сбрасывая напряжение. Замер. Ему нужны были силы. И не только свои. Непомерным мысленным усилием он наращивал сейчас черные барьеры

Вритры, один за другим, облачаясь в не видимую глазом броню, превращая тело в гранит, а волю в сталь. Четырнадцать тысячелетий ведической культуры россос были за его плечами. Он знал самое малое, почти ничего, но они были с ним, они давали ему силы прикоснуться к Источнику Могущества и Доброты. Надо только собраться! Надо сконцентрировать Белую Силу у переносицы. Надо терпеть. Терпеть, превозмогая боль, удерживать эту Силу! Он не один. Пусть на Земле и во Вселенной никого не осталось, почти никого, но на ней и в ней жили миллионы сильных духом, и они не умерли, они ушли в Белое Поле. И он видит его белизну. Оно приближается к нему, оно нисходит на него, чтобы наделить силою многих... Тройное солнце Индры ослепительным алмазом сверкнуло в мозгу Ивана. Держать! Терпеть! Непробиваемые каменные барьеры Вритры! И алмазное солнце Индры! Ипостаси Всевышнего, ниспосланные за тысячелетия до Прихода Его, ниспосланные в мир, защищающие созданных по Образу и Подобию. Они с ним! Они в нем! Пора!

Иван сбросил крышку саркофага. И вжал ретранс в переносицу лежащей без памяти и сознания Ливадии Бэкфайер-Лонг, жрицы Смерти, демону Черного Блага.

– Аррр-раы-ыы!!! – громоподобное сатанинское рычание вырвалось из ее разверзшегося рта и сотрясло своды камеры.

Отброшенный сильным ударом, Иван упал на спину. Но тут же вскочил на ноги. Она могла опрокинуть его, могла ударить, но не могла ни убить, ни лишить воли.

– Бегите! – закричал он застывшей в дверях троице.

– Бегите немедленно!

А она уже поднималась из своего гроба, вставала с черного ложа. И в черных глазницах ее зияла пустота Черной Пропасти. Время и летаргический сон в анабиосаркофаге не изменили ее, они вообще не изменили ничего. В жрицу Черного Блага была заложена смерть, еще с тех самых пор, с той страшной черной мессы, что вершилась в подземельях Лос-Анджелеса. Все прошло, все разрушилось, нет никаких подземелий, никаких месс, никакого Лос-Анджелеса, черт бы его побрал раньше, нет ничего старого... А программа смерти работает! Вместе с Ливой, в ее теле, пробудился демон Черного Мира. И он не остановится сам... Его можно остановить только силой.

Иван прыгнул к саркофагу.

Но мощный удар снова отбросил его. Сейчас демон не видел в Иване, окруженном непроницаемыми барьерами Вритры, жертву. Он видел только помеху и сметал ее со своего пути. Жертва стояла возле люка. И ее надо было убить.

– Ли-ива! – стонал Гуг, и по щекам его текли слезы. – Ли-ва-а!!!

Он тянул к ней руки, не желая верить в очевидное. Кеша выталкивал Гуга вон из камеры. Хар тащил его зубами, вцепившись в комбинезон. Но они не могли совладать с седовласым богатырем. Гуг рыдал навзрыд и рвался к любимой.

– Вон отсюда!!! – заорал Иван во всю глотку.

А жрица уже шла к своей жертве. Шла, ослепительно улыбаясь, обнажая красивые, жемчужно-белые зубы, шла, хрупкая, нежная, желанная и смертельно опасная.

– Вон!!!

Иван отчаянным усилием воли ускорил внутренний ритм и успел опередить ее, встать на пути. Он ощущал всем телом, сознанием, сверхсознанием и подсознанием колоссальную черную силу демона. Разрывающая боль жгла его переносицу. Тройное солнце Индры слепило. Но видел его только он. Еще немного, совсем немного... Белые Поля сошлись в крохотном рубиновом шарике у переносицы. Господи, не оставь, дай терпения и веры! Еще немного.

Она ринулась на него. Ринулась в прыжке, будто тигрица. И тогда он увидел того, кто сидел в ней – это был просто сгусток тьмы, без лица, без тела, без рук, без зубов и когтей – бешено несущийся прямо из преисподней на него комок Мрака, убийственный, всесокрушающий.

Пора!

Иван освободил зажимы. И невидимый, но несказанно светлый нематериальный луч алмазной палицей Индры, всепроникающей иглой Белых Полей, вырвался тончайшим, кристалльно-лазерным пучком из рубинового шарика, жгущего переносицу, вырвался и вонзился в этот ком Мрака.

– Ты убил ее!!! – дико завопил позади Гуг Хлодрик. Он бросился на Ивана. И тут же отскочил, будто ударившись о бетонную стену.

Лива Стрекоза лежала в ногах у Ивана. Но она не была мертва. Она дышала. Он склонился над ней, коснулся рукой тонкой смуглой шеи. Обморок, обычный обморок.

– Ну чего ты ждёшь, Гуг?! – выкрикнул Иван. – Живо бери ее на руки! Нам пора уходить!

Хар тоже рвался наверх. Он трясся, скрежетал зубами, скулил. Он предчувствовал нехорошее. И не ошибался.

Самым смысленным оказался Иннокентий Булыгин, он уже бежал по лабиринту вверх, бежал, выставив на согнутых локтях боевой лучемер и бронебой. И он первым встретил дико орущую толпу голых. Они мчались на него... и глаза их были пусты.

– Куда? Куда вы?! Спятели?! – закричал Кеша.

Они уже готовы были смять его, когда пальцы сами нажали на спуск. Первый десяток особо резвых разорвало в клочья, отбросило назад.

И тут подошли Иван и Гуг со своей желанной ношей.

– Что случилось? – спросил Иван.

– Дурдом какой-то! – Кеша глуповато ухмыльнулся. Голые теперь шли медленно, сплошной стеной. Это были люди, самые обычные люди, бритые, голые, загнанные выползнями в подземелья. Но в глазах у них светилась пустота. Лишенные душ! Иван сразу все понял. Их гонят сатаноиды. Гонят на них, чтобы раздавить, растоптать их, завалить телами, трупами, обезоружить и загнать в подземный ад.

– Стреляй! – приказал Иван.

И сам дал полный боевой из лучемера. Кеша саданул из двух стволов. Кровавые ошметки полетели во все стороны, вверх, вниз, освобождая проход.

– Что вы делаете, ублюдки?! – зарычал сзади Гуг. – Это же люди!

Объяснять ему что-либо было бесполезно, слишком долго он проспал в своем гробу, все равно ничего не поймет. Иван обернулся, поглядел Гугу в глаза.

– На свете кое-что изменилось, Гуг, – прошептал он, сдавливая свободной рукой его плечо. – Потом ты узнаешь. Не сейчас!

Полтора часа они продирались сквозь сплошное месиво. Биомасса! Это всего лишь биомасса, безмозглая, бездушная, натравливаемая выползнями и студенистыми гадинами! Иван клял себя, что полез в лабиринты. С Гугом можно было и обождать... Нет, нельзя! Сейчас каждая живая душа дороже золота.

Они вырвались наверх измученные, задыхающиеся, заляпаные кровью и грязью. Оба черных бутона были опрокинуты, вдавлены в зловонную жижу, темным болотом окружаю-

щую бугор перед входом в провал. Но зато ржавой громадиной нависал над головами огромный шар.

Голос Светланы прорвался сверху, усиленный невидимыми динамиками:

– Ну что же вы медлите, быстрей!

Иван первым понял, что надо бежать к вытягивающемуся из шара раструбу. И подтолкнул Гуга в спину.

– Еще немного, старина. Давай!

Гуг исчез в сером вихре, исчез вместе со своей драгоценной ношей. Тем же путем последовали Хар с оглядывающимся, посверкивающим колючими глазками Иннокентием Булыгиным.

Сам Иван задержался на секунду.

И увидел, как из болота всплыли сразу шесть огромных гадин, тянущих к нему длинные щупальца с присосками. Еще немного, чуть-чуть и они обовьют его, утащат к себе, оставались метр, другой... Иван полосанул лучеметом слева направо, обрубая извивающиеся конечности. И прыгнул к раструбу. В тот же миг его втянуло внутрь.

Шар медленно поплыл вверх, из четырех коротких труб, обрамляющих раструб, вниз, прямо в болото, на скользких гадин полился пылающий синим огнем напалм. Отвратительный зловонный пар десятками струй ударил вверх – болото испарялось вместе со всеми тварями, обитающими в нем. Но вечная ночь над мрачной землей, над тихими черными водами не развеялась. Лишь откуда-то снизу доносились стоны, вой и нечеловеческий истеричный плач.

А тем временем внутри корабля, в рубке дрожащая и испуганная Лива плакала и прижималась лицом к груди огромного Гуга Хлодрика. Она ничего не понимала. В голове у нее шумело, перед глазами все кружилось и мельтешило. Но слезы ее были счастливыми, светлыми.

– Я ни черта не понимаю, – раздраженно сказал Глеб Сизов, – договор они, что ли, подписали о невмешательстве? Или, может, играют с нами как кошка с мышью?!

Он нервно вертел в худой жилистой руке свой собственный ошейник. Его распилили еще вчера, но это ничего не прояснило – срез был ровный, черный, не намекающий ни на какие внутренности: где иньектор, где содержимое? Не во сне же ему приснился ад кромешный!

Но говорил сейчас Глеб о другом.

– Подписали, – пробурчал Иван, – и мир поделили на две части – в одной рогатые, в другой трехглазые. Эти сволочи на Землю не лезут, работают по кораблям и станциям...

– На наше счастье, – вставила Светлана, – а вот уйдем с Земли, они про нас-то и вспомнят. Нет, нельзя уходить!

Они сидели в рубке боевого корабля негуманоидов – кто в креслах, кто прямо на полу. Гуг примостился у серой стены, не выпуская из своей огромной руки запястья мулатки, ему все казалось, стоит только разжать кулак, и Лива растворится в воздухе сказочной синей птицей. Гуг еще мало чего понимал, хлопал своими выцветшими глазами, вникал, а в голове у него вертелась навязчивая дурацкая поговорка: «за что боролсь, на то и напоролсь!»

Глеб, напротив, начинал приходить в себя. И с каждым часом, с каждой минутой его жгло сильнее и сильнее. Проклятые адские подземелья! Он здесь, в безопасности, тепле и сытости. А миллионы голых, измученных и безмерно страдающих там, в аду. Им этого не понять. Они там не были. А он был! И пусть Иван прав по-своему, пусть, сгоряча можно такого напороть, что потом сам пожалеешь... но и сидеть, сложа руки, никакой мочи нет. Плевать на трехглазых негуманоидов Системы! Сейчас надо сделать все возможное на Земле!

– Короче, – заявил он как отрезал, – через час я ухожу туда, вниз! Или вы решаетесь на что-то или...

– Он верно толкует, – поддержал Сизова из своего угла Иннокентий Булыгин.

Хар лежал у него в ногах, Хару никто права голоса не давал.

– А ты что думаешь? – Иван обернулся к Гугу Хлодрику.

– Хреноватые делишки, – глубокомысленно пробасил Гуг. И добавил ни к месту: – Зря ты меня, Иван, из каторги вытащил! Лучше б я там сдох!

Лива ткнула его маленьким смуглым кулачком в бок, раздвинула губы в улыбке. Но улыбка получилась жалкая. Лива тоже была потрясена тем, что узнала про Землю. Уж лучше бы и ей не просыпаться... нет, проснуться бы, но позже, значительно позже, через годы, через века, когда все уладится, когда снова заискрится лазурное море и так сладостно будет лежать на золотистом песочке. Но не теперь!

– У нас мощный боевой корабль, – гнул свое Глеб, – у нас есть оружие, мы знаем, где склады с боеприпасами. Надо убивать этих гадов! Убивать как можно больше! Ни один из вас

не стоял в чане с пиявками! Из вас не пили кровь! Не уродовали, не били дубинами, не секли плетьюми!

– Ну, хватит! – остановил его Иван. – Первым делом надо сделать рейд на одну из станций... из уцелевших станций, забрать побольше провизии и доставить в Храм. Задача ясна?

Светлана посмотрела на него странным пронизательным взглядом. Но не ответила.

– Значит, ясна, – обрубил Иван, – исполняйте! И не гляди на меня так. Лучше запоминай – ни в какие драки не ввязываться, беречь звездолет, одна нога здесь – другая там, мигом: сначала к Храму, разгружаетесь, потом сюда, за нами! Ты командиром, Гуг с тобой, пускай немного оклемаются...

– Обижаетесь, Ваня, – седой викинг набычился, поглядел исподлобья угрюмо и недобро.

Но Иван в корне пресек недовольство.

– Молчать! И не обсуждать приказы!

Допустить на боевом корабле базарную демократию он не имел права. Одно дело выслушать мнение команды – каждый имеет свою точку зрения. Но после слова командира разногласий быть не должно. Гуг старый бузотер, известный анархист, но и он поймет, и он в свое время в своей банде не допускал лишней болтовни. Тем более, что ему надо после латаргии малость очухаться.

Иван пристально поглядел на притихшую и напуганную Ливадию Бэкфайер-Лонг. Нет, ничего, все нормально, и взор ее прочистился, стал ясным, никакой тьмы в глазах, и личико просветлело – по сути дела, и ее с того света вернули. Что ж, умеешь разбрасывать камни, умей и собирать их.

– Приготовиться к высадке!

Иван молча ткнул пальцем в Глеба Сизова и Иннокентия Булыгина. Но оборотень Хар тоже поднялся с пола, потянулся и зевнул будто заправская зангезейская борзая, коих в природе и не существовало.

Светлана молчала. Она знала, раз Иван решил, его не свернешь, как гору. И что-то он не договаривает, опять не договаривает. Может, она зря прилетела за ним? может, нарушила какие-то его планы?! Светлана была в растерянности. Но виду не подавала. Она сделает все как надо. Ему видней.

Черный бутон распустился над единственной уцелевшей крышей Форума. Все четверо вышли наружу, во мрак непроглядной земной ночи. Трое были в скафах со стеклозабралами,

позволяющими видеть в темноте. Хару никаких приборов не требовалось, на Гиргее бывает мрак и помрачнее.

Кеша медленно подошел к краю крыши, заглянул вниз, в пропасть. Огромнейшая, необъятная площадь Величия и Процветания Объединенных Наций Мирового Сообщества, была пустынна и мертва, да, она была мертвей любой самой гиблой и безводной пустыни, в которой ветер перекачивает сухие колючки, в которой под слоями песка шуршат суетные шестиногие, проползают не понимающие жара змейки, над которой кружат стервятники. В этой мертвой пустыне был лишь пепел окаменевший, застывший пепел, покрытый корочкой грязного, впитавшего в себя кровь и нечистоты льда.

Богом проклятый, вымерший Нью-Вашингтон!

– И чего ради мы сюда сели? – недовольно спросил Глеб. В скафандре с его могучей гидравликой он почти позабыл про большую ногу. Лишь саднила незаживающая, иссеченная плетьюми спина.

– Ты видишь эту махину? – вопросом на вопрос ответил Иван. И ткнул пальцем вниз, в уцелевшую часть полуторамильного дворца Форума, который был когда-то хрустальным колоссом, ослепительно-огромным, фантастическим чудоцветком, возносящимся посреди мегаполиса, всемирного вавилоня XXV-го века, возносящимся меж бесчисленного числа алмазноструйных фонтанов, экзотической зелени, свезенной со всей Вселенной и высаженной по площади Величия и Процветания.

– Вижу!

– Так вот, – неторопливо проговорил Иван, – вниз этот город уходит на еще большую глубину. Понимаешь, о чем я думаю?

– Еще бы, Глебу Сизову, узнику подземелий, рабу ада, вырвавшемуся наружу, и не понимать. Он все понимал... кроме одного.

– Чего ж мы медлим?! Надо спустаться!

– Сейчас. Спустимся, – спокойно ответил Иван.

И дал малым, залпом из всех шести стволов бронебоя по пятидесятиметровому шпилью, чудом державшемуся на трех титановых прутьях. Раскаленный, расплавленный металл огненным комом, гудя и рассыпая искры, полетел вниз.

Иннокентий Булыгин оглянулся с неудовольствием и опаской.

Хар жалобно заскулил и припал к крыше.

– Зачем? Ты же привлекаешь их к нам! – занервничал Глеб.

– Конечно, привлекаю, – сказал Иван, – ты сам рвался в бой. А теперь испугался?!

Верховный говорил так спокойно, неторопливо и уверенно, что Глеб Сизов сразу сник и даже опешил. Никого он не боялся, но в таком деле без осторожности и оглядки никак нельзя, это знает любой салага, об этом не надо говорить десантнику-смертнику или командиру такого подразделения как альфа-корпус. Глеб тут же горько усмехнулся – какой он, к черту, командир! и где его альфа-корпус! Командир без команды, беглый раб с расшатанными нервишками.

И все же он заметил черную тень.

– Назад!!!

Иван еле успел отпрыгнуть. Из черных небес прямо на то место, где он только что стоял, камнем упало непонятное черное существо. Оно успело вывернуть над самой крышей, взмахнуло огромными перепончатыми крыльями, взвыло, оскалило пасть и, растопырив когтистые лапы, ринулось на Глеба.

Залп бронебоя отбросил мерзкую тварь. Ослепительно-синий луч вонзился в черную чешуйчатую грудь – это не сплеховал Кеша. Но ярость и дьявольский напор зубастой гадины оказались сильнее. С перебитыми крыльями и рваной раной, из которой хлестала зеленая жижа, тварь снова бросилась на Сизова. Тот успел нажать на спусковой крюк парализатора. Но не это спасло его. В отчаянном диком прыжке оборотень Хар опередил гадину, вцепился зубами в глотку. И рухнул вместе с ней.

Схватка на крыше продолжалась недолго. Иннокентий Булыгин даже не успел пустить в ход свой заветный сигма-скальпель, как крылатая тварь забилась в предсмертных судорогах. Хар делал свои дела на совесть.

– Готова! – процедил Глеб.

Они сгрудились над мертвым телом. Только оборотень сидел поодаль, зализывал рану на плече. Его не интересовали трупы.

А поглядеть было на что. Весу в мертвой гадине было не меньше десяти пудов – огромное вытянутое тело, покрытое морщинистой толстой кожей с наростами чешуи, шесть длинных мосластых и голенастых лап, крылья как у гигантской летучей мыши или у самого дьявола, когти, шипастые крючья,

вытянутая вперед хищная морда с оскалом кривых клыков... и остекленевшие, почти человеческие глаза.

Первым опомнился Иван.

– Это человек, – тихо сказал он. – Я видел таких. Их начали выращивать в секретных лабораториях еще до прихода нечисти.

– Теперь этим занимаются рогатые, – добавил Глеб.

– В Пристанище есть умельцы, – как-то уклончиво пояснил Иван.

– Причем тут Пристанище!

Иван грустно улыбнулся и прошептал себе под нос:

– Пристанище везде и повсюду, и Земля лишь часть Пристанища, вот причем...

Никто его не понял.

Но Кеша решил прервать прения.

– Да плевать мне, где их выращивают! – просипел он. – И из кого! Бить их надо, гадов поганых, вот и все!

– Бить надо, – согласился Иван, – да вот беда, материалу много, слишком много... вон, Глеб-то понимает, о чем я толкую.

Сизов стоял в оцепенении. До него только стало доходить, что такую вот тварь могли сотворить из любого его бойца, из жены, из брата, из друга, из него самого. Материала очень много, чудовищно много – в подземельях миллиарды людей! Биомасса!

– Там еще двое, – сказал вдруг оборотень Хар, задирая свой влажный черный нос к небу, – я чую их.

Иван вскинул одновременно и бронебой, и лучемет. Теперь и он видел, как из мрака беспросветных небес несутся прямо на них две крылатые твари с мордами птеродактилей. Они были еще больше и отвратительнее, чем первая. Но он не стал разглядывать гадин, Люди? Ну и пусть! Они были людьми, пока не продали свои души... Выстрелы грянули сразу из пяти стволов, грянули с такой убойной силой, что гадин разорвало в клочья, бросило вниз, в черную пропасть над площадью Величия и Процветания.

– Ловко они нас обдурили! – с неожиданной злобой процедил Кеша, забрасывая лучемет за спину, в наскафную тулу. – Правильно умные люди говорят: век живи, век учись – дураком помрешь!

– Чего ты психуешь? – Глеб уставился на Булыгина, будто впервые увидел его.

– А ничего! Все кончено. Крышка! – Кеша скрипел зубами и матерился. – Сперва они развели у нас этих сатанистов долбаных, из них вырастили рогатую сволочь, выползней всяких. А потом до остальных добрались... Ты сам был там, а ни хрена не понял!

Глеб возмутился, пошел на Кешу.

– Чего это я не понял?!

– А того, что таких как эта тварь, – Кеша пнул ногой труп крылатой гадины, – у них будет сорок пять миллиардов! Это ж получается, что мы своими руками, вот этими, он потряс металлопластиковыми перчатками скафа, должны перебить каждого бывшего человечка, всех до единого, а там клоны всякие пойдут, мать их! И-эх!!

Иван похлопал Булыгина по спине, похлопал успокаивающе.

– Позднее у тебя зажигание, Кеша, – сказал он с доброй улыбкой. – Но ты не отчаивайся, всех сразу в демонов и гадов они перестроить не смогут, иначе тут бы сейчас летали тысячи таких. Но процесс пошел, в этом ты прав.

Кеша притих. Потом спросил робко, с надеждой, будто провинившийся юнец:

– Значит, драться будем? Бить гадов?!

– А чего ж нам еще остается.

Иван первым вошел в черный бутон бота.

И через полчаса, вдосталь покружив над развалинами Нью-Вашингтона, они опустили в его пригороде, в центре того самого форта Видстока, где в прежние времена была собрана вся «мозговая» мощь Мирового Сообщества.

– Об этот орешек Дил Бронкс обломал себе зубы, – пояснил Иван. – Тут мы потеряли Цая ван Дау. Потом взяли...

– Взять то взяли, – не выдержал Глеб Сизов, – да сколько народу положили. А разблокировать тайники Исполнительной Комиссии так и не сумели.

– У нас было мало времени.

Глеб скривился, желваки на его худых, обтянутых желтой кожей скулах заходили ходуном.

– Зато у них на все времени хватило!

Развалины форта были покрыты таким же толстым слоем окаменевшего, оледеневшего пепла, что покрывал и саму бывшую столицу бывших Всеамериканских Штатов. Но приборы показали, что именно здесь наибольшая глубина освоения – до трех миль. Там, внизу, были тысячи ярусов эта-

жей, путеводы, шахты, подземные дороги, лаборатории, энергоустановки, убежища и еще черт-те что.

Едва ступив шаг из бота, Иван бросил наземь шнур-поисковик. Тот вздрогнул, свился спиралью и уполз. Кеша поглядел на Ивана как-то особенно тепло, будто припоминая что-то давнее, полузабытое.

– Вот так-то, друг Иннокентий, – улыбнулся Иван. – А вот эта штучка тебе ни о чем не говорит, а?

Иван разжал кулак. На ладони у него, на матовом металлопластике перчатки, лежал черный подрагивающий шарик.

– Зародыш! – изумленно выдохнул Кеша. – Ты помнишь, как мы ползли по этим чертовым норам! На Гиргее! Как пробивались на базу?!

– Помню, помню, – Иван прервал Кешины излияния, сдавил шарик-зародыш в кулаке и отбросил его метров на десять от себя.

Глеб стоял насупившись. Он ничего не понимал. Хар терся облезлым боком о Кешину ногу и с подозрением поглядывал на раздувающийся зародыш. Серая подрагивающая масса росла снежным комом, пучилась, дыбилась, становилась все больше.

– Живохо-од! – наконец выдал Кеша. И прихлопнул себя по бокам.

– Угадал, – подтвердил Иван. – Бот по ярусам не пройдет. А на этой животинке можно попробовать, других у нас нету. Кроме того, – Иван обернулся к Сизову, – проверим, как нечисть реагирует на чужую биомассу, верно?

Глеб недоуменно развел руки.

А Кеша все стоял с полуразинутым ртом, и слезы умиления текли из его воспаленных глаз на заросшие щеки. Он все помнил. На проклятой Гиргее точно такой же живород спас их от смерти. Они прорвались на нем к базе, к огромному Д-статору... и потом, уже на Земле, лежать бы его косточкам в лесу, возле роскошной дачки предателя и выроodka Толика Реброва, которого сожрали его собственные рыбины, там был капкан, дачу взяли в кольцо броневики спецназа, так называемого Управления по охране порядка, они с Харом вырвались чудом, их буквально из пасти смерти вынесла эта послушная и резвая животинка, тогда пришлось бросить ее, в спешке сматываться с Земли куда подальше, и вот так встреча!

– Ладно, хватит нюни распускать! Вон, шнур ползет обратно.

Иван подтолкнул Кешу к плоскому шевелящемуся «языку», что высунулся большой лопатой из чрева живохода. Глеб засомневался было. Но Иван поглядел на него строго. Язык сграбастал сначала одну пару, потом другую. Извивающийся и раздувшийся шнур остался снаружи, показывать дорогу.

– Родная моя!

Внутри было тепло, светло и удобно. Пахло почему-то ладаном и медом. Кеша с ходу прыгнул в полуживое кресло-полип. Оно уныло обвисло, не подчинилось ему.

– Чего это... – начал обижаться Булыгин. Но Иван не дал ему долго думать.

– Скаф сбрось, Кеша! – сказал он.

Разоблаченный Булыгина полип принял с удовольствием, потек живым стволом по хребту, выгнулся мягким изголовьем, облепил затылок. Первым делом Кеша дал полный обзор – и передняя стена будто рухнула, исчезла напрочь.

– Вперед! — скомандовал Кеша, уставившись на чуть светящийся во тьме шнур-поисковик.

Вход в подземелье оказался за три сотни шагов от места их высадки, приборы черного бутона не наврали. И все же живоходу пришлось прожечь дыру, расширить ее метра на полтора, чтобы протиснуться внутрь.

– Почему не срабатывает блокировка? – подал голос после долгого молчания Глеб. Он стоял на желеобразном, но плотном настиле прямо за спиной у Булыгина и старался ни к чему не прикасаться, он еще не очень-то доверял этому серому полуживому чудищу, в утробе которого находился.

– Скорее всего, выползни все разрушили, им блокировки не нужны, – предположил Иван. – Им нужны емкости для хранения консервантов и биомассы. Им нужны откормочные помещения, виварии, инкубаторы, отстойники плоти и крови хранилища мозговых тканей... и они думают, что сопротивление землян подавлено полностью и никаких не то что врагов, а даже внешних раздражителей у них нет и быть не может.

– Ничего, мы им рога посшибаем, – прохрипел Кеша, – они по-другому думать будут. Вперед, родимая!

На верхних ярусах было темно и пустынно. И они по отвесным шахтам ползли вниз. Живоход лишь содрогался немного, опускаясь с уровня на уровень, пробиваясь в потаенные глубины подземных лабиринтов форта Видсток.

– Понастроили, мать их, на свою голову! – злился Кеша. А Иван думал о другом. Как плохо он знал Землю! Его носило

по Вселенной из края в край, он блуждал по чужим и чуждым мирам, странствовал и плутал по уровням, ярусам, лабиринтам Системы со всеми ее Харханами и Межарха-аньями, скитался по утробам и внешне-внутренним мирам планеты Навей, ползал по скрытым тропам Пристанища, думал, что эти звериные норы только там, в иных пространствах и измерениях, что на Земле все просто, чисто, ясно, красиво и открыто... Нет, и на Земле жили звери, страшные, подлые, гнусные звери-выродки, которые изрыли ее своими норами-лабиринтами, убежищами, логовами по всем ее подземным ярусам и уровням, каких в ней не было и впомяне. Они докопались до мантии, до слоя раскаленной лавы. Дай им волю, они бы добрались и до ядра, как добрались до него на Гиргее совсем другие... Другие? Нет, Выродки всех пространств и вселенных одним миром мазаны.

– Вот они, падлы!

Кеша с каким-то плохо скрываемым вожделием бросил живоход на выскочившего из-за поворота подземной дороги выползня. От рогатой гадины не осталось и мокрого места.

– Стоп! – приказал Иван. – Дать задний обзор!

Кеша повторил команду. И просветлело позади – никаких следов сатаноида ни на полу, ни на стенах, ни на потолке овального трубовода не было.

– Запроси его!

Кеша понял с лету.

– Эй, родимая, – потребовал он, – отвечай: куда девала гада рогатого?

Помолчал с полсекунды. И вдруг выдал ошалело:

– Говорит, что гад этот на топливо пошел, на заправку, стало быть! Во дае-ет!

Хар, лежащий в ногах у Кеши, радостно заскулил, почуяв, что хозяин радуется и ликует.

– Это хорошо, – сдержанно заметил Глеб. – По моему представлению, живоход, как вы называете эту машину, является из себя биоматериальный агрегат, а потому ему для энергетической подпитки нужен не бензин, не гравизон, а обычная биомасса... значит, он четко различает одушевленную плоть и неодушевленную.

– Точно мыслишь, – закрепил мысль Кеша, – ведь нас-то он не сожрал, стало быть, разбирается! – И тут же бодро вскрикнул: – Нно-о, родимая!

На восемнадцатом сверху уровне брезжил призрачный свет. И все помещения, все бункера были забиты запаянными ледяными чанами с наростами из смерзшейся крови, нависающей сосульками.

– Консерванты? – спросил Глеб, заранее зная ответ.

– Они самые.

Живоход уже поглотил в себя не меньше десятка выскакивавших на его пути выползней. И с каждым ярусом становилось все яснее – или никаких систем раннего оповещения у нечисти вовсе нет, или на живоход они просто не реагируют.

– Давай вниз! – приказал Иван.

На двадцать третьем уровне несколько тысяч голых и обритых людей висели по стенам вверх ногами. Все они были измождены, измучены, изодраны, но живы. Под каждым стоял сосуд размером с ночной горшок. В горшках этих копошились мелкие и противные желтые личинки. Прямо сверху на них, из ран висящих, из носов, ушей, разинутых ртов каплями стекала в горшки кровь. Но личинкам, видимо, хватало этих капель – они бодро наползали друг на дружку, всасывали грязную, смешавшуюся с жиром их же скользких тел кровь, кишели кишмя.

Глеб побледнел как сама смерть – это было видно даже сквозь забрало скафа. Иван с тревогой смотрел на него – еще неизвестно, что вынес его заместитель, командир разбитого в пух и прах альфа-корпуса из адских подземелий, неизвестно, что было у него в голове, ведь и его кровью выкармливали каких-то зародышей-пиявок.

– Сжечь!

Кеша непонимающе уставился на Верховного. Как это сжечь, ведь там люди?!

Тогда Иван откинул шлем. И уселся на соседний полип. Теплый мягкий язык тут же облепил его затылок. Он не стал ничего говорить, он просто очень образно и живо представил, как тонкие струи огня, направленного огня выжигают сосуды и их содержимое. Живоход все понял правильно, он и не мог понять иначе: наверху висели люди, причинять им страдания и боль нельзя, внизу... шевелящаяся масса, которую надо уничтожить. Не огонь, но вязкие мерцающие струи полились на пол, потекли к сосудам.

– Мать моя! – выдохнул Кеша, узрев, как лопаются горшки, как сгорают, обращаясь в грязно-серый пепел личинки – миллиарды, триллионы личинок.

Но каждый молча вопрошал себя, а что же дальше, как можно помочь несчастным рабам подземелий. Ни продовольствия, ни воды, ничего не было. А если отключатся незримые источники адской энергии, если исчезнут пронизывающие эти голые тела инфернополя, что тогда? Почти вымрут сразу, за две-три минуты, Уцелеют очень немногие. Но останутся ли и они здоровыми – телесно и душевно?! Мало, совсем мало сжечь эту нечисть, эту погань!

– Глеб и Кеша, наружу! Быстро! Десять минут на все дела!

За десять минут справиться не удалось. Булыгин, Сизов и оборотень Хар провозились больше часа. И все же они обреза-ли, оборвали, перегрызли все пути. Люди падали, сползали, застывали измученной плотью на грязных сырых полах, полз-ли вслед своим спасителям, тянули к ним высохшие, ослабев-шие руки, молили о чем-то бессвязно и горько. Нет, это были не бойцы, не бунтари. Нечего и надеяться на них. Иван сразу понял свою ошибку. Если в подантарктических зонах у рабов оставались силы, чтобы бросить камень в своих мучителей, забить вдесятером, дюжиной одного, то эти были уже не спо-собны ни на что, они сами ползали червями во прахе, стенали, рыдали, натыкались друг на друга слепо, беспомощно. Они вызывали острую, отчаянную жалость. Но помочь им было невозможно.

Кеша вернулся в живород весь в слезах, подавленный и тихий, Глеб угрюмо молчал. Все его надежды поднять в под-земельях бунт, восстание, рухнули. Глупость! Бред! Такие надежды лишь юношей могут питать! Глеб был расстроен, убит горем. Именно горем. Лучше бы ему сдохнуть там, в ды-ре под пробитой, разодранной Антарктидой!

– Чего скисли! – взъелся на них Иван. – Кто рвался нару-жу, кто кулаками тряс, может, я?! Теперь-то начинает дохо-дить, или нет?!

– Я тридцать лет дрался на Аранайе, – взъерился вдруг Кеша, – тридцать лет в боях! в лагерях! в побеггах! в огне и пламени! в окопах ледяных! Я весь изранен, контужен... меля убивали, резали, гноили, пытали, увечили, мать их, но я нико-гда не рыдал! я всегда держался назло всем! А потом меня мурыжили в этой проклятой каторге! жилы тянули, суки! живьем убивали! Но я не плакался, не молил о пощаде. Иван, ты же сам все знаешь, чего ты молчишь?! Я никогда не боюсь! Не родилась на свет еще та падла, что Кешу Мочилу на коле-

ни поставит! Не родилась и не родится... Но на этих не могу глядеть, хоть убей, не могу!

– Ладно, браток, не горюй, – начал вдруг успокаивать Кешу Глеб Сизов, – горю мы нашему не поможем, ну и дьявол с ним, а бить гадов будем. Ведь будем, Кеша?

– Будем, – сказал тот, переставая хрипеть и яриться, – будем давить их, сук поганых! Ежели надо, еще тридцатник воевать буду, пока не пришибут самого! А ну, родимая, пошла! Вниз!

Иван сидел и молчал. Карающий Меч? Ну какой он карающий меч! И что за радость давить выползней, если людям от этого легче не становится, что толку?! Он видел многое, ему открывалось незримое для иных, но главного он нащупать не мог – что делать?! Что?! И через какие еще очистительные круги ему надо пойти? Свобода воли, свобода выбора! Уж лучше быть подневольным, пусть укажут ясно, четко – куда идти, кого бить, как спасать несчастных! Нет, сейчас он не желал никакой свободы своей воле. И в него еще верят. Как можно в него верить? Иди, и да будь благословен! Куда еще идти?!

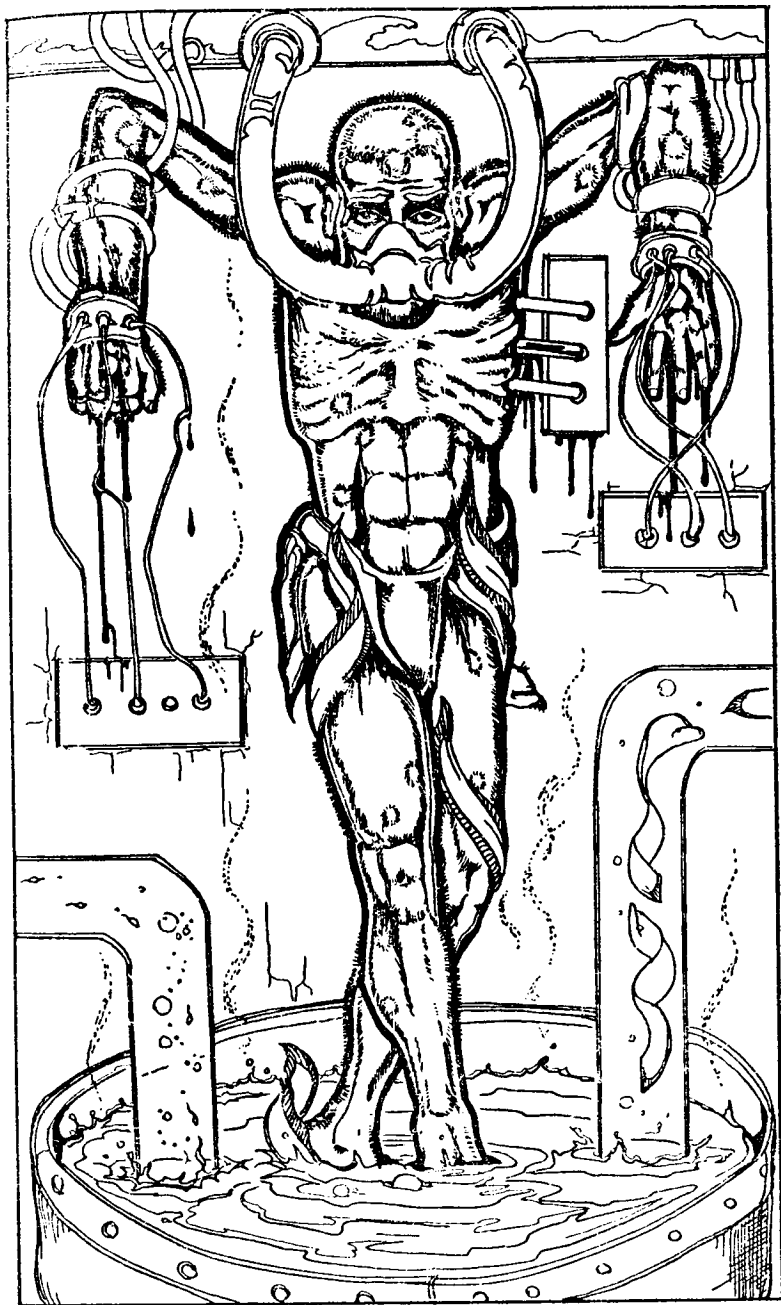
– Вниз!

Внизу был суший ад. Внизу висели десятки, сотни тысяч распятых. Прозрачные шланги гроздьями свисали сверху, расходились к каждому распятому, были воткнуты в разинутые рты, в глотки. По шлангам сползали жирные, разевшиеся личинки и пропадали в утробах мучеников. У тех действительно были не животы, но утробы – огромные, обвисшие, морщинистые бурдюки на пять-шесть ведер. Что-то колыхалось, дергалось и бурлило внутри этих бурдюков, а временами из разверзающихся свищей выскальзывали черные мокрые безглазые черви. Они падали в чаны, стоящие снизу и пропадали в мутнозеленой густой жиже.

– Этих тоже снимать будем? – мрачно пошутил Глеб.

Иван промолчал. Шутка была зловещей и неуместной. С этими бывшими человеками уже покончено, их не спасешь. Где обитают их души, вот в чем вопрос вопросов? Неужто и в таком теле, в этом живом кормилице червей, может быть душа?!

А Кеша тем временем не задавался вопросами. Он для себя уже решил все. Он беспощадно и даже с изуверской жестокостью бил изо всех орудий живохода выползней и студенистых гадин, появлявшихся на их пути.

– Еще одна. Получай, тварь! Шестьдесят третья!

– Ты хоть зарубки делай, – посоветовал Глеб, – а то собьешься.

– Не собьюсь! – Кеша больше не желал шутить. Он сейчас оживал, воскресал. Он снова становился тем самым Иннокентием Булыгиным, который прошел уже через три десятка смертных барьеров и не терял духа... нет, было, конечно, временно, после Храма, после смерти Ивана, в склепе на заброшенном кладбище, там он был сам мертвым, во всяком случае, неживым, но и тогда он бил нечисть! бил беспощадно! а теперь он ее будет бить вдесятеро беспощадней.

– Семьдесят первый!

– Давай еще ниже!

Живоход послушно переползал с уровня на уровень. И не было ему преград в подземельях, будто скрывал он себя и всех сидящих в нем под какой-то волшебной шапкой-невидимкой. Никто не поднимал тревогу. Никто не делал ни малейших попыток вышвырнуть чужака вон, уничтожить его, подавить!

– Они как муравьи, – сказал вдруг Глеб. – Если в муравейник лезет явно не свой – бросаются все. Но есть такие жучки, похожие на муравьев, только побольше, они могут пролезть везде и повсюду, и всем плевать. Он у них половину яиц сожрет, другую перепортил. А они хоть бы хны... А знаешь, почему?

– Почему? – спросил Иван.

– А потому что от вторжения этих жучков ни черта не меняется, все восстанавливается и отлаживается быстрее, чем они могут навредить. В конце концов их сминают будто между делом. Понимаешь, Иван, они не страшны для муравейника! Потому что муравейник – это не что-то одно, живое, смертное, а это система. Система будет существовать вопреки всем жукам.

– Про системы я кое-что знаю, – согласился Иван. И спросил, будто у себя самого, с сомнением: – Ну, а ежели этот муравейник взять и сжечь со всеми потрохами?!

– И с людьми?

– Да, и с людьми... которым уже ничем нельзя помочь, которых не спасешь.

– Но ведь меня спасли!

– Таких единицы.

– Но они есть! – упрямо стоял на своем Глеб.

– Да, они есть, – согласился Иван. – Значит, жечь муравейник не будем.

– Девяносто пятый! – прохрипел Кеша. Он был занят своим.

Все, что когда-то находилось в этих залах, комнатах, бункерах, переходах, шахтах, туннелях, было разрушено – машины, оборудование, приборы, датчики... видно, ничто из этого не представляло для новых хозяев ценности. Разбитые панели осколками валялись на полах и настилах, обрывки проводов жгутами свисали со стен. И почти везде висели, лежали, стояли в чанах люди – жалкие, страшные, изможденные и распухшие до неузнаваемости, повсюду шел неостановимый и лютый процесс изъедания плоти старой и наращивания плоти новой, омерзительной, гадкой, чудовищной, но, наверное, более подходящей пришельцам из Пристанища. Да, Земля, становилась... уже стала частью чудовищного иномерного Пристанища. В ее мрачных недрах шло Воплощение Предначертанного.

На сто тридцать седьмом уровне открылись взорам огромные аквариумы, наполненные питательной смесью. Их были тысячи, бесконечные ряды мутных грязных аквариумов-отстойников. Кеша крушил все направо и налево – толстые непробиваемые стекла осыпались граненой крошкой, тонны поганой жижи выливались в трубы, стекали в глубинные шахты, унося в своих помойных потоках конвульсивно дергающиеся тела выращиваемых демонов. Там было много всяких отвратительных чудовищ с человеческими глазами, были и такие, каких удалось уничтожить над крышей Форума – крылатые с мордами птеродактилей. Этих Кеша не считал. Но бил! бил!! бил!!!

– Глубже нельзя, – сказал вдруг Глеб, – мы потом не сможем пробиться наверх.

– Пробьемся! – отрезал Иван, – Идем вниз, до самого дна!

– А вдруг его нет?

Иван усмехнулся. Он-то знал, что дно всегда есть. И все же с Глебом что-то случилось, заключение в подземельях не прошло для него бесследно. Стал нервным каким-то, суетным, неуверенным... и немудрено. Иван вздохнул тяжело. Других у него нет, надо работать с этими. Надо искать слабое место. Искать, чтобы ударить в него со всей силы, со всего маху... а не распыляться, не растекаться мыслию по древу.

Солнечная система. Орбита Сатурна. Земля – Варрава – Земля. 2486-й год.

Дил Бронкс на своем уродливом исполине вынырнул из подпространства в мертвой зоне за Трансплутоном. С ходу сжег три шара негуманоидов, не оставив от них ничего, кроме расплзающегося облака светящегося газа. И довольный собой, потирая обрубок левой руки, которая все еще продолжала невыносимо болеть, на самом тихом ходу поплелся к Земле.

Он хотел немного поспать перед встречей с недоброй планетой-мачехой. Голова от перенапряжения нещадно болела, ноги дрожали да и самих сил оставалось не так-то много. За последний год Дил постарел сразу лет на сорок.

И все же на всякий случай он прошупал радары Плутон и Уран. Они были мертвы – все города, станции, рудники, заводы поверхностные и подземные, молчали. Значит, трехглазые успели побывать на этих планетах, и плестись у них в хвосте, по их следам бессмысленно.

Дил смежил веки. Но опять перед внутренним взором его явилось искаженное болью и ужасом лицо Таёки. Она преследовала его повсюду. И избавиться от этого видения было невозможно. Дил застонал, открыл глаза.

Радары молчали. Но на центральном обзорнике, прямо перед носом корабля на расстоянии не более миллиона миль висело черное беспросветное пятно. Таких в Солнечной прежде не бывало.

– Вот и выспался! – озлобленно прохрипел седой и усталый негр.

Такое пятно не могло нести ничего доброго. И Дил, не спрашивая бортового «мозга», дал по нему двумя плазменными шаровыми молниями направленного боя. Обе прошли мимо, будто по команде обогнув черноту.

Положение становилось интересным.

– Что это? – спросил Дил. «Мозг» думал недолго.

– Объект не поддается определению, – доложил он, – но изошел он из третьего континуума. Нами устранен быть не может.

– Не может, сукин сын! – выругался в сердцах Дил. – Тогда тормози и забирай левее, обойдем. И ты мне мозги континуумами не пудрь! Я Вселенной занимаюсь двадцать лет, нечего мне голову морочить!

«Мозг» не умел обижаться.

– Вселенные тут не причем, ни ваша, ни другие, все они являют собой первый континуум пространств и измерений. Второй – есть искусственно свернутые пространства, вырванные из наших вселенных и именуемые вами Пристанищем. Третий континуум существует вне двух первых и не ощущается нашими приборами. Но он есть, и этот сгусток вышел из него. По вашему запросу могу доложить развернуто и детально.

– Заткнись! – оборвал его Дил. – Я в тот свет не верю!

Никаких ответных мер черное пятно не предпринимало, да и вообще не реагировало на звездолет Системы. И потому Дил решил не связываться, проскочить мимо.

Но когда он почти впритирку шел правым бортом к этому непроглядному мраку, в рубке вдруг вспыхнуло гроздью зеленых болотных огней, запульсировало, и из сумерек выделился четкий силуэт – уродливо-корявый карлик с огромной головой и скрюченными руками застыл прямо перед креслом мыслеуправления, в котором сидел Дил Бронкс.

– Вот это номер! – изумленно выдохнул он. И спросил, сам себе не веря: – Цай! Это ты, что ли?!

Карлик Цай ван Дау кивнул неспешно и с достоинством. Это был именно он, сгорбленный, измученный, усталый... и все же он, другого такого существа Вселенная не знала.

– Как ты сюда попал? Откуда?!

Цай немного растерялся. Потом ответил прямо, без иронии, без обид и раздражения, будто позабыв старые распри и ссоры с Дилом Бронксом:

– Оттуда! – он кивнул в сторону пятна на обзорнике. – Я просто увидел этого урода на экране, захотел оказаться в его рубке... И оказался.

– Фантастика! – выдохнул Дил. И тут же посерел, стал из черного почти светлокочим. – Слушай, а если захотеть обратно, а?!

Цай промолчал. И тут же исчез.

Дил схватился обеими руками за свою седую голову. Сгубил коротышку! Зачем он его навел на эту мысль! Сгубил!

Но Цай уже снова стоял перед ним.

– Я побывал там. И вернулся! – он сам был в недоумении.

– А что это? – спросил Дил Бронкс.

– Не знаю точно...

– А ты сможешь его вести... Ну, например, за моим кораблем?

Цай снова исчез.

А седой негр уставился на боковые обзорники. Черное пятно висело недвижно, все больше отставая от звездолета Системы. Но вот оно вздрогнуло, и, почти не перемещаясь в пространстве, а как-то рывком, настигло платформу, пошло следом. Дилу сделалось плохо, голова перестала болеть, но вдруг закружилась. Он сам накликал беду! Зачем было тянуть за собой этот мрак?! Надо было тихохонько проскользнуть мимо, проскользнуть и идти по своим делам. Господи, сохрани и помилуй!

– Ты чего зажмурился, Дил? – раздалось скрипуче над ухом. – Тебе плохо?

– Ага, – невпопад ответил Дил, – мне нормально!

И открыл глаза.

Цай ван Дау стоял перед ним. Черное пятно плыло следом, подчиняясь воле карлика. И все же Дилу надо было докопаться до истины, так уж он был устроен. Да и погибать по оплошности, раньше, чем хорошенько отомстит трехглазым Дил Бронкс не собирался. Прочь обиды, прочь самолюбие! Их и так осталось слишком мало, выживших, чтобы вспоминать прошлое. Правда, коротышка Цай не знал, сколько пришлось Дилу перевернуть на Земле и в окрестностях, разыскивая его, пытаясь спасти из лап сначала Исполнительной Комиссии и спецслужб Всеамериканских Штатов, потом тайных подразделений Синклита, потом вообще черт-те кого.

– Ты там один? – спросил он, страхась услышать ответ.

– Был не один. Сейчас один! – ответил Цай. – И не переживай, – если бы они хотели нас уничтожить, давно бы сделали это. Они или не хотят или не могут.

– Трехглазые?

– Нет! Там заправляют другие.

– У меня счеты с трехглазыми, – Дил посуровел, опять лицо Таёки явилось перед ним, на нем стыла гнетущая, невыносимая мольба. Он обязан был мстить за нее, до конца дней своих! до смерти!

Теперь пришел черед спрашивать Цаю.

– Ты знаешь, что произошло на Земле?

– Да! – отрезал Дил. – Я там торчал во время бойни! Это был конец света!

– А я узнал обо всем совсем недавно. Они пытали меня все это время, страшно пытали, мучили, откачивали, восстанавливали и снова пытали.

– Кто пытал, трехглазые? – переспросил Дил.

Цай ван Дау поморщился, из раны на лбу выступила капля черной крови, бельма напоззли на воспаленные глаза.

– Что ты заладил: трехглазые да трехглазые! – отозвался он нервно. – Трехглазые – мелочь, дрянь! И рогатые со студенистыми гадинами тоже! Понимаешь, злиться на них, говорить с ними, обижаться – все равно, что выяснять отношения с андроидами и киберами! Они исполнители. Тупые и безвольные. За их спинами стоят другие... – Дил Бронкс открыл было рот, но карлик не дал ему высказаться, – и не выродки Системы, не думай! Выродки сами живут в инфернополях, они живые трупы, они ищут пробуждения своих мозгов и нервишек в лютых кровавых оргиях-побоищах. Но эти игрища не вливают в них новой горячей крови, они дряхлеют еще больше, быстрее. И они бы уже давно сдохли: все выродки Системы, и из нашей Вселенной и из Чужой. Но они как наркоманы на зелье держатся на инфернополях! Они рано или поздно приведут сюда тех, подлинных своих хозяев, Дил! А это тебе не выползни рогатые и не студенистые козлы, и даже не трехглазые уроды!

– Я ни черта не понимаю, – признался растерянный Бронкс, – голова перестала варить. Абсолютно!

– Ничего, поймешь еще!

Цай заглянул в обзорники – черное пятно послушно шло но пятам. Пускай идет. Это самая обычная земная станция, облепленная черным сгустком – с ним еще разберемся. Цай уже не думал о спокойной старости и тюльпанах, не будет никаких тюльпанов, не будет виллы и оранжереи на заброшенной планете, ничего не будет, кроме боли, страданий и вечного боя за справедливость, за оставшиеся светлые души.

– Вот он! – закричал вдруг Дил Бронкс. – Сейчас мы его приголубим!

– Спокойно, не спеши!

Теперь Цай тоже видел на орбите окольцованного Сатурна ржаво-серебристый шар, почти такой же, какие стояли на исполинской платформе уродливо-хищного звездолета, угнанного Дилом Бронксом из Системы.

– Скажи лучше, где тебе оторвало руку? – поинтересовался Цай не просто из любопытства, но и чтобы остудить горячего Дила. – И почему биопротез не нарастил?

– Они рвут и руки, и ноги, и головы, – мрачно ответил Дил, – ты, чувствуется, не видал, как они это проделывают. Увидишь еще. Вот за это, за оторванные головы и руки, я и буду их бить везде, где только встречу!

– Стой! – Цай был не на шутку взволнован. – У тебя есть ретранс? Просвети шар, прощупай! Я тебя прошу!

– Нет необходимости!

Дил дал малый залп из носового орудия. Мерцающий лиловый сгусток пошел на ржавый шар трехглазых, грозя обратиться в газ. Но не дошел – видно, сработала защита, расплылся серебристым шлейфом.

– Ну, сукины дети! Сейчас вы сдохнете!!!

Цай вцепился в плечо Дила Бронкса.

– Дай ретранс!

– Да погоди ты! Сначала надо добить гадов!

– Дай!!!

Цай с нечеловеческой силой своими корявыми цепкими пальцами-крючьями сдавил кости. Дил Бронкс взвыл, вскинул уцелевшую правую руку, но ударить не посмел.

– Дай!!!

– На, держи! – черная рука протянула черный кубик. Цай, не долго думая вжал его в кровоточащую переносицу и закричал:

– Эй, на борту шара! Слышите меня? Отвечайте!

Сквозь сипы, хрипы, трески и свисты в голове у него прозвучал вдруг высокий женский голос: «Кто это?! Вы с Земли?! Почему открыли огонь?!»

– Светлана, – прошептал Цай ван Дау.

Дил Бронкс поглядел на него совершенно обалдело. Карлик оторвал кристалл от переносицы. И в рубке прозвучало громко и надрывно:

– Не стреляйте!

Еще секунды три оба молчали, тупо смотря друг на друга. Потом Бронкс подтвердил:

– Она! – и протянул руку, забрал ретранс у Цая. – Света это я, старина Дил, ты слышишь меня? Как ты оказалась в этом проклятом шаре? Они захватили тебя?! Отвечай!

Ответ пришел сразу – резкий, грубый, с вызовом:

– А как ты, черный разбойник, пират проклятый, оказался на таком уроде и за каким дьяволом лупишь по своим?!

Потом голос Светланы вдруг пропал, и в рубку ворвался другой – хриплый, басистый, пропитой и прокуренный:

– Вот я с тебя, чучело, спущу семь шкур! Я из твоих зубьев бриллианты-то повыдергаю, я тебе...

И Бронкс, и Цай ван Дау сразу узнали голос Гуга-Игунфельда Хлодрика Буйного, старого десантника и беглого каторжника, проверенного в боях и пирушках друга.

– Нету никаких бриллиантов, Гуг, – сквозь набежавшие слезы, прочувствованно выдавил Бронкс, – и самих зубьев нету, уже повыдергали, без твоей помощи, старина. Вы уж простите, ненароком пальнул, сдуру, думал, там трехглазые... а там вы!

– Мы за провизией ходили! – прорвалась вдруг снова Светлана. – Набрали полные трюмы на двести одиннадцатом возле Нептуна. Назад собирались, на Землю! Дил, ты где такую громадину раздобыл, на свой Дубль-Биг променял, что ли?!

Светлана шутила, у нее явно отхлынуло от сердца и с души.

Но Дил Бронкс ответил тихо и серьезно:

– Выходит, что променял.

К Земле они шли гуськом: первым летел ржаво-серебристый шар, за ним уродливо-хищный монстр с платформой, а замыкало процессию черное странное пятно, сквозь которое не проглядывали звезды.

Две недели Хук Образина зализывал раны, приходил в себя. Поначалу он думал, что спятил окончательно, что все это великолепие и вся эта мощь ему только мерещатся, а может, он просто отбросил копыта и попал в какой-то рай для чокнутых... и немудрено, сколько всего свалилось на его несчастную голову, после того, как Дил Бронкс на пару с покойным Крузей вытащили его из помойного бака в Дублине, этом поганом полузаброшенном городишке воров, проституток и алкашей. Лучше бы и не вытаскивали! Лучше бы он там и помер! Сейчас на Земле никакого Дублина с его проститутками и алкашной нет и в помине. Можно было и не вешать на простыне несчастную и непутевую Афродиту, и так бы окочурилась вместе со всеми. Тут Арман-Жофруа дер Крузербильд-

Дзухмантовский, он же Крузя, явно перестарался. Но тогда были иные времена, иные нравы.

Хук тяжело вздохнул и с головой погрузился в регенерационный раствор. В биокамере было легко и приятно. А главное, возвращались силенки, зарастали безо всяких швов и шрамов раны, твердели кости, очищалась кровь... а заодно прочищались и мозги. Две недели назад, когда услужливый андроид принес его на руках в медотсек, перед Хуком было два люка: в камеру быстрого восстановления или в биокамеру последовательной регенерации. Хук ни единой секунды не размышлял, мотнул головой в сторону последней. Быстрое восстановление, еще чего не хватало! Он знал прекрасно по опыту, что там его поставят на ноги за три – четыре часа: полностью заменят кровь и прочие жидкости в теле, обновят костный мозг, напичкают стимуляторами, омолодят печень, почки, легкие, врежут в живое сердце мощную «подкачку», уберут все лишнее из мозгов... короче, за несколько часов жутких мучений превратят в жизнерадостного здоровяка. А что дальше – все по-новой?! Нет, Хук Образина не желал спешить.

После гибели «Могучего» и его бегства будто не дни прошли, а сменилась целая эпоха. Поначалу он считал себя трупом. Углая и крохотная гравитационно-импульсная лодчонка, по штатному расписанию бригады считавшаяся патрульным катером, была предназначена для суточного патрулирования неподалеку от самих боевых кораблей. Жизнеобеспечения в ней при использовании неприкосновенных запасов хватало самое большее на шесть–семь суток, а потом поминай как звали! Хук все это отлично знал. И потому, еле живой, искалеченный, полусумасшедший он на полном ходу рванул к белому карлику Варраве. Вокруг этого космического уродца болтались две убогие планетенки, а значит, там могло быть спасение. Только там!

Хук знал, что трехглазые не бросятся за ним вдогонку. В кромешном аду бойни, на кромке ускользающего сознания он постиг одну важную и неоспоримую истину: эти сволочи не размениваются на всякую мелочь, они охотятся на крупную и многочисленную дичь, им нужны космолеты и пассажирские звездолеты, трюмы с тысячами, миллионами землян, станции-города... и им плевать на одинокого беглеца, а тем более, на автоматические, безлюдные обсерватории, космофабрики, брошенные корабли и прочие груды железа, пластика и ис-

кусственных «мозгов». И это было не просто открытием, это было озарением!

Но оставалось шесть суток жизни. Всего шесть!

И Хук спешил.

На первую планетенку, не имевшую имени, а значившуюся во всех документах под порядковым номером, он спускаться не стал. Щуп, стоявший на лодчонке, был слабеньким и полуразбитым при бегстве, но его силенок хватило, чтобы высветить поверхность жилых и заводских зон. Там все было искорежено, разворочено. Несколько тысяч землян и около миллиона инопланетных разнорабочих растерзанными, увечными трупами валялись кто где. Хук матерился, скрипел зубами, но понимал, что ничего не исправить и не вернуть. Видно, трехглазые побывали тут раньше, до налета на бригаду Семибратова.

На вторую планетенку Хук сел. Но она оказалась не планетой, а пустым титановым шаром в пять верст поперечником. Все было ясно, затевали строить очередной космозавод по выработке черт знает чего, да, наверное, не успели. Пожиться в этом мертвом мире было нечем.

И Хук Образина стал готовиться к неизбежной смерти.

Но помирать лучше в чистом, открытом космосе. И Хук поднял катер, вывел его на собственную орбиту вокруг Варравы. Станный это был белый карлик. Смотрел на него Хук сквозь фильтры и сам не мог понять, чем же он странен. За годы скитаний в Дальнем Поиске Хук навидался всяких звезд – и белых, и красных карликов, и голубых гигантов, он их видывал сотнями тысяч. Этот был какой-то не такой. Издали, за десятки миллионов километров он выглядел натурально, звезда как звезда. Но вблизи Варрава напоминал, скорее, огромную лампу, висящую во мраке. Впрочем, Хуку было уже все равно. Он рассчитал, прикинул – ровно через семь суток его лодчонка рухнет в пасть этого Варравы, и все будет кончено. И ничего больше не надо. Он и так устал. А мстят пускай другие...

Вопреки всем расчетам неудержимая, исполинская сила повлекла катер к себе на третьи сутки. Раньше времени Хук подышать не собирался. Он врубил все двигатели на полную мощь, пытаясь вырваться из пут взбесившегося притяжения подлого Варравы. Но ничего не вышло, маловато было силенок, совсем мало!

Он понял это через полтора часа бесполезной борьбы. Подполз к носовому экрану. И уставился вниз, туда, куда падала его утлая лодчонка. Он не отводил глаз от Варравы, он хотел встретить смерть лицом к лицу, как и подобало настоящему десантнику-смертнику.

Но когда неотвратимое должно было свершиться, в сияющей огненной поверхности белого карлика, занимающего уже все экраны и все небо, разверзлась черная дыра. И лодчонку всосало в нее.

Вот тогда Хук Образина и понял, что такое подлинное безумие. Сознание раздвоилось. Одна половина его кричала, вопила, стенала: ты чокнулся! сверзился! это все бред! наваждение! вот так и издыхают – в сумасшедших видениях и грезах!!! А другая, еле пробивающаяся, тихая шептала: спокойно, старина Хук, спокойно! ты сто раз слышал про секретные базы оборонщиков, замаскированные под планеты, астероиды, звезды, ты же не штатская штафирка, а боевой офицер, пусть списанный, спившийся, но десантник! это самая настоящая база – на особый случай, на особое положение, понимаешь! про нее, наверняка, не знала ни одна душа даже на той, первой планетенке, где были заводы и фабрики, которые, безо всяких сомнений, обслуживали эту базу! а внутри сверхмощные энергетические установки, свои спецзаводы, склады, законсервированная техника! вот так, Хук, все великое просто!

И эта вторая, еле выжившая половинка его меркнувшего сознания была ясновидящей. Позже Хук сумел убедиться в ее правоте. Да, судьба даровала ему не смерть в пасти Варравы подлинного и несуществующего уже с сотню лет, но жизнь во внутренностях лже-Варравы, сверхгигантской военной базы – одной из десятков супербаз министерства обороны Великой России, разбросанных во Вселенной на всякий непредвиденный случай. База была законсервирована. Ни одного человека на ней не было. Но по мере приближения Хука, автоматика принимающих его отсеков и андройды, обслуживающие их, оживали, начинали работать. Они спасали человека, землянина, Хук знал – они обязаны это делать, они запрограммированы на это. Но он знал и другое – они запрограммированы и на то, чтобы случайно проникший землянин не выбрался сам с секретной базы и не унес с собой неведомо куда и неведомо кому ее тайны.

И потому спешить ему было некуда. Живы будем – не помрем! – утешал себя Хук. Вот ежели только трехглазые на-

грянут... для них что база, что город... нет, тут для них добычи нет! не нагрянут! Вот и придется помирать среди этой мощи и великолепия, посреди тысяч ангаров, заполненных боевыми всепространственными звездолетами последнего поколения, посреди миллионов глубинных снарядоторпед, бронеходов, штурмовиков, силовых установок... База замкнута на себя, она не защитила даже планетенку, обслуживающую ее!

– Вот влип! – повторял Хук через каждые полчаса, высовывая голову из дурманящего и бодрящего раствора, в котором дышалось лучше, чем в кислородной маске.

Но ведь трехглазые не дураки, они не могли не заметить базы, не могли просто так проскочить мимо, они наверняка прощупали ее своими радарами! Убедились, что кроме железа там ничего нет, и дернули дальше?! На большее у Хука мозгов уже не хватало. Две недели! Жизнь вливалась в тело. Он оживал. И чем больше он набирался сил, чем быстрее избавлялся от ран, немощей и уныния, тем меньше ему хотелось оставаться в этом раю пожизненным заключенным, бессрочным узником.

На подлете к Земле Дилу Бронксу пришлось сжечь еще парочку серебристых шаров. Правда, и они успели продырявить гигантскую платформу его звездолета-матки, продырявить возле кормового оперения, зияющего теперь черными оплавленными краями. Но Дил не горевал – на маневренность звездолета этот комариный укус не повлиял. Ничего. Пусть Система знает, что тут в Солнечной появился у нее соперник. Они еще слишком увлечены своей охотой за беззащитными. Но придет пора, и они будут вынуждены обернуться и поглядеть, что это за наглец щиплет их за пятки.

– Дил! – голос Светланы звучал уверенно и без помех, они отладили связь. – Ты остаешься на орбите... вместе с этой кляксой. В случае чего прикроешь нас. Понял?

– Слушаю и повинуюсь, мой капитан, – отозвался Дил Бронкс. И поглядел с прищуром на Цая – как тот среагирует на прекрасное сравнение его черного пятна с какой-то там жалкой кляксой.

Цай и глазом не моргнул. Клякса так клякса. Полчаса назад он побывал на ржаво-серебристом шаре, в гостях у Светланы и Гуга Хлодрика. На мулатку он почти и не взглянул. Но как изменился Гуг! какие у него стали глаза! Он подкинул карлика Цая к высоченному потолку, поймал, прижал к груди,

будто лучшего, старого друга, говорил добрые и, как у него водится, грубые слова... но глаза Гуга Хлодрика были пусты. Параданг! Цай все понял сразу, Гуг переживает свой второй, а может, третий Параданг. Они оба оказались вырванными из жизни на долгий срок. Они не принимали участия в последней земной войне. И они не могли, не хотели поверить в случившееся, это было выше их сил. Полное поражение! Они не просто проиграли – они раздавлены, выброшены ото всюду, разгромлены, уничтожены, их, попросту говоря, нет... а ведь так славно все начиналось. Гуговы излияния прервались быстро, и огромный седой викинг снова привалился к серой стене рубки, снова сжал запястье своей молчаливой Ливочки. Лишь смотрел – не отрываясь смотрел на Цая, будто тот скажет что-то новое, перечеркнет былое, даст надежду, смотрел пустыми глазами и сам не верил.

Они шли к Земле, потому что им больше некуда было идти.

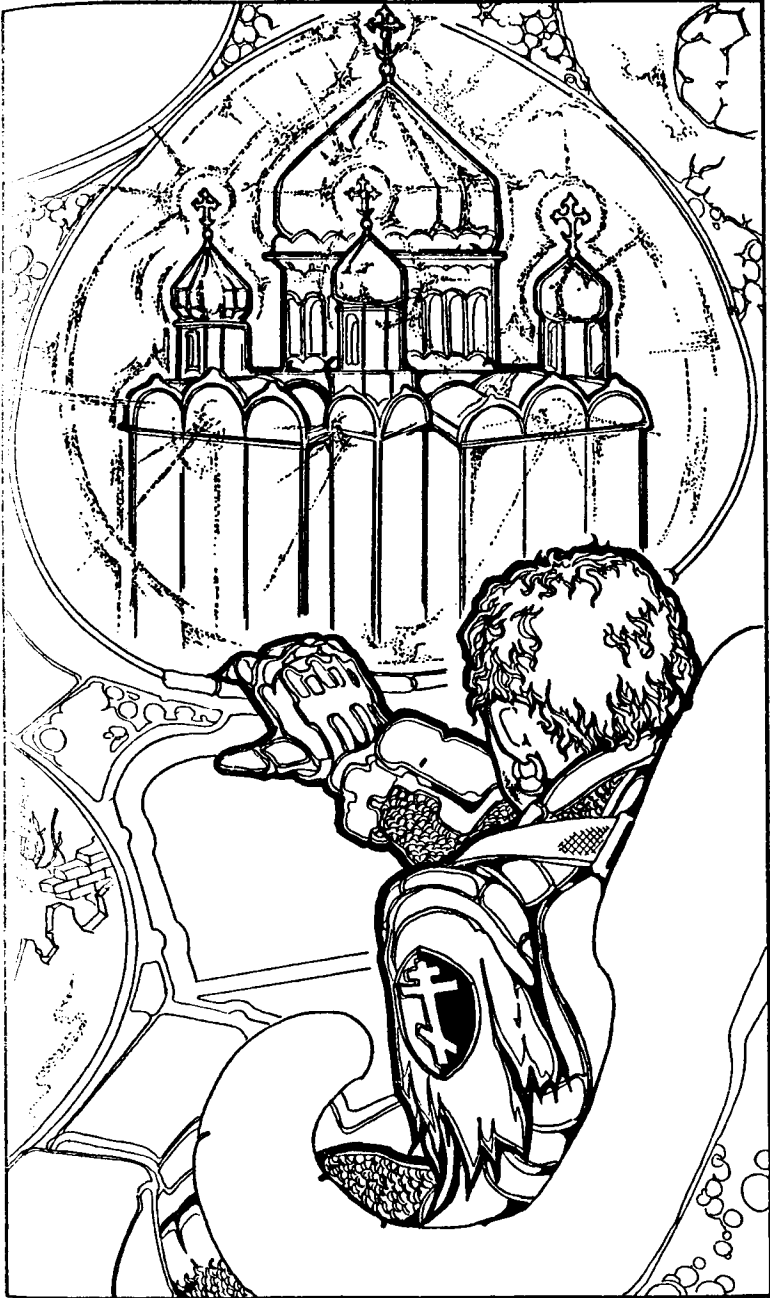
И они пришли.

– Я разгрузюсь у Храма, – сказала Светлана, – и тотчас к вам. На запад надо идти вместе.

– Давай, девочка!

Дил Бронкс глядел на мрачную черную Землю и мычал какую-то занудную, прилипчивую мелодию. Задние обзорники показывали в ста милях от его кормы черное пятно, сгусток тьмы. Он висел молчаливо и спокойно, будто отстраняясь от всего мирского и телесного. Но Дил не доверял этой клятве. Была б его воля...

Когда снизу, из мрачной земной пропасти высверкнуло золотыми бликами куполов, Дил Бронкс вздрогнул и поежился. Мистика! Все вокруг мертво, все подавлено, разрушено, загнано в подземелья... а Храм стоит. Купола сияют чистым золотом, отражают незримый Небесный Огонь. Чудо! Они зовут всех к себе, манят, влекут, обещают... только там истина, только там покой и защита ото всего, за белыми неприступными стенами, под белыми сводами! Надо не терзаться, не мытариться, не биться с призраками и нежитями, надо идти туда, чтобы в тишине и благодати доживать оставшиеся дни, просить прощения за прегрешения, молить Всевышнего, отстраняясь от мирской суеты и тщеты, сбросив путы гордыни. Вниз! Ибо только опускаясь туда, вниз, к этим светящимся куполам, поднимаешься ввысь, к недоступным неземным вершинам!

И вновь искаженное мукой лицо Таёки встало перед ним.

Дил заскрежетал остатками зубов. Рано еще вниз, рано на покой! Сначала надо исполнить свой долг, сначала надо отомстить за все! А там видно будет.

Светлана вернулась быстро. Шустрые шестиногие киберы-муравьи живо перетаскали контейнеры с провизией и акваагрегаты из трюмов шара в подземные хранилища Храма Христа Спасителя. Невидимые барьеры пропускали их, подвластных воле людей. На разговоры и расспросы времени не оставалось. Она и так припаздывала. Как там Иван?! Сердце тревожно билось: пора, пора, пора!

По дороге в Западное полушарие Светлана успела уничтожить неподалеку от Парижа огромное сборище студенистых гадин, висевших в ночном тягучем воздухе над самой поверхностью и переливающихся голубоватым огнем. Она так и не поняла, что там делали гадины, но они были словно замороженными. Они выпали на тихую землю тучами серого пепла. И никто не защитил их, не дал ответного залпа. Она не испытала ни торжества, ни радости мщенья. Вперед! Только вперед! Шар шел низко, всего в двух километрах над поверхностью – над холодной и сырой почвой, над мертвыми и черными водами рек, озер, морей, океанов. А где-то вверху, за пределами атмосферы, не отставая от шара ни на миг, черной огромной тенью скользил исполинский звездолет Системы, готовый в любую секунду пробить насквозь земную кору, испепелить, выжечь все до самой кипящей мантии, чтобы огонь подземный слился в едином бушующем шквале с огнем черных небес.

– Они в форте Видсток, Дил. Ты слышал про него?!

– Еще бы мне не слышать, – отозвался негр. И ему вспомнилось, как под светлыми земными небесами они штурмовали этот растреклятый форт, как бросали на него бронеход за бронеходом, как верная десантная капсула, его личная капсула, резала форт сверху, сразу с семи сторон, резала «гуляющим» лучом как консервную банку. Ведь они его уже захватили, ворвались внутрь, ворвались в пробоины, и он тогда крыл самым отборным русским матом, поливал почем зря этого коротышку Цая, который сидел где-то в самом нутре Исполнительной Комиссии, в святая святых... сидел и никак не мог разладить работу этой махины, никак не мог взять управление на себя. Они все тогда крепко влипли! И они чудом выжили после этого штурма – еще бы Дилу Бронксу не помнить форта

Видсток, проклятущего форта! Еще бы ему не слышать про него!

– Но я не вижу их на поверхности. Их нигде нет! – голос Светланы начинал дрожать.

– Разыщем, – успокоил ее Дил Бронкс с высот.

Он не ждал неприятностей снизу, там не было трехглазых, он изнемогал под тяжестью мрачной и черной пустоты над головой – придут оттуда, и он должен будет успеть, иначе призрак Таёки никогда не оставит его в покое.

– Их нет! – уже кричала Светлана. – Нет нигде!!!

– На какую глубину ты опускала шуп? – спросил из своего угла молчавший до того Гуг Хлодрик. И в пустых глазах его появился тревожный блеск.

– Как обычно, на три километра, – ответила Светлана.

– Глубже давай!

– Они бы не смогли за такое время забраться глубже.

– Давай, тебе говорят!

Светлана сжалась в комок. Она и сама знала, что могло быть всякое. Знала лучше Гуга. Но она не хотела верить. Если они забрались глубже, надежды почти нет. Она много раз испытывала угнанный шар, он мог прожечь шахту только на два километра. Под Антарктикой, пробитой и дырявой, кора была совсем тонкой, там была непомерная толща воды, но вода не грунт, не базальт и гранит. Здесь больше пригодилась бы десантная капсула. Только капсул нет. Они все уничтожены. Но почему Иван не отзывается? Что с ним? Что с Кешей и Глебом?! Может, они не добрались до форта, может, застряли под Лос-Анджелесом? Да, они наверное заплутали, заблудились где-то на поверхности. Светлана не хотела верить в худшее. Но внутренняя связь не работала. Будь они наверху, в развалинах, Иван обязательно бы отозвался.

Она откинулась в мыслекресле. Сосредоточилась. Сейчас радарный шуп корабля был настроен только на пропавшую троицу, только на них, на оборотня шуп не реагировал. Четыре... четыре с половиной... Она увеличила поперечник поиска. Глубина: пять... шесть километров.

– Ну, чего там?! – забеспокоился Гуг, выпустил тонкое смуглое запястье, подошел к креслу вплотную.

Светлана не ответила, лишь покачала головой, мол, не мешай.

Но можно было и не спрашивать, экраны показывали пустоту.

Семь километров, восемь с половиной. Нет! Их не могло быть ниже! Это уже бред какой-то! Девять... десять... одиннадцать – три розовые точки вспыхнули на обзорнике. Вспыхнули, дернулись, дрогнули, сжались и пропали.

– Мы должны добраться до самого дна этой проклятой преисподней! – повторил Иван. – И хватит ныть, поворачивать поздно. А кто струсил, прощу за борт!

Глеб скривился, но промолчал.

Кеша сделал вид, что к нему сказанное не относится. Он в каком-то шальном угаре давил, жег, кромсал нечисть. И тут же накатывал на сползающую плоть живородом – пускай подзаправится – ведь работенки, судя по всему, предстоит много.

Они опустились на триста восемьдесят четвертый уровень, но конца и краю страшным подземельям не было видно. Они изничтожили уже тысячи рогатых, Иннокентий Булыгин давно сбился со счета. Но ничего почти не менялось, везде было одно и то же: миллионы обессилевших, безропотных, исстрадавшихся мучеников претерпевали чудовищные пытки, умирали от невыносимой боли... и не могли умереть. Плоть людская переходила, перетекала, переползала в плоть сатанинскую, жуткую, страшную, обращаясь в чудовищно-нелепые порождения подземелий, в каких-то невообразимых и отвратительных демонов – уже не земных, а потусторонних. И не было этому ни конца, ни краю, ни пределов, ни начал.

Глеб сидел, сдавив виски трясущимися руками, сжимая пылающую голову ледяными ладонями. Он видел то, что не видели другие, или ему так казалось. Тысячи, миллионы потусторонних тварей в его видениях выползали из всех щелей, из дыр, люков, отверстий, подвалов, шахт на поверхность Земли, поднимались на черных крыльях в черные небеса, ныряли гадами морскими в пучины, расползались по леденеющему пеплу омерзительными змеями и червями... новые обитатели Земли, новое человечество – дьяволочеловечество, раса избранных, четвертая земная цивилизация! Какая жуть! Земля, кишашая отвратительными гадинами, миллиардами гадин! А от них, от людей, не останется ничего, абсолютно ничего, даже окаменелых костей... динозавры исчезли, будто их и не было, но остались отпечатки, костяки, скелеты. От двуногих разумных не останется ничего. Интересно, а как динозавры относились к сменяющим их млекопитающим, к жалким, не-

защищенным, убогим и скользким животным? Может, ничуть не лучше, чем мы относимся к червям, к змеям, ко всем этим гадинам?! Смена обитателей, смена рас! Неужели человек изжил себя полностью, неужели ему больше нет места во Вселенной и он обязан уступить свою лакуну другим, более приспособленным, более совершенным?! Неужели вот это – то, что творится, и есть борьба за существование?! Голова пылала адским огнем. Как бы ни назывался этот кошмар... это конец. Конец Света! – Получай, падла!

Бритвенно острым лучем, вырвавшимся из живохода, Кеша срезал очередную рогатую голову.

Иван сидел мрачный. Он не принимал участия в побоище. Он хотел понять этот ад, докопаться до его сути. Еще несколько лет назад, да чего там лет, всего год назад никто бы не поверил, что такое может быть. Его бы подняли на смех все – все без исключения, вот эти, висящие по стенам, распятые, корчащиеся в муках, рассекаемые на части. Они в самых кошмарных снах не могли представить себе этих мук и страданий. Но ад пришел на Землю. И вобрал в себя всех, почти всех. Никто не знал? Никто не мог предвидеть?! Нет, вранье! Именно этот ад тысячелетиями мучил людей – и грезилась им рогатые мучители, виделись картины чудовищных истязаний в подземельях. Страшный Суд! Неужто он настал? Но разве никто не знал, что он грядет? Знали, все знали: и те, кто верил в него, и те, кто ни во что не верил. Все церкви, костелы, кирхи, храмы Земли и земных колоний на иных планетах были украшены фресками, мозаиками, иконами с изображениями сцен Страшного Суда... значит, люди предвидели свое будущее?! Они предвидели его! Были пророки! Но кто их слушал! И какое сейчас кому дело до пророков! Люди любят не тех, кто пугает их и предвещает им боли и страдания, они всегда, во все века любили тех, кто брал в свои руки розги, плети и силой отвращал их от грядущего, люди любили и уважали силу... ибо сами всегда были слабы. Слабы настолько, что не было у них мочи и желания уберечься, спасти себя. Они лишь ждали, вот явится Спаситель, и обережет их всех, укроет за своей спиной от Страшного Суда за прегрешения их, спасет. Они верили, надеялись, тешились в легкомыслии своем... А Спаситель к ним не явился. И все. И конец. Конец Света!

– Так тебе, сука!

Кеша живым щупальцем, манипулятором живохода, подбросил вверх студенистую гадину и четвертовал ее в воздухе

– ошметки трясущейся дряни полетели на скорчившихся в чанах голых, высохших как скелеты людей.

Они прорвались, но уже не просто так, а с боями, преодолевая сопротивление нечисти, на четыреста семьдесят первый уровень. Они крушили ячейки и соты бесконечного вивария, гадостного инкубатора, в котором выращивали насекомообразных монстров с человеческими глазами. Зачем? Зачем их выращивали?! Иван мучился, не находя ответа... Нет. Ответ был. И он его знал. Они ищут форму. Они не могут ее найти. Все эти подопытные твари для них только мясо, только костная и мозговая ткань. Они ищут форму для тех, кто должен придти на смену всем бесчисленным нелепым промежуточным расам. Они пытаются создать тела сверхживучие, неистребимые, могучие, тела, которым не будет равных ни в одной из вселенных. И они создадут тысячи, миллионы новых форм, новых видов, и они пустят этих монстров-уродов в мир, и они будут ждать и смотреть, как эти гадины станут биться друг с другом и пожирать друг друга, и пройдет много лет, прежде чем останутся самые выносливые, жестокие, приспособленные – самые живучие и беспощадные твари в Мироздании. И тогда они вселятся в них! Тогда они придут во Вселенную живых, ибо в своем собственном обличии, в своей нетелесной сущности они нагрязнать сюда не могут никогда. Человеку не дано узреть Незримые Глубины Преисподней, Черного Подмирного Мира, Всепространственной Вселенной Ужаса. Человек, не всякий, но один из миллионов, один из миллиардов, прошедший сквозь боли и страхи, преодолевший себя самого, избранный Вседержителем – и тот не узрит сокрытого от него. Но ему дано видеть Черту, проведенную Создателем. Черту, ограждающую все миры, существующие и несуществующие, от Черного Мира, от нижнего яруса сочлененных Мирозданий, ибо для того и поставлена Она, прочерчена Всевышним, чтобы ограждать. Святая Черта. Но не в дальних мирах пролегалает она, не в чужих пространствах и измерениях, не в запредельных вселенных. Проходит Черта по душам человеческим – бессмертным; но слабым, мятущимся, страдающим, готовящимся к вечности... где? во мраке ли? при Свете? И вершиться Страшный Суд начал не сейчас. Он идет давно, тайно для слепых и открыто для видящих... А это уже не Суд. Это свершение приговора над слабыми и предавшими себя. Все! Хватит! Иван тоже сдавил виски ледяными ладонями. Он больше не странник в этом мире. Но он и не воин. Воины – они, иду-

щие с ним плечом к плечу. Он же – воздающий по делам. И потому нет преград, нет барьеров. – Вниз! Глубже!!!

Живоход содрогался от напряжения. И опускался все ниже и ниже, пробивая перегородки, прошибая люки и створы, вдавливая внутрь фильтрационные пробки и мембраны. И он уже полз не по железу и пластику, не по дереву и граниту – содрогающаяся живая плоть окружала его, сначала пленки, наросты плоти, потом толстые слои, обтекающие его со всех сторон, сдавливающие, будто живые мясистые трубоходы, будто гигантские пищеводы, спускающиеся внутрь огромного полуживого или живого организма. Такого не было в подземельях форта Видсток. Такого и не могло быть! Это вырастили о н и, вырастили из мяса и крови людей, миллионов переработанных людей. Утроба! Иван вспоминал живую утробу планеты Навей. Ничего нового! Эти вурдалаки принесли сюда то, что было доступно и известно им. И не больше! Еще пятьдесят лет такого развития, и Земля станет точной копией планеты Навей, страшного, непостижимого и уродливого мира... только хуже, страшнее, мрачнее и гаже во стократ. Их невозможно победить. Их невозможно убить! нельзя выжечь! этот чудовищный всепланетный муравейник неистребим и вечен! Да, прав был проклятый гаденыш Авварон, подлый бес-искуситель – Пристанище повсюду, и Земля лишь часть Пристанища... Нет! Прочь!! Изыди, бес!!!

Иван провел рукой по лбу, холодный пот тек с него. Спокойно. Надо помнить главное – он больше не странник! не скиталец в мирах этих!

– Вниз!!!

На семьсот девяносто восьмом уровне, пробив из последних сил наросты багряной шевелящейся плоти, выдохшийся, стонущий от перенапряжения живоход, провалился в огромную полость – темную, сырую. Но не упал на дрожащее, усеянное живыми полипами дно. А застыл в воздухе, удерживаемый неведомой силой.

– Чего это? – изумился Кеша. И побледнел. Он понял, что игра закончена. Что пришел их черед.

Всего за секунду до провала Иван врубил полную прозрачность. И теперь все видели, что на силу в муравейнике нашлась сила. С три десятка особенно огромных студенистых, медузообразных гадин с сотнями извивающихся щупальцев у каждой тоже висели со всех сторон над живым дном утробы. Висели и омерзительно зудели. Из их дрожащих голов исхо-

дило мерцающее свечение, и не просто исходило, но устремлялось к живоходу, упираясь в него, удерживая его на весу.

– Это они! – процедил Глеб.

– Ясное дело, они! – усмехнулся Кеша. И начал облачаться в скафандр.

Хар стоял на двух ногах и тихо, озлобленно рычал, шерсть у него торчала дыбом и не только на загривке.

Зудение усиливалось, становилось оглушительным, невыносимым – живоход трясло сначала тихо, терпимо, но потом дрожь стала рваной, изнуряющей, лишающей воли.

– Пропадаем! – прохрипел Иннокентий Булыгин. – Прощайте, братки!

Иван выскочил из кресла-полипа, все равно машина перестала его слушаться, что-то с ней случилось. Он крепко сжал обеими руками лучемер и бронебой. Он готов был драться.

Но драки не получилось. В миг высшего остервенения безумного сатанинского зуда живоход дернулся в последний раз, забился в агонии, сжался, сбивая их с ног – и его разорвало, разнесло на части.

Иван, Кеша, Глеб и рычащий оборотень Хар полетели прямо в трясущееся полуживое месиво. Иван успел дать четыре залпа в разные стороны. Ключья слизи залепили забрало, почти лишили зрения. Он слышал, как палят из своих лучемеров Кеша и Глеб, как визжит и захлебывается в злобном лае Хар. Он выхватил парализаторы и долго палил в какие-то надвигающиеся багровые щупальца, полипы, в мякоть колышащейся плоти, потом отбивался резакон, врубив на полную локтевые дископилы, лупил кого-то кулаками, ногами. И все же эта неукротимая плоть опрокинула его, подмяла, сдавила, пропихнула в какую-то дыру. И его понесло по живой трубе в потоке текущей вниз жижи. Труба судорожно сжималась и разжималась, проталкивая его вместе с этой вязкой жижей, но не могла раздавить, скафандр был способен выдержать и не такие нагрузки.

– Эй, Глеб! – просипел Иван по внутренней. – Ты жив еще?

Сквозь хлопанье, сопенье и мат донеслось:

– Жив!

Тут же отозвался и Кеша.

– Печет! Ой, печет! Мать их нечистую! – пожаловался он сдавленным голосом.

– Врубай охлаждение! У тебя чего там, автоматика отказала? Врубай ручную! – закричал Иван.

– Щас, погоди... – Кешин голос пропал, потом сквозь стон облегчения просипело: – Ну вот, попрохладней стало, думал, вовсе испекусь!

Иван не ответил. Его вдруг швырнуло на что-то жесткое, гулкое. И сразу обдало жаром. Но скаф сработал, как ему и полагалось – жар сменился холодом. Иван попробовал встать, и ударился шлемом о что-то не менее гулкое. Он почти ничего не видел, они засадили его в какую-то емкость – ни вниз, ни вверх!

– Сволочи! – пробился вдруг голос Глеба. – Сволочи! Они не могут нас выдавить из скафов. И они решили их расплавить... Вот теперь, Кеша, прощай!

– Без паники!

Иван сам почувствовал, что несмотря на полный «минус» в скафе становилось все теплее. Да, они их поджаривали на медленном огне. Ад. Самый настоящий ад! Он рванулся изо всех своих сил, изо всех сил гидравлики скафандра – и вышиб что-то тяжелое над головой, сбросил невидимую крышку. Выпрыгнуть наружу было секундным делом.

Внутри утробы пылало воистину адское пламя. Выхода не было. Рядом, прямо в клокочущей лаве, покачивались два шара на свисающих сверху цепях. Это они! Иван навалился на ближний, принялся раскачивать. И сорвался в лаву.

Дальнейшее он видел как в смутном сне. С чудовищным грохотом и лязгом клокочущую утробу пробило каким-то мерцающим столбом света, пробило насквозь – и лава устремилась вниз, в разверзшуюся дыру. Шары накренило, и из ближайшего вывалился Иннокентий Булыгин в раскаленном докрасна скафандре. Он чудом не соскользнул в провал, удержался. И тут же бросился помогать Ивану. С криком, ором, руганью, обливаясь горячим потом, задыхаясь, они сбросили крышку с третьего шара, вытащили полуживого Глеба. В объятиях Глеб сжимал что-то жуткое и дрожащее, походившее на рыбину с обгоревшими плавниками.

– Ха-а-ар!!! – завопил Кеша. – Ну-у, суки!

Он разбежался и ударил с лету ногой в ближайшую мясистую стену, толку от этого было никакого. Здесь некого было бить, здесь было царство живой, но безмозглой кровоточащей, обугленной плоти, залитой ручьями стекающей лавы.

– Не могу больше! Все! – просипел Глеб. И потерял сознание. Он еще не окреп после долгого заключения.

Не надо было его брать с собой! Иван бросился к Сизову, подхватил на руки. И уставился в огромную дырищу наверху. Она не зарастала. А широченный столп света бил из нее, раздирал трепещущие рваные края. Иван уже все понял.

– Потерпите! Еще немного! – чуть не плача, молил он. Теперь уже Кеша держал обеими руками полуживого, умирающего оборотня. Тот слабо бился в его объятиях, и пучил тускнеющие выпученные глаза.

– Держись, Харушка, держись! И не в таких переделках бывали!

Кеша ощутил всем телом, что жар спадает. Но он не видел выхода. Слишком глубоко они забрались. На самое дно ада!

Черный бутон свалился из дыры как снег на голову. Из его бока выпали трапами сразу три сегмента.

Иван впихнул внутрь Глеба. Подождал, пока влезут Кеша с Харом. Потом запрыгнул сам. Но замер, не давая лепесткам закрыться. Оглянулся. Из нижней дыры, пульсируя, пуская пузыри, начинала прибывать клокочущая лава. Бутон успел вовремя. Молодец, Света!

Дорога наверх была с рытвинами и ухабами. Их швыряло по внутренностям крохотного бота еще похлеще, чем в самой утробе. И все же Иван видел, что Хар прямо на глазах оживает, вновь обретает формы облезлой и тощей зангезейской борзой, слышал, как хохочет, никогда до того не хохотавший в голос Иннокентий Булыгин, как стонет очнувшийся Глеб. Они вырывались из ада.

И они вырвались.

Бутон, грязный, облепленный невозможной, мерзкой, дурно пахнущей дрянью, раскрылся в приемном ангаре... Иван не узнал этого ангара – огромный, полуосвещенный, с ребристыми переборками, расходящимися далеко в стороны и вверх.

Они вывалились из бота.

А навстречу, из зева шлюзового люка бежали к ним Светлана, Гуг со своей мулаткой, еще двое... Иван глазам своим не поверил – Дил Бронкс, седой и черный как ночь, и корявый, большоголовый карлик Цай ван Дау.

Светлана бросилась ему на шею. Иван еле успел откинуть шлем, как она заорала прямо в лицо, в глаза:

– Негодяй! Подлец!! Дурак!!! Скажи спасибо Дилу, это он спас тебя и вас всех, он!

Иван ничего еще не понимал. И все же он обрадовался – сильно, неудержимо, будто только что заново народился на свет. Дил! Цай! Гуг! Глеб! Кеша! Светка! Он обнимал то одного, то другого... когда добрался до Бронкса, стиснул его, не жалея рук, прижался щекой к щеке и прошептал:

– Ну вот, теперь мы опять все вместе, как встарь!

– Все... да не все, – еще тише выдавил Бронкс.

На лице у него были улыбка и слезы, но в глазах стояла печаль.

Валерий Вотрин

Человек бредущий

Фантастическая повесть

ГЛАВА 1

Замок Безумцев стоял в долине, у которой не было своего названия, но имелась репутация, почти столь же зловещая, как и у самого замка. Малахитовое небо сверкало над ним алыми полотнищами зарниц, острые шпили устремлялись вверх, и безобразные птицы сидели на зубцах его башен. Окна замка светились странным светом, который не имел определенного оттенка, а переливался и мерцал, завораживая всевозможными цветами. У основания замшелых стен замка на ровной, хорошо освещенной светом кровавой луны площадке Хейзинга и Намордник Мендес играли в бамбару.

Дорога начиналась невдалеке от них, заросшая дикой травой и кустарником, и уходила за холмы, на серую необъятную равнину, покрытую ядовитым ковылем и змеиными норами и залитую нехорошим лунным сиянием. По этой дороге к замку подходил Каскет.

Каскет был парнем лет двадцати с бледным подвижным лицом, ясными голубыми глазами, крупным носом и улыбочивым ртом. Его волосы, темные и прямые, спадали на лоб небрежными прядями. Каскет был одарен во многих отношениях: он хорошо говорил, знал и любил древних философов, пел, плясал и умел играть на музыкальных инструментах. Он также был сведущ в колдовстве и мог постоять за себя в драке, зная, как управляться и шпагой, и мечом. Он нравился женщинам и некоторым мужчинам тоже. Его манера одеваться всегда была одинакова: красный кожаный камзол и зеленый

плащ. На поясе Каскет носил короткий меч с изумрудами на эфесе. В его карманах не было ничего сейчас и никогда ничего не водилось. Каскет был легкий и веселый человек.

Тучи напоздали на луну, когда он приблизился к замку. Еще издалека до него донеслись обрывки беседы, смысл которой уходил в дебри вековой игорной казуистики:

– Когда на третьей семерке выпадает вилка, которую также называют чертовыми рогами, а валет червей вынимает кинжал, чтобы поразить двойку и короля пик, – тогда и выходит бамбара.

– А дама? Куда девается она? Нет, вилка колет ее в бок, она взвизгивает и вскакивает на короля, превращаясь в семерку и становясь срединным зубцом в вилке.

– Так ты не про вилку говоришь, а про трезубец. А он получается так, смотри... во-от... потом так... р-раз!

В воздухе слышалось шуршание и азартное шлепанье картами.

– Э! А туза? Туза-то ты забыл!

– Да не забыл я. Вот он. Он – башня пик. Дама томится у зарешеченного окна, а валет лезет к ней по веревочной лестнице.

– Хм. А если лестница обрывается?

– Это и будет бамбара.

Каскет подошел к ним и уселся рядом. Хейзинга был толстяк со впаянным в глазницу железным моноклем и париком, сделанным из стальных стружек. Глаза Намордника Мендеса, карлика с большими вислыми ушами, светились во тьме зеленым огнем. Над ними было вечно-беззвездное небо с красным оком луны и светящиеся окна замка. За ними глухо возносились вверх стена из дикого камня. Под ними был холодный выщербленный камень площадки. Перед ними был Каскет.

Ему дали его карты, и он уставился в них.

– Десятка, – сказал Каскет, – вертит хвостом и заглядывает в глаза королю бубен, ибо пора отправляться на соколиную охоту.

– А на кого охота? – спросили его. Каскет немного помедлил.

– На пустельгу, – наконец сказал он.

Намордник Мендес встал и потянулся.

– Недавно я сочинил стихи, – провозгласил он. – Слушайте.

Однажды в суровом и диком краю
К сосне привязал я лошадку свою.
Сходил по делам я, вертаюсь назад –
Сожрал мою лошадь бесстыжий бинфэн!

– Ха-ха-ха!

– Bravo, bravo!

– Стихи достойные... м-м... даже сам не знаю кого!

Намордник Мендес расшаркался и сел.

– Итак, – произнес Хейзинга, уставясь моноклем в раскрытый веер своих карт, – на повестке ночи – определение бамбары. Первое: игра. Второе: игра карточная.

– То есть азартная, – вставил Каскет, покрывая шестерку бубен двойкой пик.

– Именно. Поскольку это так, а никак не иначе, что могут подтвердить по меньшей мере три свидетеля, не считая прочих, число которых совершенно точно установлено быть не может, а также засвидетельствовано упомянутым уже мною числом видоков, а именно – тремя, заключается, что бамбара – игра, игра карточная, игра азартная и, что самое главное, игра сложная. Все ли согласны?

Несогласных не было.

– Тогда, – продолжал Хейзинга, заставляя своего валета лезть под юбку даме трэф, – зададимся вопросом тождественности обыденных реалий и тем, что происходит здесь, под стенами строения, известного больше под именем Замка Безумцев, хотя непосвященному странно сие название и даже весьма странно, каковое название отнюдь не странно человеку посвященному, искушенному и сведущему. То есть, говоря слишком упрощенно, тождественно ли тождество и реальны ли реалии? Имеет ли кто высказаться?

Желающих не имелось.

– Вот, к примеру, ты, – обратился Хейзинга к Каскету. – Имя?

– Каскет, – сказал Каскет.

– Вот видишь, – сказал Хейзинга Наморднику Мендесу. – Он реален, а значит, существует, дабы иметься в наличии.

– Да, – молвил тот.

– Далее. Замок Безумцев. Все знают, что в нем хранится благородный черный опал, называемый Сажей Вельзевула, из чего следует, что наш друг Каскет, что называется в просторечии, вор. Ворюга.

– Совершенно с вами согласен, – откликнулся Каскет, побивая туза треф королем пик и делая вилку.

– Но возникает один вопрос. – Хейзинга поднял вверх почему-то четыре пальца. – По какой причине помянутый Каскет – единственный вор, пришедший сюда за последние семь лет? Имеется ли на этот мой вопрос разумный – я подчеркиваю, разумный – ответ, или такового не имеется?

По-видимому, такового не имелось, ибо Каскет и Мендес продолжали молча обмениваться ходами. Луна, наконец, очистилась от туч, и вновь красный свет ее залил площадку.

– Имеется! – торжествующе вскричал Хейзинга, самолично отвечая на свой собственный вопрос. – Этот замок – Замок Безумцев. Он необитаем, если, конечно, можно назвать обитателем мага. А уж с ним не захотел бы встретиться никто, уверяю вас!

– Да уж, – согласился Намордник Мендес. – Никто, это точно. Даже я.

– А что за маг? – поинтересовался Каскет. Игра немного утомила его, и он был рад возможности перевести дух.

– Милый мой, – прочувствованно положил руку ему на плечо Хейзинга. – Никто не знает его имени, ибо он не выходит из своего замка много лет, а за этот срок прозвание, если таковое и было, забылось. Но он там есть, и это доказывается хотя бы тем, что последний вор, тот, что был здесь семь лет назад, обратно к нам не вышел. Так что ты – очередная пожива этого старого хитреца.

– А, – спросил Каскет, – Саже Вельзевула все еще там?

– Там, – печально кивнул Намордник Мендес, незаметно плутуя. – Но и колдун – тоже там.

– А как он выглядит?

– Кто? Камень?

– Нет. Колдун.

– Это длинный ужасный старик с пустыми белыми глазами и в балахоне, испещренном таинственными символами.

– И больше никого в замке нет?

– Он надеется, – сказал Мендес Хейзинге. – Он еще на что-то надеется. Молодец. Я бы так не смог.

– Там один колдун, – произнес Хейзинга, звеня своим париком. – Раздать еще раз?

– Не надо, – поднялся Каскет. – Я иду.

– Давай, давай, – сказал Мендес и – Хейзинге: – Смотри, у тебя тузовая упряжка. Проморгал?

- Я все вижу. У меня цуг, у тебя – карета.
- Ну-ну. Только вот бамбары пока еще нет.
- Нет – так будет.

Когда Каскет входил внутрь замка, последними словами, им услышанными были:

– Итак, на повестке ночи – определение бамбары. Первое: игра...

Внутри замок был темен. Начинаясь в сравнительно малом холле, вверх разбегалось множество лестниц. Лестницы были узкие, и казалось, что где-то наверху они перевиваются друг с другом, образуя огромный, запутанный узел.

– Ку-ку? – сказал Каскет. Ответа не последовало. Он покрутился на одном месте и решил подняться по той лестнице, которая была прямо перед ним. При этом он старался идти тихо, ногами не шаркать и не хрустеть суставами.

Лестницей, по которой он поднимался, в давние времена пользовались часто: камни ее ступеней были сглажены и отшлифованы ногами в прошлом многочисленных гостей. Но сейчас она явно не использовалась: на ней лежала пыль и тлен веков.

Преодолев последнюю ступеньку, Каскет оказался перед низкой железной дверью. Над нею длинным медным гвоздем был приколот бурый и растрескавшийся человеческий череп. Замков у двери не было. Каскет вытащил из кармана длинную деревянную щепку и сунул ее в темное глубокое отверстие, зияющее в двери словно голодный распахнутый рот. Раздался звучный хруст, и дверь начала отворяться. Каскет вытащил щепку обратно. Около половины ее отсутствовало. Конечно же, он не удивился такой хитрости со стороны волшебника. То ли еще будет. Просто можно было бы легко лишиться своей руки.

Внутри было темно. В маленькой комнате с полукруглыми сводами в мутных тиглях рычало белое острое пламя, играя четкими геометрическими тенями по стенам. Все остальное тонуло во тьме. Пахло серой и еще чем-то – очень неприятно.

На первый взгляд комната казалась необитаемой. Каскет так и решил. Он неспешно вошел внутрь и подошел к выступившему из тьмы столу, заваленному свитками, заставленному пустыми ретортами, засыпанному шкурками неизвестных животных и птичьими черепами, заляпанному разноцветными кляксами от едких кислот и пахучих жидкостей. Камень тоже

был здесь, по соседству с рыжим огарком свечи и двумя обшипанными перьями: черный отшлифованный опал в золотой корзинке, сделанной в виде гнезда феникса. Каскет, довольный, протянул руку, чтобы взять его.

– Вор!

Каскет оглянулся. Из темного угла с лежанки, которую трудно было заметить с первого взгляда, смотрел на него пустыми белыми глазами старик со спутанной бородой и в балахоне, испещренном таинственными символами. Некоторое время они молчали, глядя друг на друга.

– Тайна жизни, – наконец произнес старик, продолжая неподвижно смотреть на Каскета. – Никому не удавалось постичь ее, разве только древним. Но они мертвы. Ты вор.

– Не буду отрицать, – с поклоном произнес Каскет.

– Да падет на тебя столбняк до тех пор, пока не скроется за тучами лик луны, – молвил маг, и на Каскета пал столбняк. Он застыл на месте, не моргая и не двигаясь. Только глаза его бежали всю комнату и вновь остановились на старике.

Голова колдуна упала на подушки. Он устало закрыл глаза и прошептал.

– Неистовые деяния моей жизни не дают мне спокойно уйти в другой мир. Довлея надо мной, они вынуждают оставаться здесь, пребывая в брэнной оболочке тела и скорбя о прожитом. Знание тяготит меня, вор. Страшные тайны известны и подвластны мне, ибо в своем добровольном заточении я не терял времени даром, проникая за древние завесы прошлого. Ты содрогаешься, услышав мои слова.

Каскет молчал – принужденный закланием.

– Тайна Бога, – говорил старый чернокнижник. – Что только не дали бы мне некоторые, чтобы узнать ее. Я же постиг эту тайну. Ты тоже узнаешь ее сейчас.

Луна продолжала мертвенно сиять.

– Есть условие. Узнавший тайну должен передать ее другому, иначе не покинет этот мир. Шесть лет я томлюсь на этом жестком ложе и семижды семь раз пожалел уже, что убил того последнего вора, который пришел сюда, чтобы украсть мой драгоценный опал. Моя душа давно горела бы в аду, но сколь слаще для меня котел с кипящей серой по сравнению с этим неудобным ложем. Ты воспримешь мою тайну, а я уйду, ибо устал. Ты согласен? Но ты не можешь ничего сказать, связанный закланием.

Он хотел сказать что-то еще, но в это время тучи внезапно напоззли на луну, и она перестала расточать свой тревожный свет. Заклятие спало с Каскета. Он выдернул свой меч. Волшебник говорил, закрываясь бессильными руками, но Каскет махнул мечом, и голова мага покатила по полу. Из разреза не выкатилось ни единой капли крови. Голова подкатилась к столу и усталилась на Каскета ненавидящими глазами.

– Может, так тебе станет легче? – съязвил Каскет и, схватив черный опал, сунул его себе за пазуху. Голова внизу что-то пробормотала.

– Что-что? – спросил Каскет, склоняясь к ней и прикладывая ладонь к уху. – Ты что-то хочешь сказать?

На него упала тень. Он медленно поднял голову и увидел, что над ним возвышается нечто, стоящее на ногах, оканчивающихся двойными копытами. Оно было рогато и черного цвета.

– Боги Пора! – проблеял Каскет севшим голосом.

Нечто заговорило мягким, приятным голосом:

– Как ты повелишь казнить его, господин? Голова на полу что-то хрипло выкрикнула.

– Я понял, господин. – Демон поклонился. Подняв недовольную голову волшебника, он бережно положил ее рядом с беспомощно шарящим руками телом. Затем повернулся к дрожащему Каскету.

– Пойдем, – сказал он, и Каскета схватило за шиворот, головой вперед протащило в узкое окно, ободрав одежду, стремительно-мгновенно пронесло по воздуху, и в ту же секунду он обнаружил, что висит на грубом деревянном кресте, а его руки и нога крепко привязаны к перекладинам. Крест стоял как раз на опушке того самого леса, который путники старались обходить стороной. Низкое небо было мрачно. Над стоящим в отдалении замком на фоне багрового круга луны кружили черные силуэты огромных птиц.

До Каскета донесся смех. Визу, под крестом, стоял демон, принесший его сюда.

– Если ты волшебник, – глумливо произнес он, – сойди с креста!

С этими словами демон показал Каскету черный опал, темнеющий в правой руке, и исчез.

Луну в очередной раз закрыло тучами. Пошел холодный дождь, ледяными струями окативший Каскета с головы до ног.

В лесу рычали – не по-человечески и не по-звериному. Зловещие молнии полыхали над мрачным замком.

Каскет в отчаянии задрал голову к неприступным небесам.

– Лама савахфани! – завопил он.

ГЛАВА 2

Каскет висел на кресте, и в голове его проносились мысли, чистотой своей и четкостью сравнимые разве только с алгебраическими формулами:

«Холодно, если не удастся слезть с креста погибну, замерзну, веревки остановят кровообращение и тогда все конец лес рядом звери хищные хищные птицы другие тоже хищные сожрут, надо же было попасть в такую дурацкую передрыгу опал пропал смотри-ка рифма дорога правда рядом, но что толку никто по ней не идет путники, путники не оставьте меня здесь холодно, холодно, холодно».

В лесу раздавались шорохи и хруст ветвей, мелькали светящиеся нехорошим вожделением глаза. Внезапно он услышал шаги. По дороге, слабо виднеющейся в темноте, торопливо двигалась фигура в капюшоне.

– Добрый человек, – взмолился Каскет с высоты своего креста, – помоги мне, и я клянусь, что отплатю тебе сполна за это доброе дело.

Человек остановился, с сомнением оглядывая высокий крест.

– Это слишком трудоемко, – сказал он хриплым голосом. – И потом, откуда мне знать, может, ты опасный разбойник, распятый здесь за свои мерзкие преступления, и, освободив тебя, я подвергнусь большому риску?

– Клянусь тебе, – вскричал Каскет, – я мирный человек и терплю над собой надругательство исключительно за незлобивый и добродетельный нрав. Спаси меня, и будешь вознагражден.

– А может, – продолжал вслух размышлять человек, – ты закоренелый грешник, и такое времяпровождение тебе только на пользу? Тогда снять тебя с креста значит навлечь на себя

твои же тяжкие грехи, а я законопослушный и искренне верующий человек.

– Добрый странник, – сказал Каскет, – поторопись, ибо я вижу, что вышел на опушку большой сируйт и ощерил свою громадную пасть. А мне очень не хотелось бы попасть туда.

Человек внизу решил.

– Лучше я оставлю тебя здесь, – пробормотал он, собираясь идти дальше.

– Человеке, – заорал Каскет, страх которого достиг своего предела, – остановись! Ибо ты бросаешь жертву на произвол хищных бестий. Я дам тебе все, что имею.

Человек приостановился.

– А что ты имеешь?

– Я владею землей, золотом, – начал перечислять Каскет, со страхом видя, что сируйт приближается к ним, – драгоценными камнями невиданной огранки, великолепными тканями, шитыми серебром, мягкими, как серый дым на ветру, прекрасными женщинами с гладкой смуглой кожей и загадочными глазами...

– Подожди, – торопливо произнес человек, бросаясь развязывать путы Каскета. – Хотя я и сам богат, но, видимо, есть на свете люди и побогаче меня. Только поклянись, что дашь мне все, что перечислил.

– Клянусь фаллосом Тука, бога стреков, – пылко произнес Каскет.

– Тогда пойдём. Ибо ночь и непогода застигли меня в пути. Хотя, думаю, ты не будешь клясть судьбу за это.

И они пошли по дороге, удивившей их прочь от замка. Каскет, продрогший и разминающий свои члены, затекшие от долгой пытки на кресте, непрерывно оглядывался. Ему казалось, что сируйт следует за ними, приносиваясь к их запаху. Но в это время он сам почувствовал зловоние. Так мог пахнуть только сируйт. Каскет отшатнулся от своего ничего не подозревающего спутника и стал ступать по возможности тише. Зверь был рядом, и это пугало его еще больше, чем долгое висение на грубом, неотесанном кресте. Внезапно возле него сверкнули глаза чудовища, и тяжелое тело навалилось на спутника Каскета.

– Во имя всего сущего, – закричал тот, – помоги мне! Ибо ужасный сируйт напал на меня в ночи.

– Постой, – глубокомысленно проговорил Каскет. – А что ты мне дашь за это?

– А-а! – вопил путник, погибая в зубах сируйта.

– Ты не очень-то многословен, – недовольно констатировал Каскет, собираясь идти. – Ради спасения своей жизни можно было бы сказать на пару слов больше. Но я уже ухожу. Говори скорей, не испытывая моего терпения долее.

– Я дам тебе земли, золото, драгоценные камни невиданной огранки, великолепные ткани, шитые серебром, легкие как серый дым на ветру...

– Где-то я это уже слышал, – пробормотал Каскет, быстро уходящий на юг.

Он пришел в город Ыбдуз, в котором никогда еще не бывал, но слышал, что здесь живут люди простодушные и бесхитростные. Каскету всегда нравились такие люди, умиляющие его своей честностью и верой в высокие идеалы. Поэтому он без колебаний решил остановиться здесь – в надежде разжиться хоть малой толикою денег, так как опал остался у хитрого старого колдуна, а возвращаться в замок снова Каскету вовсе не хотелось.

Он ввалился в первую попавшуюся таверну, дом с толстыми каменными стенами и с непристойными картинками над грубо сколоченными столами, и потребовал себе комнату и ужин, потому что был ужасно голоден – прошедшая переделка возбудила в нем зверский аппетит. Служанка внесла ужин – хлеб, холодное мясо и кувшин пива – в комнату, где разместился Каскет, и он, поужинав, крепко уснул.

Наутро он отправился осматривать город. Ыбдуз был город большой, но небогатый, что соответствовало характеру его жителей, промышлявших земледелием и разведением скота. Вдобавок он лежал далеко в стороне от торговых путей, редкие караваны заходили в него, чтобы проследовать на местный рынок, и их нечастым визитам отнюдь не способствовало то, что окрестные леса кишели разбойниками, хищными сируйтами и злыми колдунами, насылавшими черную порчу. Сами же местные жители почти все без исключения были людьми отталкивающего обличья, страдающими разными физическими недостатками, и многие из них в полнолуние оборачивались волками и страшными ящерами. Но, в общем, это были добрые и гостеприимные люди.

Толпа этих людей окружила Каскета на большой рыночной площади, куда он забрел, будучи по натуре человеком любознательным. Такое поведение Каскету совсем не понравилось. Еще секунду назад люди вокруг него были поглощены

своими собственными делами, заключавшимися в том, чтобы похитрее надуть друг друга или стянуть то, что плохо лежит, и вдруг немая, но недоброжелательно настроенная толпа окружила его сплошным кольцом. Люди Ыбдуза молча и явно враждебно изучали Каскета. Наконец один из них, высокий человек с черной дырой вместо рта, сказал:

– Откуда ты, чужеземец, и расскажи нам также, чем ты занимаешься.

– Человек я мирный, – ответил ему на это Каскет, – идущий к святым местам храмов Нергала и Сотота, – кормиться подаванием, любитель тихой душевной беседы и восторженный созерцатель чудес природы, кои являют нам справедливые и неусыпные боги.

Люди Ыбдуза с сомнением оглядели его.

– Нергал и Сотот весьма почитаемы в нашем городе, – сказали они, – но вокруг в лесах обретаются кровожадные и лютые банды разбойников. Ты не из их числа?

– Нет, нет, – горячо запротестовал Каскет. – Я не могу даже помыслить об убийстве – это приводит меня на грань нервного припадка, и я начинаю трястись и дрожать, словно осиновый лист на холодном осеннем ветру.

– А как ты относишься к детям? – спросили его.

– Дети, – сердечно произнес Каскет, – единственная отрада в моей отнюдь не достойной примера жизни, наполненной скверной и грехами. Эти божьи создания своим невинным лепетом и сиянием восторженных глазенок исцеляют мою душу, раненную мерзостями мира, и мне начинает казаться, что посредством этого я становлюсь ближе к небесам.

Жители города после этой речи восторженно зашумели. Их подозрительность как рукой сняло.

– Он – то, что нам нужно! – вопили в толпе женские голоса. – Он спасет их! Скажите же ему! Скажите!

Каскету сказали. Оказалось, вот уже долгие месяцы город терроризировали компрачкосы. Никто не знал, сколько их, но судя по тому, что недосчитались многих детей, компрачкосов вокруг города тоже хватало. Это были остроумные компрачкосы: они прислали бургомистру записку, в которой просили не обвинять их во всех смертных грехах и благодарили за детей, кои оказались такими же уродливыми, как и их родители, что значительно упрощало труды компрачкосов по превращению детей в карликов и других столь же потешных созданий. Записка была торжественно сожжена на городской

площади, а город объявил компрачиколам беспощадную войну. Однако дети продолжали пропадать. Причем жители Ыбдуза вовсе не отличались большой любовью к своим отпрыскам. Скорее тут вступала в права дилемма охотников и дичи, а дети значили здесь не больше, чем неизбежная причина конфликта. Кто-то высказал предположение, что объявился новый гаммельнский крысолов, но предположение с великим гулом и негодованием было отвергнуто, ибо родителями пропавших детей категорически опровергалось даже какое-либо отдаленное сходство их чад с непотребными гаммельнскими грызунами.

Бургомистр города, худой паралитик в кресле-каталке, затесавшийся здесь же в толпе, обратился к Каскету:

– Чужеземец! Наш город небогат, и даже можно с уверенностью сказать, что город наш просто беден. Но мы с радостью дадим тебе некоторое количество денег, лишь бы ты нашел нам наших детей. Ибо они – наше счастье, а счастье, можно сказать, из рук выпускать нельзя.

На что Каскет ответил, что с удовольствием готов помочь. Ему тут же была вручена некоторая весьма солидная сумма, которую Каскет с внутренним ликованием и принял. Несколько благодарных донельзя женщин чуть не подрались друг с дружкой за право предоставления ночлега новоявленному спасителю детей, но тут вперед вышла девушка, выгодно отличавшаяся от спорщиц и лицом, и фигурой, и Каскет поспешно выбрал ее дом для предстоящего ночлега. Спорящие с неохотой и завистью проводили их взглядами, и толпа быстро разошлась.

Дом девушки, которую звали Нонией, был чист и пуст. Хозяйка молча пригласила Каскета внутрь, молча подала ему обед и молча удалилась. Каскет услышал звук льющейся воды: было похоже на то, что хозяйка принимала ванну, С удвоенной энергией он проглотил свой обед, и в это время Нония появилась в комнате. Они возлегли на ее невинное девичье ложе и проделали ряд несложных телодвижений, которые до того понравились им обоим, что все оставшееся время и всю ночь они занимались тем же.

Утром, как только рассвело, Каскет с некоторым сожалением посмотрел на спящую Нонию и вышел из дома. Его путь лежал за стены города, к густым и неприветливым лесам, состоящим по большей части из грабов, дубов и чинчуйских секвой. Солнце едва только встало, небо было серо-розовым,

и по нему плыли облака, напоминающие своим видом спаривающихся животных. Птицы только начинали петь свои утренние песни, которые вскоре ненавязчиво превратятся в дневные, а потом в вечерние, к ночи совершенно стихая, – к великой радости невольных слушателей.

Немного поблуждав по лесу, Каскет встретил одинокого дровосека. Он спросил его, где здесь обитают компрачкосы, и дровосек подробно объяснил, где они обитают, что делают сейчас и чем занимаются вообще. Попутно он также внятно и многословно изложил свои собственные взгляды на их деятельность, а также на то, почему он, зная их местоположение, до сих пор не сообщил куда следует. Последнее вышло у него достаточно невнятно и неубедительно. Каскет поблагодарил его и пошел по указанной честным тружеником тропе, которая привела его вскоре к длинному каменному строению с крошечными оконцами и дверью, сделанной из цельной гранитной плиты. На строении было написано: «Компрачкосы. Мастерская. Вход слева». Возле указанного входа Каскета встретил улыбчивый толстячок с выпученными блеклыми глазами, и они, немного помедлив от первоначального изумления, бросились затем друг другу в объятия. Произошел некий быстрый и малопонятный разговор, в котором вспоминалось прежнее и нещадно клялось нынешнее, а затем толстячок, звавшийся Воозом, пригласил Каскета в дом. Здесь Каскет был представлен второму компрачкосу, Ипсиланти, сухопарому и желчному типу со вставными железными зубами. Ипсиланти был специалист по приданию нужных форм. Каскет удивился, что компрачкосов всего двое, а также тому, какими хитроумными и осторожными способами те выкрадывали детей у тупоголовых жителей Ыбдуза. Вооз подмигивал и вопил, что это – секрет производства, и что тут ничего не поделаешь, хоть Каскет и старый друг, а тайны ремесла – это тайны ремесла, извиняюсь. Ипсиланти взвизгивал каким-то особенным смешком и блестел своими зубами. Каскет витиевато высказался в том плане, что, не ожидая ничего от такого неприятного во всех отношениях поручения, он встретил внезапно и вдруг двух старых друзей, а это уже радость и, если не бояться этого слова, даже счастье. После этих слов двое компрачкосов окончательно прониклись к нему пылкой и многословной симпатией.

Потом пошли смотреть воозовских подопечных. Они размещались в большом помещении, которое на первый взгляд

было похоже на мастерскую горшечника. Тут и там стояли большие кувшины, из которых торчали детские головы, остриженные наголо. Некоторые головы спали, другие таращились на вошедших круглыми испуганными глазами. Каскета разобрал смех и он согнулся надвое. Ипсиланти начал объяснять, какие уродцы получаются из тех, что в горшках, а какие пользуются спросом, служа на потеху местным князьям и прочим аристократам.

– Мы копим, – пояснил его слова Вооз. – Надо расширять производство, усиливать темпы, заменять устаревшее оборудование. Появилась конкуренция. С такими моделями сейчас много не заработаешь. Методы, которыми мы пользуемся, также безнадежно устарели. Но не ломать же им кости молотками!

Каскет, понимая справедливое возмущение Вооза, смеялся.

– В знак нашей старой дружбы, – наклонился к нему Вооз, – дарим тебе любого... да хотя бы этого, он как раз готов для продажи. Учти, просить за него следует не меньше 500 оболлов. И то этого будет мало, ибо за те труды, которые мы положили на него, он будет тянуть аж 1000 оболлов.

– Отлично, – сказал довольный Каскет, осматривая товар. – Ну, приятно было повидаться.

– Ты куда идешь? – спросил Ипсиланти.

– Перевалю через горы, а там видно будет. Хочу пойти сейчас, потому что, как мне показалось, местные жители производят впечатление людей хоть и недалеких, но весьма быстроногих.

– О да! – заулыбался Вооз. – Но ты же от них уйдешь?

– О да! – заулыбался и Каскет.

Компрачикосы снабдили его плетенкой вина и некоторым количеством съестных припасов, и Каскет отправился в путь, захватив с собой мальчика лет десяти – карлика с непомерно большой головой и носом, набрякшим какой-то темной жидкостью. Так как он отправлялся в путь без денег, то ему требовалось побыстрее сбыть свой товар, а потому он зашел в один большой и богатый замок, где карлика приобрели у него за 800 оболлов. Больше получить не удалось, хотя Каскет долго и упорно торговался, отстаивая каждый грош и нудно перечисляя все достоинства своего спутника. Но ему удалось выжать из предоставившейся возможности все, переночевав в замке и стянув несколько мелких, но ценных безделушек, от-

сутствие которых обитатели замка люди богатые и немелочные заметят еще нескоро. В полдень Каскет двинулся в путь по седой от выпавшей за ночь росы долине к серым горным цепям вдалеке.

ГЛАВА 3

«Муза, скажи мне о том многоопытном муже который боги. Пора он настигает мчится словно молния вот уж не ожи... оп хоп ямы какие глубокие коряга черт бы их побрал оп взобраться бы на гору а там оп-па черт ямы а там я в безопасности меч потерял нет не по... оп нет не потерял слава небе...»

Каскет бежал по светлой березовой роще, ловко прыгая через коряги и глубокие ямины, а следом за ним скакало, сопя и взрывая землю короткими толстыми ногами, опасное чудовище бинфэн. Обе головы его, расположенные спереди и сзади мускулистого кабаньего туловища, покрытого короткой лоснящейся щетиной, громко хрюкали от возбуждения. Они бежали так довольно долго, и только недостаточная для быстрого бега длина ног бинфэна до сих пор спасала Каскета. Но бинфэн был упорен в достижении своей цели – сожрать Каскета, а сам Каскет уже порядком устал. Где-то по дороге он потерял пояс, в котором хранились все его вырученные деньги, и это отнюдь не придавало ему сил. Как назло береза – дерево не очень-то удобное, чтобы мигом взобраться на него, не обладая цепкими когтями, а потому Каскета могла спасти только виднеющаяся немного впереди гора – преддверие вечного льда, снега и разреженного воздуха.

Роща, как мельком успел заметить Каскет, не была необитаемой. Когда они с бинфэном с шумом пронеслись между прямых и белых древесных стволов, ломая и приминая кустарник, по сторонам мелькали некие плохо различимые фигуры в зеленых колпаках. По-видимому, это были альпауны. В одном месте такая фигура с белой бородой и с топором в руке восхищенно заулюлюкала им вслед, и радостно захрюкали ей в тон головы бинфэна.

Роща вплотную примыкала к каменистому боку горы, поднимавшейся вверх словно ступени гигантской лестницы. Каскет с ходу запрыгнул на первые исполинские валуны и быстро начал взбираться вверх. Но и бинфэн не отставал. Он проявил чудеса прыти и ловкости – видимо, был сильно голоден. Так они некоторое время молча, с сопением, карабкались

вверх, пока, наконец, Каскет не заметил немного в стороне от себя вход в пещеру, возле которого толпились какие-то карлики в оранжево-бурых плащах. При его приближении карлики резво исчезли в недрах горы, а вход закрыла большая бронзовая дверь с четырьмя наклепанными сверху железными полосами. Каскет не раздумывая налег на эту дверь плечом, и она утробно скрипнула. Бинфэн уже был где-то рядом: слышалось его шумное похрюкивание. Каскет налег сильнее. За дверью завопили, чей-то голос сипло прокричал:

– Эй! Ты сейчас нам дверь выломаешь. Полегче налегай! Дурило!

Каскет с руганью пнул дверь, вызвав тем самым обильный поток ответной ругани, и, путаясь в собственном изодранном плаще, начал карабкаться на почти отвесную стену возле пещеры. Ему удалось залезть на скальный козырек, нависающий над бронзовой дверью. Здесь Каскет устроился и с любопытством стал ждать появления бинфэна. Тот себя ждать не заставил. Он тяжело дыша, отдувался и оглядывал окрестности двумя парами налитых кровью глазок, тщаь найти Каскета. Каскет, сидя на козырьке, с помощью специальных упражнений привел в порядок свое дыхание, потом крикнул бинфэну:

– Наверх посмотри. Что, слопал? А ты постучись вот в эту дверь. Или не открывают?

Бинфэн с радостным хрюканьем устремился к двери, одним ударом вышиб ее и скрылся в недрах горы. Из темного лаза послышались громкие и горестные вопли. Каскет с удовольствием прислушался к ним, еще немного передохнул и полез дальше вверх.

Когда он достиг вершины той горы, его глазам представился грандиозный пейзаж громадного хребта, частью которого, как оказалось, и была гора. Вид был – точно на плоском белом чертеже, потонувшем в прозрачном мареве облаков, что особенно подчеркивало чисто геометрические пропорции открывшегося пейзажа: четкие треугольники пиков, устремляющиеся вверх, округлая бесконечность туманных бездонных пропастей, трапеции пиков поменьше, которым будто не хватило сил дорасти до своих громадных братьев, сравняться с недостигаемыми треугольниками, многогранники горных цепей, закидывающих сети своих скал далеко в сердце мирных зеленых долин. И надо всем этим ровным и сверкающим кругом – символом вечной бесконечности – висело холодное горное солнце. Вершина горы была плоской и каменистой,

только в дальнем углу ее, на маленьком клочке земли, росла старая ель, у корней которой журчал пробивающийся меж камней слабый ручеек. Под этой елью толстый старик по имени Лаплас лепил из влажной земли глиняного голема.

Когда на вершине показался Каскет, утомленный, исцарапанный и в ободранном плаще, Лаплас уже заканчивал свой труд.

– Собственно, я уже заканчиваю свой труд, – сказал он подошедшему Каскету, который жадно принял к воде ручейка, а потом, напившись, устало присел на камни у корней дерева. – Правда, остались кое-какие детали... нос... глаза – вместе них я вставлю вот эти два камешка, правда, красивые?... рот... у-у, какой большой, в него поместишься даже ты...

Взгляд старика скользнул по Каскету.

– Давно лепишь? – спросил тот, отдышавшись.

– Давно, давно. Как создан мир.

– Да, давненько, – согласился с ним Каскет. – Что там вдали, за этими горами?

– Страны.

– Это хорошо. А то я думал было, что горы эти никогда не кончатся.

– Все кончается и заканчивается. Все начинается и начинается. Все претворяется и притворяется.

– Вода в твоём роднике вкусная.

– Обычная вода. Вода жизни.

– А.

Ель шумела своими ветвями. Было прохладно.

– Все. – Лаплас долепил своего истукана. – Теперь самое главное и самое важное. Теперь надо его оживить. Поможешь?

– А почему нет? – бездумно согласился Каскет.

– Сначала нужно узнать текущее имя бога, – наставительствовал Лаплас. – Но какое? Текущих имен также – великое множество. Затем – кровь. Нужно сбрызнуть кровью голову голема. Можно, конечно, этого и не делать. Но лучше сбрызнуть. Тогда он будет прямо как человек.

– Где ты найдешь здесь кровь? – наивно спросил Каскет.

– Они растут быстро, – говорил старик. – За неделю вырастают до громадных размеров. Конечно, риск. Но зато сколько возможностей! Имя бога может быть совершенно неведомым, иным словом, еще неслышанным доселе этим миром. Попробуем?

И они стали изоощряться в произнесении невнятных и чуждых разуму словес, каждое из которых по своему звучанию чем-то роднилось с шумами, по временам издаваемыми органами пищеварения. Сначала Каскету это нравилось, но затем порядком наскучило. Он сильно проголодался и устал. Отойдя от Лапласа, который продолжал что-то бормотать и выкрикивать, Каскет сел возле родника и задремал.

Разбудил его звук голоса Лапласа, который произнес что-то вроде очередного «гтрмрдр», и последовавший за этим странный шорох. Он открыл глаза и увидел, что голем больше не походит на серую бесформенную глыбу затвердевшей глины, но более похож на облепленного влажной почвой человека, правда, немного уродливого. Глаза-камешки его странно блестели, а руки были разведены в стороны. Но что самое главное, в правой руке его был меч, и этим мечом голем описывал угрожающие круги, направляясь к Каскету. Лаплас за спиной голема тихонько хихикал и довольно потирал руки.

– Вот видишь, – крикнул он Каскету. – Мне удалось узнать текущее имя. А теперь ты узнаешь, чья кровь необходима моему голему для полного его завершения.

Каскет вскочил на ноги и сделал выпад своим мечом в сторону голема. Тот ловко отскочил. Лаплас прыгал и громко смеялся. Каскет и глиняное порождение магии закружили друг напротив друга, обмениваясь частыми ударами. Голем двигался упруго и ловко, тоща как уставший после длительного подъема Каскет был не в форме и скоро понял, что если поединок будет продолжаться так и дальше, он действительно быстро узнает, чья же кровь нужна для полного завершения голема. Тот обрушился на него с новыми силами, которых у него, судя по всему, было еще много, и ослепил сериями эскапад и туше. Каскету пришлось плохо. Он кое-как сумел отбиться, не обращая внимания на издевательский смех творца голема. Затем прыгнул за большой камень, оттягивая время. Голем на секунду потерял ориентацию. Они стали ходить вокруг камня, время от времени обмениваясь ударами. Каскет пока думал.

– Все по правилам! – вопил Лаплас. – Все по правилам! Судя по всему, он был в восторге.

Не придумав ничего лучшего, Каскет стал подбирать с земли увесистые булыжники и метать их в своего противника. Эта прогрессивная метода вскоре оказала свое действие: один булыжник выбил меч из руки голема, другой раздробил ему

живот, а третий, метко запущенный, снес истукану голову. После этого голем рассыпался, превратившись в кучку серой глины, а улыбка быстро сползла с лица Лапласа.

Каскет крепко связал его и прислонил спиной к камню. В рот Лапласу он засунул кусок своего плаща – дабы старик не учинил еще какого-нибудь злонамеренного колдовства. Закончив, Каскет отошел и немного полюбовался на плоды своих трудов. Затем вытащил меч.

– Блаженны идиоты, – произнес он, – ибо их есть царство небесное. Блаженны тупые ублюдки, ибо они соль земли. Блаженны нелепые ханжи, ибо они бога узрят. Блаженны гонители и мракобесы, ибо они – свет мира. Блаженны вечно алчущие и жаждущие чужого, ибо они насытятся. Блаженны нечистые душой и оскверненные пороками, ибо они наследуют землю. И если просто изречешь: «да, да» или «нет, нет», то это от лукавого. И если правый глаз соблазняет тебя, соблазнись, ибо не причинишь так себе вреда. Ты слышал, что сказано: «Око за око, зуб за зуб»? И я говорю тебе: воистину!

С этими словами он кончиком своего меча сделал несколько аккуратных надрезов на теле Лапласа в месте залегания крупных сосудов и с минуту с удовлетворением смотрел, как кровь вымывает из колдуна жизнь, орошая землю и одежду темно-красным. Потом Каскет ушел с этого места.

Когда же сошел он с горы, за ним не следовало множество народа.

ГЛАВА 4

Каскет шел по узкой, извилистой горной тропинке, и яростный ледяной ветер сшибал его с ног. В горах была непогода. Временами, когда не было ветра, откуда-то снизу напал парной, промозглый туман, в котором невозможно было дышать, и тогда и тропа, и горные пики вокруг переставали быть видны. Потом, внезапно, туман разгоняло резким ветром, и он принимался завывать в камнях и темных отверстиях гротов. Этот визг был неприятен на слух, особенно Каскету, слушающему его вот уже двое суток. Двое суток он пробирался через горные цепи, одолевал крутые заснеженные перевалы, попадая то в утомительно жаркие долины с вязким неподвижным воздухом, то на столь же утомительно пронизывающе-холодные вершины. Он измотался и похудел, но не потерял присутствия духа. Сейчас, правда, в голове его была сплошная

мешанина и бардак, но в тумане не важно думать – важно не потерять тропу под ногами и не сбиться с пути.

Два раза ему казалось, что за ним кто-то следит, и оба раза так оно и оказывалось. Один раз горный великан-ётун, притаившись за утесом, попытался схватить его своей громадной лапищей, но Каскет юркнул в узкую щель и дождался, пока ётун не уковыляет прочь. Другой раз целая орава скальных троллей высыпалась на него откуда-то сверху. Трех он сбросил в пропасть, остальных преследовал до тех пор, пока не убил одного. Его мясом он поужинал. С тех пор в его желудке не побывало и кусочка пищи, и Каскету ничего не оставалось, как брести в поисках безопасного и относительно теплого ночлега.

В этих горах полновластным владыкой был Рюбецаль, хозяин горной непогоды и обвалов. Предполагалось, что Рюбецаль хорошо разбирается в людях, ибо всегда делит их на хороших и плохих – весьма поверхностное и несправедливое определение.

Когда Каскет, чудом увернувшись от очередного обвала, ступил на шаткий свайный мостик, пролегли над головокружительной пропастью, сзади из тени вынырнула фигура серого монаха. Холодные узловатые пальцы легли на руку Каскета.

– Ночлег, – пояснила фигура. – А мостик этот тебя не выдержит.

И Каскет послушно последовал за монахом, уныло размышляя, что вот, очередная ловушка какая-то, да не все ли равно, ночевать негде, и вскоре оказался в великолепных подземных чертогах. С потолка свешивались сталактиты самых невероятных конфигураций, камень стен сверкал мириадами оттенков, а потолок поддерживали прямые и толстые, будто гигантские свечи, сталагмиты. В глубине зала возвышался красивый резной трон, сделанный из драконьего черепа, и на этом троне сидел провожатый Каскета.

– Приветствую тебя, Рюбецаль, – церемонно поклонился Каскет. – Прости, что я в такой затрапезной одежде: увы, я не знал, что меня ожидает визит в твои подземные чертога.

– Не беспокойся, – произнес Рюбецаль звучным голосом. – Давно уже у меня никто не бывал, а если бы ты увидел моего последнего гостя, то задрожал бы от ужаса. Но приблизься, ибо тебя ждет угощение.

Это было кстати. Каскет мигом оказался за столом, внезапно появившимся ниоткуда и заставленным великолепными яствами.

– Тебе налить этого вина? – для вежливости осведомился он с набитым ртом, показывая кувшин.

– Нет. Ты знаешь, я не пью.

– Я этого не знал. Извини.

– Ты уже давно идешь по моим горам, – сказал Рюбецаль, когда желудок Каскета более или менее удовлетворился объемом втиснутой туда пищи. – Куда?

– Туда.

– Понятно. Это хорошее и полное объяснение. Но все-таки нельзя ли поподробнее?

– Я иду к Товне, – сказал Каскет. – Но, может, по пути раздумаю и направлюсь куда-нибудь еще.

– Ну, будем пока придерживаться этого. Здесь редко ходят путники, поэтому ты был замечен.

– Немножко шалили ётуны и тролли. Но это незначительно.

– Отрадно, что ты пришел к такому заключению. Люди боятся ходить по моим горам – чувствуют опасность, а я лишь поддерживаю слухи. Нехорошо, когда у моего народа появляется дополнительный стимул охотиться за людьми.

– Все вы здесь отличаетесь редкой любознательностью, – проворчал Каскет. – Только ты один удосужился поинтересоваться, что я за человек, а не сколько я вешу, достаточно ли жирен и помещусь ли в котел целиком или по частям.

– Да, мой народ не вполне цивилизован, – сокрушенно подтвердил Рюбецаль.

– Если ты это называешь «не вполне», – обиделся Каскет, – то тогда я – Сууша, легендарный просветитель людей.

Рюбецаль сошел с трона и остановился возле одной из колонн.

– Вот никак не определяю, что ты за человек, Каскет, – сказал он. – Я привык судить о человеке с первого взгляда. Тебя же мне не удастся подогнать под определенные мерки. Ты весь какой-то изменчивый, мерцающий, как радужная пленка на воде.

– Не суди, да не судим будешь, – поднял палец Каскет. – И каким судом будешь судить, таким будут судить и тебя.

– Ерунду говоришь, – поморщился Каскет. – Все вы, люди, болтаете что ни попадя, а сами делаете себе же поперек.

Вот ты, например, – не суди! Вздор! Все судят друг о друге, причем судят зло, пристрастно, явно добра не желая и не боясь, что о них будут судить так же, потому что о них так и судят. Зато извергаются массы слов, тяжелых и велелепных, призванных избыть то, чего уже никогда не избудешь.

Каскет пожал плечами.

– Ты себя таким не считаешь, – констатировал Рюбецаль.
– Но и ты такой же, Каскет. Хотя про тебя этого не скажешь с такой же определенностью. Ты все так же – идешь к Товне или уже передумал.

– Иду к Товне.

– А я уж боялся, что ты передумал.

– А чего тебе бояться?

– Люди, – пояснил Рюбецаль, – часто меняют свои решения. Это объясняется их недолговечностью и боязнью не успеть.

Каскет промолчал. Он осматривал зал.

– Конец света, – наконец проговорил он.

– Чуть, – тут же отрезал Рюбецаль. – Еще одна выдумка. Мир рушится постоянно, изо дня в день – где-то старое сменяется новым. А что еще такое – конец мира? Не бывает – порушилось, и все. Обычно на это место приходит другое, не обязательно новое, прогрессивное и молодое, чаще даже – того же возраста, но – более живучее и умеющее приспособиться. А иногда и новое летит в тартарары, единственно только затем, чтобы уступить место старому – но это старое более приемлемо для мира. Новое не всегда приходится к месту, а старое – оно как давно притершийся, удобный чехол, в который можно затолкать весь букет грехов и ошибок и забыть о нем.

– А ты философ. Налить тебе этого вина?

– Я не пью

– Забыл. Извини.

Каскет отхлебнул из бокала.

– Твоя теория неприменима к богам, – сказал он. – Все обваливается, ползет, а они – стоят как ни в чем не бывало.

– Я сам – бог, – услышал он. – Ты удивлен? Не удивляйся. Я тоже старый бог. Но по натуре я отшельник, и потому моя теория скорее всего применима именно к богам. Ты вот говоришь – стоят как ни в чем не бывало. Да не стоит никто! Стоять – это значит почивать на лаврах. Задача богов – не допускать, чтобы порушились их культы. А если, как утверждают

некоторые, мир зиждется на богах, то он никогда целиком не обрушится – им это невыгодно. Они зубами и когтями будут держаться за старое, оно им мило и нескучно, оно навевает приятные воспоминания о сотворении мира и тому подобных вещах – любому богу, кто хоть раз в жизни сотворил что-нибудь, всегда приятно вспоминать об этом.

– Твой мир обрушился, – подумав, ответил Каскет.

– Я сам не хотел, чтобы он стоял. И потом – кто сказал, что он обрушился? Вот мой мир – и он стоит.

– Это горы, сюда никто не ходит.

– Дело не в этом. Как там они меня называют? Дух, демон, гений? Низшая мифология. А ведь все равно – бог. Бог Места, имеющий над ним Власть. Что еще нужно? Я не тщеславен. Мне не нужна власть над всем миром. Когда я сержусь или не в настроении, в горах непогода. Когда у меня здесь пир, над горами сияет солнце. Понимаешь?

– Абсолютно. Ты очень гостеприимный хозяин.

– Да нет, не очень. Знаешь, как бывает – хозяин-то гостеприимен, а гостей нет. Такая вот история.

– Не расстраивайся. Я разнесу всему свету, чтобы почаще заходили в гости к Рюбецалю, ибо он – гостеприимный хозяин.

– Не надо, – отшел Рюбецаль. – Не надо. Будут шастать здесь толпами, пугать троллей, дразнить ётунов, стрелять моих ласок. Меня сердить. Ладно. Ты не передумал? Тебе все еще надо в Товну? Снаружи буря, ибо я сегодня не в настроении, поэтому говори, куда тебе надо, и я перенесу тебя туда.

– Мне в Товну, – сказал Каскет. – Спасибо за пищу и кров, Рюбецаль.

И он оказался на пустынной, неприглядной равнине к северу от города Товны.

Возле Товны уже много лет сидел сфинкс, терзающий своими неумными вопросами сначала уши путников, бредущих в город, а буде помянутые путники на эти вопросы не отвечали, то сфинкс терзал их тела, но уже не вопросами, а зубами. Эта же участь предстояла и Каскету. Он подошел к сфинксу.

– Ты уже был здесь, – приветствовал его сфинкс. – Только в прошлый раз ты сумел ускользнуть от меня, не ответив на мои вопросы.

– На глупые вопросы не отвечаю.

– Те – может быть. Сейчас у меня другие вопросы.

– Пропасти рядом есть? – спросил Каскет.
– Зачем тебе пропасти? – поразился сфинкс.
– Это первый вопрос, – деловито произнес Каскет, – Мое имя – Эдип.

– Мы так не договаривались, – заюлил сфинкс. – Здесь вопросы задаю я.

– Пока ты ходил вокруг да около, – перебил его Каскет, – выяснял, кто здесь уже был, а кого еще не было, какие вопросы глупые, а какие нет, я взял инициативу в свои руки. Лучше благодари богов, что тебе попался такой добродетельный человек, как я, а не какой-нибудь шарлатан и краснойбай. Вот уж картина, представьте: сфинкс и досужий демагог никак не могут переговорить друг друга.

– Только без фантазий, – строго сказал сфинкс. – Обязательно ведь найдется такой – давай фантазировать: и то будет так, и это будет эдак, сфинкс и этот дема... ну, в общем, начинаю задавать вопросы.

Он одел очки и вытащил бумажку.

– Отвечай быстро, четко, не раздумывая и без лишних расусоливаний, – сказал он и задал первый вопрос: – Кто из живых существ утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех? – При этих словах сфинкс хитро прищурился.

Возникла пауза.

– Кто-то здесь говорил, что у него вопросы умные, – сказал разочарованный Каскет.

– Извольте отвечать! – грозно рыкнул сфинкс. Каскет устало помотал головой, закрыл и открыл глаза, потер лицо рукой.

– Человек, – наконец сказал он. – Расшифровать?

– Странно, – задумался сфинкс. – А я-то думаю, что это у меня в животе бурчит? Давно не ел, оказывается! А все потому, что вы все умные очень стали! – заорал он сварливо.

– Ты не кричи, – посоветовал Каскет. – Еще вопросы будут?

Сфинкс одел очки и достал другую бумажку.

– На этот вопрос ты уже точно не ответишь, – самодовольно заметил он. – Что быстрее всех на свете?

Каскет присел на камень.

– Давай, – предложил он, – я вздремну пока, а ты там поройся в своих бумажках, поищи, может, найдешь вопрос по-

сложнее. Ну, уж если нет посложнее, то хоть поумнее вопрос, позаковыристее, что ли...

– Да что это такое! – возмутился сфинкс. – Ты отвечаешь или нет?

– Мысль, – сказал Каскет. – Мысль быстрее всего на свете. Но тем, у кого ее нет, этого не понять.

– Прошу без намеков, – предупредил сфинкс. – И наконец, – провозгласил он, – последний, самый сложный вопрос.

Каскет приготовился слушать с терпеливым выражением на лице.

– Что не умирает, если даже бывает похоронено в земле? Каскет поднялся с камня.

– Сначала договоримся, – сказал он. – Если я найду разгадку и для этой твоей шарады, ты выполняешь любое мое желание.

Сфинкс был вынужден согласиться.

– Мой ответ – семя, – сказал Каскет. – А теперь желание. Когда-то жители этого города или города, похожего на него, – сейчас уже не помню – обидели меня. Они палками и пинками изгнали меня из города только за то – согласись, что это пустяк! – что я не уплатил за ночь одной шлюхе по имени Раав. Ты голоден. Иди и покормись немного в Товне.

Сфинкс почесал затылок.

– У меня уже была такая мысль, – важно объявил он, – но я ее почему-то отбрасывал. Но ты прав. Да, – сказал он, окончательно решившись, – Пойду. А что еще делать? Есть-то надо. Но ответственность – на тебе.

– Да ради бога, – пожал плечами Каскет. – Приятного аппетита, – пожелал он, удаляясь.

ГЛАВА 5

Преодолев безводную, но весьма непротяженную пустыню Сегед, Каскет пришел в Шамсурен, Город Площадей. Он не был здесь уже давно и успел соскучиться по его гранитному безмолвию памятников и черному великолепию площадей. Шамсуренский царь Эртель приходился Каскету родным дядей, и Каскет решил, внезапно вспомнив про долг родственника, а также про полное отсутствие средств, навестить его. Город Площадей гостеприимно раскинулся перед ним, и Каскет вошел в его распахнутые ворота.

Сам Шамсурен был огромен, раскинувшийся на многие мили, но это казалось лишь на первый взгляд. На самом деле здесь жило не так уж много народа. Дома строились здесь рядом с площадями, а они в Шамсурене были громадны, так что дома теснились по их краям, словно нечто незначительное, ненужное, словно некий бесполезный, декоративный бордюр. Зато площади на того, кто видел их в первый раз, производили шокирующее впечатление: колоссальные, пустые пространства, выстланные черным мрамором или полированным базальтом, лежали немые и величественны как заповедные территории, на которые распространялся таинственный древний запрет-табу. Но Каскет прошел по ним, глубоко закутавшись в плащ и оставляя пыльные отпечатки своих башмаков на трауре черного базальта, ибо по площадям гулял сильный ветер, пробирающий насквозь. Каскет думал о том, как попросить денег у своего дяди, и древние тайны Шамсурена мало волновали его.

Царский дворец, словно слепое бельмо, торчал на краю одной из площадей. Это было безобразное строение, нелепым слизнем растекшееся по чистому черному мрамору, и Каскету захотелось взять в руки лопату, хорошую гигантскую лопату, и соскрести этот гнойный нарост со сверкающего тела площади. Но вместо этого он вошел внутрь дворца.

Два раза его останавливали охранники, но оба раза он избавлялся от них посредством толчков и зуботычин. Потом это ему надоело, в он, продвигаясь по коридорам, стал орать:

– Дорогу! Дорогу наследнику! И ему стали уступать.

Распахнув двери, он вошел в один из покоев, где пребывал в одиночестве царь Эртель, упитанный человек, страстно увлекающийся собиранием кальянов. Сейчас он курил один из них, богато изукрашенный серебряной чеканкой. Когда в комнату вошел-влетел Каскет, Эртель поперхнулся дымом, а внутри него и его кальяна одинаково забулькало.

– Дядя Эртель! – возопил Каскет, кидаясь к царю.

– Любимый племянник мой Каскет! – поспешно и так же громко вскрикнул Эртель, бросая свой кальян, а вместо этого широко раскрывая свои объятия.

– Какими судьбами? – приветливо спросил Эртель, когда взаимные и крепкие объятия ослабли, и он мог высвободиться.

– Я решил навестить тебя, дядя, – сказал Каскет, незаметно оглядывая комнату в поисках вещиц поценнее. – Был так близко от города, что не мог не зайти, чтобы повидать тебя.

– Да, да, – рассеянно сказал Эртель, затягиваясь пахучим дымом. – Ты же мой любимый племянник.

Они обменивались настороженными взглядами. Повисла неприятная пауза.

– Я прикажу, чтобы тебе приготовили комнату, – сказал затем Эртель, следя за Каскетом.

– Спасибо, дядя, – смиренно ответил тот.

На этой нейтральной ноте они расстались. Всю ночь Каскет не спал, прислушиваясь к шагам бродящих по дворцу привидений и временами обращаясь взглядом к окну, за которым над мертвыми черными площадями Шамсурена висел желтоватый сгусток луны.

Завтрак его вполне удовлетворил: бифштекс был в меру прожарен, и так же в меру было вина – как раз, чтобы отряхнуть с себя пыль тревожных сновидений. После завтрака Каскет решил прогуляться по дворцу. Он прошел картинной галереей, полюбовался портретами умерших царей Шамсурена, вышел на террасу и с минуту смотрел на площадь и на виднеющееся вдалеке море – синюю полосу, пересеченную силуэтами невысоких городских башен. Вставало бурое солнце. Со стороны моря ветер доносил запах свежести – странный аромат в наполненном древней, сухой пылью дворце.

Вдруг Каскету пришла в голову отличная мысль. Он вспомнил, что у Эртеля есть дочь, его двоюродная сестра, по имени Адальперг. В детстве он частенько дразнил ее, всячески переделывая ее звучное имя и доводя Адальперг до слез. Сейчас она, наверное, повзрослела и расцвела. Во всяком случае, на последнее Каскет надеялся. Не грех было бы навестить ее: до вечера далеко, так как именно вечером Каскет собирался попросить дядю помочь ему. Он резво направился к выходу, но в самых дверях столкнулся с девушкой. Она мигом очаровала его, и он также мигом понял, что это и есть его кузина Адальперг. От своего лоснящегося папаша она не унаследовала ни единой черточки, даже цвет ее волос – каштановый с чуть рыжеватым отливом – совсем не походил на цвет редких прядей, свисающих с черепа Эртеля и называемых им волосами. Она была одета во что-то белое, и это удивительно шло ее стройной фигуре и тонкому лицу с большими, темными, поднятыми к вискам глазами. Каскет галантно поклонился.

– Я узнала, что ты здесь, – сказала она, откидывая всяческие церемонии, – и сразу направилась сюда. Ты очень изменился, Каскет.

– А ты – нисколько, – отвечал Каскет. – Я сразу узнал тебя. Я думал о тебе.

– Ты был у отца? – спросила она. – Ах да, я же видела тебя. Он все такой же, правда?

– Какой? – осторожно спросил Каскет.

– Добрый, – воскликнула она. – Ты разве так не считаешь? Ты ведь любил его.

– Д-да, – промямлил Каскет. – Я и сейчас... некоторым образом...

– Вот видишь, – продолжала она, не слушая. – Но ты ведь не знаешь дворца. Пойдем, я покажу его тебе.

И она, взяв его за руку, как в детстве, повела за собой. Каскету она нравилась все больше и больше.

– У тебя есть жених? – спросил он как бы между прочим.

– Есть. Но он далеко, в какой-то стране с длинным-предлинным названием.

– А-а.

Они пришли в небольшую уютную залу, всю заставленную старинными вазами в рост человека, и долго разговаривали здесь, вспоминая детство.

Вечером Каскет зашел к дяде. Эртель курил кальян, но на этот раз вид его нельзя было назвать мечтательным.

– Тебя видели с моей дочерью. – Взгляд Эртеля показывал, что все лицемерие отброшено в сторону. – Не смей к ней прикасаться. У нее есть жених. Это очень влиятельный человек, сын герцога Мортании.

– Но она мне сестра, – возразил Каскет, не отведя глаз. – Мы очень мило вспомнили про наши детские шалости.

– Меня это не интересует, – перебил его Эртель. – Покажись ей еще – и я скормлю тебя отвратительным тварям, достаточное количество которых обитает в подземельях под моим дворцом.

Судя по всему, разговор о деньгах сегодня был бы неудачен, и Каскет поспешно ретировался.

Весь следующий день он бесцельно бродил по огромному дворцу, обнаруживая все новые потайные уголки, безуспешно приударил за какой-то служанкой, убежавшей от него с нестерпимым визгом, начал было играть в порко, но развил деревянным мячом окно и был вынужден прервать свое занятие. Потом он смотрел на далекое море и строил планы. Ночью спал плохо.

Он снова зашел в комнату Эртеля. Тот курил сиреневый с красноватым отливом кальян, в котором сипело. Он был настроен критически.

– Ты еще здесь? – встретил он Каскета. – Я думал, ты уже ушел.

– Я хотел попрощаться, – тактично произнес Каскет. – К тому же...

Кальян хрипло забулькал и заглушил его слова.

– Ты что-то сказал?

– Я сказал...

В кальяне забурчало так громко, что собственный желудок Каскета отозвался на это дружеским приветом.

– Извини. Я слушаю тебя.

Каскет открыл рот, чтобы снова заикнуться о деньгах, но кальян вновь засипел, и Каскет ушел раздосадованный.

Парило. Солнце закрыли белые ровные облака, на которые невозможно было смотреть, так ослепительно жгли сквозь них солнечные лучи. Не было ни дуновения ветерка со стороны моря. Во дворце душный зной окутал и террасы, проник в залы, невзирая на темные занавеси, воцарился в низких покоях и тесных кабинетах. Каскет, страдая от жары, маясь и проклиная себя за то, что забрел сюда, в это неприветливое место, лежал в своей комнате и пил прохладительные напитки. Но уйти из дворца уже не мог. Его здесь что-то держало, и он в глубине души не хотел распознавать, что именно приковало его к этому дворцу.

Ближе к вечеру он спустился в сад, который располагался внутри дворца, в кольце каменных стен. Дуряще сладко цвели серпентусы, ало горели шовереты, мягкие терпкие лилии-белокровки свесились над красноватыми дорожками. Где-то в глубинах сада, в темных дебрях лиан и скипулов, громко орала гаруды и попугай, изредка глухо фукал черный феникс, клекотал грифон, и ему вторила ноготь-птица. Каскет остановился возле одной стены и увидел далеко вверху окно.

– Скучно, – сказал Каскет, внимательно прикидывая высоту. – Очень скучно, – повторил он.

Дождавшись наступления темноты, он, не трата времени даром, отправился в сад. Стену увивал тернистый плющ. Каскет сначала не придавал этому большого значения, но потом ему пришлось пожалеть об этом: плющ больно ранил его тело, пока он с кряхтением взбирался на стену.

Адальперг уже спала, и его появление напугало ее. Но он быстро успокоил ее, сказав несколько слов. Она увидела кровь на его одежде.

– Ты ранен? – воскликнула она. – Люди отца ранили тебя? Ты дрался, дрался за меня?

– Я укололся об плющ, – отвечал Каскет.

Девушка была горячая с постели, как и окружавшая их душная ночь. Они не сомкнули глаз до утра, занимаясь любовью с большим пылом.

– А-а! – заорал Эртель, вламываясь утром в комнату Адальперг. От этого крика Каскету стало нехорошо. С его дядей было еще человек двадцать, или это так Каскету показалось спросонья. Довольно неумело размахивая длинным мечом, Эртель начал гоняться за скачущим по всей комнате Каскетом, который под конец, боясь пораниться об острый клинок Эртеля, выскочил в окно. На полпути плющ предательски оборвался, и Каскет больно ушибся при падении. Здесь, в прекрасном благоухающем саду, его и взяли люди царя, крепко связав. Сверху неслись отчаянные крики Адальперг и рев Эртеля: видимо, происходило небольшое родительское внушение.

– Любимая! – воскликнул Каскет, Эртелю назло. – Я не забуду тебя и с края света приду, чтобы наши любящие сердца воссоединились!

– Я буду ждать, – донеслось сверху, заглушаемое нечленораздельными звуками, издаваемыми Эртелем. – Я буду вечно ждать!

Тяжелая дубинка стукнула Каскета по затылку, и ему стало не до Адальперг.

Он очнулся в подземелье. Возле него с факелом в руках стоял Эртель. Эртель ухмылялся.

– Никто не сможет упрекать меня в том, – сказал он, – что я не предупредил тебя. Нет, я предостерегал тебя, но ты не внял моим советам, кои были продиктованы исключительно моей доброй волей и благорасположением.

– Но в каком, – заметил Каскет, – они были сделаны тоне?

– Тон – это вопрос вторичный. Главное – смысл, содержащийся в моих увещеваниях.

– За тоном я не понял смысла, – возразил Каскет. – Но все равно я ценю твои советы, дядя, как ценил их и в детстве, когда прислу...

– Я для тебя «его величество», – сварливо перебил Эртель.
– Что же ценю в тебе я, Каскет, так это твой талант добытчика, если не сказать прямее и грубее. Ты мне достанешь одну вещь. Но ее трудно достать! – Эртель мерзко захихикал.

– От твоих слов, дядя Эртель, – сказал Каскет, ежась, – холодок пробирает меня. Ты меня знаешь, я человек робкий и неспособный на какой-либо отчаянно-смелый поступок.

– Заткнись! – очень тактично и вежливо оборвал его Эртель. – Ты пойдешь и достанешь мне мандрагору.

– Но мне надо подумать, – упавшим голосом проговорил Каскет.

– О да, – обаятельно улыбнулся Эртель. – Я подожду тут за углом. Надеюсь, тебе не помешают некоторые бродящие здесь в изобилии твари, которые, наверно, уже давно не ели и голодный блеск глаз коих я замечаю вон в тех темных проходах.

– Я согласен, – тотчас же согласился Каскет.

Угрюмого вида стражники приволокли его в курительную Эртеля. Тот как всегда дымил кальяном, золотым с бирюзовыми вкраплениями. Другой кальян, отделанный треугольными сапфирами, курил советник царя Вундт, человек-тапир с безобразной мордой и зелеными морщинистыми лапами, выглядывающими из тонких кружевных манжетов. Его Каскет ненавидел, пожалуй, сильнее, чем своего дядю.

– Надо отдать тебе должное, – произнес Эртель, когда Каскета расковали. – Адальперг тоскует по тебе. Но я запер ее в башне: так, может быть, она быстрее успокоится.

Эртель и Вундт внимательно следили за реакцией Каскета.

– Мерзавец! – пылко вскричал тот, потому что этого от него ждали. – Ты заплатишься за это!

– Все такой же дурак, – заметил Вундт. – В детстве дурак – и сейчас дурак. Дурак – и все!

– Сам ты дурак, – сказал ему Каскет. – Сволочь поганая. Вундт обиделся.

– Ты лучше подумай, – ехидно намекнул Эртель, – как ты собираешься выполнить свое обещание. Или ты не обещал ничего? А ну, поклянись!

– Клянусь фаллосом Тука, бога стрекоз, – поклялся Каскет.

– Мандрагора, – сказал Вундт, – есть растение необычное, свойств которого почти никто не знает достоверно. Все, кто пытались добыть его, погибали страшной смертью.

Каскет расхохотался.

– Чего это ты смеешься? – насторожились они.

– Те, кто погиб, были просто невежи, – ответил Каскет. – Были ли они одни в своем странствии?

– Не было никакого странствия, – недовольно произнес Эртель, уязвленный смехом Каскета. – Мандрагора растет в лесу, который расположен за городской чертой. А насчет другого – да, они отправлялись в путь всегда в одиночку. Тебе что-то известно?

– Только то, что нужно с собой взять спутника.

– Для чего?

Каскет снова засмеялся.

– Для компании.

Каскет, Эртель и Вундт вышли из дворца. Была ночь того же дня, беззвездная и тревожная. Вдалеке мерно шумело море. Через два часа они оказались у кромки леса. Это был странный лес: совершенно лишенный подлеска, с огромными могучими деревьями, которые стояли правильными рядами, он был похож на храм неведомого бога, чем на обычный лес.

– Здесь растет мандрагора, – сказал Эртель.

– Да, сегодня можно будет сорвать ее. – Каскет посмотрел на небо, потом на своих спутников. Вундт держал меч, и Каскет не сомневался, что при малейшем неосторожном движении тапир тут же убьет его.

Поляну, где росли мандрагоры, они обнаружили быстро, ибо она была не единственной такой поляной в этом колдовском лесу. Там и сям среди темной травы слабо светились пучки листьев. Казалось, все застыло кругом, не издавая ни звука и прислушиваясь к ним. Каскет сделал знак. Эртель и Вундт подошли поближе, все время тревожно оглядываясь. Каскет нагнулся и взялся за один светящийся пучок.

– И как это вы, – заметил он, – согласились пойти за мной?

С этими словами он потянул мандрагору из земли. Раздался глухой, жуткий стон. У него закололо в висках, кровавой пеленой застило глаза, но он успел увидеть, как два его спутника упали на землю. Выдернутую из земли мандрагору Каскет небрежно отшвырнул в сторону. Эртель смотрел на него угасающим взглядом.

– Невежество, – назидательно сказал ему Каскет. – Когда в доме такая великолепная библиотека, только полный болван захочет курить кальян и валяться на мягком ложе. Мандрагора излишне возбуждает, дорогой дядя, и я очень рад, что это не пошло тебе на пользу.

Потом Каскет исчез в лесу.

ГЛАВА 6

Он вышел к невысокой горе, у подножия которой стояла хижина, крытая тесом. Внутри хижины сидел странного вида лысый человек, которого звали Ставангер. Ставангер был представителем бестической философской школы, поэтому приветствовал Каскета восторженным рычанием, стрекотом и кваканьем. У него давно не было собеседников, и жажда общения переполняла его.

– Приветствую тебя, – сдержанно и с недоверием сказал Каскет.

Ставангер засвистел и зацокал, но потом перешел на нормальный человеческий язык. Он сказал:

– Извините. Но долгое общение с собственной натурой и натурой окружающей разучило меня говорить на языке людей.

Он предложил Каскету поест, а сам в это время кричал селезнем и что-то жужжал под нос.

– Вы никогда не замечали... – сказал он, дождавшись, когда Каскет поест, и оглушил его потоком слов. Каскет некоторое время безуспешно вслушивался, потом веки его сами собой сомкнулись, и он заснул.

Когда он проснулся, Ставангера рядом не было, а был он, судя по всему, где-то около дома, откуда доносилось веселое чириканье и лай.

– Вы отличный слушатель, – произнес Ставангер, внезапно появляясь в дверях с охапкой приторно пахнущих пурпурных цветов, от запаха которых у Каскета тут же разболелась голова. – Вы очень внимательно меня слушали, но не вставили ни одного слова. Что вы думаете... – и он вновь выбил почву из-под ног Каскета бурной рекой слов. Но теперь Каскет отдохнул и был во всеоружии.

– Я думаю... – сказал он и в ответ ошеломил Ставангера не менее бурным собственным монологом, от которого Ставангер пришел в восторг.

– Какой школе принадлежат ваши взгляды?

– Я панккаскетист, – отвечал Каскет, – иногда, впрочем, смиряющийся с правдой жизни.

Ставангер закивал.

– Прислушайтесь, – прошептал он, и Каскет наострил уши. – Прислушайтесь к природе! Вы никогда не замечали, сколько ярких чувств и поразительной гаммы эмоций заключены в звуках, издаваемых животными? Ну, хотя бы послушайте вот это: ква-ква! Не правда ли? Ква-ква! Не могли бы вы повторить?

– Ква-ква! – сосредоточенно повторил Каскет, стараясь вникнуть в сокровенное значение этого слова.

– Не правда ли? – пришел в восторг Ставангер. – Или вот это: гав! Гав! Гав-гав-гав! Да?

– Гав-гав! – лаял Каскет. – Или: ку-ку! ку-ку! Так и напрашивается, знаете ли, различные по глубине своей мысли.

– Ку-ку!

– Ку-ку!

– Ку-ку!

Так до поздней ночи они выли, рычали, кричали, мяукали на разные голоса, то вместе, то поочередно, и кончилось это тем, что внезапно в двери вломилась большая орда диких зверей и существ из леса, которую привлек сюда их оживленный диалог. Каскет успел выскочить в окно и долго улепетывал извилистыми тропами, тогда как в оставленной им хижине выл образцовый и на этот раз неподдельный хор ужасных голосов, обладатели которых собрались на свой поздний ужин.

Эту ночь он провел на высоком дереве, прислушиваясь к каждому шелесту и дрожа от страха.

Как только наступило утро, он быстро спустился с дерева и рысцой припустил через лес, смутно памятуя о том, что где-то рядом когда-то была небольшая деревушка. Он пересек лес, пересек поле, пересек мелкую речушку и увидел, наконец, деревню. Она состояла из десятка бревенчатых домов, над которыми клубился желтоватый дымок. Возле деревни было большое поле. На этом поле возле сохи с лошастью стоял крестьянин по имени Мимнерм и тупо пялился на глубокий провал в земле, из которого он только что вытащил свою соху.

Каскет подошел и тоже уставился на провал. Мимнерм поглядел на него.

– Вот, понимаешь, пашу, – произнес он, – и вдруг – хрясь, понимаешь, земля под лемехом, бултых вниз, оттуда снизу, понимаешь, – бабах, потом туп-туп!

Он замолк.

«Клад, – про себя обрадовался Каскет. – Как кстати! Этот тупица так и не поймет ничего».

– Подожди меня здесь, – торопливо бросил он Мимнерму. – Я залезу туда и посмотрю в чем дело.

И он прыгнул в яму. Пролетев значительное расстояние, он свалился на кучу земли и только потому остался жив. Каскет огляделся. Клада он никакого не увидел, а увидел такое же поле. Или не точно такое же... Нет, это поле было другое. Оно было темно-синего цвета и все было покрыто белыми сверкающими крапинами, подозрительно похожими на звезды. Посреди поля белела луна, закрытая тучами. И луна, и тучи были намертво впаяны в поверхность поля. Каскет посмотрел вверх. Над ним, далеко вверху, колыхались верхушками вниз деревья, мерцала гладь озера, в котором отражалась его размытая фигура. По полю головой вниз двигался человек, в котором Каскет узнал Мимнерма. Но настоящий Мимнерм смотрел на Каскета из той дыры, через которую он попал сюда. Его круглая голова казалась черной точкой посреди светлого круга.

До Каскета донесся дружный вопль. Поле было обитаемо. По нему 12 молодцов с упорным энтузиазмом гоняли мяч, сделанный из сердца циклопа. Сам же циклоп охранял ворота – красный овал в горе – и всякий раз, когда молодцы с гиканьем подкатывались к самым воротам, безнадежно махал в воздухе руками и открывал жаркую пасть. Но мяч летел мимо, чтобы через секунду вновь оказаться на поле и в игре. Судил игру черный сухопарый человек в пасторской шляпе и с трепником в руке.

В то время как Каскет с изумлением вглядывался в эту картину, один игрок вдруг исчез, и скрежещущий голос судьи объявил:

– Замена!

И Каскет очутился в игре. Пока он наблюдал за ней, он убедился в том, что правила ее ему непонятны. Но когда он очутился в гогочущей и ржущей толпе играющих, когда увесистый мяч попал в него, опрокинув на землю, когда чьи-то крепкие ноги с явным удовольствием прошлись по его телу, и кости Каскета отозвались на эту неслыханную акцию болез-

ненным хрустом, Каскет понял, что правил этой игры не поймет и не узнает никогда, даже если будет гонять мяч по этому странному полю всю свою оставшуюся жизнь. Толпа молодцов в очередной раз увлекла его за собой, и Каскет очутился радом с циклопом. Тот следил за мячом кротким глазом.

– Ну что пасть разинул? – со злобой крикнул ему Каскет.
– Прыгни как следует и поймай мяч.

– Нельзя, – ответил циклоп, внимательно следя за игрой, – С места трогаться нельзя.

– Правил здесь все равно нет, – сказал Каскет, отбирая мяч – толпа молодцов устремила в другой конец поля. – Твое сердце?

– Ага. Мое.

– Ну так схвати его.

– Последствия.

– Не бойся последствий.

– Ты знаешь куда попал? – спросил его циклоп, изволя, наконец, оторвать взгляд от игры. – Это Место Хаоса, точка, где соприкасаются миры Порядка и его Противоположности, Хаоса. Не то чтобы здесь царил хаос во всем. Просто здесь нет порядка в том значении, в каком вы его принимаете. Но законы – есть. Хаос – это сплошная случайность...

Мяч влетел в ворота, и циклоп мотанул в воздухе руками.

– Здесь нет причинности? – спросил его Каскет.

– Нет. Воля случая. Или кого там еще. Видишь того в шляпе? Это, как говорится, бог. А эти вот – ангелы.

– Понятно.

– Да ничего тебе не понятно, – недовольно отозвался циклоп.

– Верно, – покорно согласился Каскет. – Ничего мне не понятно. Но, положим, что будет, если ты вдруг схватишь мяч?

Циклоп в ужасе содрогнулся.

– Здесь-то ничего не будет. А вот там, откуда ты родом...

– Кроме того, что там уже произошло, ничего страшного произойти не может, – успокоил его Каскет. – Так что лови. Или игра закончится?

– Она никогда не закончится. Просто будет другой вратарь.

– Вот и успокоишься. Отдохнешь. Каково без сердца-то?

– Так-то так.

И циклоп глубоко задумался. Ватага молодцов-ангелов, поднимая едкую пыль, промчалась мимо.

– Все станет с ног на голову, – очнулся циклоп.

– А сейчас не так, что ли, – засмеялся Каскет. – Посмотри: деревья у вас наверху, а звезды и луну вы топчете ногами, будто это простая трава.

– А другого мы не знаем, – важно изрек циклоп.

Орава сшибла Каскета с ног в очередной раз и пронеслась мимо.

– Мне это надоело, – объявил Каскет, поднимаясь и отряхивая колени. – Хватай мяч, образина.

Мяч, отделившись от толпы, летел к циклопу.

– Попытка не пытка, – пробормотал тот и схватил мяч, проглотив его. Моментально игра прекратилась. Циклоп хлопал своим глазом. Игроки стояли на местах. Судья скривился.

– Кто подбил его на это? – спросил он, и взгляд его переместился на Каскета, довольно глупо ухмыляющегося.

– Держи вот этого! – завопил злобно судья, который вроде бы был богом, и первым бросился через все поле к Каскету. Ретивые игроки, взвизгивая, неслись за ним.

– Хватай! – ревело вокруг.

Потом все умолкло, и небо под ногами у Каскета вздрогнуло. Циклоп исчез с громким хлопком. Игроки попадали. Судья стоял, смотря вверх. Поверхность под Каскетом выгнулась, и его выбросило далеко вверх. Он долетел до своей дыры и схватился за ее края руками. Посмотрев через плечо вниз, он увидел, что бравая команда с судьей во главе стоит посреди невысокого леса и недоуменно переглядывается. Рядом с Каскетом сияла луна. Ему захотелось потрогать ее рукой, но вместо этого он подтянулся и вылез на поле. Мимнерм был здесь. Ни слова не говоря, Каскет схватил его и швырнул в дыру, откуда только что сам вылез. Прислушался. Из дыры донеслись чьи-то вопли, потом скрипучий, далекий голос объявил:

– Замена!

Поле вокруг приобрело голубоватый оттенок. Деревни не было. Не было и солнца над головой – лишь какое-то неясное свечение. В воздухе висел странный, невеселый, тягучий звук – будто небо медленно разлезалось на части, как ветхая ткань. Каскет отправился своей дорогой.

ГЛАВА 7

Вскоре он вышел к морю. Оно было похоже на желчь, внезапно пришедшую в движение. Вязкая вода лениво и мерно накатывала на берег, потом отползала, и на берегу оставалась дохлая рыба и слизь. Солнца так и не было, лишь далеко впереди, за морем, что-то горело под линией горизонта, и море отсвечивало зеленым и коричневым.

Через несколько шагов Каскет набрел на поселение нефтяных червей. Не столько чтобы согреться, а развлечения ради он бросил в одну дыру-скважину горящую веточку и с удовольствием понаблюдал, как нефтяной червь с визгом вылетел из своего обиталища, свалившись рядом с дырой. Каскет затушил его ногами и, отрезав от него несколько кусков получше, съел их. Мясо червя отвратительно пахло нефтью, но Каскет подавил в себе тошноту: впереди он не знал ни одного поселения, где можно было поесть.

Ближе к ночи он увидел город. Он хорошо помнил этот город, но так и не смог понять, почему не вспомнил про то, что город встретится на его пути. Город Ригемел зданиями из мрачного красного камня сбегал к морю. Когда-то часть его была затоплена водой, и теперь высокие башни торчали недалеко от берега, и на них отдыхали сирены. Звук в воздухе все еще висел – надрывный, тянущийся вой, – но Каскет так к нему привык, что уже не обращал внимания. Вместо этого он поспешил к Ригемелу, пропуская мимо ушей зазывные вопли сирен, показывающих ему свои прелести. Он решил сойти при дворе короля Ригемела за бродячего менестреля. Он знал, что дочь короля отличается божественной красотой и также решил попытать счастья и добиться ее руки.

Но как только он вошел в город, на него набросились два дюжих стражника и, несильно побив, привели его к королю. У Каскета не было времени разглядывать темный зал с колоннами, куда его ввели. С каменного трона к нему нагнулся мрачный бородатый человек с золотой короной на голове и горящими глазами. Каскет знал, что короля зовут Бургкмайр. Кроме того, он знал, что у короля имеются еще и прозвища и что их несколько: Бургкмайра величали Кровавым, Безжалостным, Воителем и Черным. Глянув в его глаза, Каскет решил, что ни одно из этих прозвищ не лжет.

– Назвался менестрелем? – проговорил король низким басом, от которого у Каскета забурчало в животе. – А как зовут тебя, любезный менестрель?

– Каскет, – сказал Каскет.

– А ну-ка, исполни что-нибудь, называющий себя Каскетом! – крикнул Бургкмайр.

Каскет втянул в себя воздух и начал:

Тристан давно в лесу живет,
И эта жизнь – не сладкий мед.
Его не сыщешь поутру,
Где спать ложился ввечеру:
Он знает – волей короля
Вся ригемальская земля
Ему теперь как вражий стан.
Вкус хлеба позабыл Тристан.

Лицо короля смягчилось.

– Эй, люди! – грянул его голос. – Одеть и накормить этого проходимца. Он настоящий менестрель. Потом приведите сюда. Я ему верю.

С Каскетом сделали, что было приказано. Он вновь предстал перед очами короля.

– Вижу, вижу, – сказал тот. – Ты сыт и доволен. Каскет сказал:

Тристан теперь в дворце живет,
И эта жизнь как сладкий мед.
Давно не прятался в нору,
Глодал железную кору.
Он знает – волей короля
Вся ригемальская земля
Ему теперь и кров и дом.
Сего достиг своим трудом.

– О! Ты поэт, – удивился Бургкмайр. – Тебя мне послал сам Махес, бог грозы и бури, сын Баст. Какому богу ты поклоняешься?

– Туку, богу стрекоз, – сказал Каскет.

– Не знаю такого, – нахмурился король.

– Это малоизвестный бог, – объяснил Каскет.

– Неважно. Что ты знаешь о драконах, менестрель?

– Лишь то, что они – драконы, – осторожно ответил Каскет.

– Я даю тебе всю ночь – узнать о них побольше. Бог Махес прислал тебя сюда, чтобы помочь городу. Коварный и кровожадный дракон по имени Нибур поселился в окрестностях нашего города. Сегодня утром он похитил мою дочь Ситу прямо из дворца, когда она гуляла по берегу моря со своей служанкой.

– А что он сделал со служанкой? – спросил любопытный Каскет. – Обычно драконы пугают служанок так, что они впадают в полубессознательное состояние, или навевают колдовские сны, или...

– Он ее попросту сожрал, – отрезал Бургкмайр. – Так вот, никто не осмеливается идти на бой с Нибуром. Ты человек с хорошо подвешенным языком, ловкий и, судя по всему, смелый. На заре ты пойдешь и сразишься с драконом.

– Хорошо, – согласился Каскет без промедления. – Но, великий король, я не отдыхал три дня. Чтобы увидеть чудеса города, о которых я слышал далеко за пределами твоей земли, я спешил, сбивая ноги в кровь и мечтая увидеть поскорее великие башни Ригемела. Словно вихрь обгоняя толпы паломников, спешащих сюда, я бежал, и свист раздавался мне во след. Я не хотел отдыхать, о нет, я словно ветер, словно буря, да какое там, словно северный ураган, несся сюда, дабы взглянуть хоть бы одним глазом на ригемельские достопримечательности. Смилуйся, король, и дай мне отдохнуть немного.

И король смиловался. Утром Каскета разбудили пинками, сняли с него тяжелые цепи и выпустили из сырой и непроветренной темницы, где он провел всю ночь. Его снабдили большим, неудобным мечом, ибо свой он потерял где-то в пути, и гнали до самых ворот города, безжалостно стуча по спине толстыми неструганными палками из сырого дерева.

Так Каскет снова оказался на берегу моря. Ему указали направление, любезно пнув пониже спины, и он отправился в путь. Проходя берегом, он увидел братьев Симона и Андрея, которые тянули сети из воды, ибо были рыболовы. Он позвал их с собой, и они пошли. Симон был косоглазый урод с лицом, побитым крупными рябинами, а Андрей, его брат, разнился с ним лишь тем, что рябины на его лице были немного поменьше. По пути произошел такой диалог.

– Итак, храбрые рыцари, – хлопнул Каскет бравых рыба-рей по твердым плечам. – Знайте, что мы идем на дракона, причем главная роль в этом деле принадлежит не мне, а вам, выходцам из народной среды, витязям, так сказать, кому со-

бой судьбой предначертано повергнуть адское чудище и уничтожить его.

Пламенная эта речь лишь в малой степени встретила отклик, ибо была понята только наполовину.

– Поверг... – прогукал Симон, усиленно пытаясь шевельнуть той малой толикою извилин, которая имелась в его черепной коробке. – Стало быть... да нешто...

На этой риторической ноте его мозговая деятельность закончилась. Андрей был посообразительней.

– Это кто ж пойдет-то на дракона? – спросил он. – Мы, што ли?

– Вы, легендарные святогоры, – радостно закричал Каскет, налетая на них и не давая обдумать его слова. – Ну и я тоже. Великий король Бургкмайр, ну вы знаете, призвал меня к себе – а надо вам сказать, что я великий истребитель драконов по имени Палтус – так вот, он призвал меня и сказал – доверительно так, вполголоса, – говорит – иди-де, верный Палтус, и найди двух храбрейших в моей стране рыболовов. Одного зовут Андрей, а другого – Петр.

– Симон, – прогудел Симон.

– Да, да, Симон, ну конечно, он так и сказал – иди, говорит, и найди мне двух храбрейших в моей стране рыболовов – Андрея и... м-м... Симона. Пусти их на дракона, и ты увидишь, как затрясется мерзкая бестия, узрев их, как поперхнется своим огнем и как сразу выдаст им мою драгоценную и, можно сказать, любимую дочь.

– Дочь, – повторили легендарные витязи, выходцы из народа и истребители драконов.

– Да, – кричал Каскет. Он совершенно вошел в раж. – Больше того, король сказал мне – я не знаю, они настолько храбры, что им не нужны ни мечи, ни копья, своим устрашающим, диким нравом они покончат с тварью, терроризирующей наши земли, расправятся с ней и вернуться в ликующий город, где их встретят прекрасные девы с розовыми венками, а может быть, даже дубовыми, хотя я лично думаю, что эти венки будут лавровыми.

Братья восторженно закивали. Перспектива им нравилась.

– Ну так вперед, доблестные воители! – говорил Каскет, потрясая мечом. – Мы идем на дракона!

– Ага! – орали вместе с ним воители. – Идем, стало быть!

С морского берега они вскорости попали в темный и унылый лес, тишину которого нарушал только лишь далекий хо-

хот леших. Лес был угрюмый, но Каскет так взвинтил своих спутников, что вид леса их нисколько не смутил. А чтобы такое настроение не упало, Каскет всю дорогу говорил, пел героические песни и попытался даже станцевать лезгинку с мечом в зубах, но меч не удержался в его зубах, потому что был слишком тяжелый, и Каскету пришлось оставить эту затею.

Наконец на одном дереве они увидели надпись рунами: «Дракон. 3 мили» и стрелку, указывающую куда-то налево.

– Вперед! – выкрикнул Каскет. – Принцесса ждет вас, герои!

Герои с шумом и треском устремились в ту сторону. Каскет вздохнул и побрел следом.

Они прошли еще два указателя, висевших с точностью через одну милю, и оказались в конце перед одиноко стоящей скалой, в которой виднелась дверь. На ней висела табличка: «Дракон. Не беспокоить».

– Во! – заскорузлым, пахнущим рыбой пальцем показал Симон на дверь. – Там он, падлюга! Чую я его!

Каскет бодро осмотрелся, затем приказал братьям встать перед дверью и громко вызывать дракона с промежутком в две минуты. Сам он залег в ближайших кустах. Через две минуты после того, как Симон и Андрей что-то нечленораздельно проорали, дверь приоткрылась, и сквозь нее ударил мощный поток жгучего пламени, который испепелил драконоборцев, превратив их в прах. Тогда Каскет вышел из кустов, спокойно подошел к двери и деликатно постучал.

Через некоторое время послышалось бодрое «иду», за дверью протопали шаги, и дверь открыл низенький лысоватый толстячок. Толстячок гостеприимно улыбался и тщетно пытался скрыть струйки дыма, идущие у него из ноздрей.

– Досточтимый Нибур, дракон? – осведомился Каскет.

– Да, да. – Толстячок заулыбался еще шире.

– Я Каскет, – представился Каскет, – некоторым образом драконоборец. По очень важному делу.

– Очень рад. – Дракон распахнул дверь и пропустил Каскета внутрь. – Живешь, знаете ли, в глуши...

В помещении запах паленого стоял еще сильнее. Единственная комната была очень большой, каменные скамьи были покрыты шкурами сируитов и леших. По углам были свалены в кучу драконовы сокровища, покрытые вековой пылью. В одном углу на грубой подстилке скорчилась дрожащая девушка, облаченная в рваные лохмотья. Рядом с ней сидел

мужчина со связанными за спиной руками. На шипящем огне, горевшем посреди помещения, стоял большой котелок, в котором варились человеческие ноги. Каскет остановился у огня.

– У вас пригорает, – показал он на котелок.

– Ох, ох, – засуетился Нибур, прищелкнул пальцами – пламя немного поутихло. – Решил, знаете ли, приготовить хороший студень.

– Конечно, – сказал Каскет.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – пригласил дракон. Каскет сел на одну из скамей. Нибур уселся напротив.

– Чем могу? – осведомился он.

– Видите ли, – начал Каскет, – благодаря некоторому стечению обстоятельств, которое вряд ли можно назвать благоприятным, я послан исполнить одно поручение или даже приказ. Некий король расположенного здесь неподалеку городишка просит вернуть ему его дочь.

– Ах да, – задумался дракон. – Было у меня недавно...

– Я могу хотя бы увидеть ее? – спросил Каскет, с сомнением поглядывая на котелок с варящимися ногами.

– Да вот она, – махнул рукой Нибур на сжавшуюся в углу девушку.

– Ах, эта! – Каскет тоже посмотрел туда: девушка была очень непривлекательна в своем рубище и вовсе не походила на прежнюю красавицу-принцессу. – А это кто? – Он показал на мужчину.

– Да это так, мой ужин, – бросил дракон. – Не обращайтесь внимания.

– Понятно. Вернемся к нашему делу. Могу ли я – если, конечно, это не покажется вам дерзостью – могу ли я забрать принцессу отсюда?

– Конечно, конечно, – тотчас же согласился дракон.

– Но как же... – пораженно начал Каскет, не надеявшийся на такое скорое согласие и ожидавший, что дракон будет ломаться и заставлять себя упрашивать. – Как же я...

– Я, собственно, уже с ней, так сказать, натешился, – озорно подмигнул Нибур. – А чего еще надо от такой молоденькой девушки? Пропитания у меня хватает, соседи хорошие.

Каскет подмигнул ему в ответ, и они засмеялись. Вскоре они уже сидели за одним столом, пили великолепное вино из погребов дракона и дружески разговаривали. Гостеприимный

дракон предложил было Каскету немного содержимого из своего котелка, но тот вежливо отказался, сославшись на неизбывные человеческие предрассудки.

– Мой отец, – сказал на это Нибур, – умел готовить прекрасный хаш из человеческих ног. Причем чем моложе ножки, тем лучше – когда они хорошо провариваются. Он и меня научил. И, можете себе представить, готовить хаш очень легко, ножки почти не нужно опаливать, и навару с них много. Вот только выбирать надо уметь, ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха!

– Ну как она? – спросил потом Каскет шепотом, нагнувшись к уху Нибура и кивая в сторону Ситы.

– Ничего, ничего, – скорчил равнодушную мину дракон. – Правда, не знает некоторых простейших вещей, но все искупается богатством воображением и живейшим восприятием.

– Ха-ха!

Расстались они совершенно друзьями. Каскет и Сита вышли из пещеры. Нибур сердечно с ними попрощался, причем у девушки это не вызвало никакого отклика, и Каскет повел ее через лес. Осмотрев принцессу внимательнее, он нашел, что в целом материал недурен и даже лохмотья не могут обезобразить отличной фигуры девушки. Выбрав кусты погуще, он увлек ее туда и здесь немного поучил искусству любви. Девушка не сопротивлялась. Вообще-то после драконова флирта с ее рассудком что-то случилось, и Сита была явно не в себе.

Выйдя из леса и доведя девушку до берега моря, Каскет указал ей направление, где, по его мнению, находился Ригемел, а сам пошел в противоположную сторону. Сита безучастно побрела по морскому берегу, но потом вдруг заинтересовалась камешками, отполированными волнами, и, наклонившись, стала собирать их в подол своего платья.

Солнца не было. Спустя некоторое время Каскету встретился некто прозванием Саошьянт, могучий витязь в круглом шлеме верхом на быке. На небо с востока накатывалась тьма – по всем признакам, наступала ночь. Возле глубокого озера с крутыми обрывистыми берегами возвышался храм какого-то бога, имя которого Каскет позабыл. Он предложил Саошьянту переночевать в храме, на что тот согласился.

Храм был большой и неотапливаемый, людей в нем давно не было. Огромные идола пилились на них со стен, а с пола глазели идола поменьше – деревянные антропоморфные статуэтки в разных неприличных позах.

Саошьянт был раздумчивый человек. Он сказал:

– В этом храме нет души. Его боги мертвы. Следовательно, их нет. Когда мир будет валиться в бездну, а святые праведники воспрянут к жизни, этот храм так и будет оставаться – мертвым.

– Ты прав, – сказал Каскет. Он собрал деревянные статуэтки с полу, навалил их в кучу и поджег, потому что было холодно. – Душа храма – в вере. Если же нет человека, нет и веры. А в этом храме отродясь не было людей. Чем ты занимаешься?

– Чиню суд, – ответил тот.

– Неплохое занятие. А что потом?

– Потом воскресают праведники. Сомневаюсь, что в этом месте есть могилы праведников. Долго спорили, как вообще отличить праведного человека от неправедного. И ничего не решили. Вот, смотри!

Он подошел к своему быку и ударом меча отсек ему голову. Потом он не спеша разделал его и начал жарить мясо на костре из статуэток богов. Пока он этим занимался, в храм ворвались двое старцев почтенного вида, с глазами, лучащимися благодатью, и белыми бородами.

– Искупительная жертва быка, – произнес Саошьянт, обращаясь к Каскету, – воскрешает усопших праведников. В этих местах их всего двое. Это уже много. Мир вам, старцы праведные!

– И тебе мир, Саошьянт!

– Мир и тебе, Саошьянт!

Каскет зачерпнул немного крови, текущей из перерезанной шеи быка, и окропил ею старцев. Те вмиг исчезли, уступив место коричневым скелетам на полу.

– Ну зачем ты так? – укоризненно бросил Саошьянт через плечо. – Зачем ты их лишил их праведности?

– Они лгали, – спокойно пояснил Каскет. – Праведного человека не бывает. Человек бывает лишь бредущий – сам не зная куда.

Саошьянт несколько раз кивнул головой.

– Давай есть, – сказал он, и они стали есть поджаренное мясо быка и пить вино из фляжки Саошьянта. Закончив есть, Саошьянт оживил быка и, выйдя из храма, привязал его у входа. Было уже совсем темно. Звук висел в воздухе – плотный, как полог.

Вернувшись, Саошьянт постоял в раздумье.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он. – Ничего. Ты что-нибудь понимаешь, Каскет?

– А ничего и не надо понимать, – отозвался Каскет, грызущий большую кость. – Зачем понимать? Вот представь: кто-то все понимает. Ты его спросишь: слушай, а это как? Он тебе: так и так. Ты – ему: а вот – это? Он – снова: так и так-де. Все понимает. Все. Скучно это. Противно. Лучше – ничего не понимать. Жить.

– Ты хорошо объясняешь, – кивнул Саошьянт. – Разумно. Объясни тогда: я – Саошьянт. Вот мой меч, им я должен истреплять носителей зла. Вон бык, его жертва воскрешает праведников. Где же суд? Суд – я? Объясни мне это, Каскет!

Каскет отложил кость в сторону и задумался.

– Нет, – сказал он наконец. – Ты – не суд, Саошьянт. Суд – это какое-то место, престол, херувимы, огненная река... Нет, ты не суд, Саошьянт.

– Я так и думал, – удовлетворенно ответил тот. – Сомнения одолели. Вопросы стали возникать. Так, значит, я не судия, Каскет?

– Не-а, – отозвался Каскет, грызя кость. Саошьянт снял с себя меч и отбросил его в сторону.

Пускай другие судят.

– Носители зла! – фыркнул вдруг Каскет. – Ну ты и придумаешь! Да где ты найдешь, таких рафинированных!

– Вот и я думаю. Потом спали.

Утром, когда Каскет пробудился, он не нашел Саошьянта возле себя. В стороне валялся его меч и шлем. Возле входа лежал его бык с перерезанным горлом. Самого Саошьянта не было.

Каскет пожал плечами и вышел из храма.

ГЛАВА 8

Каскет шел весь день. Он очень проголодался, но ему повезло: в одной деревне, где все люди сплошь были слепыми, он украл двух куриц и каравай хлеба. Будь у него времени побольше, он остался бы здесь и пожил немного, ибо любил людей беспомощных. Но звук в воздухе нарастал, и Каскет пошел прочь, по длинной ровной дороге, ведущей за горизонт.

Только что тянулась перед ним равнина, бурая, в некоторых местах покрытая островками бурьяна, и вдруг прямо на дороге возник сказочный дворец. Весь белый, изящный, с ба-

шенками, легкими аркадами, парадными порталами и широкими витражами окон, с бесчисленными переходами и галереями, дворец казался настолько чуждым этой местности, настолько явственно была видна какая-то печаль, разлитая по каждой его черточке, что дворец рисовался странным и необычным сном.

Каскет протер глаза. Но дворец не пропадал. Напротив, он возвышался перед ним, красуясь во всем своем блеске, и Каскету захотелось войти внутрь, посмотреть, что за великолепный властитель построил это чудо посреди безжизненной равнины, вдали от центров цивилизации и в непосредственной близости к варварскому быту деревень.

Он долго блуждал по таинственному чертогу, но ни разу обитатели его не попадались ему на глаза. Только не было здесь того стонущего плача, который был снаружи, неумолчным воем надрывающим уши. Но здесь была какая-то тоска, безысходность, ощущение безвозвратного падения и отсутствия всякой надежды, которое чувствовалось в каждом новом переходе, открывающемся его глазам, в каждой колышущейся пурпурной портьере, в каждом бледном бюсте, которому не хватало только венчающего его силуэта Ворона.

Неожиданно Каскет вышел в большой зал. Казалось, здесь были только занавеси, белые как снег, занавеси легкие, развевающиеся на ветру, занавеси прозрачные, и Каскету поначалу показалось, что занавеси заменяют стены этому залу. Но, кроме занавесей, было и нечто примечательней. В зале находилась женщина, и когда Каскет увидел ее лицо, лишь оно запечатлелось в его памяти. Это было странное лицо. И вроде бы не было ничего в нем необычного, в этом лице, – тонкое бледное лицо, – но сквозь него виделось другое лицо, которое невозможно было описать словами, лицо милосердное, но печальное, доброе, но слишком грустное, чтобы быть по-настоящему добрым. Глаза светились понимающей любовью, но любовью не конкретной и не земной, а какой-то совершенно другой любовью, которую не понять и не принять. И Каскет понял, что перед ним София, Премудрость Божия.

– Встань передо мной, Каскет, – услышал он ее голос, мелодичный, но твердый голос, которому Каскет тотчас же повиновался. – Знаешь, кто я?

– Знаю, – пробормотал он, отводя глаза.

– Я давно вижу тебя. Не наблюдаю и не слежу, ибо в этом нет необходимости. Ты ясно виден мне, и тебе это неприятно.

– Всякому будет неприятно, когда он узнает о таком.

– Тем не менее все люди всегда на виду. Мне поручено строить и устроить этот мир. Можно найти множество недостатков в нем, великую тьму пороков, странные несовместимости бытия. Это легко устранимо, но необъяснимо средствами людей. То, что кажется вам странным, для меня закономерность. Ваша беда в том, что вы все видите исключительно со своих позиций, а они несовершенны.

– Но ты любишь людей, – сказал Каскет.

– Да, я люблю людей. – Голос ее стал еще мелодичнее. – Не то чтобы мне было велено любить людей, хотя и это тоже. Я прониклась к ним особым чувством и не требую жертвы.

– А я не собираюсь приносить жертвы и сам не буду ею, – произнес Каскет.

София испытующе смерила его взглядом.

– Почему-то я знала об этом, – сказала она, – и ожидала этого от тебя. Но ты мне не ясен. Потому-то на дороге тебе и встретился мой дворец.

Каскет кивнул.

– Дорогу осилит бредущий, – сказал он.

– Один бредущий был и до тебя, – сказала она. – Но он принес себя в жертву, дабы даровать спасение.

– Но я не бог, – возразил Каскет. – И не хочу им быть, ибо для этого нужно любить людей. Иногда я думаю, что это есть основной, главный атрибут божества – любовь к людям. Ко всем людям! Вот этого я никогда не пойму.

– Этого и не требуется.

– Ты защищаешь людей, – произнес Каскет. – Во всяком случае, так говорят. Значит, ты их любишь. Вот так запросто появляешься перед каждым бредущим путником...

– Не перед каждым, – прервала она его. – Не каждому дано знать тайны мира. Ты побывал в Игре. Тебе показалось странной и та местность, и игра, и правила ее. Но это – axis mundi. Это мировращение. Может, тебе это показалось несолидным – бегают какие-то, галдят. Это слишком странно, чтобы быть верным. Однако это так.

– Я вовсе не преуменьшаю значение мной увиденного, – заметил Каскет. – Но мне нужно было оттуда выбираться...

– Вот именно, – воскликнула она. – Тебе нужно было оттуда выбираться. И для этого ты нажал невидимую кнопку, обратил необратимые процессы вспять. Теперь даже мне неизвестно, чем все это кончится.

– Зачем знать? – пожал плечами Каскет. – Будет известно в свое время.

– Это время может и не настать, – строго сказала София, откидывая голову.

– Твое дело – защитить людей от того, что может настать, – усмехнулся Каскет.

– А как ты представляешь себе свое дело? – спросила София. – Я не могу позволить тебе ломать и дальше. Это не по законам. Это противоречит всему.

– Раз это есть – значит, этому надлежит быть, – изрек Каскет. – Такова неизблемая формула. А вот уничтожение этого будет действительно противоречить всем правилам.

София в раздумье медленно проплыла к высокому окну, за которым была видна все та же бурая равнина. Потом так же медленно кивнула.

– Вот он, неизбежный дуализм! – засмеялся Каскет. – И никуда от него не деться. Все подчиняется этому космическому цинизму. Ты сама создала мир таким, противопоставив свет и тьму.

– Я была лишь проводником высшей воли, – гневно воскликнула София. – И свет и тьма – еще не все. Есть и сумерки. Люди – сумеречны.

– Не все, – уклонился Каскет.

– Нет, все, – ударила София. – А кто нет – отступление от нормы. Патология. Это не люди.

– Очень хорошо, – поклонился Каскет, уязвленный.

– Верно, я люблю людей, – продолжала София, – со всеми их грехами. Ведь они – люди. И я заступаюсь за них перед ликом Его и перед ликами тех, кто им вредит. Хотя твое лицо не назовешь ликом.

– Харя, – подсказал Каскет. – Рожа, мурло, личина. Она поморщилась.

– Может, и так. Но и это – лики. Они разные. Так просто не определишь твою маску, Каскет. А потому и все равно не отступлюсь от своего, ибо я – защитница. Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. Ты можешь что-нибудь сказать?

– Я не отступлюсь от своего, – вызывающе передразнил ее Каскет. – Иго мое благо и бремя мое легко. Дорогу осилит бредущий.

– Сам выбирай свой путь из дворца, – рекла она.

И Каскет двинулся прямо на стену. Когда до стены оставалось совсем немного, стена исчезла, и перед Каскетом вновь оказалась дорога.

– Ты выбрал, – донесся голос Софии.

Была дорога. По ней шел человек в терновом венце. Каскет остановился.

– *Quo vadis, Domine?* – спросил он, когда человек поравнялся с ним.

И услышал:

– В Рим, чтобы быть снова распяту.

С этими словами человек исчез. Каскет помотал головой, потом рассмеялся.

– Такова твоя участь, – напутствовал он человека. Потом Каскет пошел своей дорогой.

ГЛАВА 9

Постепенно, не сразу, так, чтобы к нему привыкли и не кляли при первом услышании, не бежали узнавать, что это, не останавливались посреди дороги, обратившись в слух, постепенно, – звук нарастал в воздухе. Он не был ни на что похож, этот звук. К нему можно было применить все определения – и шум, и вой, и плач, и вопль, и стон, и скрежет зубов. Каскет тоже не мог разобрать, что это.

Он быстро шагал по дороге. Равнина давно уже сменилась пейзажем покинутых деревень, обвалившихся стен, печных труб, торчавших из пепла быта, воронья, каркающего над развалинами Каскету было безразлично, какое бедствие постигло этот край – мор или глад. Главное, сохранилась дорога, задающая направление. Это было главное.

На перекрестке трех дорог он остановился. Здесь стояли две статуи: ночной охотницы, и Януса, бога, которому ведомо все. Здесь Каскет стоял раздумывая, когда со всех сторон, сверху послышалось хлопанье крыльев, адское завывание, хохот, свист бичей, и перед Каскетом закрутилась, завилась, заигикала Дикая охота. Каскет разглядел сонм страшных призраков и злых духов, мечущихся в скачущей пляске. Он стоял на месте – перекресток был особенно опасен для встречи с Дикой охотой, и потому бежать было некуда. В это время перед ним возник длинный сухопарый человек в черном костюме для верховой езды, черной широкополой шляпе и с до-

потопным мушкетом в руке. Его узкое безгубое лицо было мрачно. Они взглянули друг другу в глаза.

– Вот и ты, – наконец произнес человек.

– Вот и ты! – заголосило, завыло вокруг. – Вот и ты! Давно мы ищем тебя, Каскет. Давно, давно, давно, давно мы ищем тебя, Каскет!

– Что я вам? – спросил Каскет.

Черный человек улыбнулся – оскалились его желтые клыки.

– Мы зовем тебя – присоединяйся к нам. Ты достоин нас.

– О, как ты достоин нас, – выли голоса. – Как достоин, как достоин ты нас, Каскет!

Каскет дождался, пока адский визг прекратится.

– Это ты так считаешь, Черный охотник? – спросил он.

Человек кивнул.

– Да.

– Я подумаю, – сказал Каскет, делая шаг.

Стальная рука тисками ухватила его за плечо, пронзив холодом, и черные глаза уперлись в его глаза. Каскет выдержал взгляд.

– Зачем тебе свой путь? – прошипел Черный охотник. – Идем с нами. Ты достоин нас.

– У меня своя дорога, и я иду ей, – произнес Каскет, еле сдерживаясь.

Рука отпустила его.

– Гей! – грянул голос, и вокруг поднялся гам и стон. Дикая охота сорвалась с места и, ныряя в облаках, среди молний и вспышек, понеслась куда-то – исчезла.

Каскет поднялся с земли, куда его опрокинуло, и принялся отряхиваться. Закончив, он выпрямился, посмотрел в ту сторону, куда исчезла Дикая охота и где еще слышался приглушенный вой.

– Не многовато ли побед на сегодня? – прошептал он задумчиво, продолжая свой путь.

Набатно звенело в тихом воздухе. Начались буковые леса, сменились полями, невозделанными, лежащими впусе, и казалось, никогда не оглашала их веселая песня пахаря. На небе, где раньше было солнце, теперь расплылась белесая клякса, мутно светящая. Горизонт обьяло красноватым заревом – неизвестно, что было там. И такое уныние наводил этот пейзаж, что Каскет в конце концов усталился себе под ноги и начал напевать веселую песенку. На всем пути ему не встретилось

ни одной жилой деревни, ни одного города, в котором кипела бы бурная жизнь. Жизнь была в запустении. Правда, люди ему встречались, но все они, в основном, болели, вели войны, скитались по дорогам и попрошайничали. Каскету нечего было дать им.

В конце концов он вышел на берег широкой реки, которая где-то вдалеке, за крутым изгибом, впадала в море. По реке плыли люди, дома, деревья, некоторые виды диких и домашних животных, трава, небо и туманный отблеск несуществующего солнца. Все это медленно плыло по реке и уносилось в море. Через эту реку не было ни брода, ни моста.

Каскет стоял на берегу. По реке плыл корабль. Он назывался Нагльфар и был сделан из ногтей мертвецов. Корабль был огромен. Как грандиозный, отблескивающий айсберг, он двигался вниз по течению реки, мерно взлетали-опускались весла, скрипели уключины, полоскался парус где-то в недостижимой вышине, и нескончаемый гул и бряцанье неслись с корабля, будто целое воинство плыло на нем к какой-то своей цели.

Каскет посмотрел назад, откуда пришел. Его настигала Дикая охота. Теперь Черный охотник, видимо, не был уже настроен так миролюбиво, как вначале. Визг и улюлюканье неслись прямо в лицо Каскету, и он понял, что нужно спастись. Дикая охота не сможет нагнать его на воде, поэтому Каскет приложил ладони рупором ко рту и закричал:

– Эй, на судне!

Ему пришлось крикнуть еще два раза. Корабль проплывал мимо, мерно взмахивали весла. На носу стоял человек. Он был высок, чернобород и был в черном ниспадающем плаще и коническом рогатом шлеме. Человек повернул к Каскету свое насмешливое лицо и долго изучающе смотрел на него, в то время как корабль продолжал плыть по течению. Каскет начал суетливо бегать по берегу и для пушей наглядности тыкать рукой в приближающуюся Дикую охоту. Человек повернул голову и с минуту изучал Дикую охоту. Наконец отдал какую-то команду. Каскет легко взбежал по опустившимся сходям, и весла снова прорезали тихую мутную воду реки. Дикая охота остановилась на берегу. Клубящийся сонм призраков начал медленно таять болотным туманом, и Каскет видел, что перед тем как исчезнуть, Черный охотник поднял руку, затянутую в черную охотничью перчатку, в торжественном прощальном салюте.

ГЛАВА 10

Берега неспешно плыли мимо. Каскет взошел на мостик и встретился взглядом с человеком, спасшим его. Вдалеке, за открывшейся излучиной, виднелось море, и над ним небо багрянело тревожным пожаром. Каскет и человек в плаще встали напротив друг друга.

– Бог Локи, – сказал Каскет. – Я узнал тебя по кораблю сестры твоей Хель. Благодарю тебя.

Локи наклонил голову в шлеме.

– Назовись! – сказал он.

– Каскет, – сказал Каскет.

– Этот корабль зовется Нагльфар, – произнес Локи. – Мы плывем к Рагнарёк. Тебе известно об этом?

– Да, я знаю, – бросил Каскет. – Но мне не по пути с вами. Ведь я жив, а потому не смогу драться на твоей стороне.

– Иногда я бываю не своекорыстен, – пожал плечами Локи. – Я подобрал тебя из чистого благородства. Твоя благодарность льстит мне.

– Боги Асгарда первым убьют меня, кто был на стороне их злейшего врага, – быстро сказал Каскет. – Они так и не простили тебе смерти Бальдра.

– А по-твоему, из-за чего заварилась вся эта кутерьма? – зло фыркнул Локи. – Из-за этого сопляка, которого все почему-то считают мудрым и благостным. Клянусь громом! Я ни-сколько не жалею, что подсунул этому слепому дурню Хёду ту стрелу из омела.

– Они отомстили, – тихо произнес Каскет.

– Да, жестоко отомстили, – воскликнул Локи, и лицо его затвердело. – Они убили одного моего сына, а другого превратили в волка. Они окропляли мое лицо ядом змеи. О, они жестоко поплатятся за это!

– Я надеюсь.

Локи медленно повернул к нему лицо.

– Ты надеешься? Да ты будешь грызть землю от страха, когда произойдет Гибель богов. Ты будешь кататься по земле и выть от страха.

– Что сказано в кеннингах? – спросил его Каскет. – Тебя называли «изначально проигрывающим». Почему? Тебе это известно?

– Да, – угрюмо ответил Локи. – Я никогда не узнаю, где находится заповедная роща Ходдмир.

– Верно, – с довольным видом подтвердил Каскет.

– Тебе известно, где это? – Локи внезапно и с силой притянул его к себе. – Где?

– Я не знаю этих мест, – твердо сказал Каскет. – Скажи мне, когда будем у цели, и я попытаюсь показать тебе. Ибо еще не родились Лив и Ливтрасир, и не выпала еще та роса, которой они будут питаться.

Локи нехотя отпустил его. Потом вытащил откуда-то длинные клейкие красные нити.

– Эти кишки моего сына Нары, – глухо молвил он. – Они связали меня ими, думая, что мне не вырваться. Клянусь кольцами другого моего сына, Ёрмунганда, я свяжу этой вервью Одина и сброшу его в мировую бездну Гинунгагап!

Потом прислушался.

– Слышишь?

В воздухе нарастал звук. Локи повернул лицо с горящими глазами к Каскету.

– Это рог Хеймдалля, – сказал он. – Уже вырвались на свободу дети мои Фенрир, Ёрмунганд и Хель. Кренился и дрожит мировой ясень Иггдрасиль, и Фимбулветер наступает на землю.

– Ты боишься? – спросил Каскет.

– Боюсь? – расхохотался Локи. – Клянусь пастью Фенрира! Скоро мы будем в море. А потом я выпущу из этих трюмов тьму душ, когда-то обреченных на страшную муку, и они обрушатся на эйнхериев Одина.

Корабль выходил из устья реки. Впереди ярилось море. Свинцовые волны и свинцовое небо слились в одну бушующую стихию, и стало студено. Каскет задрожал.

– Дрожишь? – крикнул Локи. – И Один дрожит так же, чужая свой конец.

Вокруг сталкивались друг с другом громадные валы, но Нагльфар шел, прорезая их и даже не качаясь. Каскет плотнее завернулся в свой плащ и так же как и Локи, зорче вглядывался вперед. От рева воды и ветра мурашки бежали у него по телу.

Корабль шел быстро. Зарево впереди стало разгораться, звук в воздухе был – точно зов рога, ибо страж богов Хеймдалль уже разбудил дружину асов, и она готовилась к конечной битве, Каскету стало странно-весело, и он засмеялся.

Начали попадаться айсберги. Корабль входил в зону вечных льдов. Резко похолодало, и плащ уже не спасал Каскета

от порывов ледяного ветра. Волосы его, брови и ресницы обледенели, и весь он дрожал. Локи стоял рядом с ним, но ему все было нипочем: он весь ушел в мстительно-радостное предвкушение грядущего сражения. Он что-то бормотал себе под нос и сжимал рукоять своего меча.

Зарево, достигнув блистающего предела, превратилось в неяркое сияние. Звук в воздухе пропал. Теперь корабль окружала тишина, и слышен был только шелест мелкого битого льда под днищем корабля да стук об борт осколков покрупнее. Впереди расстилалась белая заснеженная страна с чернеющими резко верхушками скал и свинцовым низким небом. Асгард, страна богов, была перед ними.

Корабль остановился.

– Ну, теперь ты мне скажешь, где находится священная роща? – спросил внезапно Локи, оборачиваясь к Каскету.

Каскет чуть поколебался. Потом сказал.

– Недалеко, – удовлетворенно произнес Локи. — Эй, у руля, курс – вперед!

Продрогший, голодный и донельзя усталый, брел Каскет по снежной стране. Не разбирая пути, спотыкаясь, падая, скользя по обледенелым склонам, он шел вперед. Позади себя он слышал неясные звуки начавшейся битвы, звон и стук титанических мечей, лай и грызню, знаменующую схватку Одина с Фенриром, зловещее шипение Ёрмунганда. Каскет, не оглядываясь, брел прочь, а за горами вставало ослепительное сияние: то шел Сурт с мечом, словно молния.

Потом все кончилось. Местность начала вдруг резко меняться: сначала исчезали льды, потом постепенно сошел на нет снег. Пропали скалы, деревья, чахлая трава, выбивающаяся из-под снега, камни, почва, вода родников, сочащихся с гор. Под ногами стелилась ровным слоем плотная бурая земля, которая отзывалась на каждый шаг громким четким стуком. Каскет стоял на этой земле. Он оглянулся. Сзади безбрежно расстились заснеженные поля льда, черные островерхие горы, надо всем этим мертво темнело небо. Он посмотрел вперед. Еще несколько десятков шагов, и бурая земля круто обрывалась в никуда. За этим провалом уже ничего не было, лишь сероватый туман изменчиво плыл, создавая фантазмагорические, насмешливые образы. Каскет подошел поближе. Он стоял на краю земли. Перед ним лежала коричневая бездна без начала и конца, курящаяся серыми волокнами тумана. Оттуда налетел на него свирепый холодный ветер. Вни-

зу ничего невозможно было различить. Бездна гасила и мысли, и желания. Она была все.

Каскет находился у концов земли. Он еще раз оглянулся. Локи наверняка уже идет к незабвенной роще Ходдмимир, не он, так кто-нибудь другой, им посланный, и когда он достигнет рощи, тогда погибнут Лив и Ливтрасир. Тоща все погибнет.

Каскет, удовлетворенный, стоял и стоял у края погибающей земли. Он думал, что скажет на прощанье что-нибудь эдакое, что-нибудь геройское вроде «ну и идите вы все в ад!» или «Милый Рагнарёк!» или даже: «Боги и люди, все вы одинаковы!» Каскет удивился сам себе, потому что ничего такого не сказал.

Вместо этого он разбежался и прыгнул в открывшуюся под ним головокружительную бездну.

Журнал "Приключения, фантастика":

комплекты 91,92,93,94,95 гг. – по 40 тыс. руб.

Библ. прикл. и фантастики "Метагалактика":

комплекты 93,94,95 гг. – по 40 тыс. руб.

Библиотека мистики и ужаса "Галактика":

комплекты 93,94,95 гг. – по 30 тыс. руб.

Книги из серии "Приключения, фантастика":

Прокол. Бродяга. Бойня. Сатанинское зелье.

Измена. Западня. Чудовище – по 10 тыс. руб.

Классификатор инопланетных пришельцев,

Прорицания в 2-х книгах – по 10 тыс. руб.

Мордоворот. Повесть о рекетирах.

Одержимые дьяволом. Ужасы. Красный

карлик. Ужасы – по 8 тыс. руб.

Дорогами Богов. Подлинная история

Русского Народа. – 15 тыс.руб.

Для получения книг надо выслать почтовый перевод по адресу: 111123, Москва, а/я 40, Петухову Ю.Д.
или
направить по тому же адресу заказ (письмо, открытку)
для высылки нужных книг наложенным платежом

Лучший подарок!

Книги – почтой

Увлекательная остроумная фантастика!

Ю.Петухов. Собрание сочинений в 8 тт.

Иллюстрированное издание, черный твердый переплет с бело – золотым тиснением, тома по 700 стр., блок сшитый, суперобложки. Состав: Романы **Ангел Возмездия, Бунт Вурдалаков, Погружение во Мрак, Вторжение из Ада, Карающий Меч, Бойня. XXII век, Сатанинское Зелье, Измена, Записки Воскресшего, Изверги** и др.

Стоимость собрания сочинений – 140 тыс. руб.

Почтовые переводы высылать по адресу:

111123, Москва, а/я 40, Петухову Ю.Д.

qп ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

В номере:

Юрий Петухов
"Меч Вседержителя"
Фантастический роман

